

**АКТУАЛЬНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ
РУСИСТИКИ**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 85-летию
томской диалектологической школы
и 125-летию Томского государственного университета
(Томск, 21–23 октября 2003 г.)*

*Выпуск 2
Часть 2*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2003

УДК 801.3
ББК Ш 141. 12-4
А 43

Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции (Томск, 21–23 октября 2003 г.) / Отв. редактор Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. Ч. 2. – 372 с.

ISBN 5 – 7511 – 1773 – 5

В сборник вошли материалы докладов Международной научной конференции. В центре обсуждения находятся проблемы общей и диалектной лексикологии, лексикографии, мотивологии, словообразования, коммуникативной и когнитивной лингвистики, народной речевой культуры, языка личности.

Для всех, кто изучает и преподаёт русский язык.

УДК 801.3
ББК Ш 141. 12-4

Редакционная коллегия:

**Т.Б. Банкова, Е.В. Бельская, О.И. Блинова,
Л.Г. Гынгазова, Л.А. Захарова,
Т.А. Демешкина (отв. редактор), Е.В. Иванцова,
Г.В. Калиткина, Н.Г. Нестерова, Г.Н. Старикова,
С.В. Сыпченко, З.И. Резанова**

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Совета по грантам Президента РФ и государственной поддержке ведущих научных школ (НШ 1736. 2003. 6) и Российского гуманитарного научного фонда (грант №03-04-00427 а/Т)

ISBN 5 – 7511 – 1773 – 5 © Томский государственный университет, 2003

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО ТОМСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Н.А. Лукьянова
(Новосибирск)

Кафедра русского языка Томского государственного университета последовательно и систематически осуществляет комплексное изучение русских говоров Среднего Приобья. За прошедшие восемь десятилетий сформировалась томская диалектологическая школа – одно из ведущих направлений не только сибирской, но и российской диалектологии в целом.

Томским диалектологам принадлежит приоритет и огромная заслуга, во-первых, в систематическом изучении и описании русских старожильческих говоров одного из диалектных ареалов Сибири – среднеобского; во-вторых, в разработке теоретических проблем, относящихся к различным разделам русистики (лексикологии, лексикографии, грамматики, фонетики, истории языка и т. п.) и выходящих за рамки описательной и исторической диалектологии в область культурологии, социолингвистики, психолингвистики и др.; в-третьих, в разработке и создании серии диалектных словарей; в-четвертых, в подготовке высококвалифицированных кадров диалектологов, работающих в различных городах Сибири и Дальнего Востока; в-пятых, в деятельности, связанной с научной квалификацией тех лингвистов, которые защищали кандидатские и докторские диссертации в диссертационном совете по филологии в Томском университете.

Коллективная монография «Русские говоры Среднего Приобья» является единственным в российской диалектологии научным трудом, в котором обобщаются результаты исследования всех уровней структуры современных говоров одного диалектного ареала и дается описание истории этих говоров. Монографии предшествовала серия сборников научных трудов, в которых апробировались выводы, сделанные авторами в процессе изучения фактического материала. Монография написана на высоком научном уровне, соответствующем требованиям современной науки.

Для томской лингвистической школы характерны широта исследовательской проблематики, многоаспектность и глубина разработки различных проблем. Рамки научных исследований не ограничиваются проблемами диалектологии. В ее недрах сформировались и успешно развиваются в Томске и за его пределами такие относительно самостоятель-

ные направления, как сибирская историческая лексикология и лексикография (В. В. Палагина, Л. А. Захарова и их ученики), лексическая мотивология (О. И. Блинова и плеяда ее учеников), семантическое словообразование (М. Н. Янценешкая и плеяда ее учеников), функциональное словообразование (З. И. Резанова и ее ученики), когнитивное словообразование (Л. А. Араева и ее ученики, Н. Б. Лебедева), лексическая дериватология (Н. Д. Голев и его ученики), различные проблемы русской лексикологии (Г. А. Раков, Е. А. Юрина, Л. Г. Гынгазова и другие), проблемы синтаксиса (О. И. Гордеева) и многие другие. Опубликована целая серия авторских (индивидуальных) монографий (О. И. Блиновой, М. Н. Янценешкой, Н. Д. Голева, Г. А. Ракова, З. И. Резановой, Т. А. Демешкиной, А. Н. Ростовской, Н.Б. Лебедевой, Е. В. Иванцовой и других), написанных на высоком научном уровне, – значительный вклад томской лингвистической школы в развитие современной отечественной русистики.

Представители томской лингвистической школы работали и работают в других вузах Томска и городах Сибири, где создали свои известные направления: в Томском педуниверситете – Н. С. Болотнова, создавшая и успешно развивающая направление коммуникативной стилистики, С. Э. Мартынова; в Алтайском университете – И. А. Воробьева, создавшая там диалектологическую школу; Н. Д. Голев, создавший направление дериватологии; Л. И. Шелепова, продолжающая традиции исторической лексикологии и лексикографии школы В. В. Палагиной; в Кемеровском госуниверситете – Л. А. Араева, Э.В. Васильева, В. П. Васильев, А. Н. Ростова; в Новокузнецком педагогическом университете – Н. В. Жураковская и т. д. Этот перечень можно продолжать.

Высочайшим и непревзойденным достижением томской диалектологической школы являются диалектные словари, разработанные, созданные и опубликованные в ее недрах. В современной отечественной диалектной лексикографии томская школа – несомненный лидер по общему количеству изданных диалектных словарей, по их общей типологии, по количеству разработанных новых типов словарей, многие из которых не имеют аналогов в отечественной и зарубежной лексикографии, по широте охвата лексики и фразеологии среднеобских говоров, наконец, по общему количеству опубликованных томов. Толковый дифференциальный словарь – Среднеобский, «Полный словарь сибирского говора» (Вершининский – в двух изданиях: четырехтомном и семитомном), исторический словарь, «Сибирская советская энциклопедия» как источник диалектной лексикографии» – источниковедческий словарь, «Мотивационный диалектный словарь», «Словарь просторечий...», «Словарь вторичных заимствований...», «Опыт обратного диа-

лектного словаря», «Словарь образных слов и выражений» (в двух изданиях), «Словарь вариантной лексики...» – это только опубликованные законченные словари, каждый из них, кроме первого, – это словарь нового типа, о каждом можно сказать «впервые разработан», оригинальный, почти все не имеют аналогов. И еще огромное количество словарей, либо частично опубликованных (в монографиях, статьях), либо существующих в качестве приложений к кандидатским диссертациям. Весь этот корпус диалектных словарей – богатейшее достояние не только томской школы, но и отечественной лексикографии. Все словари имеют не только непреходящую лингвистическую ценность широкого спектра, они отражают реалии материальной и духовной культуры данного ареала и в совокупности являются ярчайшим памятником культуры Сибири. Диалектные словари томских диалектологов получили заслуженную известность и признание широкой общественности: филологов, ученых других специальностей, писателей, деятелей культуры, учителей не только в Сибири, но и за ее пределами.

Самым высоким признанием подвижнического труда томских диалектологов было присуждение авторскому коллективу Государственной премии Российской Федерации в 1997 г.

Огромный вклад в развитие сибирской и отечественной лексикографии внесли замечательные исследователи, яркие личности, которых, к сожалению, уже нет с нами: Вера Владимировна Палагина, Маина Николаевна Янценецкая, Ида Александровна Воробьева, Евдокия Михайловна Пантелеева, Геннадий Александрович Раков, Олег Михайлович Соколов. Светлая им память!

В настоящее время томская теоретическая и практическая лексикография находится в полном расцвете своих возможностей. В ней удачно сочетаются лексикографический опыт диалектологов старшего поколения (О. И. Блиновой, Л. А. Захаровой, О. И. Гордеевой, С. В. Сыпченко), среднего и более молодого поколения (З. И. Резановой, Т. А. Демешкиной, Е. В. Иванцовой, Л. Г. Гынгазовой, В. Г. Наумова, Н. Г. Нестеровой, Т. Б. Банковой, Е. А. Юриной, Г. В. Калиткиной и других) и молодой задор, энергия начинающих диалектологов.

По-прежнему отдает лексикографии свои силы, здоровье, свою энергию и свою душу Ольга Иосифовна Блинова. «Словарь-справочник по мотивологии» и словарь антонимов – это ее новые детища. Разрабатывается ряд новых мотивационных словарей, словари обрядовой лексики, словарь образных слов русского литературного языка (Е. А. Юриной) на основе концепции изданного «Словаря образных слов и выражений».

Пусть по-прежнему процветает томская диалектологическая школа!

МОРФЕМНО-ДЕРИВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ИНТУИТИВНОЙ ОРФОГРАФИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

(на материале эксперимента с детьми 6–7 лет)

Е.А. Аввакумова

(Барнаул)

Данные онтолингвистики, науки о детской речи, показывают высокую степень владения морфемно-деривационной деятельностью детьми дошкольного и младшего школьного возраста. Под морфемно-деривационной деятельностью понимается реализация операций морфемного синтеза и морфемного анализа. Примеры детских неологизмов и окказионализмов, а также детская интерпретация семантики слов по словообразовательной модели известны всем, кто общается с маленькими детьми; их можно найти в специальной литературе, посвященной изучению детской речи.

Указанные морфемно-деривационные способности детей можно использовать для формирования интуитивной орфографической деятельности. Исследователи детской речи, не раз отмечавшие наличие чувства языка в детской речи, причину его существования видят в практических умениях языка: “необходим достаточный объем речевого материала в соединении со способностью и склонностью к его неосознанному анализу” [1, с. 186].

Морфемно-деривационная деятельность как один из компонентов чувства языка (так как все морфемно-деривационные операции выполняются на бессознательном уровне) является “практическим умением языка”, способным повлиять на интуитивную орфографию.

Вопрос о влиянии морфемного уровня на усвоение орфографии является достаточно разработанным. Существует давняя традиция главным принципом русской орфографии считать морфематический принцип, сущность которого заключается в единообразном написании морфем. В настоящее время в лингвистике наблюдается спор по поводу того, какой же принцип – фонематический или морфематический – является ведущим принципом русской орфографии. В задачи нашей работы не входит доказательство преимущества одного принципа перед другим. На наш взгляд, опора в орфографической деятельности на морфемный уровень более естественна для пишущего. Поэтому мы остановимся только на морфематическом принципе русской орфографии. Для нас важно в этом вопросе сделать акцент на том факте, что морфематический принцип не является следствием сложившейся орфографической системы, а представляет собой ее детерминанту. На это в свое время

указывал Д.Н. Ушаков, называя основной принцип русской орфографии “этимологическим”. Этим названием он подчеркивал способность носителя языка чувствовать родственные, генетические связи слов: “Важно отметить существование в языке и мысли говорящих живой связи между словами, родственными по происхождению или представляющими родственными” [2, с. 56]. То есть ученый указывал на “живую” этимологию, а не на традиционное научное понимание этого термина. В работе утверждается мысль о том, что поиск внутренней формы русской орфографии наиболее естественно вести в морфемно-derivационной деятельности: “Мы пишем и читаем не по буквам и не по слогам, а именно по составным частям слов. Не звуки языка вступают в соотношение с буквами, а составные части слов языка – с зрительными образами этих частей” [2, с. 57].

Таким образом, Д.Н. Ушаков рассматривал русскую орфографию с позиции деятельностного аспекта. Вообще на рубеже XIX и XX вв. лингвисты рассматривали орфографию, как правило, с детерминационных позиций. Такая традиция впоследствии была утрачена. В орфографии преимущественно стали исследоваться проблемы кодификации. Однако в последнее время появляются работы, где мы можем наблюдать детерминационный подход к орфографии. Прежде всего, это работы Б.И. Осипова “История русской орфографии и пунктуации” [3] и Н.Д. Голева “Антиномии русской орфографии” [4]. В частности, цель последней монографии – “постановка и обсуждение вопросов, возникающих при *детерминологическом* рассмотрении орфографической деятельности и орфографической системы русского языка в преимущественном детерминационном направлении от первой до второй” [4].

Мы не отрицаем того факта, что учащимся младшего школьного возраста доступно сознательное изучение грамматики, тем более что данный факт доказан рядом исследований [5–12]. Нас интересует, насколько эффективна другая сторона познания – интуитивная. Поэтому мы в своем исследовании исключаем сознательное усвоение грамматики и изучение орфографических правил.

Так как орфографическая интуиция опирается на морфемно-derivационные практические знания, методика формирования естественной орфографической деятельности должна состоять из двух частей:

1) пропедевтическая, где развиваются морфемно-derivационные умения учащихся;

2) собственно интуитивная, в которой формируется орфографическая интуиция.

В пропедевтической части у первоклассников развиваются уже имеющиеся морфемно-derivационные умения и формируются новые.

Среди сформированных в результате практической речевой деятельности морфемно-derivационных умений выделяются прежде всего операции морфемного анализа и морфемного синтеза. При закреплении данных операций особое внимание нужно уделять морфемному синтезу как более сложному для детей, по сравнению с морфемным анализом.

Особое внимание следует уделять процессу овладения значением аффиксов, особенно абстрактных, так как, по утверждению Д.Н. Богоявленского, “орфографией морфем русского языка овладевают в той мере, в какой овладевают их значением” [13, с. 32].

Собственно интуитивная часть представляет собой написание специальных предложений, составленных по определенному алгоритму. В предложениях должны содержаться только такие морфемы, в которых присутствуют орфограммы: корни с безударной гласной, проверяемой ударением, корни с сомнительной согласной, суффиксы -еньк / -оньк, -ечк / -очк, -оват, -тель, -от, -ость, -еств, -ов, -ен, -ин, -ова; приставки на-, о-, об-, с-, от-, за-, про-, по-, под-. Однако в пропедевтической части, где формируются морфемно-derivационные умения учащихся, не исключается знакомство с другими аффиксами, не вызывающими вопроса в правописании, например, суффиксы -к-, -ист, -ун и т.д. и приставки у-, вы-. Работа с разными морфемами способствует развитию морфемно-derivационной способности в целом и развитию речи.

Умение морфемного анализа можно развивать при помощи упражнений, например:

1) Почему так называются растения / животные / предметы (одуванчик, снегирь, незабудка, подснежник, подсолнечник, шиповник, подбел, резювик и т.д.)?

2) Отгадайте, что это за слова, которые придумали маленькие дети (одетки, стриганок, ползук, копатка, пальчатки, одуван, мазелин, колодок, улиционер и т.д.)?

Развитие умения морфемного синтеза развивается путем выполнения задания: “Придумать слова”. Детям предлагаются вопросы:

– Как назвать грибы, которые растут под елкой?

– Как назвать детеныша снегиря?

– Как назвать сок из киви?

– Как назвать мясо кролика?

– Как назвать одним словом, что ты наелся много каши?

Итак, основой алгоритма формирования орфографической интуиции должен стать практический языковой опыт морфемно-derivационной деятельности. Теоретическую разработку такого алгоритма находим в работах П.О. Афанасьева и Н.Д. Голева, где содержатся идеи, высказан-

ные независимо друг от друга, относительно путей формирования орфографической интуиции.

Еще в 1936 г. П.О. Афанасьев говорил о том, что ребенок уже в дошкольном возрасте воспринимает слово в словообразующих частях, и советовал давать учащимся в первой половине букваря слова, не расходящиеся с произношением, а во второй половине “надо давать материал таким образом, чтобы у него воспитывалось морфологическое чутье. Прежде чем дать слово “сосна”, нужно дать прочесть слово “сосны”, прочтет он это слово, воспримет букву “о”, и в слове “сосна” эта буква для него не будет неожиданной” [14, с. 4].

Подобные идеи можно найти и в работах В.И. Чернышева и Н.С. Рождественского. Причем В.И. Чернышев указывает на то, что данный алгоритм работает для всех морфем: “... не только в правописании корней, но и в правописании приставок, суффиксов и флексий с огромной пользой для понимания правописания и языка вообще полезно сопоставлять ударяемые формы с неударяемыми... Например, довольно темный в произношении префикс по- в слове *поклон*... становится гораздо яснее, если его найти в словах: *повод, полог, помысл*; неясный суффикс -ость в словах *радость, мудрость* становится определенным при сравнении со словом *злость*...” [15, 16].

Развивая идею о способности каждого слова участвовать в непрерывных деривационно-мотивационных процессах в речи, Н.Д. Голев предлагает использовать эту способность в орфографическом алгоритме: “Например, предложение “Несет меня ЛИСА за дальние ЛЕСА” содержит две орфограммы, алгоритмы проверки которых могут быть естественным образом встроены в процессы порождения текста: “Несет меня ЛИСКА–ЛИСА за дальний ЛЕС, за дремучие ЛЕСА”; чувство ряда, его единства (ЛЕС–ЛЕСА, ЛИСКА–ЛИСА) в ситуации естественного текстопорождения как бы *самопроизвольно* решает орфограмму” [4, с. 112].

Таким образом, алгоритм формирования орфографической интуиции противопоставлен традиционному. Согласно последнему движение должно идти от слов с морфемой в слабой позиции к слову с морфемой в сильной позиции (СлП – СП). Этот алгоритм предполагает прерывание спонтанной письменной деятельности в “ошибкоопасном месте” для рационального “решения” орфограммы с опорой на теоретические знания, лежащие в основании правил. В результате существующего алгоритма появилось понятие “орфографическая зоркость”, под которым понимается умение видеть орфограмму. Алгоритм формирования орфографической интуиции предполагает движение от слова с морфемой в сильной позиции к слову с морфемой в слабой позиции. Первое слово

является по отношению ко второму помощником (СП – СлП). Данный алгоритм не предусматривает целесообразности формирования орфографической зоркости. Результатом его, предполагается, должна стать выработка интуитивной самопроверки, в основании которой лежит морфемный канал языковой способности человека.

Данный алгоритм является универсальным для всех морфем. В начале предложения может находиться не только корневая морфема в сильной позиции, но и аффиксальная: “В торговом центре папа купил ковровую дорожку, дубовый стол и меховую шапку”; “Мы сегодня сделали много дел: прорубь прорубили, прорезь прорезали, провод провели”; “Ура! У нас отдых! Отдыхать будем!” Графический облик морфем в сильной позиции, по нашему предположению, формирует способность автоматически сохранять тождество написания морфем.

Предложения должны строиться по принципу увеличения расстояния между словом с морфемой в сильной позиции и словом с морфемой в слабой позиции. Если вначале эти слова должны находиться рядом (лиса–лиса, змейка–змея), то со временем их должно разделять все большее количество слов. Схематично это можно изобразить следующим образом:

[СП — СлП].

[СП — СлП].

[СП — — СлП].

[СП — — — СлП].

Знак “—” обозначает слово. Данное построение предложений воспитывает орфографическую интуицию учащихся, учитывая разную степень сложности восприятия одноморфемных слов.

В создании специальных предложений, построенных по указанному алгоритму, большую помощь может оказать “Орфографо-морфемный словарь”, идею которого предложил Н.Д. Голев. Данный словарь существует пока только в проекте. Его следует отличать от “Морфемно-орфографического словаря” А.Н. Тихонова [17], который по своей сути представляет собой синтез двух словарей: орфографического и морфемного – и не несет в себе никакой другой информации. Словарь А.Н. Тихонова представляет собой список слов, разбитых на морфемы. По данному словарю можно узнать правописание слов и их морфемное членение. Соединение двух типов словарей связано с тем фактом, что “без хорошего знания законов словообразования, состава слова невозможно прочно усвоить правила орфографии, быть грамотным” [17, с. 30]. В “Морфемно-орфографическом словаре” А.Н. Тихонова наблюдается традиционный подход к правописанию слов: словарь ориентирует на проверку, а не на самопроверку. В отличие от него проектируемый

“Орфографо-морфемный словарь” должен служить тем источником, в котором учитель смог бы черпать необходимый материал для уроков по формированию чутья морфемы, и это непроизвольно активизировало бы чувство тождества морфемы, детерминировало бы непроизвольное грамматическое письмо в режиме спонтанной “самопроверки”, без включения элементов “сомнения” для их рационального разрешения.

Таким образом, основные принципы экспериментального исследования формирования орфографической интуиции следующие:

1. Формирование орфографической интуиции должно осуществляться в аудитории, не знакомой с орфографическими правилами, то есть в первом классе общеобразовательной школы.

2. Формирование орфографической интуиции распространяется только на слова, правописание которых подчиняется морфемному принципу русской орфографии, так как основной детерминантой орфографической интуиции является морфемно-derivационный уровень.

3. Формированию собственно интуитивного написания слов должна предшествовать пропедевтическая часть для развития уже имеющихся морфемно-derivационных умений и формирования новых.

4. Собственно интуитивная часть заключается в написании предложений, в которых одноморфемные слова строятся по алгоритму СП – СлП.

5. В пропедевтической части не используется лингвистическая терминология, а при написании предложений не дается никаких установок для правильного написания слов. Это связано с тем, чтобы проверить именно интуитивное формирование правильного письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цейтлин С.Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000. 240 с.
2. Ушаков Д.Н. Русское правописание: Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформировании. М., 1917.
3. Осипов Б.И. История русской орфографии и пунктуации. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. 253 с.
4. Голев Н.Д. Антиномии русской орфографии. Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. 147 с.
5. Жуйков С.Ф. Психология усвоения грамматики в начальных классах. М.: Педагогика, 1964. 300 с.
6. Богоявленский Д.Н. Психология усвоения орфографии. М.: Просвещение, 1966. 308 с.
7. Айдарова Л.И. Психологические проблемы обучения младших школьников русскому языку. М.: Педагогика, 1978. 144 с.
8. Зах А.З. Развитие теоретического мышления у младших школьников. М.: Новая школа, 1984. 151 с.
9. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения: Опыт теоретического и экспериментального психологического исследования. М.: Педагогика, 1986. 240 с.
10. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

11. *Занков Л.В.* Избранные педагогические труды. М.: Педагогика, 1990. 418 с.
12. *Репкин В.В., Репкина Н.Р.* Развивающее обучение: теория и практика. Томск: Пеленг, 1997. 288 с.
13. *Богоявленский Д.Н.* К психологии усвоения правописания безударных гласных // Известия АПН РСФСР. М.; Л., 1947. Вып.12. С. 5–50.
14. *Афанасьев П.О.* О морфологическом анализе слова как основе развития орфографических навыков // Вопросы орфографии в школе: Материалы научного совещания. М., 1936. С. 3–15.
15. *Чернышев В.И.* Избранные труды: В 2 т. М.: Просвещение, 1970. Т. 2. 718 с.
16. *Рождественский Н.С., Кустарева В.А.* Начальное обучение русскому языку. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 264 с.
17. *Тихонов А.Н.* Морфемно-орфографический словарь. М., 1996. 704 с.

НАИМЕНОВАНИЯ ИГР, ШУТОК И РАЗВЛЕЧЕНИЙ В ШКОЛЬНЫХ ЖАРГОНАХ XIX ВЕКА

(на материале мемуарно-художественных текстов)

О.А. Анищенко

(Кокшетау, Казахстан)

В учебных заведениях дореволюционной России бытовали особые, понятные только посвященным специфические лексемы, отразившие подлинную школьную жизнь во всех ее красках.

Закрытый характер большинства школ, ограниченный круг общения, устоявшиеся порядки – все способствовало созданию своего особого мира, с необычными нравами, традициями, песнями, шутками, преданиями и характерными выражениями.

Жаргонные слова касались прежде всего учебы, отдыха, быта, отношений внутри товарищества. Как отражает воссоздающая школьный период в жизни героев мемуарная и художественная литература прошлых эпох (среди авторов которой – С.Т. Аксаков, К. Паустовский, В.Г. Короленко, А.И. Куприн, Е.В. Грязнов, К.М. Станюкович, Н.Г. Помяловский, И.Г. Кушневский, А.А. Измайлов, А.К. Шеллер-Михайлов, Н. Тиляров-Платонов, И.А. Кушневский и др.), весьма многочисленной была группа слов, обозначающая игры, шутки и развлечения учеников.

Наблюдения над литературными текстами позволили выявить следующие лексические единицы данной тематической группы: ПОСТНЫЕ, ДАТЬ ГРУШУ, НАКРЫТЬ, МАСЛО ЖАТЬ, СКОРОМНЫЕ, ПОКАЗАТЬ МОСКВУ, ПИВО, УСТРАИВАТЬ СЛОНА, ПЕРЫШКИ, ВСЕЛЕНСКАЯ СМАЗЬ, ГЛЯДЕЛКИ, ДАТЬ ФАЦА, СВЯТЦЫ, НАКОРМИТЬ МАСЛЯНКАМИ (ОРЕХАМИ, КОКОСАМИ, ГРУШАМИ), ШИПЧИКИ, СКИЙ НА В, СЪЕСТЬ РЯБЧИКА, ШВЫЧКИ, ЗАКАТИТЬ ГЕЛЕРТЕРА и т.д.

Рассмотрим отдельные выражения, раскрывая их семантику и коннотации, отмечая причины и условия их возникновения, а также стилистически характеризуя их через подбор цитат-иллюстраций.

По свидетельству писателей XIX в., выучеников гимназий, духовных семинарий, кадетских корпусов, училищ, пансионов и т.д., досуг в школах не был организованным. «До внутренней жизни, до того, как мы проводим свободное время, разумеется, никому не было ни малейшего дела», вспоминает, в частности, К.М. Станюкович, бывший воспитанник Петербургского морского кадетского корпуса [1, с. 481].

Неудивительно, что большая часть мальчишеских игр, шуток сводилась к затрещинам, щелчкам, ударам и поколачиваниям, соответст-

венно в рассматриваемой группе жаргонизмов и преобладают выражения, называющие такого рода развлечения.

Представляет интерес, например, жаргонное употребление антонимичных прилагательных СКОРОМНЫЕ и ПОСТНЫЕ, по данным толковых словарей означавших вид пищи (молочной, мясной или не содержащей молока и мяса), запрещенной или разрешенной к употреблению в определенные дни церковными правилами. В семинарском употреблении прилагательные субстантивируются, переосмысляются, наполняются особым значением, выступая в качестве специфически бурсацких слов, причем называющих похожие игры. Возможно, таким образом семинаристы пытались бравировать, иронизируя над церковными предписаниями. У Н.Г. Помяловского, чьи произведения достоверно отразили увиденное им в духовной школе середины XIX в., читаем: «Потом Тавля посмотрел игру в СКОРОМНЫЕ. Васенда наводил: он выставял руку на парте, а Гришкец со всего маху ладонью бьет его по руке...» [2, с. 30]. «– Не садануть ли в ПОСТНЫЕ. Один из них, положив голову на руки, так что не мог видеть окружающих, наводил: спина его была открыта и выпячена вперед. Поднялись над спиной руки и с треском опустили на нее» [2, с. 31].

«Безрадостный» смысл заключали и выражения, отмеченные А.И. Куприным в автобиографической повести «На переломе (Кадеты)»: «Кроме прав имущественных, второклассник пользовался также правами и над «животом» малыша, то есть во всякое время дня и ночи мог сделать ему из лица «ЛИМОН» или «МОПСА», ПОКОРМИТЬ «МАСЛЯНКАМИ» и «ОРЕХАМИ», «ПОКАЗАТЬ МОСКВУ» или КВАРТИРЫ ДОКТОРОВ «АЙ» и «ОЙ», «ЗАГНУТЬ САЛАЗКИ», «ПУСТИТЬ ДЫМ ИЗ ГЛАЗ» и т.д.» [3, с. 434].

Выражение ПОКАЗАТЬ МОСКВУ можно определить как общешкольное в русском языке XIX в., так как подтверждают его употребление в учебных заведениях также бывшие гимназисты и семинаристы. И.А. Кушевский в романе-хронике «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», изображая томскую гимназию 1860-х годов и ее нравы, рисует следующий эпизод: «– ПОКАЖИ ему, Сколков, МОСКВУ! – Видал Москву? – Нет, не видал, – смущенно отвечал я. – Ну, так я тебе покажу. Он зашел сзади меня, схватил за волосы на висках и дернул кверху так сильно, что мне показалось, что кожа отдирается от черепа» [4, с. 57].

Та же жестокость во взаимоотношениях воспитанников между собой и та же языковая завуалированность и в семинарской среде: «– Видал ли ты Москву? – спрашивает он ученика и прикладывает широкие, потные, скверные ладони к ушам подавдиторного, сжимает между ними

голову его и потом, приподняв на воздух, говорит: Теперь видишь ли Москву? Вот она!» [2, с. 247].

Как показывает лексический состав устойчивых сочетаний ПОКАЗАТЬ МОСКВУ, ПОКАЗАТЬ КВАРТИРЫ ДОКТОРОВ «ОЙ» и «АЙ» и сравнение с оборотами, имеющими то же опорное слово (показать, где раки зимуют, показать кузькину мать и т.п.), школьные фразеологизмы возникли по модели общеупотребительных выражений данного типа. Москва выбрана в качестве объекта, вероятно, потому, что это город, в котором мечтает побывать каждый, и чтобы его увидеть, надо долго ехать или очень высоко подняться. Последнее условие и обыгрывается школьниками в действиях. Междометия «ой» и «ай» – крики от причиняемой при этом боли – придают обороту яркую экспрессивность и эмоциональность. В словарях рассматриваемые школяризмы отражения не нашли, что говорит об ограниченной сфере их употребления.

Что же касается отмеченного Куприным выражения ЗАГИБАТЬ САЛАЗКИ, то оно зафиксировано во «Фразеологическом словаре русского языка»: ЗАГИБАТЬ САЛАЗКИ. Простореч. Пригнать лежащему на спине человеку ноги к голове. «Тавля ЗАГИБАЛ своим товарищам САЛАЗКИ, то есть положит ученика на сиденье парты лицом вверх, поднимет его ноги и гнет их к лицу» [5, с. 161]. Характерно то, что пример, иллюстрирующий его употребление, приведен из «Очерков бурсы», и вполне вероятно, что оно возникло в среде учеников, которые были большими выдумщиками такого рода

Среди семинарских забав популярными были и «коллективные бои», одни из которых, по воспоминаниям Н. Гилярова-Платонова, носили замысловатое название – СКИЙ НА В: «Я должен объяснить, что такое СКИЙ НА В. В древние времена классы не отапливались или отапливались плохо. Чтобы согреться, семинаристы устраивали бои, причем на одну сторону становились имеющие фамилию на -СКИЙ – Преображенский, Воскресенский, Знаменский, на другую – Смирновы, Соколовы, Орловы» [6, с. 228].

Своеобразной игрой была и затея устраивать КУЧУ-МАЛУ, «когда кого-нибудь валили на пол, на этого – другого, потом третьего и т.д.» [2, с. 18]. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под ред. А.И. Молоткова данное выражение фиксируется в значении «возглас в детской игре, по которому устраивается общая свалка» [5, с. 219], и иллюстрируется примерами из произведений Помяловского (приведенный выше отрывок) и Куприна. Однако у Куприна читаем: «Произошло что-то невообразимое. Верхние наваливались на нижних, нижние рухнули на пол и делали судорожные движения руками и ногами, чтобы вырваться из этой кутерьмы. Те, кому это удавалось, в свою очередь ка-

рабкались на самый верх «МАЛА-КУЧИ» [3, с. 427]. Из контекста ясно, что возглас в игре стал обозначать в школьных жаргонах и следствие этой игры – некую свалку, кутерьму, кучу.

К названиям коллективных школьных игр относятся и устойчивые обороты, упоминаемые воспитанником Московской классической гимназии Н.И. Тимковским в повести «Сергей Шумов»:

Как невинны их забавы!
То «Стрелочка» запоют,
То, не мудрствуя лукаво,
СТЕНКИ СТРОЯТ, МАСЛО ЖМУТ.
То СЛОНА по классу ВОДЯТ, –
И стою я изумлен:
Из шести ослов выходит
Настоящий целый слон! [7, с. 339]

Ирония автора поэтических слов очевидна: много ума не требуется построить пирамиду (в виде стены) или фигуру, напоминающую слона. Выражения, называющие эти нехитрые забавы (СТЕНКИ СТРОИТЬ, СЛОНА ВОДИТЬ), очевидно, не вышли за пределы породившей их гимназической среды. Что касается фразеологизма МАСЛО ЖАТЬ, то о его популярности в различных учебных заведениях говорят многочисленные литературные фиксации. «Очерки бурсы» подтверждают хождение устойчивого сочетания в семинарском кругу: «Слышно, как толпа пробирается в угол, напирает и давит своею массой попавших к стене... Попавшие к стене еле дышат, селятся выбиться наружу, а выбившись, в свою очередь ЖМУТ МАСЛО» [2, с. 41].

Фиксирует бытование данного фразеологизма в Петербургском училище (в 1840-е годы) роман А.К. Шеллер-Михайлова «Гнилые болота»: «Вдруг раздалась крики: «МАСЛО ЖАТЬ, МАСЛО ЖАТЬ из новичка!» Вся ватага бросилась на скамью, где я сидел, и меня приперли к стене... В минуту появился Розенкамф... Он взял меня за руку и провел сквозь толпу шумевших школьников в коридор. На моих глазах были крупные слезы, в воображении рисовалась страшная картина выжимания из меня масла... «Что было бы со мною, – думалось мне, – если бы из меня выжали масло? Я вдруг сделался бы тоненьким-претоненьким» [8, с. 77].

Свободное сочетание слов превратилось в устойчивое фразеологическое единство в результате возникновения и закрепления в нем переносно-метафорического значения. В основу последнего легло сходство по действию, которое необходимо для приготовления масла (давить, жать), с тем, которое совершают школьники, жестоко прижимая выбранную жертву к стене.

Описанный в романе эпизод зримо передает страх, который наводит загадочное школьное выражение на новичка, воспринимающего все в буквальном смысле.

Таким образом, жаргонизмы помогали авторам мемуаров не только воссоздать правдиво атмосферу грубости, но и реалистически изобразить состояние детей, еще не постигших тайны школьного словотворчества.

Ученик, не успевший познакомиться с новым значением хорошо известных и «безобидных» на первый взгляд слов, всегда мог оказаться в незавидном положении. Так, например, «к вновь поступившему подходили с вопросом: «Хочешь пива?». Ничего не подозревавший новичок отвечал утвердительно и подвергался ударам и насмешкам, так как «ПИВОМ» в бурсе испокон веков называется не напиток, а варварский обычай бурсаков ударять ладонью по кулаку, приставленному к чужой голове. (При этом раздается звук, отдаленно напоминающий звук откупоренной бутылки) [9, с. 15]. Подобным образом «знакомили» новичков с «местными» словами и в других школах XIX в., например, в гимназиях: «Я был новичок. Это было заметно, и на меня посыпались щипки, толчки и удары по ушам. Ударить по уху так, чтобы щелкнуло, точно хлопнушкой, называлось на гимназическом жаргоне «ДАТЬ ФАЦА», и некоторые старшие гимназисты достигали в этом искусстве значительного совершенства» [10, с. 131]. Или в среде кадетов, где ПОПРОБОВАТЬ «МАСЛЯНКИ» значило испытать на себе одно из жестоких изобретений «старичков»: «— А ты, Буланка, пробовал когда-нибудь МАСЛЯНКИ?.. И, не дожидаясь ответа Буланина, Грузов нагнул его голову вниз и очень больно и быстро ударил по ней сначала концом большого пальца, а потом дробно костяшками всех остальных сжатых в кулак. — Вот тебе МАСЛЯНКА, и другая, и третья! ... Ну, что, Буланка, вкусно? Может быть, еще хочешь? Старички радостно гоготали: «Уж этот Грузов! Отчаянный! Здорово новичка МАСЛЯНКАМИ НАКОРМИЛ!» [3, с. 396].

Удары по голове как вид развлечений, вернее, издевательств, по свидетельству мемуаристов, были широко распространены в школах и представляли собой в обозначении учеников не только МАСЛЯНКИ, но и ОРЕХИ, КОКОСЫ, ГРУШИ. К.Г. Паустовский, вспоминая свои гимназические годы (г. Киев, 1902 г.), писал: «Старшеклассники... крепко держали нас, а самым буйным давали так называемые «ГРУШИ». Для этого надо было винтообразно и сильно ковырнуть большим пальцем по темени. Это было очень больно» [11, с. 86].

Переосмысляя наименования известных лакомств, школьники тем самым добивались большего эффекта: вместо ожидаемого угощения —

унижения, страдания, боль. Таким образом, жаргонизмы были своего рода выражением насмешки, иронии, сарказма. Иллюстрацией этому служит и литературный пример из повести А. Куприна «На переломе»: «Хочешь орешков, малыш? – спрашивает ФОРСИЛА... – Держи пошире карман: раз – ОРЕХ!, два – ОРЕХ! Три, четыре...» Форсила методически щелкает малыша в лоб, пока у него на глазах не выступят слезы [3, с. 449].

От подобных забав в душе учеников оставались только горечь и озлобленность.

Безобидными же играми занимались в основном на уроках, прячась от учителя. Например, в Вятском реальном училище, о пребывании в котором вспоминает А. Грин, распространенной была игра под жаргонным названием ПЕРЫШКИ, которое в контексте мемуарного произведения выделяется кавычками и, как непонятое широкому кругу читателей, сопровождается авторским пояснением в скобках: «Если я играл во время урока в «ПЕРЫШКИ» (увлекательная игра, род карамбольного бильярда!), мой партнер отделивался пустяком, а меня, как неисправимого рецидивиста, оставляли без обеда» [12, с. 228].

В духовных училищах популярными были карты, носящие условное название СВЯТЦЫ. Профессор Д.К. Зеленин, изучавший семинарские слова в русском языке, считает, что переосмысление «церковного месящеслова» произошло в стенах бурсы [13, с. 117], на духовное происхождение указывает и Н.Г. Помяловский: «Отчего, например, карты иногда называются СВЯТЦАМИ? Говорят, будто какой-то поп святцы продал, а карты купил – вот и пошли карты называться СВЯТЦАМИ...» [14, с. 337].

Рассмотренные слова и выражения отражают желание учащихся разнообразить свою жизнь, заменяя общеупотребительные, маловыразительные, с их точки зрения, слова более образными, эмоциональными. Школьный жаргон рождается в ответ на потребность дать названия новым действиям, явлениям и понятиям, в ответ на стремление передать в языке принадлежность к своему сообществу и создать небывалые, скрывающие свой смысл от посторонних причудливые выражения.

Возникнув в различной школьной среде, специфические лексемы раскрывают характерную сторону жизни определенных ученических корпораций, выявляя особенности речевого общения, отличия и сходства в обычаях и нравах.

Запечатленные в мемуарно-художественной литературе «школьнические» слова и выражения передают «местный» колорит, создают достоверность изображения, служат средством стилизации и типизации речи героев, средством создания правдивого психологического и соци-

ального портрета школьников. За подобными лексемами, выразительными оборотами, образными выражениями лежит целый мир, историческая эпоха, реальные события далекого прошлого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Станюкович К.М. Маленькие моряки // Морские рассказы. М., 1951.
2. Помяловский Н.Г. Очерки бурсы // Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1904. Т. 2.
3. Кутрин А.И. На переломе (Кадеты) // Полн. собр. соч.: В 6 т. М., 1957. Т. 2.
4. Куцневский И.А. Николай Негорев, или Благополучный россиянин // Собр. соч. Новосибирск, 1959. Т. 3.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1978.
6. Гиляров-Платонов Н. Из пережитого: Автобиографические воспоминания: В 2 ч. М., 1886. Ч. 1.
7. Тимковский Н.И. Сергей Шумов // Русские повести 19 века: В 2 т. М., 1957. Т. 2.
8. Шеллер-Михайлов А.К. Гнилые болота. Беспечальное житье. М., 1984.
9. Измайлов А.А. В бурсе. СПб., 1903.
10. Короленко В.Г. История моего современника: В 4 т. М., 1985. Т. 1.
11. Паустовский К.Г. Далекие годы // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 4.
12. Грин А. Автобиографическая повесть // Собр. соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 6.
13. Зеленин Д.К. Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. Т. 2. Варшава, 1905. № 3–4.
14. Помяловский Н.Г. Брат и сестра // Полн. собр. соч.: В 2 т. М., 1904. Т. 2.

КОНЦЕПТ «РАДОСТЬ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

(обзорно-иллюстративный очерк)

Е.Н. Белая

(Омск)

Задача настоящей статьи – дать более или менее развернутое обзорно-иллюстративное описание концепта «радость» в русской языковой картине мира на словарном и текстовом материале, учитывая и привлекая все наиболее существенное из тех работ по семантике, в которых так или иначе описан языковой смысл эмоции «радость». Данный очерк может быть включен в полное описание эмоциональных концептов русского языка. Его особенность – многоаспектность характеристик из структурных признаков репрезентации концептов. Опорным объединяющим методическим понятием всего очерка является понятие фрейма. Согласно М. Минскому, под фреймом понимается структура знаний о типизированном объекте или стереотипной ситуации [1, с. 32]. Структура знаний представляет собой когнитивную обработку стандартных ситуаций. Основным принципом образования этих структур считается их релевантность для той или иной области представлений человека о мире. Эти знания организуются и репрезентируются в языке с помощью семантических единиц и правил. По мнению Т.А. Ван Дейка, фреймы организованы вокруг некоторого концепта [2, с. 42]. Одни исследователи, в частности Е.С. Кубрякова, И.А. Стернин, А.П. Бабушкин, Н.Н. Болдырев, рассматривают концепт как своего рода ментальное образование, своеобразный фокус знаний о мире, как некую когнитивную структуру, включающую разноуровневые единицы сознания. Другие лингвисты (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова и др.) трактуют концепт как психоментальное явление, стимулирующее порождение слова, в центре внимания при этом оказывается метаязык культуры. Целесообразно, на наш взгляд, рассматривать концепт «радость» с когнитивной и лингвокультурологической точки зрения одновременно.

Итак, концепт «радость» фреймовый по природе, поскольку его семантическая сущность предикатно-пропозитивная, т.е. семантико-синтаксическая. Семантика фрейма «радость» на словарном и текстовом материале структурируется со следующими базовыми компонентами: 1) предикат, 2) субъект, 3) причина. Во фреймовую структуру входят также факультативные компоненты: плюс / минус контроль над эмоцией, оценка, мнение, интенсивность проявления эмоции, временная

ограниченность, внешние проявления, искренность / неискренность субъекта эмоционального состояния.

Рассмотрим эмоциональные предикаты, суть которых, по мнению Н.Д. Арутюновой, «состоит в обозначении и оценке статических свойств и динамических проявлений предметов действительности, их отношений друг к другу» [3, с. 172]. Словарным ядром предикатов «радость» являются глаголы. По мнению Л.М. Васильева, внутреннюю семантическую структуру глагола «радоваться» составляют семы: 1) бытийность, 2) становление, 3) каузативность [4, с. 73].

Согласно Л.Г. Бабенко, сема «бытийность» означает испытывать определенное эмоциональное состояние, быть, находиться в радостном состоянии, особенность эмоции – отсутствие волевой активности, это замкнутое в субъекте состояние [5, с. 52]. Согласно "Словарю синонимов русского языка" под ред. А.П. Евгеньевой, в синонимический ряд с доминантой слова "радоваться" включены слова: "ликовать", "торжествовать", "восторгаться", "восхищаться", "веселиться". Все члены этого синонимического ряда подчиняют слова и группы слов, обозначающие причину эмоции. Согласно "Новому объяснительному словарю синонимов русского языка" под ред. Ю.Д. Апресяна, наибольшей свободой в этом отношении обладает глагол «радоваться», который управляет формой дательного падежа, предложно-именными группами за кого-либо, по поводу чего-либо, придаточными предложениями, вводимыми союзами что, когда, если.

Например: *Я восхищался дворцами дождей, собором святого Марка, домом, где жила Дездемона.* (А.П. Чехов).

Все синонимы сочетаются с названием человека в роли субъекта эмоции, причем для «торжествовать» это единственный допустимый тип субъекта.

Большую часть рассматриваемой лексики составляют глаголы с первичным значением эмоционального состояния радости, которые активно пополняются глаголами с вторичным значением. Согласно Л.Г. Бабенко, сюда входит лексика, развивающая метафорические значения эмоционального состояния радости, например: *свет* (светиться, сиять), *жидкость* (купаться в радости), *ненаправленное движение* (трепетать от восторга).

Семантика становления, по мнению Л.Г. Бабенко, характеризуется изображением состояния в динамике, развитии – «прийти в определенное эмоциональное состояние»: обрадоваться, повеселеть, развеселиться, возликовать, раззадориться, восторжествовать. Л.Г. Бабенко отмечает, что количество метафорически-производных слов достаточно велико, пополняется данный класс слов за счет лексики движения (прийти в

восторг), движения жидкости (вскипать радостью), например: *Он пришел в такой восторг, что не мог сдерживать себя.* (А.П. Чехов).

Глаголы состояния радости содержат, как уже отмечено выше, сему «каузативность». Суть этой семы заключается в том, что радостное состояние в человеке вызывается: "радовать", "веселить", "восхищать", "развеселить". Ее репрезентирует лексика с метафорически-производным значением (заразить восторгом, вызвать, передать радостное состояние). Процесс расширения этого класса слов, как отмечает Л.Г. Бабенко, идет за счет каузации физиологического состояния (пробудить радость, зачаровать). Предикаты каузации связаны с субъектом – лицом. В этом случае субъект выполняет функцию каузатора и занимает позицию подлежащего. Например: *Г-н Слободин обрадовал меня своим приездом ко мне.* (А.П. Чехов).

Глаголы с семантикой «радость» характеризуются конверсными трансформациями. Напомним, что Ю.Д. Апресян определяет конверсивы как пары слов с обращенными ролевыми, или актантными, структурами [6, с. 107]. Например: *Сын радовал отца своими успехами; Отец радовался успехам сына.*

Второй по объему группой предикатной лексики с семантикой «радость» в русском языке являются прилагательные: "радостный", "веселый", "мажорный", "торжественный". Прилагательные с семой "радость" способны передать эмоцию как *состояние* (радостный человек), *проявление* (радостный взгляд), *воздействие* (радостный день). Например: *Никогда не забуду её необыкновенно лучистый и радостный взгляд.* (А.П. Чехов).

Следующей группой предикатной лексики радости являются существительные. "Словарь синонимов русского языка" под ред. А.П. Евгеньевой представляет целый ряд субстантивных номинаций этой эмоции: "радость", "ликование", "торжество", "мажор", "веселье", "восторг". Число номинаций с метафорически-производными значениями у анализируемых существительных незначительное.

Для характеристики семантического диапазона слова «радость» наиболее показателен материал "Словаря эпитетов русского языка". Он позволяет выделить актуальные признаки радости, значимые в сознании и жизни человека. Здесь стоит обратить внимание на эпитеты, характеризующие *длительность радости* (мгновенная радость, бесконечная радость), *искренность* (искренняя радость), *антропоцентрические черты* (веселая, ветреная, гордая, детская, болтливая, забывчивая, злобная радость), которые обозначают положительные или отрицательные стороны человеческого характера.

«Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю.Н. Караулова связывает переживание радости со словами-реакциями: "счастье", "улыбка", "встреча". Наиболее часто радость ассоциируется с успехом и приемом гостей. Её переживание связывается с целым рядом положительных эмоций и иногда с некоторыми отрицательными, например: гнев, отчаяние. Некоторыми респондентами отмечается ассоциация радости с соматической экспликацией – словом *слёзы*.

Следует отметить, что радость как образ в русском сознании ассоциируется с жидкостью и огнем. По мнению В.А. Успенского, «радость иногда тихо разливается в человеке, иногда бурлит, играет, искрится, переполняет человека, переплескивается через край. По-видимому, она легче воздуха...» [7, с. 54].

Уместно отметить диалектную лексику с семантикой "радость". "Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья" дает следующие диалектные слова с семантикой радости: "радываться", "радожный", "радый", "веселящий".

Особый пласт номинаций составляют семантически связанные сочетания слов, которые выступают в роли предикатов. Это фразеологические единицы (далее ФЕ), которые репрезентируют фрагмент языковой картины мира. Во внутренней форме ФЕ хранится информация, являясь образным представлением о мире. "Фразеологический словарь русского языка" под ред. М. Молоткова дает ряд ФЕ с семантикой радости: "быть на седьмом небе" – ФЕ связана с понятием «седьмое небо», исстари бытующим в русском фольклоре как символ полного счастья; быть на верху блаженства; быть вне себя от радости.

Например: *Сам оторваться не от Настасьи Филипповны, он был на седьмом небе.* (Достоевский). Характерной особенностью рассматриваемых нами ФЕ является наличие в них прагматического значения предельной степени интенсивности чувства, при которой субъект теряет контроль и над своим состоянием, и над его проявлением.

Особый интерес представляют паремиологические речевые единицы, поскольку в них, согласно Н.А. Красавскому, эксплицитно отражена специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, особенности распределения человеческого мира [8, с. 299]. Н.А. Красавский делит пословицы и поговорки на группы, связанные с темой "радость": 1) сменяемость эмоции радости другими негативными эмоциями. «*Ни радости вечной, ни печали бесконечной*»; «*Где радость, там и горе; где горе, там и радость*»; 2) радость – раритетная эмоция, ее много не бывает: «*В один день по две радости не живет*»; 3) переживание радости благотворно для здоровья человека: «*Радость прямиет, а кручина кривит*»; 4) соматическое выражение эмоции: «*От*

радости земли под собой не взвидел»; 5) общая положительность радости: «От радости кудри вьются, а в печали секутся»; 6) противопоставление радости негативным эмоциям: «Не видав горя, не узнаешь и радости».

Согласно Н.А. Красавскому, «национально-специфическим можно признать представление русских о радости как редкой гостье» [8, с. 359].

В пословично-поговорочном фонде русского языка обнаружены нами и другие выражения с семантикой радости: «Веселье лучше богатства»; «Веселого нрава не купишь»; «Нет лучше веселья, кому сердечная радость».

В этих пословицах преобладает положительно-оценочное значение: отношение к радости как к высшей нематериальной ценности.

Во "Фразеологическом словаре русских говоров Сибири" под ред. А.И. Федорова есть поговорка с семантикой совета: «Не радуйся – нашел, не плачь – потерял».

В словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья обнаружена поговорка с семантикой угодить: «Рад ноги мыть да воду пить».

Номинации эмоции радости выражают оценку, как правило, положительную. По мнению Е.М. Вольф, «любая оценка всегда предполагает рациональный аспект. Связь эмоционального и рационального в оценке свидетельствует о том, что субъект эмоционального состояния производит когнитивную оценку ситуации, принимая во внимание свой эмоциональный опыт» [9, с. 85].

Характерной особенностью предикатов Э.С. является их способность к интенсификации. Присутствие данного компонента фрейма в словарном и текстовом материале факультативно. Согласно "Новому объяснительному словарю синонимов русского языка" под ред. Ю.Д. Апресяна, радость обозначает менее интенсивную эмоцию, чем ликование и торжество. Но радость может быть более глубокой, поэтому более длительной. Торжество и ликование – быстротекущие эмоции. При высокой степени интенсивности эмоции радости субъект часто совершает неконтролируемые действия, что проявляется внешне:

Например: *Митя захохотал, сел в кресло, будучи не в силах держаться на ногах от счастья.* (А.П. Чехов).

Факультативный компонент фрейма «неконтролируемость» актуализирует компонент «искренность» субъекта эмоционального состояния.

Эмоция «радость» очень часто сопутствует другим эмоциям. В произведениях русских классиков (Достоевский, Тургенев, Чехов) встреча-

ются контексты сочетаний эмоций с радостью: *радость обиды, онемела от радостного изумления, радостный испуг, в скорбной радости, радостная грусть*. Все это говорит о том, что в природе человека заложены сложные эмоциональные проявления.

Следующий элемент фрейма – субъект. Основная собственно семантическая функция субъекта – идентифицировать предмет действительности, о котором идет речь. Любая радость субъективна. Для репрезентации функции субъекта радости более всего приспособлены денотативно ориентированные слова:

1) личные местоимения: *Я очень обрадовался, узнав, что Михаил Роцин написал обо мне заметку.* (А.П. Чехов);

2) имена собственные: *Митя Кулдаров, возбужденный, взъерошенный, влетел весело в квартиру своих родителей и быстро заходил по комнатам.* (А.П. Чехов).

3) имена нарицательные: *Сердце, глядя на тебя, радуется.* (Л.Н. Толстой).

По мнению А.Б. Пеньковского, радость может персонифицироваться, обозначая некую природную силу: радость рождается, шевелится, засыпает, умолкает, затихает и т.д. [11, с. 51]. По Ю.С. Степанову, это литературные метафоры, причем в возвышенном стиле речи [11, с. 305].

Следующий элемент фрейма – причина, которая в большинстве случаев выражена эксплицитно. Например: *От этого прекрасного вечера меня охватывает неопишуемая радость.* (А.П. Чехов). Но радоваться можно без всякой конкретной или видимой причины – от ощущения физического здоровья, полноты жизни: *Без всякой причины в груди ее шевельнулась радость.* (А.П. Чехов). По мнению Ю.С. Степанова, радость (радостный) обозначает как объективное явление, так и субъективное чувство – точнее, концепт явления, которое как бы парит над объектом и субъектом, над причиной и следствием или же выражает «неведомую причину». Поэтому и может быть беспричинная радость.

Итак, каждая элементарная составляющая фрейма «радость» характеризуется своими семантическими особенностями и соответствующими способами языковой репрезентации эмоционального состояния.

Номинации радости в зависимости от их функционального содержания реализуются в компоненты синтаксических структур. Согласно С.Н. Цейтлину [12, с. 97], в русском языке существуют базовые типы моделей с семантикой радости: 1) глагольная модель: *Я радуюсь*; 2) наречно-предикативная модель: *Мне радостно*; 3) адъективная модель: *Он рад*; 4) предложно-падежная модель: *Он в восторге*; 5) причастная модель: *Я обрадован*; 6) метафорическая модель: *Радость охватила меня*.

По С.Н. Цейтлину, названные модели располагают рядом модификаций:

1) грамматические модификации: *Я радуюсь – Я радовался – Я буду радоваться – Я обрадовался бы – Не радуйся! – Радуйся!*

2) структурно-семантические модификации:

а) фазисные реализации, которые представляют собой ее видоизменения, при которых дополнительно выражается значение начала, конца или продолжения состояния: *Он вдруг начал веселиться.* (А.П. Чехов).

б) модальные реализации, которые выражаются специальными языковыми средствами значения возможности, необходимости, долженствования: *Вам должно быть весело.*

3) Модификации расщепления, суть которых в том, что основная лексема – слово, выражающее состояние, – как бы расщепляется на две, в предложение вводятся особые слова вспомогательного характера: *Я радуюсь – Я испытываю радость – У меня радостное настроение.*

4) Особая модификация типа синекдохи, связанная с введением дополнительных синтаксических компонентов, где состояние как бы приписывается не субъектом в целом, а его части. Эти обороты, в которых регулярно используются слова «душа», «сердце», представляют собой нарративные модификации основных моделей:

Я радуюсь – Душа моя радуется, Радость охватила его – Радость охватила его сердце. На душе радостно.

Итак, основное содержание статьи посвящено лексико-семантическому и семантико-синтаксическому способам языковой репрезентации концепта «радость». Многоаспектность позволила прийти к средству фрейма. Фрейм радости структурируется с базовыми и факультативными компонентами. Радость субъективна. Эта эмоция оценивается как положительная. Положительная оценка радости выражена во многих пословицах и поговорках русского языка. Кроме того, «наивными» носителями хорошо понимается невозможность переживания радости в «чистом» виде; она часто проявляется в единстве с другими эмоциями. В русском языковом сознании образ радости ассоциируется с огнем и жидкостью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
3. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М., 2002.
4. Васильев Л.М. Семантика русского глагола. М., 1981.
5. Бабенко Л.Г. Обозначение эмоций в языке и речи. Свердловск, 1986.
6. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.

7. Успенский В.А. О вещных коннотациях абстрактных существительных. Семиотика и информатика. М., 1978. Вып.35.
8. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград, 2001.
9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
10. Пеньковский А.Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка. Логический анализ естественного языка. Культурные концепты. М., 1991.
11. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
12. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния и их синонимика. Синтаксис и стилистика. М.,1976.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СОКРАЩЕНИЙ В РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Е.А. Бирюкова
(Москва)

«Изучение исторических закономерностей развития языка и на этой основе изучение исторических и современных тенденций развития русского языка являются главным условием для создания теоретической базы языковой политики» [2, с. 5].

Задача нашего исследования – выявить особенности функционирования сокращений в текстах революционного периода. В советскую эпоху русский национальный язык в его литературной форме вступил в новую фазу своего существования. Социалистическая революция и создание новой интеллигенции рабочих и крестьян были исключительным по значению внешним фактором, обусловившим многочисленные изменения, появившиеся в разной степени на всех уровнях литературного языка. Слова, рожденные Октябрем, появившиеся на свет в советское время, прямо и непосредственно отражают историю нашего народа после революции.

Сокращения играли роль кода, который издавна применяли в деловых сношениях между собой деловые люди. На основании особых договоров с Министерством связи и телеграфов устанавливались условные сокращенные наименования в адресах и специальные льготные тарифы для постоянных клиентов, которые пользуются кодом. Но код становился и явлением *стиля*. Он знаменовал новые, современные формы организации и работы по западному образцу [1, с. 144].

После Октября сложносокращенные слова и инициальные обозначения стали играть огромную роль в языке. Это было сокращение самых активных слов и названий важных новых институтов, учреждений и новообразований. Естественно, что именно сокращения выдвинулись на первое место в разговорной речи.

И. Эренбург ввел в обиход слово **Ускомчел**.

– Один из русских писателей, И. Эренбург, – писал тогда И.В. Сталин – изобразил в рассказе «Ускомчел» (Усовершенствованный коммунистический человек) тип одержимого этой болезнью (т. е. «революционного» сочинительства и «революционного» плантворчества) «большевика», который задался целью набросать схему идеально-усовершенствованного человека и... «утоп» в этой «работе». В рассказе имеется большое преувеличение, но что он верно охватывает бо-

лезнь – это несомненно. Но никто, кажется, не издевался над такими большими так зло и беспощадно, как Ленин («Вопросы ленинизма»).

Вполне естественно, что архаисты хотели видеть и увидели в этих «ускомчелах» и их новаторстве все то новое, что принесла с собой революция в русский язык. Впрочем, для них это был уже не русский, а новый язык [1, с. 146].

К. Федин («Горький среди нас») рассказал о шутовском обществе «Обезвельволпал», т.е. «обезьянья великая и вольная палата». «Старшим канцеляриусом» этого общества считался А. Ремизов, убежденный архаист и большой мастер всевозможных языковых «кикимор». Общество это никогда и не существовало; но имя его, передразнивающее все новое внутреннее движение языка, по-видимому, очень нравилось в определенном кругу и кого-то утешало.

Поход «нигилистов-архаистов» против сокращений привел в полный восторг их противников – «новаторов». Одно из самых генеральных и принципиальных заявлений этого рода у Н. Огнева, автора знаменитого в свое время «Дневника Кости Рябцева», переполненного всевозможными сокращениями:

– В школе 2-ой ступени, где я преподаю, такие сокращения, как Алмакзай (Александр Максимович Зайцев) и Пепи (Петр Павлович), давно завоевали себе права гражданства. И это вовсе не уродование языка, как думают иные; это – стихийный процесс словотворчества, который куда как важнее наших размышлений. Язык стремится к сокращению, язык американизируется, а это вовсе не плохо, это – рост... [1, с. 148].

Вл. Бонч-Бруевич приводил слова Ленина:

– Газеты читает масса, а не одиночки, которые знают весь новый язык, который создала наша бюрократия (На литературном посту. 1931. № 4).

Литература чаще высмеивала и разоблачала нечистые сокращения, пародировала тех, кто пытался пародировать новую манеру выражения:

Вот мальчик говорит медведю:

– Учиться в школу пришли.

– Какая там школа? Я здесь живу.

– А ты кто, дяденька?

Выворотил глаза медведь, рычит:

– Я лез-нах-рап-пред-вред-ком-вуз-муз-воз...

Все такие слова только медведю и годятся для рычания, и ему надо отдать такие слова [3, с. 150].

«Сокращения разного рода и то, что с ними связано, – это уже большая общественно-политическая тема». У Д. Бедного было стихотворение, которое так и называлось «Кар-р-ра-у-ул!»:

Повсюду развелись у нас языколомы...

*диво истинное в том,
что за такой разверт языкный, который терпит наш читатель
горемычный,
нас не свезли еще в сумдом...*

И подстрочное, строго деловое примечание Д. Бедного: «сумдом» – это сумасшедший дом».

С самого начала сокращения отражали очень неоднородный процесс, в нем сплелись и столкнулись очень различные движения. Уже скоро многие неблагозвучные инициальные обозначения ушли из языка; другие сами собой развернулись в полные словосочетания, и это придало им «после всего» новую и большую полновесность и важность. Во многих случаях сохранились параллельно и полное слово, и его сокращение, и каждое имеет свой вес и свой калибр.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боровой Л.Я.* Путь слова. Очерки о старом и новом в языке русской советской литературы. М.: Советский писатель, 1960.
2. *Ожегов С.И.* О формах существования современного русского национального языка // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 1966. Вып. 7.
3. *Шанский Н.М.* Слова, рожденные Октябрем: Кн. для учащихся. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1987.

ДВУХАКТАНТНАЯ МОДЕЛЬ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ю.Н. Болотина
(Новосибирск)

С точки зрения представителей новосибирской синтаксической школы (М. И. Черемисиной, Т. А. Колосовой и др.), единицей синтаксического уровня языка является элементарное простое предложение, содержащее только такие компоненты, которые строго необходимы для существования предложений данного типа и сохранения ими своего значения. Элементарное простое предложение характеризуется неразрывной связью двух планов: плана содержания (некоторая типовая ситуация, пропозиция) и плана выражения (некоторая обобщенная схема построения данного предложения). Между моделями элементарных простых предложений данного языка устанавливаются системные отношения синонимии, омонимии и т.д. Кроме этого, существует понятие парадигмы элементарного простого предложения, которая включает многообразие структурных и семантических вариантов данной модели.

Типовая ситуация коммуникации и ее отражение в системе моделей простого предложения

Типовая ситуация коммуникации состоит из следующих компонентов:

- 1) говорящего (передающего) информацию;
- 2) слушающего (воспринимающего) информацию;
- 3) передаваемой информации;
- 4) собственно акта передачи (с точки зрения говорящего) / восприятия (с точки зрения слушающего) информации.

Данная типовая ситуация лежит в основе двух пропозиций, соответствующих различным моделям простого предложения (ПП):

1) модель ПП со значением устной передачи информации $N_1^{Ag} V_f^{VOC} N_3^{ADR} N_4^{DEL}$, где N_1^{Ag} имеет значение говорящего, N_3^{ADR} – значение адресата, принимающего информацию, слушающего, N_4^{DEL} – значение передаваемой информации и V_f^{VOC} – глагол со значением вербальной передачи информации: *В это время министр Даугвет (Ag), тяжело потирая костлявые руки и сдвинув седину бровей, тихо сказал (V^{VOC}) двум, быстро вошедшим к нему в ложу, прилично, но незначительно одетым людям (Adr): «Теперь же. Без колебания. Я беру на се-*

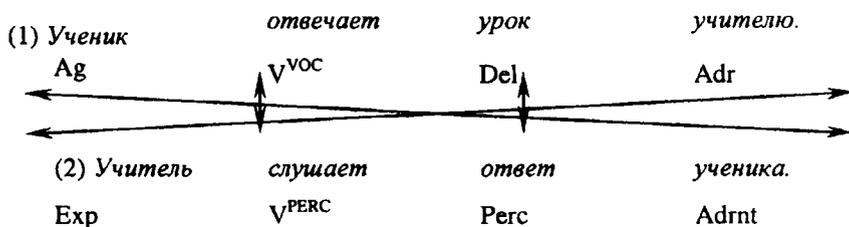
бя. Ночью лично ко мне с докладом, и никому больше ни слова!» (Del).

(Грин А. Блισταющий мир);

2) модель ПП со значением звукового восприятия $N_i^{EXP} V_f^{PERC} N_4^{PERC} prep N_{ADRNT}^{ADRNT}$, где N_i^{EXP} имеет значение воспринимающего, слушающего; N_i^{ADRNT} – значение адресанта, передающего информацию, говорящего, N_4^{PERC} – значение воспринимаемой информации и V_f^{PERC} – глагол со значением звукового восприятия: *Да только не побойтся счастливец (Exp) правду (Perc) от меня (Adrnt) услышать (V^{PERC})?* (Акунин Б. Азазель).

Соответствие одной типовой ситуации двум пропозициям можно объяснить следующим образом. При выражении типовой ситуации коммуникации в языке в виде моделей простого предложения и при последующей реализации модели в речи в виде конкретной фразы участники типовой ситуации выступают как аргументы некоторого предиката с обобщенным значением, как актанты модели, и получают определенный синтаксический статус, закрепленный в актантной рамке данного предиката. Выбор предиката, обозначающего ситуацию коммуникации как ситуацию *передачи* или *восприятия информации*, зависит от взгляда на ситуацию третьего лица, наблюдателя, описывающего эту ситуацию, от того, какое именно значение он стремится передать.

Таким образом, кодирование типовой ситуации говорения / восприятия как модели передачи информации или звукового восприятия зависит от того, как воспринимает ситуацию третье лицо и какой участник ситуации – говорящий или слушающий – по его мнению, более важен. Например, ситуацию с двумя участниками – *учеником* (говорящим субъектом) и *учителем* (воспринимающим субъектом) – можно передать следующими предложениями:

Следует обратить внимание на то, что и в пропозиции устной передачи информации, и в пропозиции звукового восприятия сохраняется исходное количество участников коммуникативной ситуации.

Синтаксический статус, закрепляющийся за участником типовой ситуации в результате кодирования, выражается при помощи падежных

(или предложно-падежных) форм. Для каждого актанта со значением определенной семантической роли в данном языке существует каноническое кодирование, находящее отражение в инвариантах моделей. В русском языке, как правило, наиболее семантически важный актант, независимо от выражаемой им семантической роли, кодируется именительным падежом. Именительный падеж является каноническим кодированием агенса в пропозиции устной передачи информации и экспериенцера в пропозиции звукового восприятия. Таким образом, инварианты данных моделей фиксируют агенса и экспериенцера как самые главные семантические роли. Косвенные падежи указывают на второстепенные по отношению к агенсу и экспериенцеру семантические роли.

В типовой ситуации передачи / восприятия присутствуют два активных субъекта – говорящий или слушающий, и доминирующую роль, кодирующуюся именительным падежом, может занимать один из них. Поскольку в типовой ситуации оба этих участника равноправны, а в модели предложения сохранение такого равноправия невозможно, то неизбежно понижение статуса либо одного, либо другого участника (в зависимости от типовой пропозиции, лежащей в основе модели). Понижением статуса участника типовой ситуации мы будем называть в данном случае уменьшение независимых, активных качеств участника типовой ситуации при осмыслении его как семантической роли в определенной пропозиции. Этот процесс можно назвать понижением семантического статуса, которому обязательно сопутствует и понижение синтаксического статуса [1].

Вышеназванный принцип синтаксического кодирования семантических ролей действует как на уровне модели и ее вариантов, так и на уровне типовой ситуации и отражающих ее моделей. На примере двух моделей – устной передачи информации и звукового восприятия – можно наблюдать процесс понижения или повышения семантического и синтаксического статусов одного и того же участника типовой ситуации. Если данный участник ситуации максимально важен, то его синтаксический статус максимально высок – N_1^{AG} (говорящий) или N_1^{EXP} (слушающий). При уменьшении важности данного участника ситуации и его семантико-синтаксический статус понижается до N_3^{ADR} (адресат в косвенном падеже) или N_i^{ADRNT} (адресант – активный источник полученной информации, передающий информацию).

Возможно и дальнейшее понижение семантико-синтаксического статуса участника типовой ситуации в случае, когда некоторый участник ситуации становится совсем неважным для наблюдателя, описывающего ситуацию. В этом случае этот участник отсутствует и в языковой кодировке (модели предложения), и в его речевой реализации (вы-

сказывании). Некоторые участники ситуации могут игнорироваться третьим лицом вследствие перераспределения его внимания, его большего сосредоточения на других участниках ситуации. В рассматриваемой типовой ситуации передачи / восприятия информации для наблюдателя могут оказаться не важны либо адресат (модель говорения), либо активный источник информации, передающий (модель восприятия): *Девочка рассказала новости подруге – По радио передают новости; Я услышал новости по радио – Я уже слышал новости.*

Важно отметить, что тогда как один и тот же участник типовой ситуации (воспринимающий или слушающий) повышается или понижается семантически и синтаксически (в зависимости от значения предиката, от того, на каком из субъектов сосредоточено внимание третьего лица, наблюдателя), синтаксический статус семантической роли со значением передаваемой / воспринимаемой информации остается неизменным, и этот актант присутствует в инвариантах обеих моделей: *Эту историю рассказала мне подруга – Я слышала эту историю от моей подруги.*

Так как максимальным понижением воспринимающего и слушающего участников типовой ситуации является их отсутствие в пропозиции, то можно говорить о существовании двухактантных моделей со значением говорения и восприятия.

Место модели со значением произнесения, построенной по структурной схеме $N_i \leftrightarrow V_f \rightarrow N_4$, в ряду моделей речевой деятельности

Двухактантные модели речевой деятельности уже выделялись исследователями. По мнению А. В. Величко и Л. А. Овчинниковой, рассматриваемая двухместная модель выражает принципиально иное содержание, отличное от содержания трехместной модели. Двухместная модель с глаголами речи выражает такое отношение между агенсом и содержанием сообщения, которое указывает на факт произнесения. Также она выражает такое отношение между агенсом и содержанием сообщения, которое указывает на то, что факт произнесения высказывания имел место быть или будет. Трехактантная модель с глаголами речи отражает ситуацию передачи информации [2, с. 94].

Составители словаря «Русские глагольные предложения» придерживаются иного мнения [3, с. 191–204]. Авторы не выделяют двухместных моделей речевой деятельности, несмотря на существование двухместных предикатов речевой деятельности (*отметить, подчеркнуть* и т.д.), тогда как А. В. Величко и Л. А. Овчинникова считают существование таких предикатов еще одним аргументом в пользу существования

двухместных моделей речевой деятельности. Мы будем придерживаться последней точки зрения.

Мы выделяем двухактантную модель простого предложения со значением произнесения $N_I^{AG} \Leftrightarrow V_f^{VOC} \rightarrow N_d^{DEL}$, где N_I^{AG} – агенс, V_f^{VOC} – глагол со значением произнесения, N_d^{DEL} – делибератив: *И слушай меня: если с этой минуты ты произнесешь хотя бы одно слово, заговоришь с кем-нибудь, берегись меня.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита).

Типовое значение модели – произнесение, озвучивание определенного текста, информации, высказывание своего мнения лицом. Информация не ориентирована на определенного адресата, поэтому позиция адресата в модели отсутствует: *Сидя в больничной палате, оба друга обстоятельно обсудили предстоящие дела.* (Дудинцев В. Белые одежды).

Значение предиката – произнесение, озвучивание определенного текста, информации, высказывание лицом своего мнения.

Все глаголы, занимающие позицию предиката в предложениях, построенных по рассматриваемой модели, можно разделить на две группы в зависимости от того, присутствует ли в актантной рамке глагола валентность со значением адресата:

- двухвалентные (безадресатные): *городить, затрагивать, обсуждать, поминать, произнести, упоминать, утверждать*;
- трехвалентные, у которых адресатная валентность не актуализируется в данной модели: *называть, пересказать, перечислять, повторять, проговорить, отбарабанивать, отчеканивать*.

Глагол *называть* выступает в модели со значением произнесения в лексико-семантическом варианте ‘произнести имя, название кого-, чего-нибудь; сказав, объявить’ («Словарь русского языка» С. И. Ожегова): *«Я назову первое имя. Николай Иванович Вавилов...»* – *поникнув, произнес юбиляр.* (Дудинцев В. Белые одежды).

Актант в позиции N_I имеет значение активного агенса – лица, озвучивающего информацию, произносящего текст. Эта позиция замещается существительными и местоимениями со значением лица: – *Амвросий Амбрузович, – сказал Роман, – я могу еще раз повторить свою аргументацию.* (Струтацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу).

Эта позиция может замещаться лексемами со значением частей тела говорящего или словами с общим значением ‘голос’ (в результате метонимического переноса): *Этот рот тянулся наружу и произносил лишь один странный звук: «Хи».* (Приставкин А. Ночевала тучка золотая); *Фандорину показало, что он разобрал, как тоненький голосок смешно проговорил слова «дежурный адъютант» и еще «канцелярия».* (Акунин Б. Азazelь).

Актант в позиции N_4 имеет значение делибератива, объекта информации, собственно озвучиваемой информации. Делибератив обозначает непосредственную речь говорящего, само речевое сообщение, а не ее общее содержание, обозначает то, что можно записать в виде прямой речи: *Кучербаев очень бойко отчеканил свою фамилию.* (Куприн А. Дознание) = *Кучербаев очень бойко отчеканил: «Кучербаев».*

Позиция со значением делибератива может замещаться следующими способами:

1) лексемами со значением непосредственной речи, произнесенной лицом: *Торквемаду я упомянул здесь не напрасно.* (Дудинцев В. Белые одежды);

2) лексемами с более общим значением речевого сообщения, такими как слова, речь, звук, тирада, фразы, имя и т.д.: *Сжав губы, Федор Иванович вышел на трибуну и, став лицом против всех, произнес речь.* (Дудинцев В. Белые одежды).

Варьирование модели со значением произнесения

1) Структурный вариант $N_1^{AG} \Leftrightarrow V_f^{VOC} \rightarrow [ПЕ]^{DEL}$.

Вариант модели является структурным, так как в нем семантическая роль делибератива имеет форму не существительного в винительном падеже, а выражается предикатным актантом. Предикатным актантом называется семантический актант, имеющий предикатное значение, т. е. обладающий предикативными категориями. Глаголы речи относятся к семантическому классу модусных глаголов, отражающих вербальную или психическую деятельность человека. Модусные глаголы называют ситуации, и поэтому их предикатным актантам правомерно приписывать ситуативные семантические роли. При глаголах речи предикатные актанты выполняют роль содержания [4, с. 6].

Предикатный актант может быть выражен зависимой предикативной единицей в составе сложноподчиненного предложения или прямой речью: *Если бы Сашка, к примеру, произнес, почесывая белобрысую макушку, а не слетать ли им, скажем, на Луну, там жмыху полно, Колька не сказал бы сразу: «Нет».* (Приставкин А. Ночевала тучка золотая); – *Суеверия... Предрассудки... – рассеянно проговорил незнакомец.* (Стругацкие Б. и А. Понедельник начинается в субботу).

2) Семантический вариант $N_1^{AG} \Leftrightarrow V_f^{VOC} \rightarrow N_4^{DEL-T}$.

В данном семантическом варианте модели актант в позиции N_4 имеет значение делибератива-топика, т. е. не собственно озвучиваемого текста, а его темы, общего значения. Такое значение актант в форме винительного падежа приобретает при замещении этой позиции словами соответствующего значения 'темы, общего значения речевого сооб-

щения! Эх, был бы здесь шеф, он моментально *перечислил бы* возможные версии, все само разлеглось бы по полочкам. (Акунин Б. Азазель).

3) Структурно-семантический вариант $N_1^{AG} \Leftrightarrow V_f^{VOC} \rightarrow$
 $\rightarrow [N_4 + ПЕ]^{DEL}$

Позиция делибератива может расщепляться: в предложении в этом случае фигурирует и слово с общей семантикой речевого сообщения, и собственно произнесенный текст: «*А ја, прѣшшѣ», ((ПЕ)) – смачно по-вторила зувѣрнантка не сразу понятое слово (N₄)*. (Акунин Б. Азазель).

4) Структурно-семантический вариант $N_1^{AG} c N_3^{COAG} \Leftrightarrow V_f^{VOC} \rightarrow$
 $\rightarrow N_4^{DEL}$

Данная модель имеет структурный вариант с позицией коагенса. При глаголе *обсуждать* лексема в позиции агенса всегда будет стоять в форме множественного числа, в противном случае в предложении будет обязательно присутствовать коагенс, так как глагол своим значением задает обязательное наличие нескольких говорящих: *Еще не так давно Александр Аполлодорович увлеченно обсуждал с Эрастом Петровичем балканский вопрос, а потом, почти на полуслове, вдруг всхрипнул и уронил голову на грудь*. (Акунин Б. Азазель).

5) Структурно-семантический вариант $N_1^{AG} V_f^{VOC} N_4^{DEL} [(ADJ +)] \times$
 $\times N_3^{INST}$

Модель имеет структурно-семантический вариант с компонентом в форме творительного падежа со значением инструмента и замещается лексемами со значением характеристики голоса, которым говорящий произносит ту или иную фразу. Если таким компонентом являются слова *голос* или *тон*, то при них всегда присутствует атрибут, выраженный прилагательным, причастием или формой существительного в родительном падеже (например: *предательски дрогнувшим голосом, вежливым ледяным тоном, тоном директора*). В роли такого компонента могут выступать и лексемы со значением голоса определенной высоты и тембра (*басом, дискантом, тенором*). Данный компонент не включается в инвариант модели, так как он не называет участника ситуации, а характеризует способ произнесения.

Таким образом, в русском языке существуют безадресатные модели простого предложения со значением произнесения. Значение, выражаемое этими моделями, замкнуто на сфере агенса. Сообщения, произносимые субъектом, рассчитаны не на то, что они будут услышаны собеседником, а в большинстве случаев выражают состояние или мнение говорящего.

Отсутствие адресата в модели может быть продиктовано не только значением предложения, но и актантной рамкой глаголов (*обсуждать*,

отбарабанивать и т.д.). Таким образом, можно утверждать, что не все глаголы со значением речевой деятельности управляют актантом со значением адресата. Следовательно, иерархию семантических ролей в типовой ситуации коммуникации можно представить следующим образом (в порядке уменьшения важности): говорящий → сообщение → →слушающий.

Принимая во внимание тот факт, что многие глаголы русского языка могут образовывать предложения как по двухактантным, так и по трехактантным моделям, можно сказать, что в языке существует поле предикатов со значением речевой деятельности. Причем, трехвалентные предикаты могут относиться к двухактантным моделям за счет нереализованных адресатных валентностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кибрик А.Е.* К проблемам ядерных актантов и их «неканонического кодирования»: свидетельства арчинского языка // Вопросы языкознания. М., 2000. № 5.
2. *Величко А. В., Овчинникова Л. А.* К вопросу о соотношении одноместной, двухместной и трехместной моделей предложения (на материале предложений с глаголами-сказуемыми семантических классов речи, передачи, отчуждения) // Филол. науки. М., 1973. № 3. С. 93–101.
3. *Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко.* М., 2002.
4. *Типология конструкций с предикатными актантами.* Л., 1985.

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ СЕМАНТИКИ «ЗАЩИТА» В ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ

(на материале единиц, называющих предметы одежды)

М.Е. Бохонная

(Томск)

«Фольклор – один из главных факторов духовного развития народа, совокупность его знаний, воззрений, эстетического опыта, отражающих определенные этапы его исторического развития» [1, с. 4–5]. Фольклор как специфическая система духовной культуры народа нашел свое выражение и закрепление в языке. Лингвистическое исследование фольклора предполагает обращение к языковой организации фольклорного текста. Фольклорный текст является носителем закодированной информации, для восприятия которой требуется знание фольклорного кода, отражающего модель мифологических представлений народа.

Текстовая идентификация смысла обусловлена особенностями восприятия фольклорного слова. Исследователи отмечают, что слово в фольклорном тексте наделено сложным ассоциативным комплексом смыслов. Оно «опредмечивает непредметное, наделяя вещными признаками абстракцию, и одушевляет неодушевленное» [3, с. 559]. При этом многозначность, диффузность и неопределенность его значения определяет объединение в нем конкретного, символического и коннотативного (С.Е. Никитина, А.Т. Хроленко, П.П. Червинский и др.).

Выявление значимых смысловых компонентов семантики языковых единиц в фольклорных текстах способствует описанию системы категоризации действительности как одного из способов обобщения человеческого опыта. Именно в фольклоре как в хранилище духовных смыслов народной культуры эстетически стабильно отражается взгляд народа на мироустройство.

Фольклорная традиция тяготеет к особой эстетической переработке действительности: наделению актуальным смысловым комплексом значимых явлений и предметов действительности, возводя их тем самым в ранг символов, в частности изображению бытийного, абсолютного в бытовом, конкретном. Вместе с тем ведущей остается потребность фольклорного человека в осмыслении не только окружающей действительности, но и самого себя в этой действительности как через образы природного, животного мира, так и через бытовые реалии. При этом атрибуты жизнедеятельности человека, в частности – предметы одежды, выступают как его неотъемлемые принадлежности, с помощью которых он моделирует свой мир. Единицы, называющие предметы одежды, на

уровне фольклорного кода функционируют в текстах как апеллятив человека и реализуют значимые для него смыслы при восприятии окружающего мира.

Исследуемые единицы в рамках фольклорного текста приобретают свою специфическую семантическую нагруженность и закрепляют за собой определенные функции. Они преимущественно реализуют в фольклорном тексте семантику «внешняя оболочка внутреннего содержания», которая часто проявляется как «защита» (ср. в посл.: *Житье скупое – платье носить худое. // По одежке протягивай ножки*, в част.: *Дед с печки упал со всего размаху. Зубы ва-та-ра-ра-ра, и порвал рубаху* и т.д.).

Анализ фольклорного текста способствует выявлению актуальных смыслов народной культуры и дальнейшей их категоризации, включению в особую парадигму. При этом семантическая идентификация единиц в языке фольклора является жанрово обусловленной. «В каждом жанре и его конкретных произведениях перед нами не сумма отдельных мотивов и образов, средств и приемов, а цельная художественная система. Причем в каждом жанре эта система специфическая» [2, с. 106].

В представленной работе рассмотрим актуализацию в лирической песне семантики «защита» на материале единиц, называющих предметы одежды.

Обратимся к жанру лирической песни.

Лирическая песня – жанр народно-поэтического творчества, отражающий преимущественно сферу чувств и переживаний человека, где, главным образом, выражена оценка окружающего мира. Основное назначение лирических песен – раскрывать мироощущение народа путем непосредственного выражения его идейно-эмоционального отношения к определенным событиям. При этом события, жизненные ситуации обрисованы в песне с такой степенью изобразительности, с какой они повлияли на возникновение определенных чувств, впечатлений, переживаний, настроений и мыслей.

Отсюда значимым для данного жанра является изображение именно кризисных моментов жизни как личного характера (смерть близкого человека, измена любимого или любимой и т.д.), так и общенационального (ситуация войны, стихийные бедствия, тюремное заключение и т.д.), так как в таких ситуациях наиболее ярко показаны движения чувств человека, выражаются его раздумья и переживания, раскрывается внутренний мир.

Материалом для нашего анализа являются исключительно необрядовые лирические песни, представляющие собой порождение позднего периода развития фольклора. Если целью обряда является достижение

значимого магического результата, что реализуется посредством точного воспроизведения слов и определенных действий; то для необрядового фольклора, порожденного словесной стороной обряда, важно выразить идейно-эмоциональное отношение к окружающему миру. Таким образом, жанр лирической песни в соответствии с поставленной целью наиболее отчетливо, по сравнению с другими фольклорными жанрами, связан с реализацией эстетической функции. При этом повествовательное начало приобретает меньшую степень значимости, чем, скажем, в исторических песнях или в былинах. Отсюда основной песенный смысл заключается в передаче душевного состояния героя.

Лирические песни тесно связаны с жизнью народа, между тем сюжет их недостаточно подробно проявлен. В каждой песне описывается только та или иная сюжетная ситуация и ее эмоциональная рефлексия. Это определяется основной задачей жанра – передать особый эмоциональный настрой, показать движения чувства.

Для выражения лирического начала в песне широко используется символика, образы природного и животного мира, что создает особый смысловой подтекст, придает произведению эмоциональную выразительность, тем самым способствует глубокому раскрытию движения души человека. «Широкое употребление поэтической символики в народной лирике обусловлено ее жанровой природой, особенностями ее содержания, самого способа художественной отраженности действительности» [2, с. 111].

Исследуемый материал показал, что в лирической песне, по сравнению с другими жанрами фольклора, единицы, называющие предметы одежды, в соответствии с задачами жанра наиболее ярко реализуют в текстах модель внутреннего мира человека, фиксируя его отношение к окружающей действительности. При этом экспликация семантики «защита» является одной из самых частотных в ряду других семантических проявлений исследуемых единиц.

Достаточно показательную реализацию данной семантики в лирической песне демонстрируют единицы ПЛАТЬЕ, РУБАХА, ШИНЕЛЬ, ФУРАЖКА, ПЛАТОК, КОЛЬЦО/ПЕРСТЕНЬ, ПОЯС.

Обратимся к материалу.

Единицы ПЛАТЬЕ и РУБАХА в фольклорных текстах чаще всего берут на себя функцию выражать родовое понятие «одежда» (в отличие от бытовой реализации функции вида «одежды»). Предположительно, это связано с тем, что реалии, которых называют эти единицы, представляют собой самый древний, «универсальный» (ср. посл.: *Первое платье для друга, второе – для Бога, а третье для нечистого. // Береги платье снову, а честь смолоду. // Своя рубаха ближе к телу, – мужс-*

кое – ПЛАТЬЕ – женское и т.д.) вид одежды. Наиболее частотно данные единицы реализуют семантику «защита» (ср. посл.: *Житье скуное – платье носить худое*, в част.: *Дед с печки упал со всего размаху. Зубы ва-та-ра-ра-ра, и порвал рубаху. // Я надену платье бело и пойду я в тот конец. Никого я не боюсь, председатель мой отец* и т.д.).

В лирической песне в связи с особенностями жанра (арханчность, стабильность, актуализация бытийного контекста и т.д.) семантика «защита» у рассматриваемых единиц проявляется как «разрушение (нарушение) защиты», что подкрепляется сюжетной организацией песни: *Разноцветно мое платье лежит в укладе. Распостылый мой муж лежит на кровати. Заставляет он меня ногу разувати. Я разула ему ногу, а он меня в щеку. Я разула другую, а он во вторую. Я молчала, я молчала да сказала: «Распроклята бабья жизнь, она провалися. Расхороша девичья воля, назад воротися*. Единица разноцветно, сочетаясь с лексемой ПЛАТЬЕ, присоединяет к основной семантике дополнительный смысловой оттенок «благополучие», «жизнерадостность», которые потеряны – *лежат в укладе*. Создается семантический контраст:

благополучие, защита — распостылый муж
лежат в укладе — лежит на кровати

Учитывая смысловую диффузность фольклорного слова, отметим, что единица ПЛАТЬЕ при этом реализует значение «потерянной девичьей воли»: *Распроклята бабья жизнь, она провалися. Расхороша девичья воля, назад воротися*.

При реализации указанного выше символического комплекса единица ПЛАТЬЕ может конкретизировать свою семантику до значения «часть самого себя»: *И там по реке под горою высокою женское тело плывет. Плывет оно, между камнями цепляется, мертвые смотрят глаза, платье не ней изодралось, ветка впилелась в волоса*. Потеря «защиты», разрушение своего космоса выражены как в семантике глагола разрушения – «изодралось», так и в символическом подтексте, актуализированном в рамках фольклорной семантики: мертвое тело плывет по реке («чужое» пространство), под горою высокою («низ»), цепляется между камнями («неживое», «граница между мирами»).

Единица РУБАХА, ШИНЕЛЬ: *По чердачку он долго шлялся, себе веревочку искал. Порвал шинель, порвал рубаху, себе веревочку извил. Перекрестился, стал спускаться, солдат заметил, выстрел дал*. Слова ШИНЕЛЬ, РУБАХА на уровне фольклорного символического контекста стоят в одном семантическом ряду. При реализации функции «защита» они выступают как «часть самого себя». При этом эксплицируется семантика «разрушение своего космоса во спасение»: *Порвал шинель, по-*

рвал рубашку, себе веревочку извил, – что ведет к противоположному результату: *Солдат заметил, выстрел дал*. Человек «оголяет» себя, то есть дает доступ для вступления в силу отрицательных начал «чужого» мира, в результате чего герой погибает.

(Сын пришел на могилу к матери) *Встань, проснись, моя родная. На меня взгляни. У твоих холодных ног сын-бедняк стоит. В оборванной рубашонке, с худыми на локтях*. В данном контексте также эксплицируется «разрушение защиты», ее «потеря», на что указывают семантические проявления следующих лексических единиц: **оборванная, с худыми на локтях**.

Таким образом, семантика единиц ПЛАТЬЕ, РУБАХА, ШИНЕЛЬ в лирической песне может реализовываться как «защита, которая впоследствии будет разрушена». Такое «разрушение» для исследуемого жанра является принципиальным, так как в лирической песне важно отобразить критический момент жизни. Именно в таких ситуациях наиболее полно раскрывается внутренний мир человека, выражаются чувства и переживания.

Единица ШИНЕЛЬ имеет четкую жанровую приуроченность: она функционирует преимущественно в лирической песне. Это, видимо, связано с тем, что предмет одежды, который называет данная единица, функционирует исключительно в определенной ситуации – войны, службы в армии, – связанной с трагическим мироощущением носителей архаического сознания. Специфика лирической песни – создание преимущественно трагического ореола, воздействующего на слушателя, – поэтому исследуемое слово является жанрово маркированным и преимущественно реализует значение «защита»: *Ты надеялась, наверно, что убит я на войне. Пуля быстрая задела-дела лишь шинель одну на мне. Не страшна была нам пуля, не боялись мы штыка*. Причем в основном данная «защита» является нереализованной: *Идет герой истомленный скорее в родительский дом, а ветер с шинелью играет, с шинелью с пустым рукавом*. Здесь слово ШИНЕЛЬ выступает как «невыполнение функции защиты», отсюда происходит внедрение внешнего мира: *А ветер с шинелью играет, с шинелью с пустым рукавом*. При этом лексические единицы высокого стиля **истомленный, родительский дом** придают тексту мелиоративную тональность грусти, сострадания.

В следующем примере: *Убит, убит мой милый. Убит он на войне. Шинель его, фуражка на кустике висит, а буйная головка под кустичком лежит* – невыполнение защитной функции» единиц ШИНЕЛЬ, ФУРАЖКА реализуется за счет трагического сюжета песни. Слова **убит, война, буйная головка под кустичком лежит** отражают трагизм ситуации, создают эмоциональный тон грусти, скорби, тем самым вы-

зывая сочувствие у слушателей. *Ой там у степи под кусточком наш красный боец помирал. Накрылся он серой шинелью и тихо родных вспоминал.// Эх, мать, ты мать моя родная, зачем на свет меня родила? Судьбой несчастной наградила, шинелью серой обрекла? Шинелью члены все сковало, шинель свободу отняла. Шинель на свет переродила, шинель солдатом назвала.* Разрушение гармонии выражено глаголами деструктивной семантики: **обрекла**, **все сковало**, **отняла**, **переродила**. При этом слово ШИНЕЛЬ приобретает значение «инородная оболочка внутреннего мира, создающая негативный ореол для героя».

Единицы КОЛЬЦО, ПОЯС, реализуя в фольклорном тексте функцию «круга», выступают в значении «круга-оберега», «круга жизни». Специфика лирической песни такова, что в ней важно показать именно разрушение этой жизненной гармонии, снятие защитной оболочки: *Никто не видел, как она в руках колечко теребила. Никто не видел, как она кристаллик яда проглотила.* Так, «невыполнение защиты-оберега, нестойкое положение в жизни» выражено в семантике глагола **теребила**, а также в дальнейшем содержании текста, где героиня, приняв яд, умирает. *Он поклялся перед нею, кольцо с руки снял. Пояс шелковый, крученный. Все он ей отдал. Он поклялся перед нею – Будешь ты моя.* Проявление семантики «связи», «единения», «круга-оберега» наблюдается не только у единицы КОЛЬЦО, ПОЯС, но и у слова КРУЧЕНЫЙ, что особо ярко выражает привязанность героя к героине, стремление к гармонии в их любовных отношениях.

Утрата кольца, пояса, избавление от них актуализируют «разлуку любимых», «расторжение их связи»: *На прощанье милой оставил да с руки перстень новый золотой.// Он ей клятву роковую дал, перстень с руки снял, пояс шелковый и перстень – все он ей отдал. // ... (Парень погиб на войне) *На пригорке чащи леса береза стоит, а под нею девушка висит. Пояс шелковый, дареный ее шею затянул, перстенок золотой, дареный, руки ей стянул.* Единицы ПЕРСТЕНЬ и ПОЯС, функционируя со значением «круг-оберег», в данном контексте также приобретают семантику «невыполнение функции защиты», «разрушение связи между милым и милой», где «невыполнение» и «разрушение» являются принципиальными для исследуемого жанра.*

Единица ПЛАТОК, при реализации значения «граница», закреплённую за жанром лирической песни, также способна проявлять семантику «защита». При этом она реализуется как «защита внутреннего мира от внешнего»: *Да как стали девушку комарики кусать. Да как стала-то девка обораниваться, да шелковым платком отмахиваться.// Черный ворон, черный ворон, что ты вьешься надо мной? Иль добычу себе чужешь? Черный ворон, я не твой. Перевяжу кроваву рану сподаренным*

мне платком, а потом с тобою стану говорить лишь об одном. Интересно проследить взаимодействие символических значений слов **ворон** и **ПЛАТОК**. **Черный ворон** – устойчивый фольклорный персонаж, который символизирует «темные» силы, скорее даже «сверхъестественные». Он атрибут «чужого» мира, что подтверждается в дальнейшем содержании текста: *Вижу, смерть моя подходит. Черный ворон, весь я твой*. Он прилетел, чтобы забрать героя в другой мир, но герой не хочет умирать, пока не даст наставлений своим родственникам. Герой перевязывает рану платком («нивелирование границы»), то есть «сглаживание различий двух миров»), а потом уже просит ворона передать его слова родне. Отсюда единица **ПЛАТОК** реализует модель внутреннего мира человека через его восприятие внешнего.

Таким образом, в связи с тематической специализацией жанра (изображение кризисных моментов жизни, человек в проблемной ситуации, переживания народа и т.д.) семантика «защита» у исследуемых единиц эксплицирует значимые позиции внутреннего мира носителя архаического сознания по отношению к внешней действительности, выраженные через семантику «нарушение, невыполнение функции защита». При этом экспликация данного смыслового комплекса имеет общую природу выражения для фольклорного человека как в критических ситуациях личного, так и национального характера.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бекизова Л.А.* Средоточие духовного богатства // Роль фольклора в формировании духовной жизни народа. Черенск, 1986. С. 3–11.
2. *Лазутин С.Г.* Русская народная лирическая песня, частушка и пословица: Учебное пособие. М.: Высш. шк., 1990. 240 с.
3. *Никитина С.Е.* Лингвистика фольклорного социума // Язык о языке: Сб. статей. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 558–597.

Л.Н. ТОЛСТОЙ И АФОРИЗМ

Ван Лин
(Харбин)

*Следовать за мыслями великого человека
есть наука самая занимательная.*

А.С. Пушкин

Создание афоризмов – любимое занятие мыслящих людей. Великий писатель Л.Н. Толстой не только сам создавал афоризмы в художественных произведениях и дневниках, но и собирал их, результатом чего являются сборники «Мысли мудрых людей на каждый день», «Круг чтения», «На каждый день», «Путь жизни».

Л.Н. Толстой очень ценил афоризмы как жанр: *“Читаю мысли мудрых людей ежедневно и с большой пользой для души”*; *“В последнее время я почувствовал, как я духовно спустился после той духовной, нравственной высоты, на которую меня подняло мое пребывание в общении с теми лучшими мудрейшими людьми, которых я читал и в мыслях которых я вдумывался для своего «Круга чтения»*”. То же самое можно сказать и о его личных высказываниях. О популярности толстовских афоризмов свидетельствует факт: когда-то П.А. Сергеевко прислал Льву Николаевичу тетрадь с афоризмами, собранными Н.С. Лесковым, многие из которых оказались принадлежащими самому Толстому.

Л.Н. Толстой активно вторгался в различные сферы действительности не только как художник, но и как публицист, социолог, философ, педагог. Интерес к афоризмам обуславливается философским началом его деятельности, а *“афоризмы едва ли не лучшая форма для изложения философских суждений”*, – признает писатель.

Л.Н. Толстой написал философские работы «Религия и нравственность»; «Исповедь», принял активное участие в философских дискуссиях вокруг нравственных вопросов в 60-е годы, когда произошла эволюция его нравственно-философских воззрений. У него много разговоров и высказываний на темы морали и воспитания, религии и философии, искусства и литературы, истории и государства. Осуждение Толстым философии представляет как литературно-эстетический, так и общественно-познавательный интерес. Уже при жизни писателя называли *“пророком добра и мира”*. Афоризм, как научно-художественная форма сгущения и одновременно прояснения мысли, раскрывает её глубинную философскую сущность.

Как педагог-просветитель Л.Н. Толстой считал невежество масс злом. С 1849 г. до конца жизни он постоянно занимался педагогической деятельностью: писал статьи по вопросам воспитания и обучения, соз-

давал книги для народа, организовал школы в Ясной Поляне, издавал педагогический журнал, а в 70-е годы публиковал собственные учебники для обучения детей грамоте. Нравственно-поучительный характер деятельности стимулировал создание многочисленных афоризмов.

Философия Л.Н. Толстого нашла отражение в его художественных произведениях. Автор ставил перед своими героями, а следовательно, перед читателем нравственные, психологические вопросы добра и зла, правды и лжи, счастья и несчастья, искренности и притворства... Для творческой манеры писателя характерны глубокий психологизм и анализ в изображении характеров героев, строя их мыслей и поступков. И отсюда стремление к максимальной мыслиемкости слова и афористичности фразы.

Очевидно, для Л.Н. Толстого афоризмы – это форма изложения философских суждений, источник духовной силы, благотворный прием художественного творчества.

* * *

*Верь в звук слов:
Смысл тайн – в них*
В.Я. Брюсов

Философское начало прежде всего отражается в своеобразном понимании и употреблении слов, которые организуют лексическую основу не только для изложения философских идей, но и для художественного творчества вообще. Работа над словом, как известно, заключается не только в точном использовании общенародного слова. Общеупотребительное слово писатель превращает в художественное, в слово-образ, отличающийся авторским переносным и метафорическим употреблением.

Сам Толстой считает, что каждое слово вызывает бесчисленное множество мыслей, представлений и объяснений. Такие подстановки значений, скрытые в тексте, некие потенции значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом, определяются в современной лингвистике как концепт. У каждого человека есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и в связи с этим свои особенности в потенциальных возможностях концепта. Между концептами существует связь, определяемая уровнем культуры человека с его принадлежностью к определенному сообществу людей, его индивидуальностью [1, с. 153]. Особая роль в создании концептосферы, как совокупности концептов, безусловно, принадлежит писателям.

Многие афоризмы-определения представляют собой выявление концепта. Семантизация слов как художественный прием используется в афоризме для субъективного толкования общенародного слова. Давно заметили, что в произведениях Толстого важную роль играет “прием социального истолкования официальной терминологии и фразеологии, с помощью которого писатель срывает с понятий и предметов слова-маски и слова-прозвища” [2, с. 68].

**Знамена – подхваченные куски материи на палках.*

**Дисциплина – отсутствие свободы.*

**Война – убийство.*

Заметим, что две части высказывания такого рода не являются тождествами. “Равновесие нарушается за счет актуализации в толковании дополнительных семантических признаков, авторских оценок” (там же), поэтому могут сосуществовать разные определения одного и того же понятия.

**Храбрость – знание того, чего нужно и чего не нужно бояться.*

**Выбор, сделанный под влиянием чувства долга, есть храбрость.*

Иногда автор выдвигает условие для понимания своих афоризмов, ограничивая или изменяя их семантико-смысловой круг.

**Благотворение только тогда благотворение, когда оно жертва.*

**Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем.*

Мастерство авторского обобщенно-переносного словоупотребления обнаруживается в контексте, который нередко помогает определить значение того или другого слова и, следовательно, понять смысл высказывания в целом. Поскольку афоризм представляет собой “тип высказывания, позволяющий без доказательств, без сложной аргументации, единственно силой изощренной неожиданности формулировки убеждать чистым утверждением, не сколько доказывая, сколько поражая” [3, с. 5], для достижения его истинного смысла иногда прибегают к помощи лексического окружения. Такое лексическое окружение можно условно назвать сентенционным рядом, который весьма свойствен толстовским афоризмам.

Писатель в ходе повествования подмечает отдельные слова, которые могут быть использованы как опорные, затем использует непосредственно в афоризме, причем их значение в новой текстовой ситуации существенно обогащается. Афоризм может выступать в начале сентенционного ряда как первая формулировка мысли, подлежащая дальнейшему развертыванию, уточнению, доказательству в сложно построенном рассуждении. Он может возникнуть в его конце, завершая рассуждение как его итоговый вывод. Логические и семантические связи сен-

тенционного ряда дают многим исследователям и составителям сборников афоризмов повод включать все его компоненты в состав афоризма. При этом совсем игнорируется лаконичность, важный признак афоризма. “Афоризм должен быть кратким”, “отличаться по строению от мышления научного, основанного на сцеплении доказательств и логических аргументов” [2, с. 11]. Разумеется, синтаксический ряд помогает понять авторский замысел, воплощенный в афоризме:

**Жениться надо всегда не по любви, а непременно с расчетом (только понимая эти слова как раз наоборот тому, как они обыкновенно понимаются, то есть не по чувственной любви и по расчету, где и чем жить, а по тому расчету, насколько вероятно, что будущая жена будет помогать, а не мешать мне жить человеческой жизнью).*

Синтаксический ряд в какой-то степени снимает неожиданность, убеждает в истинности афоризмов и правоте автора.

**Человек должен быть рабом. (Выбор для него только в том, чьим: своих страстей, а значит, и людей, или же своего духовного начала).*

**(Только люди, способные сильно любить, могут испытывать и сильные огорчения; но та же потребность любить служит для них противодействием горести и исцеляет их. От этого моральная природа человека еще живучее природы физической). Горе никогда не убивает.*

Итак, толстовские афоризмы представляются ясным и ярким, точным и тонким отражением концептосферы великого писателя. Она отражается в словах, афоризмах, синтаксических рядах и делает высказывание индивидуальным и глубоким.

* * *

*Нет мысли, которую нельзя было бы
высказать просто и ясно.*

А.И. Герцен

Афоризм главным образом отличается обобщенностью, выразительностью, парадоксальностью. В афоризмах для выражения обобщенности употреблены такие слова, как *весь, всякий, каждый, всегда, никто, ничто*, и модели предложения, которые носят всеобщий характер, делают высказывания общезначимыми, придают им обобщенно-оценочный эффект.

**Все люди, занятые истинно важным делом, всегда просты.*

**Не бойся незнания, бойся ложного знания.*

**Трусливый друг страшнее врага, ибо врага опасешься, а друга надеешься.*

**Женщина, старающаяся походить на мужчину, так же уродлива, как женоподобный мужчина.*

Выразительность афоризмов Толстого создается структурной организованностью и упорядочением компонентов. Употребительный прием – антитеза. Внешний и внутренний контраст, выраженный словами-антонимами, делает их важным композиционным средством развития мысли и организации высказывания. Синонимы и антонимы часто встречаются в философских рассуждениях, обобщенных оценочных характеристиках, показывают сложность, противоречивость реальной действительности. Слова, входящие в тематику, находясь в сложных взаимоотношениях, открывают и дополняют друг другу семантические потенциалы благодаря оппозициям, представленным в авторской концептосфере.

**Все мысли о смерти нужны для жизни.*

**Чем легче учителю учить, тем труднее ученикам учиться.*

**Наши добрые качества больше вредят нам в жизни, чем дурные.*

**Люди кажутся друг другу глупыми преимущественно от того, что хотят казаться умнее.*

Антитеза часто использована в конструкции компаратива.

**Эгоизм семейный жесточе эгоизма личного.*

**Дети нравственнее, гораздо проныцательнее взрослых.*

Нередко используются отрицательные конструкции. Такие конструкции способствуют восприятию сопоставляемых признаков, где один отрицается, а другой утверждается для создания контраста:

**Знание – орудие, а не цель.*

**Движение к добру человечества совершается не мучителями, а мучениками.*

Один из признаков стиля Л.Н. Толстого – многократный лексический повтор.

**Труд не добродетель, но неизбежное условие добродетелей.*

**Надо верить в возможность счастья, чтобы быть счастливым.*

Нередко лексический и синтаксический повторы вместе делают конструкцию или ее часть симметричной.

**Любить – значит жить жизнью того, что любишь.*

**Любят нас оттого, что хороши те, кто нас любит.*

При повторе лексики в обратном порядке две части создают так называемую модель-перевертыш.

**Лучше ничего не делать, чем делать ничего.*

**Эгоизм – сумасшествие. Сумасшествие – эгоизм.*

Зеркальные преобразования очень популярны в создании афоризмов. Обычно противопоставляются названия таких явлений и предме-

тов, которые соотносительны, принадлежит к одной и той же категории объективной действительности, как взаимоисключающие понятия. Это не игра слов, а правдивое воплощение восприятия автором действительности во всей её сложности, противоречивых и взаимосвязанных отношениях.

Парадоксальность афоризмов больше обнаруживается в сочетании несовместимых понятий и неожиданном повороте мысли. Эффект неожиданности усиливает конечная позиция компонентов, несущих новую информацию, что придает высказыванию наибольшую степень напряженности:

**Освобождение себя от труда есть преступление.*

**Больше всех говорит тот, кому нечего сказать.*

**Если жизнь – благо, то благо и смерть, составляющая необходимое условие жизни.*

Парадокс – толкование предметов и явлений вопреки традиционному представлению. Сущность его составляет переход в сознании на более высокий уровень абстракции, позволяющий увидеть более глубокие, фундаментальные закономерности, диалектичность предметов и явлений. В парадоксальных высказываниях нередко авторское представление утверждается отрицанием традиционного:

**Понятие красоты не только не совпадает с добром, но, скорее, противоположно ему.*

**Счастье не в том чтобы делать всегда, что хочешь, а в том, чтобы всегда хотеть того, что делаешь.*

Как мы уже отметили, парадоксальные афоризмы не являются самодостаточными и нуждаются в развертывании в сентенционном ряду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачев Д.С. Очерки по философии художественного творчества. СПб.,1999.
2. Николина Н.А. Семантизация слов и ее функции в художественном тексте // Язык и композиция художественного текста. М.,1986.
3. Успенский Л. Коротко об афоризмах // Предисловие к сборнику «Афоризмы». Л., 1964.

СОЧЕТАЕМОСТЬ КАК ПОТЕНЦИАЛ СИНТАГМАТИКИ РЕЧИ (лексикографический аспект)

М.В. Влавацкая
(Новосибирск)

В последние десятилетия усилилось внимание к проблеме изучения сочетаемости слов и, главным образом, к её лексикографическому аспекту. Это объясняется тем, что произошел сдвиг к исследованию функционально-речевого аспекта языка, что повлияло на целесообразность введения сочетаемости в «функционально-коммуникативное русло изучения синтагматики лексических единиц в целом» [1, с. 73] и создания новых словарей сочетаемости разных типов.

Отсюда следует, что одним из основных свойств, обеспечивающих функционирование языковых единиц в речи, является сочетаемость слов. На протяжении многих лет эта проблема представляется наиболее сложной в теоретической и прикладной лингвистике. Теории сочетаемости посвящено много научных трудов, основа данной теории была заложена в 1960–1970-е гг. XX в. (см. работы Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, М.М. Копыленко, Н.З. Котеловой, И.А. Мельчука, В.В. Морковкина, Д.Н. Шмелёва и др.). Следует особо подчеркнуть, что из-за таких причин, как сложность самой проблемы, широкая направленность лингвистических изысканий по сочетаемости и валентности, а также противоречивость терминологии, единой общепризнанной теории сочетаемости не существует.

Почти все исследователи отмечают особую важность данной проблемы. Крайне необходимой на данный момент является систематизация сочетаемостных свойств слова, которая могла бы внести определённый вклад в описание строя языка, явиться основанием для классификации слов по их синтаксическим и лексическим сочетаемостным свойствам, т.к. общеизвестно, самые сложные и уязвимые нормы в русском языке относятся именно к сфере сочетаемости. Описание сочетаемости важно не только для таких областей, как культура речи, преподавание языка и перевода, но и для лексикографии [2, с. 9].

Изыскания в области сочетаемости доказывают, что данное языковое свойство охватывает фонетический, морфологический, словообразовательный, семантический и другие уровни языка, а также продуктивно применяется для выявления различных языковых фактов. В зависимости от разных уровней языка и речи выделяют следующие типы сочетаемости: семантическая, лексическая, синтаксическая, морфолого-

синтаксическая, фразеологическая, понятийная, стилистическая и др. (причём языковедами они интерпретируются по-разному).

В лингвистической литературе существует немало дефиниций понятия «сочетаемость». В широком смысле сочетаемость означает соединение слов в речи и условия реализации распространителей слова, под чем обычно понимают типы связей и зависимостей слов, форм, позиций в сочетании и фактически изучают сочетания, их структуру, преобразования и т.п.

Словари определяют сочетаемость как свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня. Это одно из фундаментальных свойств ЯЕ, отражающее синтагматические отношения между ними.

Наиболее распространённое определение сочетаемости было дано Н.З. Котеловой: сочетаемость слова – это совокупность его синтагматических потенций, принадлежность которых слову характеризует его как определённое свойство, иначе говоря, – это набор и условия реализации распространителей слова (связанных с данным словом слов и форм), парадигматика синтагматических свойств слова, его связеизменение [3, с. 81].

Очевидна точность данной формулировки, однако с точки зрения педагогически ориентированной лингвистики интерес и значимость представляет теория В.В. Морковкина, в которой сочетаемость слова – это его способность объединяться в речи с определёнными словами для выполнения того или иного смыслового задания или реализации его валентности [4, с. 132].

Из всех приведённых определений рассматриваемого понятия следует одно: сочетаемость – свойство языковых единиц синтагматически объединяться в речи, образуя единицы более высокого уровня с помощью слов-распространителей.

Учитывая данные дефиниции, можно утверждать, что сочетаемость слова представляет собой многоаспектную проблему. Выявление сущности данного языкового явления связано с решением многих вопросов: во-первых, вопрос толкования лексического значения в зависимости от сочетающихся слов, во-вторых, вопрос разграничения лексико-семантических вариантов полисемичных слов, в-третьих, вопрос системного описания лексики и др. Для их решения выделяются следующие направления:

1. Обусловленность сочетаемости слов с предметно-логическими связями предметов реальной действительности [Шмелёв, 1967, 1995; Ковальчук, 1969]. В данном аспекте изучаются вопросы совместимости

слов в словосочетаниях, определяются ограничения лексической сочетаемости слова в зависимости от экстралингвистических факторов.

2. Обусловленность сочетаемости определёнными правилами и закономерностями сочетания слов, существующими в языке [Шмелёв, 1967; Котелова, 1968; Толикина, 1978]. В данном направлении исследуются внутрисистемные закономерности лексической и синтаксической сочетаемости и характер ограничений в лексической сочетаемости независимо от предметно-логического содержания слов.

3. Сочетаемость как средство выявления значения слова и разграничения лексико-семантических вариантов многозначного слова [Апресян, 1967; Котелова, 1957].

4. Изучение сочетаемости слов с учётом их принадлежности к отдельным частям речи, лексико-семантическим группам, синонимическим рядам, антонимическим парам [Виноградов, 1953; Ольшанский, 1969; Дорофеева, 1978].

5. Сопоставительное изучение слов в двух языках [Влчек, Денисов, 1977; Дубичинский, 1995].

6. Лексикографический аспект изучения сочетаемости слов [Апресян, 1974; Котелова, 1975; Морковкин, 1977; Брагина, 1984].

Область наших научных интересов связана с 5 и 6 направлениями. На наш взгляд, следует выделить те аспекты изучения сочетаемости, которые необходимы именно для лексикографического описания. К их числу, как представляется, относятся следующие:

- а) сочетаемость как показатель языкового статуса значения слова;
- б) сочетаемость как средство разграничения лексико-семантических вариантов полисемичного слова;
- в) сочетаемость как средство показа семантических признаков значения, описанных в толковании значения слова;
- г) сочетаемость как способ выделения семантики слова в речи и т.п.

Исходя из вышеперечисленных аспектов изучения данного языкового свойства, подчеркнём значение сочетаемости в лингвистической теории вообще и в лексикографическом описании слова в частности. Конкретный набор сочетающихся единиц в речи обусловлен различными причинами, и каждый тип сочетаемости (семантической, синтаксической, лексической) имеет только ему присущие дифференциальные особенности, которые необходимо рассмотреть более подробно.

Лексическая сочетаемость – одна из важнейших коммуникативных характеристик слова, непосредственно связанная с теми свойствами, которые предопределяют его использование в предложении. По определению Ю.Д. Апресяна, лексическая сочетаемость – это способность данного слова синтаксически связываться со словами из ограниченного

списка. При этом несущественно, есть ли у них общие семантические признаки или нет [5, с. 81]. Иначе говоря, информация о том, каким должно быть само слово В, составляет лексическую сочетаемость А, или лексические ограничения на сочетаемость А [6, с. 61].

Особо ценным, на наш взгляд, является подход к проблеме лексической сочетаемости, предложенный И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским. Они подразделили все слова языка на две группы: 1) слова, связанные с экстралингвистическими отношениями (например, *на кровати спят, ручкой пишут* и т.д.), и 2) слова, сочетающиеся только по законам языка.

Интерес представляет именно вторая группа, т.к. к ней относятся слова с полностью одинаковым значением или совпадающей общей частью значения. Каждое из этих значений имеет много или, по крайней мере, несколько различных словесных выражений. Выбор данного выражения зависит от «ключевого слова», т.е. слова, с которым оно сочетается.

Таким образом, лексические наполнения – это комбинаторно обусловленные варианты одного и того же значения, или одинаковой семантической функции. В связи с этим был разработан целый аппарат, насчитывающий более 50 лексических функций: например, Magn, (высокая степень явления, не передаётся ключевым словом): *веский довод, грубая ошибка, крошечная тьма, наголову разгромить*; или Liqu (ликвидировать): *разгромить врага, устранить причину, рассеивать иллюзии* и т.д. Согласно данной концепции, проблема ЛС тесно связана с идиоматикой, т.к. установление семантических функций – это сведение индивидуальной в каждом языке фразеологии к простым понятиям, единым для всех языков [7, с. 48–55]. Приведем в качестве образца одну из словарных статей «Толково-комбинаторного словаря» (ТКС) И. А. Мельчука (1984), где расписана ЛС слова *восхищение* с использованием аппарата семантических функций (СС даётся в сокращении) [8, с. 14].

Восхищение

A ₁ +Magn (прилаг. высшая степень)	преисполненный [-я]
Magn ₁ (высшая степень)	всеобщее
Ver ₁ (верный, правильный)	искреннее, неподдельное
AntiVer ₁ (неверный, неправильный)	притворное, преувеличенное
Oper ₁ (совершать ч.-л.)	испытывать [-е], быть в [-ии]
IncerOper ₁ (начинать совершать ч.-л.)	приходить в [-е от Spod]
CausOper ₁ (совершать так, чтобы...)	приводить [Свин в-е]
Oper ₂ (совершать ч.-л.)	внушать [нет сов. вида] [Sдат ~е]

FinFunco (переставать испытывать) ~ проходит
Labor (глагол-связка 1-го и 2-го актанта) относиться [к Сдат с ~ем]
InserLabor₂₁ (начинать+ глагол-связка
1-го и 2-го актанта) приводить [в ~е] и т.д.

При наличии ряда лексических единиц, которыми являются слова и словосочетания, определённая лексическая функция ставит в соответствие каждой из этих единиц набор альтернативных лексических единиц, находившихся с исходной единицей в соответствующем смысловом отношении. Лексические функции были введены исключительно для описания лексической сочетаемости, а не для представления смысла, и поэтому их не следует считать семантическими единицами.

Таким образом, для решения проблемы лексикографического описания лексической сочетаемости оптимальным вариантом, как мы полагаем, является аппарат лексических функций, с помощью которого возможно систематизировать словосочетания по смыслам и наиболее точно отразить оттенки значений заголовочных единиц в словаре.

Исследование фактического материала подтверждает, что отношения в синтагматической цепи нередко соотносятся с чисто семантическим фактором, т.е. сочетаемость слова может быть ограничена не отдельными словами (лексическая сочетаемость), а рядом слов, однородных семантически. В этом случае в силу вступает семантическая сочетаемость – способность данного слова синтаксически связываться с любым словом, в значение которого входит определённый семантический признак [6, с. 81]. Семантическим признаком может быть одушевлённость / неодушевлённость, физическое состояние предмета и т.д.

Семантическая сочетаемость – это такое лингвистическое соотношение между семантически связанными словами, при котором создаётся смысловое единство высказывания и которое обеспечивает правильное понимание даже при нарушении его грамматической правильности, в то время как грамматически правильные предложения непонятны в случае отсутствия семантической сочетаемости. Так, языковые единицы сами семантически регламентируют состав своего окружения [9, с. 34–35]. По мнению Ю.Д. Апресяна, текст считается семантически связанным, «если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты...» [6, с. 14].

В словарях для семантической сочетаемости слова в прямом номинативном значении обычно используются пометы, указывающие на рядовые ограничения (например, *о людях, о погоде, о средствах транспорта* и т.д.). Семантическая сочетаемость, в отличие, например, от лексической, объединяет классы слов, связанные определённым при-

знаком (одушевлённость / неодушевлённость, отвлеченность / конкретность, люди и животные и т.д.).

Если в одноязычных словарях семантическая сочетаемость отражается более или менее последовательно, то двуязычные словари отражают её недостаточно чётко. Но, как известно, семантическая сочетаемость нередко не совпадает в исходном языке и языке перевода. Например, русские прилагательные *высокий* и *низкий*, в отличие от английских, соотносятся как с людьми, так и с предметами. Однако не все двуязычные словари игнорируют указания на семантическую сочетаемость. «Англо-русский учебный словарь» (2001) приводит в некоторых словарных статьях достаточно чёткое описание семантической сочетаемости. Например:

tall [to:l] *adjective* 1. (of people and thin or narrow objects such as building or trees) higher than normal: *a tall man/tree*. **высокий**

2. (of people) having a particular height: *John is only four feet tall*. **имеющий какой-то рост...**

tall is used *especially* of people, and of other (narrow) upright objects: *a tall girl, tree, building*

high is used of objects that are a long way off the ground, or reach a great height: *a high shelf, diving-board, mountain, wall*

Как мы полагаем, оптимальное представление данного типа сочетаемости в словарях может решить, по крайней мере, две важных проблемы: во-первых, оно позволяет экономить место в словарном произведении и, во-вторых, даёт возможность компактного и ясного для пользователя словаря отражения семантических ограничений заголовочного слова.

Синтаксическая сочетаемость слова – «совокупность имеющихся при слове синтактико-семантических позиций. Под распространителем значения слова понимается другое слово или сходная с ним по функциям языковая единица, которая либо определяет, дополняет, восполняет, конкретизирует значение данной лексико-семантической единицы, либо обеспечивает её включение в речь» [10, с. 22]. Практическим воплощением такого видения проблемы является «Словарь сочетаемости слов русского языка» (2002), где демонстрируется систематическое и достаточно полное описание синтаксически сочетаемых свойств наиболее употребительных русских слов. Например:

Лишаться, лишаюсь, лишаешься, лишаются, несов.: лишиться, лишусь, лишишься, лишатся, сов.

Терять, утрачивать кого-что-л., оставаться без кого-чего-л.

Лишиться к о г о-ч е г о: (*о человеке*) ~ отца, матери, родителей, сына, друга... земли, имущества, наследства, работы, средств к существованию, куска хлеба, прав, свободы, премии, отпуска, возможности сделать что-л., каких-л. привилегий, зрения, слуха, руки, сна, покоя...

Лишиться к а к: ~ неожиданно, внезапно, вдруг...

Не хотеть, бояться... лишиться кого-чего-л.

Родителей лишился он в раннем детстве. (Чехов).

Анализируя словарные статьи в данном словаре, можно сделать вывод, что синтаксическая сочетаемость в данном пособии представлена как узкое понятие, ограниченное рамками словосочетания.

Широкое понимание синтаксической сочетаемости с выходом в предложение может быть основано на положении о том, что информация, содержащаяся в предложении, бывает двух типов: 1) **обязательная**, т.е. информация о ситуации, обозначаемой глаголом, называющим данную ситуацию, и 2) **необязательная**, т.е. об атрибутах, её наличие / отсутствие в предложении не определяется ситуацией, называемой глаголом. Таким образом, синтаксическая сочетаемость подразделяется на обязательную, которую составляют субъект, объект, адресат, инструмент, исходная точка и т.д., и факультативную, которую составляют причина, цель, результат, следствие, место, время и т.д. Последняя свидетельствует о том, что она связана с семантикой слова, хотя и не так, как обязательная сочетаемость.

Синтаксическая сочетаемость также может быть **активной** (сочетание грамматически главенствующего слова с грамматически зависимым) и **пассивной** (сочетаемость грамматически зависимого слова (распространителя) с главным словом. Грамматически главенствующее слово всегда выступает как парадигматическое, а грамматически зависимое – как синтагматическое.

По мнению Н. З. Котеловой, «самый естественный и результативный путь исследования и демонстрации синтаксической сочетаемости – это учёт формальной и содержательной стороны явлений» [11, с. 50]. Исследователь предлагает при описании синтаксической сочетаемости в словаре учитывать следующие параметры: 1) формальный или содержательный уровень описываемых явлений; 2) степень охвата синтаксических связей; 3) включение информации об упорядочивании связей, их отношений; 4) охват индивидуальных особенностей синтаксической сочетаемости; 5) состав описываемых единиц.

Синтаксическая сочетаемость слов является одним из наиболее важных критериев в описании сочетательных свойств языковых единиц. Однако данная сочетаемость не относится непосредственно к синтаксису, а принадлежат к области межуровневых взаимодействий. В целях

лексикографического описания сочетаемости слов оптимальным, по нашему убеждению, является комплексный подход к данной проблеме, т.е. отражение сочетательной способности слова с учётом семантической, синтаксической и лексической сочетаемости в их взаимосвязи. Выполнению данной цели, как нам представляется, может способствовать использование аппарата лексических функций.

В заключение подчеркнём, что сочетаемость является основным аспектом языкового синтагматического потенциала, широко востребована при исследовании связей лексического значения слова и крайне необходима для описания слов в словарях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архинова Н.Г.* Сочетаемость слова в лексикографическом описании: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
2. *Котелова Н.З.* Лексическая сочетаемость слова в современном русском языке: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1977.
3. *Котелова Н.З.* Значение слова и его сочетаемость. М., 1975.
4. *Морковкин В.В.* Сочетаемостные свойства слова и проблема их системной лексикографической интерпретации // Проблемы сочетаемости слов. М., 1979.
5. *Апресян Ю.Д.* Синонимы и синонимия // Вопросы языкознания. 1969. № 4.
6. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика, 1995.
7. *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О системе семантического синтеза. I: Структура словаря // НТИ. 1966. №11. С. 48–55.
8. *Мельчук И.А.* Русский язык в модели «Смысл ⇔ Текст». Москва; Вена, 1995.
9. *Медникова Э.М.* Сочетаемость слов и соотношение «норма языка – норма речи» // Проблемы сочетаемости слов. М., 1979. Вып. 145. С. 32–36.
10. *Морковкин В.В.* Основы теории учебной лексикографии: Автореф. ... д-ра филол. наук. М., 1990.
11. *Котелова Н.З.* О словаре синтаксической сочетаемости слов // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984. С. 49–61.

ЗНАЧЕНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБРАЗОВ В СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ «ВНУТРЕННЕГО» ЧЕЛОВЕКА В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА

С.В. Владимирова
(Омск)

В языке, языковой картине мира образ человека складывается из разных по своей природе частей, ипостасей, параметров. Лингвисты рассматривают семантическое пространство человека как состоящее из двух взаимодополняющих пространств: пространство «внешнего человека» и пространство «внутреннего человека». Этот подход представлен трудами таких исследователей, как В.М. Богуславский, Т.В. Бахвалова, Н.Д. Федяева, М.В. Пименова, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Е.В. Урысон, Т.В. Булыгина, О.В. Коротун, М.П. Одинцова и мн. др.¹

Несмотря на значительные успехи современных семасиологов в реконструкции языковой картины непредметного мира человека, концепт «внутренний человек» остается величиной гипотетической, поскольку он не дан нам в непосредственных наблюдениях, в чувственном восприятии; однако степень гипотетичности этого мира становится относительно убывающей, так как в последние десятилетия появилось значительное количество работ, посвященных специальному изучению семантического пространства «внутреннего человека» в рамках исследований языковой картины мира. Многие лингвисты моделируют внутренний мир человека с различной степенью полноты и детализации, наблюдая и систематизируя семантические представления о нем, которые даны в словах, словосочетаниях и высказываниях как с прямыми, так и с переносными значениями. Подобные наблюдения дают основание сформулировать различные подходы к описанию семантических представлений о явлениях внутреннего мира: лексико-семантический (Л.М. Васильев, Ю.Д. Апресян, А. Вежбицкая, Л.Н. Иорданская, Е.М. Вольф, В.Ш. Телия, Б.А. Успенский, А.Б. Пеньковский и др.), когнитивный (Е.М. Вольф, И.Э. Формановская, Л.Б. Никитина, М.П. Один-

¹ *Богуславский В.М.* Словарь оценок внешности человека. М., 1994; *Бахвалова Т.В.* Выражение в языке внешнего облика человека средствами категории агентивности. Орел, 1996; *Телия В.Н.* О специфике отображения мира психики и знания в языке // *Сущность, развитие и функции языка.* М., 1987. С. 65–74; *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999; *Одинцова М.П.* Языковые образы «внутреннего человека» // *Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические, философские очерки (на материалах русского языка).* Омск, 2000. Ч.1. С. 11–28.

цова, Е.В. Гейко и др.), наивно-анатомический (Е.В. Урысон, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев) и мн. др.²). Исследования названных и других ученых открывают пути дальнейшего изучения внутреннего мира человека.

«Внутренний человек» в лингвоантропологии рассматривается как тождественный всей психике человека. При исследовании языка внутреннего мира отдельного писателя (мы рассматриваем язык С. Есенина) необходимо учитывать, что внутренний мир человека, как правило, моделируется по образу и подобию внешнего, природного мира в силу своей непрямой наблюдаемости, то есть дан нам опосредованно. Каждый художник слова изображает этот мир по-своему, часто ассоциативно, образно. Значительную роль в таких ассоциациях играет природный мир, его образы. И именно в этом аспекте природные образы представляют для нас интерес как средства репрезентации внутренней жизни человека.

Наш выбор поэтического языка Есенина не случаен, поскольку его язык богат разнообразными способами и средствами описания эмоциональных состояний, чувств, переживаний человека.

Есенинские образы характеризуются аналогиями между человеческой жизнью и природой, например, «я – как запущенный сад», «и в душе и в долине прохлады», «вспомнит обо мне // как о цветке неповторимом», «все пройдет, как с белых яблонь дым», «моя утраченная свежесть, буйство глаз и половодье чувств», «глаз осенняя усталость», «ловит память тонким клювом», «сердце гложет плакучая дума» и мн. др.

Природные образы в поэзии С. Есенина широко изучаются литературоведами (см. работы Е.М. Галкиной-Федорук, В.В. Коржан, А.М. Марченко, Л.Л. Вельской, Ю.Л. Прокушева и др.), им посвящены целые сборники: «В мире Есенина» (1986), «Растерзанные тени» (1995) и др.³ Литературоведы сделали немало ценных наблюдений о роли и значениях природных образов в поэтической речи С. Есенина, однако в большинстве подобных наблюдений лежит отношение лирического героя к природе и природным явлениям, здесь имеется в виду спектр таких отношений, как восхищение, радость, любовь, грусть, ненависть, тоска, печаль и т.п.

Специальным предметом нашей работы являются словесные образы природных ассоциаций в семантическом пространстве «внутреннего»

² Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2; Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996; Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1983; Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // Вопросы языкознания. 1995. № 3.

³ Растерзанные тени. М., 1995; В мире Есенина. М., 1986; Прокушев Ю.Л. Сергей Есенин. Образ. Стихи. Эпоха. М., 1979.

человека в поэзии С. Есенина, содержание которых может быть понято, исходя из переносного осмысления явлений природы и соответствующих номинаций. Под словесными образами природы мы понимаем любые обозначения природы (в их переносном значении) как *однословные*, так и *развернутые*: «Только мне не плачется – на душе светло...» («Выткался на озере алый свет зари...»), «То сучья золотых стволов // Как свечи, теплятся пред тайной, // И расцветают звезды слов // На их листве первоначальной...» («Душа грустит о небесах...»), «Тих мой край после бурь, после гроз, // И душа моя – поле безбрежное // Дышит запахом меда и роз...» («Несказанное, синее, нежное...»), «В голове болотный бродит омут, // А на сердце изморозь и мгла...» («Видно, так заведено навеки...») и др.

В связи с избранным предметом представляется важным понимание того, что есть природа. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова дается следующее определение: «Природа–1. Все существующее во вселенной, это и органический (растительный и животный мир) и неорганический мир»⁴. В «Новой философской энциклопедии» определение того, что есть природа, несколько иное: «Природа – одно из центральных понятий европейской философской мысли и культуры, обладающее широким спектром значений. В наиболее общем смысле природу определяют как «совокупность всего сущего», и одновременно как «противостоящий человеку (субъекту) объективно существующий, развивающийся по своим законам и независимый от него мир»⁵. Во втором определении подчеркивается независимость природного мира от человека, который является по своей сути его частью. Итак, природа – это все существующее вокруг нас, окружающий нас мир растений, животных, явлений, который живет и развивается по своим законам; его развитие не зависит от человека, но в то же время этот окружающий мир является источником чувств, эмоций и переживаний человека.

Семантический анализ словесных образов природы предполагает внимание к 1) тематическому разнообразию природных образов, на основе которых автор рисует внутренний мир, и 2) к тому, какие явления внутреннего мира обозначаются с помощью природных образов.

Остановимся на первом аспекте.

В поэтической речи С. Есенина словесные образы природы, участвующие в раскрытии внутреннего мира человека, чрезвычайно разнообразны: они включают в себя небосвод с луной, солнцем и звездами, зори

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. Екатеринбург, 1994. С. 513.

⁵ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 1999. Т. 3. С. 346.

и закаты, ветры и метели, росы и туманы; этот мир заселен множеством «жителей» – от лопуха и крапивы до тополя и дуба, от мыши и лягушки до коровы и медведя, от воробья до орла⁶.

В осенних «пейзажах души» поражает многообразие образов растительного мира: более 20 наименований пород деревьев (береза, ива, черемуха, дуб, клен, тополь, липа, ель, рябина, верба, осина, сосна, яблоня, вишня, калина, ракета, сирень и др.), около 20 видов названий цветов (олеандр, василек, резеда, колокольчик, мак, левкой, ландыш, ромашка, гвоздика, роза, повилика, лилия, подснежник, жасмин и др.), разных видов трав и злаков, например: а) цветы и плоды – чувства: «Знаю, чувство мое перезрело // А твое не сумеет расцвести...» («Ты прохладой меня не мучай...»); б) сад, дерево, цветок, ветер, снег, закат – человек: «Был я весь – как запущенный сад...» («Заметался пожар голубой...»), «Увядаешь золотом охваченный, // Я не буду больше молодым...» («Не жалею, не зову, не плачу...»), «Все мы – яблони и вишни // Голубого сада... Все мы – гроздь винограда // Золотого лета...» («Певущий зов»), «Хорошо под осеннюю свежесть // Душу-яблоню ветром стряхать // И смотреть, как над речкою режет // Воду синюю солнца соха...» («Хорошо под осеннюю свежесть»), «...пейте, пойте, в юности, бейте в жизнь без промаха // Все равно любимая отцветет черемухой...» («Песня»), «Сам себе казался я таким же кленом // Только не опавшим, а всюю зеленым...» («Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»), «Я отцвел, не знаю где...» («Песня»), «Вот также отцветем и мы // И отшумим как гости сада...» («Мне грустно на тебя смотреть...»), «И песне внемля в тишине, // Любимая с другим любимым, // Быть может, вспомнит обо мне // Как о цветке неповторимом...» («Цветы мне говорят – прощай...»), «И люди разве не цветы?» («Цветы»), «И я, как страстная фиалка // Хочу любить...» («Чары»), «Плюйся, ветер, охапками листьев, // Я такой же, как ты, хулиган...» («Хулиган»), «Как снежинка белая, в просини я таю // Да к судьбе-разлучнице след свой заматаю...» («Матушка в купальницу по лесу ходила...»), «На закат ты розовый похожа // И, как снег, лучиста и светла...» («Не бродить, не мять в кустах багряных...») и мн. др.

Среди осенних образов живых существ, с помощью которых поэт рисует внутренний мир человека, наиболее многочисленны птицы – свыше 30 наименований (журавль, кулик, чибис, сова, лебедь, ворона, соловей, грач, воробей, орел, иволга, глухарь, попугай и др.), а наиболее распространенные названия животных – лошадь, корова и собака: «И с

⁶ Есенин С. Собрание сочинений: В 2 т. М., 1991.

того, поднявшись над болотом, // *В душу плачут чибис и кулик...*) («Каждый труд благослови, удача!»), «*Как бабочка – я на костер // Лечу и огненность целую...*» («Цветы»), «Не знали вы, что в соннице людском // *Я был, как лошадь, загнанная в мыле, // Пришпоренная смелым ездом...*» («Письмо к женщине»), «*Ведь не корова я, // Не лошадь, // не осел, // Чтобы меня из стойла выводили!*» («Ответ») и др. Каждое слово, обозначающее животное, имеет свой символический смысл: корова – Россия, лошадь – неостанавливающееся движение, уходящая молодость, собака – помощник, сторож, друг.

Как видим, поэтическая речь С. Есенина представлена тематически разнообразными словесными образами природного мира, с помощью которых можно вообразить, понять эмоциональное состояние лирического героя.

Перейдем ко второму аспекту и рассмотрим, какие явления внутреннего мира обозначаются с помощью природных образов.

Внутренний мир человека богат различными эмоциональными и интеллектуальными состояниями, переживаниями, чувствами, и каждое такое состояние, чувство поэт раскрывает через особые, свойственные только ему природные образы. Они передают всю палитру чувств, переживаний, эмоциональных состояний человека, показывают разнообразие и напряженность внутренней жизни, причем для каждого эмоционального состояния, переживания есть свои природные аналогии, например: любовь – мак, огонь: «*Маком влюбленное сердце цветет...*» («Белая свитка и алый кушак...»), «*И так огонь горит в груди...*» («Цветы»); радость – васильки, бирюса, голубь, вешняя звень: «*Васильками сердце светится, горит в нем бирюса...*» («Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха...»), «*О товарищах веселых // О полях посеребренных // Загрустила, словно голубь // Радость лет уединенных...*» («О товарищах веселых...»), «*Ведь радость бывает редко // Как вешняя звень поутру...*» («Зоря окликает другую...»); грусть – дождик, вечер, овсяный ветерок, пашни: «*Как будто дождик моросит // С души, немного омертвелой...*» («Мне грустно на тебя смотреть...»), «*Опять я теплой грустью болен // От овсяного ветерка...*» («Запели тесаные дроги...»); тоска – зной, метель, журавль, сентябрь, гречневые просторы: «*В сердце тоска и зной...*» («Грубым дается радость...»), «*У меня на сердце без тебя метель*» («Голубая дофта. Синие глаза...»); состояние покоя – тишина, прохлада, поле безбрежное, озеро: «*В сердце почивают тишина и мощи...*» («Задымился вечер, дремлет кот на бруссе...»), «*И в душе и в долине прохлада...*» («Закружилась листва золотая...»), «*Несказанное, синее, нежное... // Тих мой край после бурь, после гроз, // И душа моя – поле безбрежное – // Дышит запахом меда и роз. // Я утих...*» («Неска-

занное, синее, нежное»); юность (как состояние души) – свежесть, соловьиный рассвет, белая липа, клен, сирень, май: «О моя утраченная свежесть, // Буйство глаз и половодье чувств...» («Не жалею, не зову, не плачу...»), «Этой грусти теперь не рассыпать // Звонким смехом далеких лет. // Отцвела моя белая липа, // Отзвенел соловьиный рассвет...» («Этой грусти теперь не рассыпать...»), «Нынче юность моя отшумела // Как подгнивший под окнами клен...» («Сукин сын»), «Не жаль мне лет, растраченных напрасно // Не жаль души сиреневую цветь...» («Отговорила роща золотая...»); память – птица, мрак: «Снова выплыли годы из мрака...» («Сукин сын») «Ловит память тонким клювом // Первый снег и первопуток...» («О товарищах веселых...»); воспоминания – мед, май: «О мед воспоминаний!» («О муза, друг мой гибкий...»), «Хочешь, пес, я тебя поцелую // За пробужденный в сердце май!» («Сукин сын») и мн. др.

Раскрытие душевных переживаний человека посредством обращения к явлениям или образам, заимствованным из мира природы, облекается в различные формы сравнения, зачастую сжатые. У Есенина есть ряд стихотворений, в которых внутренний мир раскрывается с помощью сравнения, сопоставления, например: «Плюйся, ветер, охапками листьев // Я такой же, как ты, хулиган...» («Хулиган»), «И в душе и в долине прохлада...» («Закружилась листва золотая...»), «Ты прохладой меня не мучай // И не спрашивай, сколько мне лет...» («Грусть») («Ты прохладой меня не мучай...»), «Я обманывать себя не стану // Залегла забота в сердце мгlistом...» («Я обманывать себя не стану»), «Ты теперь не так уж будешь биться, // Сердце, тронутое холодком...» («Не жалею, не зову, не плачу...»), «Как будто дождик моросит // С души, немного омертвевшей...» («Мне грустно на тебя смотреть...»), «В голове болотный бродит омут // И на сердце изморозь и мгла...» («Видно, так заведено навеки»), «У меня на сердце без тебя метель» («Голубая кофта. Синие глаза...»), «Осенним холодом расцвечены надежды...» («Голубень»), «Ах подружки, стыдно и неловко: // Сердце робкое охватывает стужа...» («Девичник»), «В сердце тоска и зной...» («Грубым дается радость...») и мн. др. Перенос явлений природного мира в сферу переживаний, эмоций и размышлений человека (во внутренний мир человека) позволяет ярче представить состояние человека, поскольку мы видели и знаем, какое природное явление называется метелью, мглой, дождем и т.п. и почему.

У С. Есенина есть ряд стихотворений, в которых изображены такие явления внутреннего мира человека, как думы, мечты, виденья, тоска, грусть и т.п. В поэтическом мире Есенина для них характерна персонафикация, одушевление, поэтому нам они представляются живыми существами, имеющими свои цели, пути: «Что вы терзаете грудь истом-

ленную, // Что заграждает путь вы мне мой // Что возбуждает силу сломленную // Вновь на борьбу с непроглядной тьмой?» («Думы»), «Теперь тоска меня сосет // И грусть мне сердце точит... » («Песня старика разбойника»), «Не все ль равно – придет другой // Печаль ушедшего не сложит...» («Цветы мне говорит – прощай...»), «Горе вместе с тоской заградили мне путь...» («Моя жизнь»), «Снова грусть и тоска // Мою грудь облегли // И печалью слегка // Веет вновь издали...» («Я зажег свой костер»), «Грустно... Душевные муки // Сердце терзают и рвут...» («Грустно... Душевные муки...»), «Но более всего // Любовь к родному краю // Меня томила // Мучила и жгла...» («Стансы») и др.

В этих стихотворениях основными приемами изображения мира души являются образный параллелизм, метафора, сравнение и эпитет. Приведем примеры наиболее ярких метафор: «Пускай ты выпита другим, // Но мне осталось, мне осталось // Твоих волос стеклянный дым // И глаз осенняя усталость...», «Помиришь лишь в сердце со врагом // И тебя блаженством ошафранит...», «Говорю вам – вы все погибнете, // Всех задушит вас веры мох...», «Они несжатой рожью на корню // Остались догнивать и осыпаться...», «Спит ковыль. Равнина дорогая // И свинцовой свежести польнь // Никакая родина другая // Не воьет мне в грудь мою теплынь...» («Спит ковыль. Равнина дорогая...»), «Опять я теплой грустью болен // От овсяного ветерка...» («Запели тесаные дроги...») и т.п. Иным содержанием наполняются понятия, выражающие различные душевные состояния – тоску, грусть, радость и др.

Итак, «мир души», представленный в поэтическом языке Есенина, богат разнообразными эмоциональными состояниями, переживаниями, размышлениями, воплощенными в словесных образах природы. Они самобытны и национально специфичны. Эту специфичность можно видеть в тематическом разнообразии групп словесных природных образов, используемых поэтом для описания внутреннего мира лирического героя; в ориентации поэта на среднерусскую природу, в изображении тех природных явлений, которые любимы поэтом, то есть в том, что Г. Гачев назвал «приодиной».

Есенинский мир словесных образов природы поражает семантическим разнообразием как с точки зрения тех природных явлений, которые положены в основу природных ассоциаций, так и тех индивидуальных смыслов, которые он придает этим ассоциациям. Использование разных языковых средств и разнообразных художественных приемов позволило поэту раскрыть сложный мир человеческой души во всем его богатстве.

Остается заметить, что за пределами нашего внимания оказались словесные образы «очеловеченной» природы, которая наделяется чув-

ствами, эмоциями, переживаниями, свойственными герою, переданными с помощью антропоморфных эпитетов; эмоциональные состояния природы и героя могут совпадать, а могут и нет: «Нездоровое, хилое, низкое // Водянистая, серая гладь, // Это все мне родное и близкое, // От чего так легко зарыдать...» («Этой грусти теперь не рассыпать...»), «На бору со звонами плачут глухари // Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. // Только мне не плачется – на душе светло...» («Выткнулся на озере алый свет зари...»), «Сияй ты, день погожий, // А я хочу грустить...» («Прощай, родная пуша...»). Это предмет отдельного исследования.

О ДВУХ ТИПАХ СЛОВАРНОЙ ДЕФИНИЦИИ И ОТНОШЕНИЯХ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МОТИВАЦИИ

Е.В. Вычужанина
(Томск)

Мотивационные отношения как системные отношения лексики стали самостоятельным объектом исследования лексикологии сравнительно недавно. Но сегодня в связи с огромным интересом науки к человеку активному, человеку-созидателю, человеку-личности мотивационные отношения, лежащие в основе акта номинации, несущие генетическую память слова, хранящие информацию об истории и культуре народа, способные раскрыть загадки национального менталитета и законы человеческого мышления, вызывают огромный интерес не только у языковедов, но и у педагогов, психологов, психолингвистов, философов, культурологов, этнологов и представителей других смежных научных направлений.

Чтобы еще раз подчеркнуть роль мотивационных отношений в системе языка, мы проанализируем текст толкового словаря, руководствуясь убеждением, что филологический академический словарь призван не только объяснять значения слов, но и показывать словарный состав языка как систему в единстве всех её элементов и связей между ними. Нас интересовали случаи наличия либо отсутствия отношений лексической мотивации между заглавным словом и словами текста дефиниции. Мы остановили свой выбор на самых популярных толковых словарях русского языка: словаре С.И. Ожегова, четырёхтомном словаре Д.Н. Ушакова и словаре под редакцией А.П. Евгеньевой. Выбор анализируемых букв был не случаен: "И", "В" – как "приставочные буквы", т.е. оформляющие начало многих мотивированных слов, и "Л", "М" – как не характеризующие подобным свойством. Оговорим ещё одну условность: на первом этапе было решено ограничиться первыми семьюдесятью заглавными словами каждой из названных букв.

В процессе анализа материала словарных статей мы отметили, что в одном и том же толковом словаре кодифицированного языка сосуществуют два типа толкования слова. Например, данные словаря Ожегова.

1-й тип

Ваза – сосуд изящной формы для фруктов, цветов или декоративный.

Игра – занятие, служащее для развлечения, отдыха, спортивного соревнования.

Изверженный (спец.) – образовавшийся в результате действия вулканических сил.

Игрище (устар.) – праздничное собрание молодежи с песнями и плясками.

2-й тип

Избранник (высок.) – тот, кто избран кем-н.

Избавитель (высок.) – тот, кто избавляет, избавил кого-что-н. от ко-го-чего-н.

Иголка – то же, что игла.

Игрок – участник игры.

Приведём аналогичные группы дефиниций из словаря Евгеньевой.

1-й тип

Лаборант – лицо, готовящее приборы, препараты и т. п. для лабораторных занятий со студентами, учащимися.

Лаваш – плоский, обычно в виде большой лепёшки, пшеничный пресный хлеб, употребляемый в Закавказье.

Магазин – торговое предприятие, продающее товары в розницу, а также помещение, приспособленное для такой продажи.

Лабрадор – минерал из группы полевых шпатов (употребляется на различные поделки и для украшения зданий).

2-й тип

Лавочка – уменьш. к лавка, небольшая лавка.

Лада (нар.-поэт.) – милый (милая), возлюбленный (возлюбленная), супруг (супруга).

Лабильный (книжн.) – нестойкий, неустойчивый.

Магистратский – прил. к магистрат.

Первое, что следует отметить при сравнении этих двух групп дефиниций, – это то, что предикативные части высказывания, т.е. правые части словарных статей, значительно отличаются по длине: дефиниции второй группы короче, лаконичнее, но не в ущерб точности понимания. Сравните данные словаря Ушакова:

Магарыч (простореч. устар.) – угощение, которое устраивает сторона, получившая барыш в торговой сделке

и

Магазинщик (разг. устар.) – владелец магазина.

Второе отличие – это характер синтаксических конструкций в составе дефиниции. Первая группа характеризуется обилием причастных оборотов, которые типичны для научной и дидактической речи, книжного стиля; в разговорной же речи это, по утверждению многих исследователей, крайне редкое явление.

Дефиниции первой группы предоставляют больше подробностей, деталей денотата, обозначаемого данным словом, часто указывая на функциональный аспект семантики слова (см., например, толкование слова "лабрадор", приведённое выше): толкуется не языковая единица (а это именно то, что мы ожидаем от филологического словаря), а описывается денотат. В целом эти дефиниции звучат строже, научнее, более энциклопедично.

Мы видим отличие и в самом дефиниендуме (т.е. толкуемом слове), и денотате, им обозначаемом. Толкуемые слова первой группы – это, как правило, термины, специальные, заимствованные или устаревшие слова, либо обыденные слова повседневного употребления, которые так нам привычны, что, казалось бы, не требуют никакого пояснения, поскольку абсолютно каждый, говорящий на русском языке, знает значения таких слов, как "ваза", "магазин", "игла" и др.

Однако на поверку оказывается, что значения именно таких слов труднее всего объяснить кратко и понятно (как правило, эти объекты не являются предметом изучения какой-либо науки, кроме лингвистики, – на уровне слов). Отметим, что эти слова очень часто являются начальным звеном мотивационной цепочки (например, игла – иголочка – игольный – игольник – игольчатый), т.е. в основной массе эти слова – немотивированные. А немотивированное заглавное слово, естественно, не может иметь в своём объяснении слова, связанные с ним отношениями мотивации (редко актуализируются отношения структурной мотивации). Актуализация же системных отношений: синонимических, антонимических и мотивационных, в том числе, позволяет составить краткое, однако научно верное определение. В противном случае, когда нет возможности сослаться на лексические связи между словами, лексикографам приходится прибегать к строгим, логическим, распространённым, почти энциклопедическим определениям. Сравним два определения одного и того же слова: первое – из словаря Ушакова, второе – из Большого энциклопедического словаря под ред. А.М. Прохорова.

Мавзолей (греч.) книжн. – большой надгробный памятник, обычно в виде архитектурного сооружения.

Мавзолей (от греч.) – монумент, погребальное сооружение, включавшее камеру, где помещались останки умершего, и иногда поминальный зал. Назв. по гробнице карийского царя Мавсола в Галикарнасе (IV в. до н.э.).

Эти два определения отличаются объёмом информации, количеством признаков денотата, перечисляемых в них, дополнительной информацией в виде исторической справки, но и только. Сема "размер" в первой дефиниции, выраженная одним словом "большой", во втором опре-

делении развёрнута до "включавшее камеру, где помещались останки умершего, и иногда поминальный зал". Структурное сходство и однотипность приведённых определений кажутся очевидными. Интересный факт: слово "мавзолей" для усреднённого носителя русского литературного языка (это отражает и дефиниция толкового словаря) является немотивированным словом. Энциклопедическое же описание устанавливает связь с именем царя Мавсола (факт, известный только специалистам), что переводит слово "мавзолей" в разряд мотивированных. Можно говорить о субъективности категории мотивированности: она зависит от образования, эрудиции, сферы деятельности и других типов presupпозиций (т.е. фоновых знаний) [1]. Категория мотивированности оказывается непостоянной в масштабе языкового сознания отдельной языковой личности.

Итак, мы приходим к выводу, что при том типе толкования, который представлен первой группой дефиниций, системные отношения лексики, в том числе и мотивационные, как правило, не используются при толковании значения слова, тогда как слова второй группы семантизируются посредством актуализации различных системных связей языка в дефинициях, например синонимичных (идиотизм (разг.) – глупость, бессмыслица) и мотивационных (игрок – участник игры).

Из вышесказанного можно сделать вывод, что актуализация системных отношений языка в словарной дефиниции, а по большей части это актуализация мотивационных отношений, позволяет сделать данную дефиницию лаконичнее, понятнее для максимально широкого круга читателей, уменьшить объём словаря, что чрезвычайно важно для успеха, в том числе и коммерческого, любого справочного издания.

Необходимо заметить, что лексикографы прибегают к "энциклопедичным" определениям крайне осторожно: об этом свидетельствует и соотношение дефиниций первой и второй групп в пользу второй (примерно один к трём). Общая тенденция современной лексикографии – это отход от энциклопедичности, когда возможно, стремление избегать громоздких, перегруженных информацией дефиниций. Д.Н. Ушаков писал в Предисловии к своему словарю: "Толковый словарь – не энциклопедический словарь, задачи того и другого не совпадают: первый есть словарь языка и толкует слова, второй – объясняет предметы, понятия" [2].

Есть ещё один критерий, по которому мы можем развести две описываемые группы дефиниций. Это способ толкования значения слова. В литературе выделяют три основных способа смысловой характеристики слова: описательное, синонимическое и отсылочное [3].

Таким образом, в нашей первой группе дефиниций, так называемых

"энциклопедичных" дефиниций, основным типом толкования является описательный, а во второй группе мы наблюдали все три типа, причём описательный здесь – не самый продуктивный.

Как такие разные формы уживаются в рамках одного лексикографического произведения? Ответ мы находим в теории языкового сознания и, в частности, метаязыкового сознания как его составляющей. Метаязыковое сознание направлено на отражение языка-объекта как элемента действительного мира. Когда мы рассуждаем над явлениями языка, мы создаём метатекст. А что есть толковый филологический словарь, как не размышление над языком: его элементами, связями и структурой?

Итак, текст словаря – это метатекст, результат работы нашего метаязыкового сознания (МЯС). Вопросы метатекста как формы проявления метаязыкового сознания рассматриваются А.Н. Ростовской на материале сибирских говоров [4]. Говоря о структуре МЯС, она выделяет два уровня его существования:

1) уровень теоретически систематизированного сознания в форме системы научных понятий, суждений;

2) уровень теоретически несистематизированного сознания, существующего в форме массовых эмпирических знаний и представлений о языке основной массы говорящих (сфера обыденного сознания).

Оба уровня МЯС отражают одну и ту же языковую реальность, но по-разному, используя разные языковые средства: первый уровень МЯС оперирует средствами научного стиля языка, второй – средствами общедоступного разговорного стиля. Более того, на разных уровнях МЯС действуют разные виды мышления: синтез и анализ – на уровне теоретически систематизированного сознания, сравнение – на уровне обыденного сознания. В результате мы должны признать возможность объяснить любое слово на двух разных уровнях МЯС: одна дефиниция будет элементом системы научного знания, а другая – результатом практически-духовного освоения действительности. Например, Ф.П. Сороколетов, анализируя смысловую характеристику терминов в толковых словарях, пишет, что энциклопедичный тип толкования "могут получать не только термины, но и самые обыкновенные слова общенародного литературного языка. Такое обычное слово, как стол, может в определённых словарях быть охарактеризовано с точки зрения устройства этого вида мебели, его назначения, разновидностей и т.д." [2]. В качестве признаков энциклопедического типа толкования он называет детальную характеристику понятия, обозначаемого словом; описание соответствующей реалии, раскрывая её устройство, составные части, принцип действия, элементы развития реалии и т.п. Далее Ф.П. Сороколетов говорит о том,

что в филологических толкованиях значения слов и терминов "видна иная направленность, иные стороны действительности кладутся в основу определения значения слова" [2] или термина.

Подводя итог, следует обозначить два типа словарных дефиниций толкового словаря, актуальных при рассмотрении проблем мотивации, когда основным критерием является уровень МЯС, на котором создан метатекст дефиниции: дефиниции филологические и энциклопедические.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Чернухина И.Я.* Восприятие поэтического текста на примере восприятия тропа // Вопросы стилистики. Саратов, 1992. С. 26–38.
2. *Сороколетов Ф.П.* Смысловая характеристика терминов в толковых словарях // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. С. 125–131.
3. *Коньт И., Пикамяэ А.* Смысловая характеристика слов в макете толкового словаря эстонского языка // Лексикографический сборник. М., 1962. Вып. 5. С. 137–143.
4. *Ростова А.Н.* Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000.

ОБРАЗНЫЕ ЕДИНИЦЫ В РЕЧИ ГЕРОЯ (на материале произведения В. Астафьева «Царь-рыба»)

Т.А. Демидова
(Томск)

Своеобразие художественного текста заключается в том, что при анализе его лексического, синтаксического строя необходимо учитывать способ повествования, т.е. ту позицию, с которой ведётся повествование: сам ли говорит автор или излагает взгляд героя. Очень часто взгляд автора не совпадает с мнением героя о том же самом предмете, явлении, событии, и поэтому лексические и синтаксические единицы, избираемые для характеристики этого предмета, явления, события будут разными. В нашем случае речь идёт об образных единицах: языковой, художественной, индивидуально-авторской метафоре (ЯМ, ХМ, И-аМ), собственно образном слове (СО), сравнении. Важным оказывается разграничение речи авторской, речи героя и несобственно-прямой речи. «Авторская речь по содержанию представляет собой либо объективное повествование, либо отражает субъективную точку зрения автора. Речь героя отражает субъективную точку зрения персонажей. Несобственно-прямая речь совмещает субъективные планы автора и героя» [1, с. 21]. Обратимся к образным единицам в речи героя.

Часто герой, характеризуя себя, другого человека или какое-то явление окружающей действительности, использует для этого образные единицы, семантика которых отражает особенности его менталитета, образа жизни, уровня развития.

Лексика, сравнения, используемые героями, в основном носят разговорный характер. В речи персонажа часто отражены диалектные особенности.

Например:

– Будет ли, не будет ли удача – жить союзно. ...Работать, двигаться и разговаривать. Разговаривать. Долбить корыта в пастях и кулёмах, если зверёк попадёт, не плющело б его, не погрызли б другие зверьки и мыши.

Пасть (обл.) ЯМ – западня для ловли зверей, по форме напоминающая рот, зев зверя.

Или:

– Чё буровишь-то, совсем уже того?! – потыкал Коля себя пальцем в висок и неожиданно хватанул Архипа так, что тот оказался за... дверью. – Остынь, недоумок!

Буровить (обл.). ЯМ – громко говорить, шуметь, нарушать тишину, словно разрушать ровную поверхность чего-либо.

Остыть. ЯМ – стать пассивным, менее деятельностным, словно охладиться, стать холодным, утратить свою теплоту.

Недоумок (разг.). СО – глуповатый, неразвитой человек.

Прямая речь чаще всего направлена на слушающего, поэтому в ней нередко представлена субъективная характеристика говорящим кого-либо (собеседника или человека, не участвующего в разговоре).

Например:

– Это я с ним мыкаюсь! Экой же кровопивец!... Издыбал, кобелище, измутил мужичонку. Теперь, как барин, на всём готовеньком в тюрьме – никто такое золото не украдёт, и ещё передачу требует... У-у, лягуха болотная! ... Экие кони, явило бы вас!

Кровопивец, кобелище, лягуха, конь. ЯМ – о безответственном, неприятном, использующем другого в своих целях человеке. Создаётся образ человека-животного, насекомого. Причём подчёркиваются отрицательные качества животного, насекомого и переносятся на человека.

Образные единицы здесь служат также средством передачи иронии, сарказма (как барин, такое золото).

Или:

Жена с маху упала на дочку, загребла её под себя. «Экая копна! Придавила...» – сморщился Командор.

Копна. ЯМ – о тяжёлом, полном человеке, по форме тела напоминающем копну. Герои часто используют сравнения, связанные с их деревенской жизнью, с теми предметами, которые они видят каждый день.

Или:

– Что делаешь-то? Снял!... Совсем олесачились! Возле покойника дикуем...

Олесачиться. СО – стать агрессивным, непохожим на человека, неестественным, опасным, словно леший.

Диковать. СО – вести себя, переходя границы нормы.

Или:

– До того дострелялись осенсь, пана, что озверели, верис – нет, озверели! – ахал Аким, вспоминая прошлогоднюю охоту...

Озвереть (о человеке). ЯМ – стать агрессивным, словно дикий зверь.

Образные единицы в прямой речи также служат средством самораскрытия героя, его взгляда на свою жизнь:

Например:

– Сейчас, – не поднимая головы, отозвался он (брат Коля) и сколько-то времени ещё полежал, вслушиваясь в себя. С трудом приподнялся,

сел, потирая ладонью левую половину груди. – Тайга-мама заманила, титьку дала – *малец и дорвался, сам себе язык откусил...*

Здесь в значении образных единиц реализуется представление героя о своём родстве с тайгой, причём себя он ощущает частью её, как бы её ребёнком, вскормленным тайгой, словно грудью матери.

Или:

– Оброс, ё-ка-лэ-мэ-нэ, будто лесыи, мохом. *Ой, тьфу, тьфу! Не к месту будь помянут...*

Обрасти мохом, будто леший. Сравнение – о длинных, скомканных, неприбранных волосах, словно мох на голове лешего.

Сравнение с лешим органично для деревенского человека, верящего в существование нечистой силы, в сверхъестественные существа, населяющие окружающий его природный мир. Леший в славянской мифологии – злой и опасный дух, живущий в лесу, то есть на неупорядоченном, враждебном человеку пространстве. “Леший может пугать людей своим смехом, увести ребёнка, сбить с пути. Для защиты от лешего увядённый им человек ничего не должен есть или должен носить с собой лутовку (очищенный от коры кусок липового дерева)” [2, с. 52].

Иногда мысли героя о себе носят характер афоризмов, пословиц:

От, ё-ка-лэ-мэ-нэ, нужда – наука проста, но верна, любого недотёпу, филона наверх овчиной вывернет!

Вывернуть наверх овчиной – вывести на чистую воду, т.е. раскрыть правду о человеке, то, что он скрывает, словно вывернуть овчину наизнанку.

Или:

В жизни всяко бывает... Вон она какая... И не таким, как ты, салазки загибала...

Загнуть салазки – прекратить или изменить существование, словно сломать, испортить, сбить с верного пути салазки.

Таким образом, в прямой речи образные единицы в основном несут диалектный, разговорный характер и служат средством передачи субъективного взгляда героя на другого человека, предмет, явление, используются для самохарактеристики. Часто образные единицы несут эмоциональную нагрузку (*кровопивец, лягуха, конь* и др.), отражают особенности деревенского миропонимания, мировидения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Л.А. Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968. 285 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С.А.Токарева. М., 1997.

СЛОВАРЬ КИНЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА И.А. БУНИНА

Т.В. Довгель
(Беларусь, Гродно)

Психологами установлено, что в процессе «взаимодействия людей от 60 до 80% коммуникации осуществляется за счет невербальных средств выражения и только 20–40% информации передается с помощью вербальных» [1, с. 5]. Эти данные говорят о значимости изучения кинесики для психологии общения, а также вызывают желание овладеть искусством истолкования этого особого языка – «body language». Объектом нашего внимания стала художественная литература (а именно произведения И.А. Бунина), являющаяся моделью сознания эпохи, нации, народа и отражающая картину мира своими средствами. И.А. Бунин на исследованных нами 520 страницах прозы [2] эксплицирует подсознательные импульсы героев и тем самым передает важную часть информации с помощью кинем [3] – вербализованных мимики и жеста.

Одним из способов представления результатов исследования бунинской кинесики является словарь, который, возможно, приобщит читателя к постижению художественной и языковой картин мира И.А. Бунина, поможет понять авторский подтекст и ощутить мастерство Бунина-стилиста. Опорой для создания данного словаря стал опыт авторов существующего словаря «Жесты и мимика в русской речи» [4]: в основе построения лежит алфавитно-гнездовой принцип. В качестве гнездового слова в большинстве случаев выступает существительное, входящее в состав кинемы и обозначающее часть тела, например, кинеме *качать головой* следует искать в гнезде «Голова». Если кинема однолексемна, то ее следует искать по «орудию» действия, т.е. по той части тела, которая участвует в мимике, например, кинеме *моргнуть* необходимо искать в гнезде «Глаза». Значимые движения тела расположены в гнезде «Корпус», к примеру, *кланяться*.

Словарь составляет около 180 словарных статей. Каждая словарная статья включает как минимум 3 элемента: заголовочную часть, толкование, пример. Выделенная жирным шрифтом и пронумерованная заголовочная часть – это номема, в скобках указывается ее грамматическая форма и количество употреблений. Толкование кинемы дается под значком•. Если кинема полисемантична, то каждое значение нумеруется и иллюстрируется примером, который следует после значка ■. В примерах кинема выделяется курсивом, а после высказывания дается название

произведения И.А. Бунина и страница. Статью, где кинема имеет несколько употреблений с таким же значением, завершают после значка ♦ условные сокращения бунинских произведений с указанием страниц. Для публикации выбираем 4 словарные статьи, которые представляют разные значимые движения, имеющие богатую семантическую экспликацию.

4. Взглянуть (-л (12), -ла (9), -ли (1)), (22).

4.1. ● Удивление (-л (2), -ла (1)), (3).

■ – Общественность не дело поэта, – ответил я. Доктор *взглянул* на меня с легким удивлением:

– Так что Некрасов, например, не поэт по-вашему? ♦ *Ж. Арс.*, 377; Н., 502.

4.2. ● Интерес-оценка (-л (2), -ла (1)), (3).

■ Он опять *взглянул* на нее: очень красив белый передник с прошивками на черном платье, красиво выдаются под ним груди сильной молодой женщины [...] ♦ *В П.*, 485; *Ж. Арс.*, 306; Н., 515.

4.2.1. ● Интерес-внимание (1).

■ Почему мой выбор пал на Лику? Оболенская была не хуже ее. Но Лика, войдя, *взглянула* на меня дружелюбней и внимательней, заговорила проще и живей, чем Оболенская... ♦ *Ж. Арс.*, 360.

4.2.2. ● Интерес-любопытство (1).

■ Талдыкин быстро всунул кулак в угол губ лошади, *взглянул* как бы мельком к ней в зубы и, обтирая руки о полу, насмешливо и скороговоркой спросил:

– Так не стара? ♦ *Т.*, 20.

4.3. ● Любовные чувства, страсть (1).

■ Она [...] победоносно-пьяно *взглянула* на него, берясь за волосы и вынимая из них шпильки ♦ *В. к.*, 482.

4.4. ● Восторг (1).

■ И, подойдя, с ужасом восторга *взглянул* на иноческую стройность ее черного платья, делавшего ее особенно непорочной [...]. Н., 514.

4.5. ● Благодарность (1).

■ – Не знаю... Это странно, но я уж как-то привыкла к вам. Он благодарно *взглянул* на нее и покраснел:

– И я к вам "♦ *В П.*, 487.

4.6. ● Чистосердечие, правдивость (1).

■ Впервые она заговорила с ним просто, и впервые *взглянули* они друг другу в глаза прямо ♦ *Р.*, 72.

4.7. ● Взаимопонимание (1).

■ Тут я даже слова не мог выговорить, и она сразу поняла меня и смолкла, – только быстро *взглянула* на меня, – и молча стала раздеваться. ♦ *С. Ч.*, 190.

4.8. ● Реакция (-л, -ла), (2).

■ – Натали, дятел, посмотрите!

Она *взглянула* вверх:

– Да, да, я его уже видела, и нынче видела, и вчера видела... ♦ *Н.*, 504. ♦ *Влк.*, 526.

4.9. ● Страх (1).

■ Дедушка со страхом *взглянул* на его затылок, еще более выступавший теперь над тонкой шеей, торчавшей из ворота белой рубахи. ♦ *С.*, 106.

4.9.1. ● Испуг (1).

■ – Я завтра уезжаю...

Она *взглянула* испуганно:

– Куда? ♦ *Ж. Арс.*, 415.

4.9.2. ● Робость (1).

■ А как забилось сердце, когда увидела она выгон, ряд изб – и усадьбу [...] Все вокруг было мирно, просто, обычно – все необычнее, все тревожнее становилось только в ее уме, который и совсем помутился, когда впервые после двухлетнего пребывания в избе вошла она в прохладный дом, так знакомо пахнувший восковыми свечами, липовым цветом, буфетной [...] – и робко *взглянула* на Меркурия, перенесенного из дедушкиных покоев в угол прихожей... ♦ *С.*, 115.

4.10. ● Непонимание (1).

■ "Вот так штука!" – еще изумленнее подумал наш герой, еще раз тупо *взглянул* на Иду – и мгновенно понял, по взгляду, которым она скользнула по студенту, что, конечно, она царица, а он раб, но раб, однако, не простой [...] ♦ *И.*, 197.

4.11. ● Упрек, злость (1).

■ Он *взглянул* на Веру и заговорил резко:

– Зачем ты ушла – и за кем! – из своего рода, из своего племени? ♦ *П. с.*, 143.

4.12. ● Ревность (1).

■ Справился и, сжав зубы, *взглянул* на меня:

– А это что за красавец? Ненавижу. ♦ *Ч. н.*, 537.

4.13. ● Тревога (1).

■ Дочь, однако, с тревогой *взглянула* на него в эту минуту: сердце ее вдруг сжала тоска, чувство страшного одиночества на этом чужом, темном острове... ♦ *Г. из С.-Ф.*, 163–164..

18. Махнуть рукой (-л, -ла), (5).

18. 1. ● Невозможность высказать (2).

■ – Счастье, счастье... «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету».

– Это что?

– Это так Платон Каратаев говорил Пьеру.

Я махнул рукой.

– Ах, бог с ней, с этой восточной мудростью. ♦ *Ч. н.*, 532.

♦ *С. Ч.*, 190.

18. 2. ● Отчаяние (1).

■ Помню, что тут мать наконец заплакала, – села на скамейку возле брата и вдруг зарыдала, зажимая рот платком, отец же, болезненно сморщив лицо, *махнул рукой* и быстро пошел прочь. ♦ *Ж. Арс.*, 274.

18. 3. ● Досада (1).

■ – Что, заснула?

Она *махнула рукой*:

– Ах, нет! Ты не знаешь – она может по двое суток не спать, и ей все ничего, как всем сумасшедшим! ♦ *В.*, 526.

18. 4. ● Сожаление (1).

■ – А кто ваш муж? Чиновник?

Она *махнула рукой*:

– Ах, очень хороший и добрый, но, к сожалению, совсем не интересный человек... ♦ *В. к.*, 48.

26. Улыбнуться (-тсья (1), -лсья (2), -лась (8)), (11).

26. 1. ● Радость в ситуации приветствия (-лсья, -лась), (2).

■ Однако я был удивлен еще более, едва переступил порог комнаты в том богатом отеле, где жила она. Как быстро встала она ко мне навстречу, как нежно и родственно обняла меня, как ласково и чудно *улыбнулась*, как хорошо, легко заговорила. ♦ *Ж. Арс.*, 355. ♦ *В. к.*, 479.

26. 2. ● Приветствие (-ля, -лась), (2).

■ На мои шаги и шум воробьев [...] он выглянул в окно [...], показал свое страшное от запущенных глаз и громадной серой бороды лицо и *улыбнулся* с необыкновенной добротой. ♦ Ж. Арс., 373. ♦ Н., 505.

26. 3. ● Утешение (-лась), (2).

■ Она совсем пришла в себя, *улыбнулась* и, перебежав с носа на корму, весело села. ♦ Р., 472. ♦ С., 108.

26. 4. ● Благодарность (1).

■ К нам подошел с бокалом в руке, бледный от хмеля, с крупным потом на лбу, на который свисал клок его белорусских волос, Качалов, поднял бокал и [...] сказал своим низким актерским голосом:

– Царь-девица, Шамаханская царица, твое здоровье!

И она медленно *улыбнулась* и чокнулась с ним. ♦ Ч. п., 536–537.

26. 5. ● Подавление удивления (1).

■ Она изменилась в лице, но справилась, с усилием *улыбнулась*:

– Но мы условились не ссориться больше... ♦ Н., 507.

26. 6. ● Волнение (1).

■ Войдя, она даже не поцеловала меня, только жалостно *улыбнулась*, садясь на диван и снимая, отцепляя от волос шляпку. ♦ К., 460.

26. 7. ● Смущение (1).

■ – Вы курите? – спросил он молодого человека, стоявшего над ним.

– Курю, – пробормотал он и *попытался улыбнуться*. – То есть не то что курю, скорее балуюсь... ♦ Г. л., 152.

26. 8. ● Ревность, упрек (1).

■ – Почему же стал опять ревновать меня?

– Не знаю.

– Нет, знаешь. Потому что ты опять стала отдаляться от меня, опять желалась нравиться, принимать мужские восторги.

Она неприязненно *улыбнулась*:

– Не тебе бы говорить об этом. Ты вот всю зиму не расстаешься с Черкасовой. ♦ Ж. Арс., 445.

32. Целовать (-ть (7), -ет (3), -л (11), -ла (6), -ли (1)), (28).

32. 1. ● Любовные чувства (-ть (2), -ет (1), -л (7), -ла (3)), (13).

■ Она нежно, едва касаясь, *целовала* его в края губ. Р., 473.

♦ В., 477; Ж. Арс., 390, 390, 429; Л. д., 177; Н., 496; П. с., 142; Р., 470, 474, 474; Ч. п., 531, 532.

32. 2. ● Галантное приветствие мужчины по отношению к женщине (даме), (2).

■ Войдя в приемную, я *целовал* ее маленькую крепкую руку и шел в комнату для постоянных сотрудников. ♦ Ж. Арс., 260.

32. 3. ● Приветствие как знак почтения, уважения (-ть, -ли), (2).

■ Они кланялись отцу в пояс, *целовали* его руку, затем, трякнув волосами, троекратно целовались и с ним, и с Натальей, и с нами в губы. ♦ С. / 82. ♦ Ж. Арс., 421.

32. 4. ● Приветствие (1).

■ – Здравствуйте, милая тетя, – говорил он без передышки, целуя руку матери так родственно, что она *принуждена была целовать* его в висок [...] ♦ Ж. Арс., 261.

32. 5. ● Материнская любовь (2).

■ К завтраку нянька приводила с гулянья мальчика. Авилова выбегала в прихожую, ловко присаживалась на корточки, снимала с него белую барашковую шапочку, расстегивала синюю, на белом барашке, поддевичку, *целовала* в свежее, раскрасневшееся личико [...] ♦ Ж. Арс., 400.

32. 6. ● Радость встречи (1).

■ – Ты что, уже обедал? Пойдем вниз, там целое собрание... И отец радушно *целовал* его и ни с того ни с сего, неожиданно даже для самого себя, вдруг пригласил его обедать к себе [...]. ♦Ж. Арс., 261.

32. 7. ● Утешение (1).

■ И по тому, как я утешал ее, *целовал* в пахнущие солнцем волосы, как сжимал ее плечи и глядел на ее ноги, очень хорошо понял, зачем я хожу к толстовцам. ♦Ж. Арс., 442.

32. 8. ● Дружеское отношение при прощании (1).

■ Капитан *целует* художника, и они расходятся в разные стороны. ♦С. Ч., 191.

32. 9. ● Просьба, мольба (-ть, -ст), (2).

■ «Очнись, Максим!..» [...] Руки *стал* у него *целовать*, умолять – мол, поддержишь хоть немножко еще, не сиди, не давайся сну этому смертному, пойдем целиком, обопришь на меня! ♦С., 76.

♦ Х.ж., 68.

32. 10. ● Горе (1).

■ Молча сойдя с крыльца, утопая в снегу босыми ногами, Наталья подошла к розвальням, перекрестилась, упала на колени, обхватила ледяную окровавленную голову, *стала целовать* ее и на всю усадьбу кричать дико-радостным криком, задыхаясь от рыданий и хохота... ♦С., 125.

32. 11. ● Горечь расставания в ситуации прощания (1).

■ У меня от страха ослабели ноги, и я закрестилась так усердно и торопливо, что мать со слезами *кинулась целовать* и крестить меня. ♦Ж. Арс., 239.

32. 12. ● Истерика (от испуга) (1).

■ Но я чиркнул спичкой, чтобы осмотреться, – и в ужасе отшатнулся: спичка осветила посреди вагона длинный дешевый гроб. Она козой шаркнула вон, я за ней... Под вагоном она без конца падала, давилась смехом, *целовала* меня с диким весельем [...] ♦Ж. Арс., 444.

Материал исследования вызывает определенные трудности, так как сами эмоции характеризуются текучестью и взаимопереходностью, кроме того, автор, адресат и интерпретатор текста имеют свою картину мира и выражаются в ней каждый по-своему, что влечет к субъективности в описании и классификации кинем. Сопоставление словарных данных о кинемах с бунинской их концептуализацией обнаруживает значительные расхождения ономазиологии и семасиологии кинем, что обусловило создание словаря бунинской кинесики. Данный словарь может быть интересен переводчикам русской литературы, филологам, тем, кто изучает кинесику, паралингвистику, всем, кто преподает русский язык как иностранный.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

В.к. – Визитные карточки

Влк. – Волки

В П. – В Париже

В. – Ворон

Г. из С.-Ф. – Господин из Сан-Франциско

Ж. Арс. – Жизнь Арсеньева

Л. д. – Легкое дыхание

Н. – Натали

П.с. – Последнее свидание
Р. – Руся
С.Ч. – Сны Чанга
С. – Суходол
Х.жс. – Хорошая жизнь
Ч.п. – Чистый понедельник

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пиз Аллан.* Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам. М., 1995.
2. *Бунин И.А.* Избранная проза. Минск, 1984.
3. *Галичев А.И.* О вербализованных кинемах // Вопросы лингвострановедения в курсе иностранного языка для специальных целей. М., 1990. С. 36–42.
4. *Акишина А.А., Кано Х., Акишина Т.Е.* Жесты и мимика в русской речи: Лингвострановедческий словарь. М., 1991.

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ НОРМЫ (на примере нормы безгрешности и нормы праведности)

Л.Г. Ефанова
(Томск)

В последние годы в лингвистике активно обсуждается вопрос о содержании, строении и соотношении классических и когнитивных категорий. Целью данной статьи является сопоставительный анализ данных категорий на примере категории нормы.

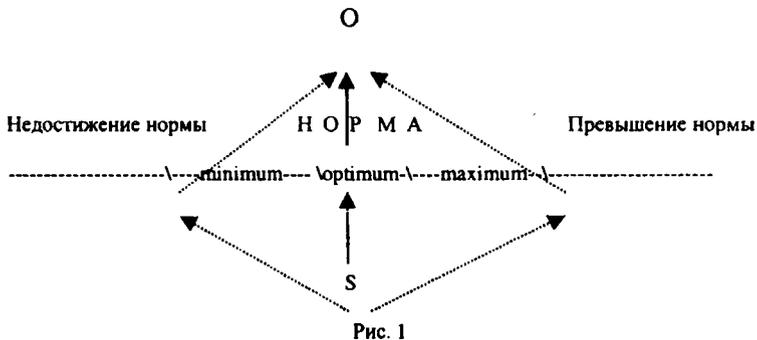
Норма в отношении того или иного типа объектов определяется на основании знаний и представлений о должном, имеющихся в арсенале определенной научной дисциплины или отраженных в сознании (в том числе и языковом) социума. Норма как категория имеет несколько степеней обобщения. Высшей из них является философская (логико-онтологическая) категория нормы, представляющая собой «предписание, образец, меру заключения о чем-либо и меру оценки. Норма выражает то, что существует или должно существовать во всех без исключения случаях» [1, с. 306]. Философская категория нормы выделена путем отвлечения представлений о должном, отраженных в содержании отдельных понятий. Понятийные нормы, реализованные в семантике языковых единиц, представляют собой «значение универсального семантического признака безотносительно к степени их грамматикализации и способу выражения в конкретном языке» [2, с. 182]. По способу формирования и описания эти нормы относятся к числу классических категорий, которые выделяются в результате анализа и теоретического осмысления объектов с целью выявления некоторых общих свойств, характеризующих категорию в целом. Именно такие категории описываются в традиционных энциклопедических и толковых словарях и грамматиках.

Вместе с тем не все нормы, выражаемые в языке и при помощи языка, имеют свойства рациональных, логически осмысленных понятий, выделенных в результате теоретического осмысления объектов. Осуществляемая человеком процедура категоризации в значительной мере опирается на опыт и воображение, на особенности восприятия и культуры, с одной стороны, и метафоричность, метонимичность и образность его мышления – с другой [3, с. 10]. Вследствие этого многие нормы, обозначаемые языковыми средствами, имеют характер не понятий, а представлений, образов, гештальтов. Эти нормы, в отличие от классических понятийных категорий, либо формируются в сознании социума стихийно, либо представляют собой видоизменение классической поня-

тийной категории, преломленной в сознании языкового коллектива и скорректированной в соответствии с реальными условиями бытия социума. В этом виде нормы начинают функционировать как когнитивные категории, отражающие свойственные данному коллективу представления о должном и способные регулировать отношения внутри социума. Для когнитивных норм трудно сформулировать логически правильное определение, однако их можно представить как элемент ассоциативного поля, в виде которого в сознании носителей языка фиксируются определенные понятия, образы или представления. Именно отраженные в сознании языкового коллектива когнитивные нормы выражаются в языке в виде фиксирующих их идиоматических выражений и паремий, а также в некоторых производных словах, обладающих оценочной семантикой.

В соответствии с современными представлениями разные категории могут отличаться друг от друга по структуре. Так, в частности, различаются простые категории, представляющие собой своего рода вместилища с четко очерченными границами, и градуированные категории, границы которых допускают варьирование [3, с. 17]. Структурная организация определяет принципы анализа каждой из категорий.

Логико-философский анализ конкретных норм осуществляется через структуру оценки, в которой норма (представления о должном) рассматривается как основание оценки (N), опосредующее отношение между ее субъектом (S) и объектом (O) [4, с. 164]. В процессе оценивания норма выполняет функцию меры, задавая «границы количественных изменений объекта, в которых он сохраняет свое качество. Различают нижнюю границу нормы (минимум), верхнюю (максимум) и «золотую середину» между ними (оптимум)» [5, с. 108]. Следовательно, норма представляет собой градуированную категорию; структуру нормативной оценки можно представить на рис. 1.

Помимо градуированных существуют идеальные (простые) нормы, в которых «минимум, максимум и оптимум нормы сливаются, идеал и норма становятся неразличимыми» (5, с. 108). Примером таких норм могут служить заповеди («Не убий!»). Структура простых норм может быть представлена как простое взаимодействие субъекта и объекта оценки, опосредованное нормой (рис. 2).

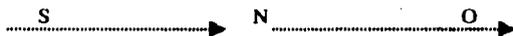

Рис. 2

С позиций нормативной оценки может быть рассмотрено как содержание понятий, сформированных в результате теоретического познания объектов, так и семантика концептов, отраженных в значениях языковых единиц и фиксирующих особенности восприятия и оценки мира носителями данного языка. С этой точки зрения особенный интерес представляют понятия и концепты, отражающие моральные нормы, поскольку именно в этих категориях наиболее ярко проявляются национальные особенности отношения к миру каждого народа. Такими категориями являются, в частности, моральные нормы безгрешности и праведности.

В толковых словарях отмечается сходство понятийного содержания слов *безгрешный* и *праведный*. Согласно этим данным слово *безгрешный* означает «непричастный греху, не грешный» [6], «не совершивший поступков, осужденных церковью и религиозно-нравственной моралью; не грешивший» [7], «не совершивший греха, проступка». Слово *праведный* имеет значение «оправданный житием, правдивый на деле, безгрешный» [6], «строго придерживающийся правил религиозной морали, безгрешный» [7], «благочестивый».

Словарные толкования позволяют выявить наиболее существенные признаки описанных в них понятий и проанализировать эти понятия с точки зрения структуры оценки, характеризующей норму как классическую категорию. Понятия «безгрешность» и «праведность» выглядят весьма сходными по структуре нормативной оценки. В качестве субъекта в ней выступает церковь или иной носитель религиозной морали. Объектом оценки в обоих случаях является человек, его поведение и поступки. Основания оценки в структуре двух норм обладают значительным сходством: норма безгрешности определяется как полное отсутствие греха, а норма праведности – как соблюдение всех правил религиозной морали, удерживающих от совершения греха. При этом грех воспринимается как негативный поступок, караемый наложением санк-

ции в виде морального порицания. Обе нормы имеют идеальный характер и с формально-логической точки зрения являются принципиально достижимыми для любого человека, не совершившего предосудительных поступков и соблюдающего правила религиозной морали.

Нормы безгрешности и праведности в качестве когнитивных категорий обладают рядом особенностей, которые отличают их как друг от друга, так и от соответствующих им классических категорий. Поскольку обе нормы в языковых выражениях определяются через отношение к греху, они могут быть представлены на одной шкале оценки, на которой норма безгрешности фиксируется как идеальная норма, противопоставленная состоянию греха.

В отличие от классических норм, субъектом которых чаще всего является социум, субъектом когнитивных норм безгрешности и праведности по данным русских пословиц могут быть только Бог и совесть (как *глас Божий в душе человека*). Различия в субъекте оценки позволяют отличить *грех* и *безгрешность* от *вины* и *невинности*: за грех приходится держать ответ перед Богом, а за вину – перед людьми, поэтому русский человек четко отличает одно от другого, *Грех грехом, а вина виной*. При этом оценка одного и того же объекта со стороны Бога и со стороны мира (людей) может быть разной. Так, например, *Богатство перед Богом великий грех, а бедность – перед людьми*. Однако суд Божий и собственной совести имеет больший вес, чем людское осуждение или оправдание, поэтому можно *повиниться, да не отмолиться*, но не наоборот. В тех же случаях, когда перед людьми *Стыдно сказать, и грех утаить* (перед Богом), информацию не следует утаивать. Специфика субъекта оценки определяет и характер санкций по отношению к нарушителю нормы, этими санкциями являются муки совести, ощущение *тяжести греха*.

Объектом когнитивных норм безгрешности и праведности является человек (его моральный облик, поведение, поступки и помыслы) в отношении к греху. Основной особенностью, отличающей отношение к греху в русской православной традиции от некоторых других, а также когнитивные нормы безгрешности и праведности от классических, является представление греха как чего-то внешнего по отношению к человеку и изначально чуждого ему. Поэтому, в представлении русского человека, можно против воли *впасть в грех, быть введенным в грех*, как в место или состояние, существующее изначально вне человека. Грехом можно обременить другого человека, *нагрешив на него* (оклеветав), но можно и *снять грех с себя* или другого покаянием. Дистанцированность от греха подчеркивается его обозначением как независимого активного

субъекта, который способен действовать против воли человека (напр.: *Какой грех тебя попутал!*).

Изначально грех воспринимался как ошибка, *огрех, погрешность* (напр.: *С грехом пополам* – т.е. с ошибками, с трудом сделать что-л.). Известно употребление этого слова в значении «убыток, урон, ущерб», так, например, в коллективных сделках в случаях неудачи было принято делить *грех пополам*. В русской традиции грех оценивался прежде всего как несчастье, на что указывает целый ряд пословиц, в которых слова *грех и беда* используются в одном контексте: *Грех да беда на кого не живет! Грех да беда бороною ходят* и др.

Избежать греха в условиях реальной жизни невозможно, так как *Без греха веку не изживешь, И Бога хвалим, и грешим*, поэтому каждый человек является *грешником* и к нему следует быть снисходительным (*С грехом борись, а с грешником мирись*), а сами грехи не имеет смысла скрывать от окружающих (*Чего греха таить!*). Вместе с тем сознательная и упорная приверженность греху в обществе порицается: не следует жить беспутно (*греховничать*), совращать других людей (*греховодить*), быть *грехолюбом*.

Когнитивные нормы безгрешности и праведности отличаются друг от друга основанием оценки. Когнитивная норма безгрешности, как и соответствующая ей классическая категория, является идеальной (простой) нормой, не допускающей градаций. Однако, в отличие от классической, данная когнитивная норма воспринимается как недостижимый в реальной действительности идеал. Праведный человек не вправе считать себя безгрешным. В соответствии с народными представлениями, *Кто молится: Помилуй, Господи, мя, безгрешного!* – *будет в аду*.

Более реальной представляется русскому человеку норма праведной жизни. Праведность как когнитивная категория не исключает греха полностью, поскольку *И праведник седмижды в день согрешает*, но устанавливает градацию, разделяющую грехи на *тяжкие и невеликие, на невольные*, которых невозможно избежать, поскольку *Невольный грех лежит на всех*, и преднамеренные (*Не разумом грешит человек, а волей*), а также учитывает количество грехов (ср.: *безгрешный* и *многогрешный*). Небольшое количество невольных и нетяжких грехов представляется русскому православному человеку допустимым и заслуживающим прощения, ибо *Не по грехам нашим Господь милостив*.

На градационной шкале нормы праведности с максимумом нормы граничит идеал безгрешности, а реально достижимый оптимум представлен минимальным количеством невольных и нетяжких грехов. Нижний предел этой нормы обозначается словом *неправда*, имеющим в

русском языке весьма широкое значение: *Всякая неправда грех. Неправдой* признается не только обман, но и любой несправедливый поступок или нечистый помысел.

Когнитивные нормы безгрешности и праведности могут быть представлены на одной шкале оценки (рис. 3).

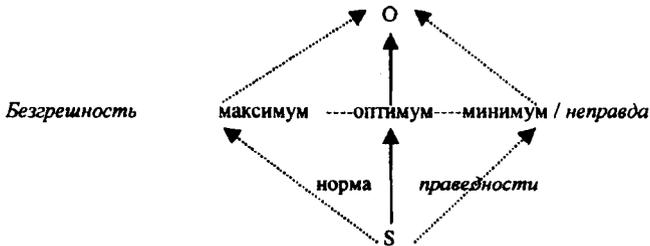

Рис. 3

В отличие от простой по структуре нормы безгрешности, норма праведности представляет собой градуированную категорию. Одной из особенностей этих категорий является то, что их граница весьма расплывчата, «ей присуща некоторая «ширина», определяемая шкалой оценок от нуля до единицы, причем единица соответствует нахождению внутри категории, а ноль – вне ее пределов» [3, с. 47].

Степень соответствия норме или отклонения от нее не поддается точному измерению, однако необходимо отметить сосредоточенность русского православного человека не на внешних проявлениях греховности, а на оценке своего внутреннего состояния. Те случаи, когда *Мал грех, да велик умысел*, не заслуживают, на его взгляд, снисхождения, поскольку намерение причинить зло может оказаться более весомым, чем реально причиненный ущерб. Основным инструментом (или «органом») деления грехов по степени тяжести, а также разграничения праведности и неправды служит совесть человека.

Представление о *неправде* как о границе, позволяющей отличить норму от ее искажений, делает излишней регламентацию невольных и малых грехов. В этом отношении сознание приверженцев традиционного православия противопоставляется, например, религиозному сознанию некоторых староверов. Среди пословиц русского народа, собранных В.И. Далем, можно обнаружить немало запретов, регламентирующих поведение старообрядцев через отношение к греху: *В валенках молиться грех; Иуда брал соль щепотью, поэтому щепотью креститься грех; Креститься поперек пояса грешно; Разводить и продавать кар-*

тофель можно, но есть его грешно; Кто кофе пьет, того Бог убьет; Грешно об одной оглобле ездить и даже Дар Божий грех колоть (об употреблении вилок)

По мнению раскольников, *Большой грех прощается скорее малого, потому что человек покается*. В отличие от них, сторонники традиционного вероисповедания не склонны сосредотачиваться на мелких грехах, не наносящих, по их мнению, большого вреда душе. Поэтому своеобразным ответом на раскольничье *Кто табак нюхает да курит, Святого Духа из себя турит* становится поговорка *Кто курит табачок, тот Христов мужичок*. Ханжество тех староверов, которые настаивают на строгом соблюдении обрядовой стороны религии, но позволяют в то же время, например, *девице согрешить, иначе ей бы не в чем было каяться*, получает у русского православного человека ироническую оценку: *Образ Божий не в бороде, а подобие не в усах; По старой вере, да по новой моде*.

Анализ норм безгрешности и праведности с точки зрения структуры оценки позволил выявить некоторые особенности классических и когнитивных норм. Фиксируя основные закономерные связи между явлениями действительности, понятийные и когнитивные нормы отражают эти связи в разных аспектах. В то время как классические нормы сориентированы на определение наиболее типических черт подводимых под них объектов, когнитивные нормы в большей степени отражают процесс формирования самой категории и динамику ее развития. При этом когнитивные нормы наряду с наиболее типичными свойствами объекта учитывают и особенности его восприятия и оценки определенным народом, нацией или языковым коллективом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1998.
2. Русский язык: Энциклопедия. М., 1990.
3. Lakoff G. *Women, Fire and Dangerous Things*. Chicago, 1987.
4. Ивин А.А. *Основы теории аргументации*. М., 1997.
5. Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. М., 1957.
6. *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
7. *Словарь русского языка*: В 4 т. М., 1985–1988.

ОСОБЕННОСТИ "НОМИНАЦИОННОЙ ТРИАДЫ" В ПОЛЬСКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ (на материале наименований животных)

А.Д. Жакупова
(Кокшетау, Казахстан)

Для современной лингвистики характерна тенденция к системному и синтезирующему подходу в исследовании и интерпретации языковых явлений. В последние десятилетия интенсивное развитие получила сопоставительная ономазиология, в рамках которой анализируются принципы, способы, средства номинации сопоставляемых лексических единиц как разных форм одного и того же языка, так и различных языков (см.: А.Ю. Белова, М.М. Гинатулин, Н.Д. Голев, В.К. Павел, М.Ш. Сарыбаев, О.М. Толошная, Г.И. Уюкбаева и мн.др.) [1, с. 17].

Главная цель сопоставительной ономазиологии – исследование номинационной триады в разных, сопоставляемых языках для выявления общности и специфики её в каждом из языков.

Сопоставительному анализу подвергаются языки независимо от их происхождения, степени распространения и влияния на другие языки, наиболее многочисленными являются парные контрастивные описания, построенные на сопоставлении двух языков. В нашем случае рассматриваются польский и казахский языки, относящиеся к разным языковым группам.

Сопоставительное изучение лексики показало, что словарный состав даже близкородственных языков имеет много отличий, которые касаются объемов семантики номинативных единиц, национально-культурного компонента значения, лексической сочетаемости.

Задачей сопоставительно-ономазиологического исследования является анализ номинативных единиц разных языков, их структурно-семантических черт. В круг объектов входят как универсалии общие черты, свойственные языку вообще и обнаруживаемые во всех единицах мира; как общие понятия, часто встречающиеся в исследуемых языках, а также как уникалии специфические свойства, отличающие языки друг от друга. При проведении сопоставительно-ономазиологического анализа необходимо убедиться в соизмеримости сравниваемых объектов, критерием которой служит эквивалентность, т.е. принципиальная переводимость лексической единицы одного языка на другой. Не во всех случаях сопоставительно-ономазиологического анализа лексические единицы обнаруживают эквивалент в сопоставляемом языке, встречаются лакуны.

Цель сопоставительно-ономасиологического анализа, представленного в настоящей статье, – выявление особенностей номинации слов в польском и казахском языках на материале наименований животных.

Данный анализ проводится путем последовательного изучения принципов, способов и средств номинации.

1. Восприятие окружающей действительности обусловлено как субъективными причинами, связанными с эмоциональностью, оценочностью, экспрессивностью, которые отражают ощущения и отношения говорящего к миру, так и объективными причинами, обусловленными общностью мировосприятия.

Эквивалентные наименования животных польского и казахского языков, как правило, характеризуются одинаковыми принципами номинации (ПН): по внешнему виду, месту обитания, образу жизни, питанию и др. Jednorożec – жалгыз му (единорог) – в польском и казахском языке одинаковый ПН внешний вид; Wielkouch – к ла ты кес ртке (ушан) ПН внешний вид (животное отличается размерами ушей); leniwiec жалкауан (ленивец) ПН манера поведения. При этом встречаются такие наименования животных, принципы номинации которых одинаковы, но номинационный признак разный. Например, носорог в польском языке – nosorożec (на носу рог), в казахском – керік (на носу горб).

Сопоставительно-ономасиологический анализ на уровне безэквивалентной лексики показал, что казахские и польские наименования животных характеризуются одинаковым набором принципов номинации.

В казахском языке:

внешний вид: егеу йры (крыса) форма хвоста; батбат кес ртке (круглоголовка) форма головы; жар-анат (летучая мышь) форма крыльев;

цвет, окраска шерсти: жолбарыс (тигр), т.к. жола полоса, 'животное с полосами на теле'; алай жыл ы (зебра) животное с черно-желтыми полосами'; а ти н (белка) 'белый зверёк'; ара йры (газель) 'черный хвост'; алатыш ан (бурундук) 'пестрая окраска';

место обитания: к рба а (жаба) 'живет около древесины'; к мтыш ан (песчанка) 'песчаная мышь'; су к+зен (хорек) живёт в воде'; к ртыш ан (крот) 'живёт под землёй'; таутеке (козерог) 'живёт в горах';

образ жизни: ымырт жар-анат (вечерница) 'активна в вечернее время'; с леус н (рысь) выслеживает добычу'; ас ыр (волк) 'охотится ночью'; с ыртыш ан (слепыш) 'охотится в темноте';

издаваемый запах: сасы к+зен (хомяк) 'издает вонючий запах'; ж партыш ан (выхухоль) 'издает мускусный запах'.

В польском языке:

внешний вид: nosorożec (носорог) 'животное с рогом на носу'; wieloryb (кит) 'большая рыба'; faldowiec (полосатик) 'животное с поло-

сами'; *pancernik* (броненосец) 'с твердым панцирем'; *kapucynka* (капуцин) 'на макушке волосы в виде монашеского капюшона';

цвет, окраска шерсти: *piastruzka* (пеструшка) 'животное пестрой окраски'; *gus* (рысь) 'животное рыжей окраски', т.к. *gudy* 'рыжий'; *bielucha* (белуха) 'белой окраски';

образ жизни, манера поведения: *Plywak* (плавун), *wujec* (ревун), *leniwiec* (ленивец), *lataga* (летага);

питание: *mrowkojad* (муравьед); *kornik* (короед).

Характерно, что в казахском языке отсутствует принцип номинации по питанию, а в польском – по запаху.

II. Наименования животных в польском и казахском языках характеризуются прямым и опосредованным способом номинации.

Наименования животных очень часто используют применительно к человеку при описании его внешних, умственных и физических данных метафоры. Метафора создает в сознании носителей языка особый, запоминающийся образ. Например: польск. *jelen* (олень) о наивном человеке, польск. *byk* (бык) о сильном мужчине, каз. *arystan* (лев) об отважном человеке.

При анализе способов номинации в языковом материале выделилось 4 группы:

1) Прямой способ номинации в польском языке, прямой способ номинации в казахском языке. *Bielak* (белый заяц) – а оян, *wieczornik* ымырт жар-анат (буквально 'вечерняя летучая мышь'); *gujowka* жертесер (буквально 'роющая землю'); *burunduk* алатыш ан, *gujec* ша ылда, *jez* к рп .

2) Прямой способ номинации в польском языке, опосредованный способ номинации в казахском языке: *Por elisa ara as* (соня). По данным этимологического словаря *por elisa* названа по цвету шерсти *por elary* (пепельный, серый). Казахский эквивалент образован опосредованно, т.к. в переводе означает "черная бровь". *Bobr* ндыз. Польский эквивалент согласно данным этимологического словаря восходит к индоевр. *babhrū brunatru* 'коричневый'. Казахский эквивалент представляет языковую метафору, т.к. у казахов ндыз служит для обозначения преобразования внешней красоты женщины. *Polnik* то алт с (полевка) в польском языке способ номинации является прямым, т.к. указывает на место обитания животного (*pole* поле). Казахский эквивалент образован опосредованно, т.к. в переводе означает беззубый. *Szczur egeu йры*. Польский эквивалент обозначает 'крупная мышь', казахский – *egeu йры* (крыса) 'хвост в виде напильника'.

3) Прямой способ номинации в казахском языке, опосредованный способ номинации в польском

языке: Ж пар тыш ан (выхухоль) – wobroszczur. В казахском языке слово образовано прямым способом номинации – по запаху животного. Известно, что во время опасности животное выпрыскивает вонючую жидкость. Польский эквивалент образован опосредованно, т.к. означает 'бобровая крыса' + рба а (жаба) горича. Казахский эквивалент образован прямым способом. т.к. указывает на место обитания животного – древесная лягушка. Польский эквивалент образован опосредованно, т.к. служит для характеристики невзрачной, некрасивой женщины. Та-ылан (дикобраз); *ozwierz*. В казахском языке прямой способ номинации, т.к. в переводе означает дикий зверь, в польском – опосредованный – 'похожий на ежа'.

4) Опосредованный способ номинации и в польском и в казахском языках: Wilk (волк) – кас ыр. Польский эквивалент *wilk* согласно данным этимологического словаря означает *puhar sechory* (кубок, которым угощали гостей), казахский эквивалент образован опосредованно, поскольку буквально означает уничтожить врага; *Skoczek* осая. Польский эквивалент означает *konnik polny* – (полевая лошадка), казахский эквивалент буквально означает в переводе 'парная нога'; *Wampir* (летучая мышь) – ансор-ыш. В сопоставляемых языках имеет опосредованный способ номинации – 'питается кровью животных'; *Lepiwięc* жал ау а. Название дано на основе ассоциации с лентяй (человек), зверек ведет малоподвижный образ жизни; *Borsuk* – борсы. В польском языке так говорят о скрытном человеке, любящем уединение. Казахский эквивалент служит для обозначения физических данных человека, в переводе означает упитанный; *Baran* – кой. *Baran* – о глупом человеке. Казахский эквивалент несет положительную оценку, поскольку служит для характеристики спокойного, безвредного человека.

В последнюю группу также входят: *lis* – т+лк "о хитром человеке"; *wipia* – шош а "о том, кто поступает подло, низко", *byk* – г з "о сильном, здоровом человеке", *baranek* – ла "о кротком человеке", *mija* – жылан "о подлом, коварном человеке". Все эти примеры иллюстрируют национальную специфику мышления народов, что находит отражение в языковой картине мира.

При соотнесении слов с прямым и опосредованным способами номинации оказалось, что слов с опосредованным значением больше, чем с прямым, и это вполне естественно, поскольку наименования животных очень часто используются в качестве языковой метафоры.

В казахском языке распространена группа, в состав которой входят следующие наименования животных: конь, верблюд, баран, корова. Самым ценным для казаха среди домашних животных является конь – его

гордость и честь, достоинство и богатство, конь олицетворяет силу и красоту. Языковая метафора бота верблюд характеризует сильного, большого, выносливого человека, способного преодолеть временные трудности. Ботадай ерке буквально означает 'баловень, как верблюжонок'. Особо выделяются пословицы, подчеркивающие значимость животного кой (баран) в хозяйственном укладе жизни казахского народа. Именно это животное считалось символом и своеобразной мерой достатка и благополучия. Выражение домалаган козы буквально означает 'симпатичный, как кругленький ягненок'.

В польском языке для обозначения злой, завистливой, коварной женщины используются лексемы *jaszczurka* (ящерица), *zmija* (змея). При описании внешности в польском языке достаточно включить лексемы *gorucha* (жаба), *wudra* (выдра), и создается образ некрасивой, неприятной женщины.

III. Сопоставительно-ономасиологический анализ средств номинации показал, что фонетические средства, как правило, не встречаются при образовании наименований животных. С точки зрения средств номинации выделяем следующие группы соотносительных лексических единиц:

а) *морфологические средства номинации в польском и казахском языках*. В эту группу входят: *piesiec* – а т+лк, *faldowiec* – жола кит, *gopostaj* – а к с, *wiewiorka* – а ти н, *pelzacz* – ша ылда, *foka* – итбалы.

б) *номинативные единицы в польском и казахском языках, образованные при помощи лексико-синтаксических средств*. К этой группе относятся: *Lew* – арыстан, *zmija* – жылан, *malpa* – маймыл, *wilk* – ас ыр, *pies* – ит, *wampir* – ансор-ыш, *byk* – б а, *leniwiec* – жал ау а.

в) *номинативная единица казахского языка, образованная при помощи лексико-синтаксических средств, соответствует номинативной единице польского языка, образованной при помощи морфологических средств языка*.

Анализ морфологических средств номинации показал, что наиболее употребительными и продуктивными являются в польском языке суффиксы: *nik-* – *wieczornik*, *pancernik*; – *ek-* – *baranek*, *jelonek*, *skoczek*; *wiec-* – *jezowiec*, *faldowiec*, *jazwiec*, *acz-* – *pelzacz*, *wargacz*, *nosacz*; *ica-* – *lasica*, *lisica*, *niedzwiedzica*, *normica*, *popielica*.

В ходе анализа выяснилось, что наименования животных казахского языка, в основном, состоят из основы, суффиксы отсутствуют. Например: б кен, ама, к рп, ат, аю. Встречаются случаи, когда слова состоят из двух основ: ара ас, осяя, рба а, сарыш на.

Итак, анализ наименований животных с точки зрения особенностей номинативной триады позволил заключить, что принципы номинаций

в сопоставляемых языках являются одинаковыми (цвет, запах, вкус и др.). В польском языке выделился принцип номинаций – "по питанию", в казахском – "по запаху".

Наименования животных польского и казахского языков имеют прямой и опосредованный способы номинации. Отличительной чертой казахского языка является наличие большого количества слов с опосредованным способом номинации.

В отличие от польского языка, в котором в количественном отношении одинаково представлены морфологические и лексико-синтаксические средства номинации, в казахском языке преобладают номинативные единицы, состоящие из основы слова и образованные при помощи лексико-синтаксических средств.

Выявленные различия связаны с историко-культурными особенностями народов, которые являются уникальными и специфичными только для одного из языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинова О.И.* Сопоставительная мотивология // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. Томск, 1994. С. 17.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ АГНОНИМИЯ (опыт экспериментального исследования)

А.Г. Жукова, Г.М. Мандрикова
(Новосибирск)

Развитие в лингвистической науке таких направлений, как когнитивная и интерпретационная лингвистика, теория языковой личности, лингвокультурология и др., позволяет выработать новые подходы к изучению языковых единиц не только «изнутри» языка, но и «извне», со стороны реальной коммуникации реальных людей [1, с.173]. Этот взгляд извне, укладывающийся в понятие антропоцентрического подхода, в последнее время все чаще фокусируется на такой области, как фразеология. Ни для кого не секрет, что фразеологический фонд русского языка, зафиксированный в соответствующих словарях, далеко не всегда имеет адекватное отражение в языковом сознании современных носителей языка (особенно молодежи). В связи с этим остро встает проблема фразеологической агнонимии. Изучение языковых единиц в аспекте агнонимии, т.е. с точки зрения наличия / отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании этих единиц, характера таких представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции как отдельной языковой личности, так и больших и малых групп, представляется сегодня весьма актуальным. И если подобные работы в области изучения русской лексики являются уже общеизвестными [2], то исследования с этой точки зрения фразеологических единиц еще только начинаются. Проблемы интерпретации фразеологических единиц (ФЕ) носителями языка затрагиваются в основном в работах по когнитивистике, изучающих фразеологию как компонент национальной картины мира [3]. Отсутствие специальных исследований по фразеологической агнонимии, вероятно, объясняется еще и тем, что интерпретация ФЕ – задача более сложная, чем толкование лексических единиц [4, с. 95]. Необходимость же обращения к такому материалу сомнений не вызывает.

Анализ так называемых «дефектных» дефиниций показывает, что интерпретация фразеологического значения носителями языка может быть в разной степени «правильной» или «неправильной». Полагаем, что это может быть связано в том числе и с тем, что агнонимичность ФЕ для разных носителей языка неодинакова, она может быть более «сильной» или более «слабой», т.е. данное понятие внутренне градуируется. Поэтому при изучении агнонимии фразеологизмов представляется необходимым введение понятия «степень агнонимичности». По-

видимому, можно ставить вопрос о степени агнонимичности данной ФЕ как для конкретной языковой личности, так и – шире – для определенной группы носителей языка. При этом мы исходим из предположения о том, что можно говорить о нулевой, частичной и полной агнонимичности ФЕ. Целью данной статьи является анализ экспериментальных данных, полученных в результате анкетирования отдельной социальной группы носителей языка на предмет верификации высказанных нами предположений.

Материалом исследования послужили ответы абитуриентов, поступающих на гуманитарный факультет НГТУ, на вопросы следующей анкеты:

1. Объясните, пожалуйста, значение следующих фразеологизмов (если вы не уверены в правильности своего объяснения, постарайтесь все же сделать предположение относительно значения этих единиц).

2. Напишите, по отношению к чему или к кому или в какой ситуации, повашему, может использоваться такое выражение.

3. Приведите пример (контекст) употребления фразеологизма.

Например:

1. Бить ключом – проявляться бурно, с чрезвычайной силой.

2. Так говорят о чувствах, жизненных силах, энергии человека

3. *Жизнь здесь бьет ключом – все время что-то происходит.*

Анketируемые определяли значение ФЕ СИНИЙ ЧУЛОК. Данный фразеологизм был выбран нами не случайно: его заимствованный характер (англ. blue stocking) и принадлежность главным образом книжной речи позволяют нам предположить, что для указанной группы носителей языка он является агнонимичным. (Интересно, что в одном из современных источников (Р.И. Яранцев) данная ФЕ характеризуется как разговорная. Хотим заметить, что вопрос о сфере употребления также имеет немаловажное значение для исследования степени агнонимичности ФЕ).

Анализируя данные фразеологических словарей, в которых зафиксирована данная ФЕ, мы пришли в выводу о том, что его значение за сто с лишним лет претерпело определенные изменения. Так, у М.И. Михельсона (1892) в соответствующей словарной статье читаем: «Для обозначений женщин, предавшихся исключительно наукам и писательству, которые, носясь со своею педантическою ученостью, пренебрегают всеми другими качествами и обязанностями женщины и даже матери» [5, с. 392]. В этой трактовке очевидно преобладает рационально-оценочный компонент значения, из чего ясно следует, что реакция общества на обозначаемое единицей явление была сугубо неодобрительной. Подтверждением этому может служить помета при данной ФЕ в словаре А.М. Мелеровича, В.М. Мокиенко [6] – *устар. неодобр.* Большинство

современных источников фиксируют, на наш взгляд, преобладание эмоциональной составляющей: ироническое, насмешливое, иногда презрительное отношение к указанному явлению. Представляется, что определенные изменения произошли и в денотативном компоненте значения ФЕ. «Педантическая ученость» применительно к современным условиям конкретизировалась в «поглощенность» не только «книжными, учеными, но и научными, служебными интересами», а «пренебрежение качествами и обязанностями женщины и даже матери» – в «отсутствие женственности, обаяния, привлекательности». Все это позволяет выявить семную структуру конвенционального значения ФЕ, которую можно представить следующим образом: архисема: отрицательная характеристика женщины. Эта характеристика особо подчеркивается такими пометами, как *пренебр., презрит., ирон., насмешл., неодобр.*; дифференциальные семы: ДС1 – «лишенная женственности, обаяния, привлекательности», «черствая»; ДС2 – «всецело поглощенная книжными, учеными, научными, служебными интересами», «педантичная».

Обращение к показаниям языкового сознания носителей языка позволяет говорить об определенных «коррективах» конвенционального значения ФЕ СИНИЙ ЧУЛОК. Всего нами было опрошено 111 человек. Из них 17 не дали никакого ответа. 94 человека дали ответ хотя бы на один вопрос анкеты. Анализ полученных результатов дает следующую картину. 5 информантов вообще не определили данный фразеологизм как относящийся к человеку: 1) *про чулок (бывают еще красные, зеленые; 2) это ненужная вещь (человек купил то, что у него уже есть – Еще один синий чулок купил!); 3) цвет, оттенок чего-либо; 4) что-то неизвестное, неизученное; 5) предмет туалета модниц.* Очевидно, что в этом случае мы можем говорить о **полной (абсолютной) агнонимичности** ФЕ для конкретных информантов, поскольку налицо попытка буквального прочтения фразеологического значения с опорой на тот или другой компонент ФЕ (1, 3 и 5-я дефиниции), а также попытка собственного метафорического переосмысления незнакомого фразеологизма (2 и 4-я дефиниции). Абсолютная агнонимичность здесь определяется отсутствием какой бы то ни было соотнесенности с конвенциональным значением.

Подавляющее большинство ответов (89) показало, что в языковом сознании информантов данная ФЕ соотносится именно с человеком. Однако только 11 информантов дали четкое указание на женщину как объект характеристики. В большинстве же ответов (77) указывается, что речь идет «о человеке», «о людях». Тем не менее в значительном количестве анкет (22), несмотря на то, что в пунктах 1 и 2 содержится указание на человека вообще, в пункте 3 даются примеры, указывающие

именно на женщину: *Она была синим чулком, В нашей компании эту девушку считали синим чулком, Наша учительница была настоящим синим чулком* и подоб. В 22 анкетах мы не имеем возможности определить, о ком идет речь (конструкции с «ты», императив): *все люди как люди – а ты как синий чулок*. Однако в некоторых из таких ответов говорится о внешности: *Ты сегодня выглядишь как синий чулок, Не будь синим чулком – следи за своим лицом* и подоб. (3 ответа) По нашему мнению, все сказанное может косвенно указывать на то, что в сознании большинства информантов объект характеристики соотносится именно с женщиной, хотя в ответах это может не быть эксплицировано. Возможно, здесь играет роль «память контекста», т.е. память о слышанном или встреченном в текстах употреблении данной ФЕ по отношению в женщине. 17 информантов в примерах употребляют местоимение «он» или глагольную форму прош. вр. м.р., хотя даже в этом случае мы не можем говорить об однозначной трактовке: *Синий чулок весь день сидел в библиотеке, Он как синий чулок – не такой как все* и подоб., поскольку такие ответы могут свидетельствовать об отнесенности в языковом сознании носителей данной единицы как к мужчине, так и к женщине. И, наконец, группа, в которой отсутствуют примеры (23 ответа), а дефиниции не дают указания на пол. Отсутствие примеров, как нам представляется, показывает, что носители языка слабо представляют себе особенности употребления данного выражения, что также может свидетельствовать о высокой степени агнонимичности этой ФЕ для данной группы. Степень агнонимичности ответов внутри группы, на наш взгляд, может распределяться следующим образом (по возрастающей): объект характеристики – женщина - - - объект характеристики - человек (но пример указывает именно на женщину) - - - объект характеристики – человек (но речь идет о внешности, что может косвенно указывать также на женщину) - - - объект характеристики – человек вообще (мужчина и женщина, примеры не дают указания на пол) - - - - объект характеристики человек вообще (примеры отсутствуют).

Все вышесказанное относится к установлению представленности в языковом сознании наиболее общих денотативных компонентов фразеологического значения, должных соответствовать конвенциональному – «отрицательная характеристика женщины». Для удобства анализа мы считаем возможным ограниченно понимать денотативный компонент – «характеристика женщины», поскольку разного рода отрицательная оценка так или иначе содержится в большинстве ответов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что коннотативный компонент значения (в данном случае отрицательная оценка) представлен в сознании большинства носителей языка в этой группе информантов.

Остановимся подробнее на значениях, которые несут дополнительную информацию по отношению к ядерному компоненту «женщина», конкретизируя его. Напомним, что в конвенциональном значении такими конкретизаторами выступают: «лишенная женственности, обаяния, привлекательности», «черствая»; «всецело поглощенная книжными, учеными, научными, служебными интересами», «педаггичная». Каково же представление о женщине как о синем чулке в языковом сознании информантов? Анализ анкет позволил нам выделить следующие 5 групп ответов: 1) *ничем не интересующаяся женщина, не имеющая интереса к жизни; скучная женщина*; 2) *старая дева; женщина, долго не выходящая замуж*; 3) *скромная, спокойная, незаметная, излишне правильная; скромная женщина, отшельница; незамужняя, ведущая себя тихо и скромно; тихая, скромная*; 4) *стремящаяся к получению образования, к получению знаний; много читающая книга, эмансипированная; не интересующаяся ничем, кроме учебы, заучка; занятая обычно умственной деятельностью*; 5) *не уделяющая внимание своей внешности: она малообщительна, неказиста, зато умна, в общем, синий чулок*. В рассматриваемой группе собраны ответы, относящие данную ФЕ к характеристике именно женщины, причем к ее отрицательной характеристике, что, на наш взгляд, свидетельствует о верном направлении понимания основного значения фразеологизма. Группы 4 и 5 вполне соответствуют конвенциональному пониманию ФЕ, тогда как группы 1, 2, 3 позволяют говорить о своеобразном «расширении» первоначального значения, и это расширение связано с национально-культурными традициями, которые до сих пор сильны в нашем обществе. Другими словами, женщина, занимающаяся в основном наукой или работой, – это, конечно же, малопривлекательная особа, не следящая за собой, как правило, скромная, незаметная, излишне правильная отшельница, а значит, не имеющая личной жизни и надежд на замужество старая дева. По крайней мере, такого рода рассуждения вполне могут повлиять на появление подобных дефиниций. Таким образом, конвенциональное – «поглощенная книжными интересами» – развивается в ответах информантов по обыденной (обывательской) логике. Можно сказать, что в данном случае имеет место актуализация потенциальных сем: ПС1 «старая дева, незамужняя»; ПС2 «скромная, спокойная, незаметная, излишне правильная; отшельница; ведущая себя тихо и скромно»; ПС3 «ничем не интересующаяся женщина, не имеющая интереса к жизни; скучная». Следовательно, в сознании информантов основания для негативной оценки варьируются в рамках традиционных представлений о поведении женщины.

Обратимся к анализу ответов, относящих СИНИЙ ЧУЛОК к человеку вообще. Интересно, что среди полученных ответов только 4 соответству-

ют конвенциональному значению, хотя при этом признаки, характеризующие объект, относятся не к женщине, а к человеку вообще или «так говорят о женщине, мужчине»: человек, ведущий скучный образ жизни, в основном за книгами (На месте моей новой работы – сплошные синие чулки); человек полностью и только погруженный в книги, в научную деятельность (Синий чулок весь день сидел в библиотеке); быть одержимым чем-то, не интересоваться ничем остальным, тебя окружающим (Так говорят о людях, помешанных на науке, книгах в ущерб своей личной жизни); человек, живущий только своими профессиональными интересами. Рассуждая о природе таких ответов, наверное, можно предположить, что у информанта присутствует знание о единице, но не знание о ее функционировании, т.е. налицо ситуация: «я знаю, что это значит, но я не знаю, о ком так можно сказать».

Большинство информантов (39) определяют СИНИЙ ЧУЛОК следующим образом: *не такой, как все, особенный, неординарный, выделяющийся из общей массы, отличающийся от других людей, необычный, не похожий на остальных* и подоб. При этом есть довольно много ответов, где указываются признаки, по которым и выделяется характеризуемый человек: 1) *серый, неинтересный*; 2) *отличается скромностью*; 3) *со своими взглядами; оригинальный*; 4) *поступает не так, как другие; необычное поведение*; 5) *выглядит необычно*; 6) *кричаще одетый*; 7) *чопорный*. Напомним, что данная группа ответов обязательно включает в дефиницию четкое указание на непохожесть, отличие от других. Наш взгляд, в данном случае налицо аналогия с выражением БЕЛАЯ ВОРОНА, тем более что ряд информантов в качестве дефиниции или ее части привели именно это выражение как синоним. Однако если обратиться к конвенциональному значению ФЕ СИНИЙ ЧУЛОК, то вполне очевидно, что «отличающийся от других, не такой, как все», т.е. отклоняющийся от нормы (с отрицательным значением), есть не что иное, как рационально-оценочный тип информации, которую несет в себе обсуждаемая ФЕ. Поэтому следует говорить о прямой аналогии, например структурной или смысловой, учитывая и то, что такая аналогия поддерживается представлением о чулке синего цвета как о чем-то не вполне обычном.

Особый интерес представляют следующие ответы (22): *изгой; одинокий человек; чересчур стеснительный и скромный; тихоня; более смиренный и усидчивый, практически незаметный среди других, странный; одинокий, непонятый, со своим мировоззрением; человек, которого не любят, неопрятный, неряшливо выглядящий; некомпанийский, неинтересный; очень злобный, эгоистичный; наивный, думает, что все добрые, простой; незакомплексованный; старый, уставший от жизни (никуда не выходит); человек, который в своем деле незаменим; болт-*

ливый; мрачный, нудный и т.д. В данной группе, по всей видимости, сема «отличие от других, непохожесть на всех» не эксплицируется, однако имплицитно здесь явно присутствует. Таким образом, если считать, что в конвенциональном значении такая потенциальная сема, как «отклоняющийся от нормы», есть, то и в этом случае можно говорить об определенной интерпретации периферийного компонента конвенционального значения. Именно это, на наш взгляд, и позволяет говорить о высокой степени агнонимичности данной ФЕ для этой группы информантов.

Итак, мы видим, что в так называемых «дефектных» дефинициях, данных носителями языка относительно ФЕ СИНИЙ ЧУЛОК, отражаются те представления, которые присутствуют в языковом сознании информантов – абитуриентов. Эти представления дают возможность сделать вывод о том, насколько агнонимичной является данная ФЕ для указанной группы носителей языка. На наш взгляд, в данном случае речь действительно может идти о трех основных степенях агнонимичности. Эти выводы можно представить в виде таблицы.

Степень агнонимичности	Пример	Комментарий
1	2	3
Абсолютная		
	Цвет, оттенок чего-либо; ненужная вещь; предмет туалета и т.д.	Нет ответа либо ответ ни в коей мере не соотносится с конвенциональным содержанием ФЕ
Частичная *** (высокая)	Человек, отличающийся от других: внешним видом, поведением, поступками; какими-либо качествами (скромностью, замкнутостью, болтливостью и проч.)	В данных дефинициях реализуется только потенциальная сема конвенционального значения «отклоняющийся от нормы»
** (средняя)	Человек, помешанный на науке, книгах, в ущерб своей личной жизни; погруженный в книги, научную деятельность; ведущий скучный образ жизни; поглощенный профессиональными интересами	В данных дефинициях реализуется дифференциальная сема «занимающийся научной и профессиональной деятельностью в ущерб другим интересам, в частности личной жизни», однако не реализована архисема
* (низкая)	Незамужняя женщина, ведущая себя скромно и тихо; очень скучная, неинтересная, незаметная, излишне правильная; старая дева или долго не выходящая замуж; эмансипированная женщина, много читающая книг	В данных дефинициях отражается отрицательная характеристика женщины и подчеркивается отсутствие в ней качеств, ожидаемых обществом, т.е. реализуются архисема и потенциальные семы
Нулевая		
	Женщина, не уделяющая внимания своей внешности, занятая иной, обычно умственной деятельностью; девушка-заучка, не интересующаяся ничем, кроме учебы и подоб.	Верный ответ. В данных дефинициях реализована вся семная структура значения (архисема, дифференциальные и потенциальные семы)

Как видим, интересующая нас ФЕ является агнонимичной для большинства информантов данной группы (лишь 3,6% дали правильные ответы). Однако степень ее агнонимичности для разных информантов различна. Об абсолютной агнонимичности можно говорить лишь в 20,7% случаев, следовательно, в 75,7% случаев мы имеем дело с агнонимией частичной. На наш взгляд, именно проблема частичной агнонимии представляет наибольший интерес для исследователя, поскольку она тесно связана с проблемой выбора критериев, на основании которых можно судить о том, является ли та или иная ФЕ агнонимом для отдельной языковой личности или группы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хлебда В.* Фразеология в межчеловеческом коммуникативном пространстве // Русское слово в мировой культуре: Сб. докладов X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. Т.1.
2. *Морковкин В.В., Морковкина А.В.* Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
3. *Кабакова С.В.* Образное основание идиом (психолингвокультурологические аспекты): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
4. *Дядечко Л.П.* «Печать авторства» крылатых слов в современном языковом сознании // Русское слово в мировой культуре: Сб. докл. X Конгресса МАПРЯЛ. СПб., 2003. Т.1.
5. *Михельсон М.И.* Ходячие и меткие слова: Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М., 1994.
6. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи: Словарь. М., 2001.

ОПЫТ ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРАЗДНИКОВ

Н.В. Жураковская, Т.Н. Корнильцева
(Новокузнецк)

Данное исследование является продолжением работы над Словарем православных праздников “Лета Господня” И. Шмелева [1, с. 158–165] и ведется в русле русской словесности. Его системным объектом является человек, а в качестве предмета выступает слово (= Логос) как понятие смысловой структуры бытия, впервые возникающее у Гераклита и перешедшее в христианскую догматику.

Название праздников – это особый разряд имен, который способен функционировать как информативно полноценный класс слов и в контексте, и вне его. Например, *Благовещение Богородицы* будет пониматься как название праздника, поскольку название содержит имя субъекта и осмысливается как беспрецедентное событие, т.е. как безэквивалентная номинативная лексика.

Названия православных праздников, как правило, образуются в результате семантической трансформации нарицательных слов, впервые данных в сакрализованном старославянском языке, которые использовались при описании уникальных событий Св. Писания и Св. Истории (*Крещение Господне, Рождество Христово*). Такие онимы функционируют не только как информативно полноценные слова, но и как совершенно особый, уникальный разряд, совмещающий особенности и нарицательных, и собственных слов, являющихся “священными словами” (Н.Б. Мечковская) о священных событиях.

В художественном мире И. Шмелева такие единицы участвуют в создании образа национального мира, т.к. являются средством отражения фрагментов культуры русского народа. Без обращения к справочной литературе, к комментарию, который отражает “смысловую жизнь текста” (Ю.М. Лотман), у читателя образуются лакуны.

В словаре мы систематизируем все особенности праздника, указываем сакральное библейское событие, праздничные ритуалы, пространственные характеристики, а также реализуем идею «слово-текст». Название праздника содержит духовную культуру народа, реализуемую в языке и через язык, поэтому оно выступает в качестве *текста* в словарном толковании.

Названия праздников отвечают нескольким признакам текста. Во-первых, они всегда мотивированы и эксплицитно, и имплицитно, т.к.

ориентированы на постоянное воспоминание и воспроизведение священных событий. Во-вторых, текстовая природа названий подтверждается и тем, что они представляют собой компрессивную информацию, поскольку являются результатом сворачивания целого библейского или церковного события до нескольких слов, которые должны отражать весь смысл происшедшего и предсказывать поведение людей в этот день при праздновании. Не случайно ключевые слова-названия представляют собой отглагольные существительные, в которых содержатся опредмеченные действия, т.е. потенциальная предикативность, характерная для предложения (*Светлое Христово Воскресение, Покров Богородицы, Усекновение главы Иоанна Предтечи*). В-третьих, поскольку присутствует процесс сворачивания информации, то в момент самого праздника она разворачивается за счет ритуала (единство слова и действия), превращаясь в магический, ритуальный текст. Здесь можно говорить о жанровой природе названия праздника как полноценного текста.

Подобная трансформация названия праздника в текст-миф присутствует в “Лете Господнем” И. Шмелева.

Главы, названные определенным праздником, могут рассматриваться как мифический текст этого праздника, представленный во всей буквальности и реальности происходящего, словно “вызванный из небытия” (Анри Труайя), и между ними можно поставить знак равенства.

Для героев книги название праздника содержит то событие, которому посвящается все время празднования, поэтому это событие нуждается в объяснении. Поскольку праздник связывается с определенными ритуалами, то зачастую содержание христианского события переосмыляется.

Так, Ваня, узнавая, что такое Покров, знакомится с праздником через название, сначала непонятное. *Я вспоминаю, что скоро радостное придет, “покров” какой-то...* Горкин как носитель эпического сознания объясняет ему народное понимание праздника Покрова, серьезное и живописное, которое по сути относится к разряду культовых мифов, т.к. священное событие во всей своей конкретности служит объяснению житейских ритуалов. *И всего у нас запасено будет, ухитимся потеплее, а над нами Владычица, Покровом своим укроет... под Ее Покровом и живем. И скажет Господу: “Господи, вот и зима пришла, все наработали, напаслись... благослови их, Господи, лютую зиму перебыть, Покров мой над ними будет”. Вот тебе и – Покров.* Покров – “заступление” (В.И. Даль) не от сарацинов в Константинополе, как в Св. Истории, а от зимы. Вот соединение языческих и христианских традиций и создание нового мифического объяснения. Ваня, основываясь на интерпретации Горкина, познает значение праздника также через слово, соз-

давая свой миф, т.к. миф – это способ познания, при котором человек познает другое как самого себя (А. Лосев). *Так вот что это – Покров! Это – там, высоко, за звездами: там – Покров, всю землю покрывает, ограждает. Теперь ложась спать, я молюсь Богородице-Казанской... Молюсь и щурюсь... Вижу лучики – лучики лампадки, будто это на небе звездочки, и там, высоко, за звездами, – сверкающий омофор-Покров. И мне ничего не страшно.* В обоих случаях миф разворачивается за счет метафорического переосмысления значения покрыва как “то, чем покрывают”, в то, чем “защищают, покровительствуют” (МАС). Здесь происходит оживление стертой языковой метафоры. Таким образом, благодаря реализации многозначности синкреты “покров” создается и разворачивается данный текст-миф. Причем слово “покров” и у Горкина, и у Вани не отвлекается от явления и выступает в едином зримом, конкретном образе.

Подобное образное чувствование слова встречается в восприятии праздников *Рождества и Масленицы. Рождество... Чудится в этом слове крепкий, морозный воздух, льдистая чистота и снежность. Самое слово это видится мне голубоватым.* В данном отрывке название праздника Рождество за счет “живого”, “творческого” (А. Белый) восприятия выступает как слово-миф, способное к “полисемантическому расширению”, превращению в “метафорический” текст. Рассказчик ощущает это слово мифично, синкретично, через запах и цвет. Живой образ в слове может трансформироваться в бесконечное количество вариантов, создавая все новые и новые мифы. *Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавают гул церковный, и в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Сад – в глубоком снегу, светлеет. голубеет. Вот, побежало по верхушкам; иней зарозовел; розово зачернелись галочки, проснулись; брызнуло розовой пылью, березы позлатились, и огненно-золотые пятна пали на белый снег. Вот оно, утро Праздника, – Рождество. В детстве таким явилось – и осталось.* Цветовая и звуковая характеристика слова не отвлекается от действительности, а является абсолютным единством с реальным пространством-временем и вбирает в себя все его сущностные характеристики. Это слово-образ, слово-хронотоп, слово-миф, способное разворачиваться в мифический текст.

Миф рождается на синкретичном соединении в одном слове всех конкретностей жизни. Так, на *Рождество* метафорически совмещаются цветовые и звуковые реалии. *Звезд все больше... усатые, живые, бьются, колют глаза. И звон услышишь. И будто это звезды – звон-то! Звездный звон, певучий, – плывет, не молкнет; сонный, звон-чудо, звон-*

виденье, славит Бога в Вышних, – тогда в первый раз, много лет назад, поэтому это чудесный звон. Вот совершенно особое видение мира как непрерывного чуда.

Масленица... Я и теперь еще чувствую это слово как чувствовал его в детстве: яркие пятна, звоны – вызывает оно во мне; ухабистую дорогу, уже замаслившуюся на солнце, с ныряющими по ней веселыми санями, с веселыми конями в розанах, в колокольцах и бубенцах, с игривыми переборами гармонии. И Бог на небе, за звездами, с лаской глядел на всех: масленица, гуляйте! В этом широком слове и теперь еще для меня жива яркая радость, перед грустью... – перед постом? Здесь хорошо представлен переход от мифического ощущения слова к созданию мифа. Широкое слово масленица мотивирует подобные праздничные, “широкие, разгульные” (Даль) лексические реалии: яркое – веселое – гулять – игривый – радость – солнце – кони в розанах – бубенцы – гармонь и т.д. Именно живое, образное, творческое отношение к слову способно превращать его в миф. Это “заговор”, “магическое имя”, по А. Белому, которое формирует другую реальность.

Ассоциативное переосмысление название праздника Царица Небесная рождает совершенно особое мифическое видение этой иконы. Под легкой, будто воздушной осенью, из претворенного в воздух дерева, блистающая в огнях и на солнце, словно в текучем золоте, в короне из алмазов и жемчугов, склоненная скорбно над Младенцем, Царица Небесная – над всеми. Под ней пылают пуки свечей, голубоватыми облачками клубится ладан, и кажется мне, что Она вся – на воздухе... и чудится мне в блистаньи, что Она начинает возноситься. Никнут над Ней березы золотыми сердечками, голубое за ними небо. Вся Она – свет, и все изменилось с Нею, и стало храмом. Темное – головы и спины, множество рук молящих, весь забитый народом двор... – все под Ней. Она – Царица Небесная. Она – над всеми. Она наклоняется к народу... Она идет ... и тихо обходит весь двор... Ей поклонились лошади, и Она освятила их. Она же над всем Царица, Она – Небесная. Царица – это “владычица” (В.И. Даль), поэтому в понимании мальчика ей все поклоняются – и люди, и березы, и лошади, т.е. значение слова переносится в объяснение окружающей действительности (подобная особенность мифа называется генетизмом). Здесь ритуальность полностью совпадает с семантическим содержанием названия. Небесная – “относящаяся к небесам”, “небесное царство, духовный мир”; небо – “верхний слой воздушного пространства, воздух” (В.И. Даль). Пуки свечей, ладан – ритуально воплощенная семантика слова «небесная», которая заново постигается ребенком через миф путем создания своего ряда ассоциативно-тематической лексики: воздух, возноситься, свет, освятить, храм. Икона Царицы Небесной

воспринимается как живая, что подчеркнуто следующими личными формами глаголов: *наклоняется, идет, обходит*. Для такого восприятия нужны чуткость и воображение (*чудится, кажется*), которые создают момент чуда, необходимые для мифа.

Подобное анимическое ощущение мира служит для ребенка перво-толчком к созданию “метафорической”, мифической картины, в которой он живет. *Там, в березках, невидимо, смотрит на нас Господь, во Святой Троице, таинственные Три Лица, с посошками. И ничего не страшно. С нами пришли березки, цветы и травы, и все мы кланяемся Ему, и Он отдыхает под березкой. Он теперь с нами, близко, совсем другой, какой-то совсем уж свой. И теперь мы не грешные*. Миф Вани является вариантом народного культового мифа, данного Горкиным: “*Завтра вся земля именинница. Потому Господь ее посетит... Земля Ему всякие цветочки взростила, березки, травы всякие...*”, – который также разворачивается на метафорическом оживлении внутренней формы слова Господь (“хозяин гостей”). Ритуал, характеризующий определенный праздник, создает условия для индивидуального мифотворства. *Все это пришло с березками: и березовый воздух, и небо, которое упало, пришло на нашу землю, и наша земля, которая теперь живая, которая именинница сегодня.*

Таким образом, у И. Шмелева названия праздников – это слова-мифы, способные разворачиваться в мифические тексты в результате метафорического осмысления, постоянного вслушивания, “осязания” слова и действительности, от которой оно не отрывается. Причем подобное развертывание происходит дважды: в устах Горкина и в сознании мальчика, который, отталкиваясь от народного культового мифа, создает свой магический текст. Ребенок проходит путь познания реальности через названия, создавая свой мир, в котором он живет.

В “Лете Господнем” можно выделить яркий, значимый образ в русской жизни и культуре. Это образ Пресвятой Богородицы. Для русского человека Небесная заступница, отзывчивая, милосердная, участливая, является самой близкой и дорогой покровительницей, у которой народное сердце ищет всегда защиты, спасения и помощи, поэтому к ней нередко обращаются в молитвах, заговорах, заклинаниях. В русской народной традиции культ Богородицы сближается с древними языческими культами матушки Роженицы (покровительницы рожениц) и Матери-Земли, что обусловлено мотивом материнства. В результате этого образ Богородицы занимает важное место в русской системе миропонимания и культуры, на которой лежит печать целомудренной женственности и милосердия (по мнению А. Белого, в “народной душе” отображается “самое женственное начало – Божество...”). И. Шмелев вплотную обра-

шается к образу Матери Божьей в своей удивительной повести “Неупиваемая Чаша”. Причем здесь сразу подчеркивается эта уникальная ценность образа для русского мироощущения. “Смотрит на нее народ и затихает”, пьет из ее Чаши и “исцеляется”. Сам образ “Радостной Неупиваемой Чаши” – это мифологема, в которой все три компонента являются символами, значимыми для языческого, а потом и православно-го сознания, а также и для литературной традиции (например, чаша как символ полноты бытия, страдания, жизни и смерти, неба).

Лик Богоматери с золотой чашей в повести “дивно прекрасный”, у нее “поражающие глаза”, она “радостная”. Такого портретного описания Богородицы в “Лете Господнем” уже не будет, там описание строится на уровне восприятия Ваней ее воздействия на окружающее пространство и людей. Икона Богородицы Иверской в главе “Царица Небесная” воспринимается мальчиком как живая (но и неземная одновременно), действительно посещающая двор Шмелевых. Поэтому происходят изменения не только на физическом плане (чистые и красивые двор, люди), но и сам воздух изменяется, сама атмосфера, т.к. она словно “претворилась в воздух”, “она вся на воздухе”, который остался таким даже после ее ухода. “Вся она – свет, и все изменилось с Ней, и стало храмом”. “От трепета замирал” не только мальчик, но и весь двор, наполненный народом, который был объединен духом соборности. И все они как один словно поют в сердце своем строки из молитвы “Песнь пресвятой Богородицы”, происходящие рефреном в этой главе. Но теперь строки молитвы отличаются от молитв в “Неупиваемой Чаше”: “здесь и радость, и грусть” одновременно, по прошествии лет у Шмелева они стали более печальные и смиренно-кроткие. Все праздники, связанные с Богоматерью, являются великими и особо почитаемыми. На Благовещенье по народным традициям в книге гоняют голубей, купают соловьев, приносят друг другу радостную весть. Ваня отмечает, что в этот день даже небо, которое очень близко для образа Богоматери, является особым – “Богородичкино небо”, чистое, зеленовато-голубое, золотистое, причем нужно отметить, что рядом с этим образом в отношении к Ване очень часто употребляется зеленый цвет как символ жизни, возрождения, учения. А золото и лазурь в свою очередь также являются знаками, которые связывают небо и землю. Карл Густав Юнг, цитируя Гийома де Дигюйвиля, отмечает, что золотой – один из трех основных цветов – “принадлежит Отцу”, а голубой олицетворяет землю, покрытую “голубым покрывалом небес” [2, с. 178]. Это “Владычица, Покровом своим укроет... под Ее Покровом и живем”. Покров Богородицы – “это там высоко, за звездами”. Для героя возникает семантический ряд образов “света”, “огня” (центрального в христианстве, близкого к поня-

тию Бога), который вырастает до “христианско-космических” масштабов: “лампадка” – “звездочки” – “сверкающий Покров-омофор”, которым “освящается небо и земля” и от которого “все церкви засветятся, и люди возвеселятся”. “...Радостное пришло – Покров... праздник Владычицы Пречистой”. Ваня постигает гармоничную красоту мира интуитивно, своей детской душой в религиозно-мифологической символике.

В художественном произведении писатель через свой словарный и художественный мир обозначает только ему присущее видение мироздания. Согласно мифологической традиции, писатель творит мир в священном тексте, создает свой Космос и выступает как демидург, Творец этой текстовой Вселенной. Художник знает свою Вселенную в пространстве и во времени, умеет все назвать своим именем. Он творит словом, слово становится Космосом, а воплощенное слово – это миф. Мифотворчество – всегда миротворчество через словотворчество. В каждом произведении писатель через свой словарный и художественный мир создает свой мифологический мир.

В “Лете Господнем” И. Шмелев творит собственную Вселенную, которая, с одной стороны, структурно воспроизводит сакральную мифологическую модель мира, а с другой – живет, осмысливается и создается по законам мифологических традиций, что связано с мифологизмом детского восприятия главного героя и языческими рудиментами народного православия.

В “Лете Господнем” словарный мир и художественный мир мифологичны. Категорией, связывающей эти миры, выступает мифологема “Праздник”. Приведем одну из них.

**ИВЕРСКАЯ
(ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ,
ИВЕРСКАЯ икона БОЖЬЕЙ МАТЕРИ)**

...Грядет Царица Небесная надо всем народом. Валяется, как трава, и Она тихо идет над всеми. Под легкой, будто воздушной сенью, из претворенного в воздух дерева, блистающая в огнях и солнце, словно в текучем золоте, в короне из алмазов и жемчугов, склоненная скорбно над Младенцем, Царица Небесная – над всеми... Она вся на воздухе (83).

Гл. “Царица Небесная”, “Горькие дни” (с. 80–85, 386).

ЛГ (ком.): День празднования Московской иконы Иверской Божьей Матери (писанной с Афонской, находилась в Москве с XVII в.), 25 февраля (12 февраля), 26 октября (13 октября) и во вторник Пасхальной недели.

Богослужебные песнопения.

“Спаси от бед рабы твоя, Богородице... К Тебе прибегаем... яко к Нерушимой стене и представительству... Призри благосердием, всепетая Богородице” – припев Богородицы, поемого на молебнах. “Пресвятая Богородице, спаси нас” – припев всех канонов, посвященных Божьей Матери.

ИПБ: Сказание об **Иверской иконе** начинается с IX в., когда при императоре Феофиле свирепствовало гонение на иконы. В то время икона Богоматери находилась у одной благочестивой вдовы. Императорские стражники, увидя святую икону, ударили мечом по образу, и из лика Богоматери истекла кровь. На другой день вдова ради спасения иконы опустила ее в море. В 999 г. иноки **Иверской** обители (названной в честь ее основателей – иверцев-грузин) увидели на море огненный столп, они с пением приблизились к нему и сподобились принять икону Богоматери в руки. Когда икону внесли в алтарь, над ней совершали непрерывные молебствия трое суток. Однако через время икона сама переместилась из алтаря на монастырские ворота, дабы не быть охраняемой, но самой охранять молящихся. С того времени икона стала называться от имени монастыря – **Иверскою**, по месту пребывания – **Вратарницею** и совершать многие чудеса. В 1648 г. в Москву был привезен список с чудотворной иконы, который ничем не разнится от подлинника. Царь Алексей Михайлович устроил икону в особую часовню, устроенную у Воскресных ворот. Святую икону часто поднимают в дома к болящим, когда ведут ее по улицам в колеснице. Это одна из самых почитаемых икон Божьей Матери.

ДАЛЬ: Ср. **Иверень**, (плотниц.) зарубка, вырубка бревна. Велик **иверень** загнал, широко надрубил.

ФАСМЕР: **Икона.** Греч. “образ, подобие”. **Иверия.** Старое название Грузии. Из греч. “грузин”. **Божья** от бог. Ст-слав. **богъ.** // От *bogъ “достояние, доля, участь”// Родств. авест. *baḥsaiti* “участвует”. **Мать.** // Родств. лит. “женщина”, алб. “сестра”.

СМ: **Богородица** в нар. культе выступает как защитница от бед, страданий и нечистой силы. Она – небесная заступница, отзывчивая, милосердная и участливая, поэтому к ней нередко обращаются в молитвах, заговорах и заклинаниях. Связь культа **Бгр.** с мотивом рождения, плодоношения и изобилия обнаруживается в обряде выноса запрестольного креста и иконы **Бгр.** в первый день Пасхи в крестьянские дворы. **Икону** ставили в лен и сыпали ей “в глаза” гость зерна. К **Бгр.** обращаются для оберега молочного скота: “Если не закрывать корову в стойке с иконой **Бгр.**, а двор не обойти с воскресной молитвой и не закрыть с нею ворота, корову обязательно испортят, и она начнет доиться кровью” (старообрядцы Забайкалья). Корова – самое почитаемое домашнее жи-

вотное, требующее особой защиты от нечистой силы, способной отобрать молоко. Вода – основное магическое средство, применявшееся для повышения молочности: на праздники коров либо обливали, либо окропляли святой водой. В восточнослав., особенно русск., традиции ярко выражены празднования дней памяти православленных икон Бгр. Эти праздники относились к поре крестьянских работ. По севернорусск. легендам, на Пасху Бгр. “ходит по земле”.

АВТ (ком.):

• Икону Бгр. встречают как настоящую почитаемую гостью к приходу, которой все приготавливается. “Суббота у нас завтра... *Иверскую, Царицу Небесную принимаем*” (79). *Двор и узнать нельзя. Лужу накрыли рамой... Нет и грязного сруба помойной ямы... Прибраны ящики и бочки в углах двора (80). Новым кажется наш двор – светлым, розовым от песку, веселым. Я рад, что Царице Небесной будет у нас приятно... что у нас стало чисто и красиво и что для Нее все это (81).*

• Бгр. воспринимается как живая, способная двигаться и взирать на все кругом. *Пылают туки свечей, густо клубится ладан, звенят кадила, дрожит синеватый воздух, и чудится мне в блистаньи, что Она начинает возноситься. Она наклоняется к народу... Она идет. Валяются под Нее травой, и тихо обходит Она весь двор... Под ногами хрустит щепой... (84).*

• Бгр. способна освящать все вокруг, не только людей, но и двор, растения, животных, и все чувствуют встречу со святой гостьей. *Вся Она – свет, и все изменилось с Нею, и стало храмом (83). У меня горячо на сердце: над всеми прошла Она, и все мы теперь – под Нею (84). Брызгает серебро на все: кропят и березы, и сараи, и солнце в небе, и кур с петухом на штабели... (84). Остается пустынный двор, как-то особенно притихший, обмоленный (85). Чудится мне, что на всем остался благодатный взор Царицы (85).*

• Бгр. освящает домашний скот в том числе и коров для хорошего молока. *Идет к конюшням... Ей поклонились лошади, и Она освятила их. Она же над всем Царица, Она – Небесная (84). “Коровку-то покропите... посуньте Заступницу-то к коровке! Надо уважить, для молочка...” Выдвигают кивот до половины, держат. Корова склонила голову (84).*

• На этот праздник было принято выпекать калачи и баранки, которыми угощали нищих. *Привозили Царицу Небесную “Иверскую”, все комнаты святили и калачиков с ситничками нищим раздавали... (386).*

• Для ребенка символом праздника становится голубок, вырезанный из дерева, словно живой, который считается птицей Бгр.: *И вот на моих глазах выходит у него птичка с распростертыми крыльями – голубок?*

Трепещут лучики-крылья, – совсем живой!.. Крылышки золотятся и трепещут, и все дивятся, – какие живые крылья, “как у Святого Духа!” Сквозные, они парят (81).

• Окружающим предметам присущ розовый цвет радости (*розовые яблоньки, розовый песочек*), а самой Бгр. – небесный голубой (*голубая карета, голубоватыми облачками, голубой дымок*), и божественный золотой (*в глубине золотится, епитрахилью с золотом, в золотые скобы, золотые короны*).

• Звук. Праздник наполнен пением молитв.

• Запах. *Пахнет и еловым деревом по росе и еще чем-то сладким: кажется зацветают яблони. Черный воз можжевельника... священно пахнет. Пахнет и первой травкой, принесенной в корзинах и ожидающей (82). Вечер, а все еще пахнет ладаном и чем-то еще... святым? (85).*

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Жураковская Н.В., Корнильцева Т.Н. Словарь православных праздников “Лета Господня” И. Шмелева // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000.
2. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.

ДИАЛЕКТНЫЕ ГЛАГОЛЫ С ВКЛЮЧЕННЫМИ АКТАНТАМИ (на материале среднеуральских говоров)

Т.А. Злыдѣнная
(Екатеринбург)

Современный этап развития антропологической лингвистики характеризуется активным изучением специфики языкового отображения действительности, т.е. языковой ментальности, различных фрагментов языковой картины мира (далее ЯКМ).

Семантическая общность глаголов сельскохозяйственного труда представляет собой фрагмент ЯКМ, который рассматривается в лингвистической науке обычно как составная часть глаголов поля действия и находится по отношению к ним в привативной оппозиции. Глаголы данной семантической общности являются отражением одной из ипостасей русской культуры – труда.

Общеизвестно, что денотат глагола – ситуация. Глагол, по словам Д.Н. Шмелёва, является «как бы концентрированным выражением целой ситуации» [1, с. 10], в состав которой входят субстанции с их признаками и процессы с их характеристиками [Гак 1973; Кубрякова 1978; Гайсина 1980; Васильев 1981; Уфимцева 1986; Кузнецова 1987 и др.]. Ориентация глагола на отображение ситуации обуславливает тот факт, что семантика глагольного слова не элементарна, а комплексна, она, как пишет А.А. Уфимцева, действительно «отображает минимальные дискретные кусочки действительности, приближающиеся к элементарным событиям и ситуациям» [2, с. 138].

Характерной чертой глагола является его соотнесенность с предметными именами, что является не столько языковой закономерностью, сколько универсальным свойством человеческой мысли и отражением реальных связей между вещами, явлениями, процессами, существующими в мире. Отмечено, что «наименование любому действию, состоянию, процессу и т.п. дается относительно двух семантических категорий – сферы субъекта и сферы объекта, обозначаемого именем действия» [3, с. 36]. Семантические отношения типа «субъект – действие», «действие – объект» могут быть отнесены к «константам сознания» и являются единицами «концептуальной картины мира» [4, с. 19].

Связь глагольного слова и определяемого им предметного имени содержится в глагольном значении, как бы «хранится в памяти» глагола, т.е. глагольное предикатное слово в большинстве случаев содержит указание на ближайших субъектных и объектных партнёров в лексическом

значении глагола, и это позволяет называть глагол свернутым предложением, макетом будущего предложения (В.В. Виноградов, С.Г. Кацнельсон и др.).

Какие же дифференциальные компоненты субстантивного характера способны входить в глагольное значение? В лингвистике не существует единой классификации подобных компонентов, нет и единого терминологического определения для них. В зависимости от аспекта рассмотрения (т.е. лексического изучения их как элементов, включенных в структуру глагольного значения, или же синтаксического, т.е. изучения синтаксических ролей, выполняемых ими в высказывании) дифференциальные семантические компоненты называют аргументами, актантами, сирконстантами, партиципантами, глубинными падежами, семантическими осями, семантическими валентностями, предикандумами и другими терминами (У. Чейф, Ч. Филмор, В.В. Богданов, М.В. Никитин, С.Д. Кацнельсон и др.).

Мы рассматриваем субъект и объект в валентностной структуре глагола как содержательные, лексико-семантические категории, поэтому пользуемся следующими определениями этих явлений: «Субъект – актанта, называющий носителя состояния, производителя, источник действия. Объект – актанта, на создание, изменение или уничтожение которого непосредственно направлено действие, выраженное глаголом» [5, с. 104].

Включение актантов – это семантическое явление. Сам термин указывает на то, что включенный компонент заложен в семной структуре глагола, является ее необходимой и существенной частью, предопределяет валентность, а следовательно, и сочетаемость глагола.

Существует несколько вариантов включения актантов в семную структуру глаголов: 1) включенный субъект; 2) включенный объект; 3) включенные и субъект, и объект (актантная рамка).

Объекты могут включаться в семантику глагола разными способами:

1. Полное (абсолютное) включение. При данном способе включения глагол специализирован относительно одного актанта, обладает постоянным лексическим контекстом. В глаголах данного типа сема актантов (субъектов и объектов) полностью включена в значение глагола, действие специализировано относительно одного актанта, глагол и его объект повторяют, дублируют значение друг друга.

2. Частичное включение. При таком способе в значение глагола оказывается включенным ряд тематически близких объектов, способных выполнять идентичные функции.

3. Глаголы с неспециализированным объектом, т.е. глаголы с абсолютно свободным замещением объекта.

4. Двубъектные глаголы, объектом которых является одушевленное лицо.

Следует отметить, что семантико-синтагматический комплекс «глагол – актанты» включает в себя все семантические и синтагматические связи глаголов и актантов. Под семантико-синтагматическим комплексом понимается «набор внутрисловных семантических компонентов категориального и дифференциального уровней (категориально-лексических сем и дифференциальных сем актантов)» [6, с. 63].

Рассмотрим специфику отношений глагола с актантами на материале глагольной лексики, обозначающей процессы сельскохозяйственного труда, функционирующей в говорах Среднего Урала. Используя метод компонентного анализа, мы проанализировали семантическую структуру 238 глаголов указанной общности. В результате исследования было выявлено следующее. Среди диалектных глаголов, обозначающих процессы сельскохозяйственного труда, нет единиц с одновременным включением и субъекта, и объекта (т.е. отсутствуют единицы с включенной актантной рамкой). Вероятно, это является спецификой глаголов данной семантической общности.

Большую часть исследуемых глаголов представляют глаголы с включенным объектным актантом (94 глагола, т.е. около 39,5% от общего количества).

Глаголов, специализированных относительно одного актанта, т.е. с полным включением объектного актанта, выявлено 70 (т.е. примерно 75%). Например, *керкать* – ‘окучивать картофель’ [7, с. 24]; *вздымать* – ‘пахать (поднимать) целину’ [8, с. 79]; *колосовать* – ‘собирать колосья’ [7, с. 40].

Глаголов с частичным включением объектного актанта нами выделено 24 (т.е. около 25%). Например, *крючить* – ‘убирать горох, овес’ [7, с. 69]; *гоять* – ‘сортировать, готовить семена, клубни’ [9, с. 115]; *водить* – ‘разводить (животных, птиц), взращивать (овощи, фрукты)’ [8, с. 85].

Сема «орудие действия» содержится в структуре 4 глаголов (т.е. примерно 1,7%). Например, *заворошить* – ‘разгрести, перевернуть (граблями)’ [8, с. 167]; *литовать* – ‘косить литовкой’ [7, с. 98]; *оцарапать* – ‘прополоть, очистить междурядья от сорняков ручным рыхлителем (царапкой)’ [10, с. 100].

Сема «способ действия» содержится в лексическом значении 8 глаголов (т.е. около 3,4% от общего количества). Например, *тюкать* – ‘косить слабыми взмахами косы’ [11, с. 115]; *шолить* – ‘втыкая в копну сена кол, жердь, укреплять её’ [9, с. 575]; *брускать* – ‘обрывать ягоды,

листья, семена, зёрна в горсть, зажав ветку или стебель между пальцами' [9, с. 45].

Сема «цель действия» выявлена в семной структуре 5 глаголов (т.е. примерно 2% от общего количества). Например, *запарить* – ‘вспахать землю под пар’ [8, с. 180]; *подкапнивать* – ‘обязывать копну сена верёвками для перетаскивания (волоком) к стогу’ [12, с. 54]; *осадить* – ‘посадить, посеять для выращивания’ [9, с. 374].

Сема «средство действия» выявлена в структуре 5 глаголов (т.е. около 2%). Например, *назъмить* – ‘удобрять навозом’ [7, с. 167]; *трундыть* – ‘удобрять почву торфом’ [11, с. 110]; *попарить* – ‘удобрять навозом (землю)’ [9, с. 442].

Анализ языкового материала позволил сделать следующие выводы:

1. Исследуемая семантическая общность не содержит единиц с включённой актантажной рамкой.

2. Большинство диалектных глаголов, обозначающих процессы сельскохозяйственного труда, являются глаголами с включённым объектным актантажем.

3. Включённые объектные актантажи занимают ведущее место в ряду других глагольных сем субстантивного характера.

4. Актантажные семы, закреплённые в смысловой структуре рассмотренных диалектных глаголов, находят отражение во внутренней форме этих наименований, что свидетельствует об актуальности включённых актантажей в выражении концепта «сельскохозяйственный труд».

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмелев Д.Н. Синтаксическая членность высказывания в современном русском языке. М., 1976.
2. Уфимцева А.А. Лексическое значение: принцип семасиологического описания лексики. М., 1986.
3. Уфимцева А.А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
4. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.
5. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб., 1992.
6. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997.
7. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1967. Вып. 2.
8. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1964. Вып. 1.
9. ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: Доп./Урал. госуниверситет / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.
10. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1975. Вып. 3.
11. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1986. Вып. 6.
12. СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1983. Вып. 4.

ПОСЛОВИЦЫ О ЧЕЛОВЕКЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМЫ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА

Т.А. Зуева
(Екатеринбург)

Изучение национальной специфики и универсальных свойств пословиц различных языков в настоящее время является особенно актуальным.

В отличие от слов специфичность пословиц заключается в том, что они представляют собой коммуникативную единицу языка и передают не понятие, а суждение о том или ином явлении. В них в концентрированной образной форме отражены все категории и жизненные установки того или иного народа.

Будучи концептуальными в плане содержания языковыми знаками, пословицы имеют наряду с этим удобную форму для передачи различных знаний от человека к человеку, поскольку они кратки, ритмичны, легко запоминаются.

Представляя собой, как и поговорки, краткие образные изречения, пословицы имеют более сложное смысловое наполнение: они наставляют, предупреждают, советуют.

Дидактическая функция пословиц влияет и на характер их структурного оформления: в отличие от поговорок они представляют собой законченное в грамматическом отношении предложение. Так, значение пословицы *век живи – век учишь* двупланово: оно имеет прямой и переносный, иносказательный смысл: «учиться человеку нужно постоянно, всю жизнь». Перед нами законченное по структуре предложение.

Поговорка *После дождичка в четверг* также представляет собой образное выражение, метко определяющее то, что неизвестно когда произойдет; но она не обладает синтаксической завершенностью, и в ней отсутствует дидактическое начало.

Поскольку пословицам в плане выражения свойственна синтаксическая оформленность, некоторые лингвисты не считают их полноценным языковым знаком, так как языковой знак обладает номинативностью, а в пословице на первый план выступает предикативность. Кроме того, в пословице слова, входящие в ее состав, не утрачивают своей смысловой самостоятельности, что позволяет некоторым ученым квалифицировать пословицу не как языковой знак, а как совокупность знаков.

Нам представляется, что в процессе употребления в речи предикативность пословицы стирается, отходит на второй план, поскольку по-

словичное значение всегда соотносится с определенным референтом. Пословичный состав каждого языка характеризуется набором типовых ментальных ситуаций. Специфика пословичного значения проявляется в том, что лексическая самостоятельность образующих ее слов, благодаря семантической двуплановости пословицы, не препятствует восприятию целостности ее значения.

В пословицах находит свое выражение мироощущение коллективного автора – народа. Интерпретация образного основания пословиц позволяет проникнуть в логико-понятийную систему лингвокультурного общества, проследить особенность мышления, ценностные ориентиры человека как носителя определенной культуры. Вбирая в себя знания, добытые в результате жизнедеятельности человека, с незапамятных времен передаваясь от поколения к поколению, пословица отражает культурно-исторический опыт народа и представляет собой культурно-маркированную языковую единицу. Она является своеобразным культурным кодом, которым носители языка владеют более или менее осознанно [3].

Характерной чертой пословиц любого языка является их антропоцентричность. Поэтому внимательное «прочтение» образного основания пословицы позволяет выявить, как представлены в нем особенности национального русского характера.

Анализ количественного состава пословиц русского языка показал, что более всего нами ценятся такие человеческие качества, как душевная широта (*Все, что есть в печи, на стол мечи*), открытость (*Не держи камня за пазухой*), способность без оглядки отдаваться чувству или делу (*Или грудь в крестах, или голова в кустах; Работай до поту, так поешь в охоту*), щедрость, хлебосољство (*Добрый Иван – и людям, и нам, а худой Иван – ни людям, ни нам; Русский человек хлеб-соль водит*), умение легко сходитья с людьми (*Где лад, там и клад; Согласно стада и волк не тронет*). Ср. отличный от русского менталитет англичан, большинству которых свойственна замкнутость; их внутренний мир закрыт для посторонних. Они ведут размеренный, лишенный крайностей образ жизни, отличаясь умеренностью, практицизмом.

Русский народ не любит жаловаться, он считает, что *Слезами горю не поможешь*, что *Несчастья бояться – счастья не видать*. Он непоколебимо верит в возможность счастья и удачи: *Придет солнышко и к нашим окошкам: будет и на нашей улице праздник*.

Просторы русской земли с ее лесами и полями способствовали не только формированию душевной щедрости и открытости русского характера, но и его свободолюбия: *Степного коня на конюшне не удержишь; Вольный свет на волю дан; по своей воле лучше неволи*.

Отмечают пословицы и такую черту русского человека, как некоторую беспечность, не свойственную европейцам: *Гром не грянет, мужик не перекрестится; Авось до добра не доведет; Держись за авось, пока не сорвалось.*

Пословицы, характеризующие человека, с одной стороны, глубоко национальны, с другой – интернациональны. Так, у всех народов высоко ценятся такие человеческие качества, как смелость, трудолюбие, скромность, честность, ум, и вызывают осуждение жадность, глупость, трусость, болтливость, лень, злоба. Однако эти общечеловеческие качества у каждого народа выражаются по-своему, с учетом этнографических, географических особенностей, обычаев, верований.

Культурная маркированность подобных пословиц обусловлена, прежде всего, специфичностью их образной основы, обыгрыванием в ней таких слов, которые называют национально значимые реалии. К ним относятся наименования: а) пищи, напитков: *Есть калачи – не сидеть на печи; Первый блин всегда комом;* б) одежды, обуви: *Какова пряжа, такова и рубаша; Бес лаптей не носит;* в) кухонной утвари: *Не боги горшки обжигают; Воду в ступе толочь – вода и будет;* г) хозяйственных построек, частей дома: *Пошла шуба по горнице, сени по полям; Чей двор того и хоромы;* д) профессий, орудий труда: *Без топора не плотник, без иглы не портной; Мельник шумом богат;* е) растений, животных, птиц: *За двумя зайцами погонишься – и одного не поймает;* *Цыплят по осени считают;* ж) обычаев, традиций, праздников: *Не все коту масленица, будет и великий пост; Далеко кулику до Петрова дня; Из избы сор не выносят;* з) топонимов: *И Москва не вдруг строилась; Язык до Киева доведет;* и) степеней родства: *В огороде бузина, а в Киеве дядька; Варвара мне тетка, а правда ближе.*

Культурно значимыми языковыми знаками являются в русских пословицах и антропонимы. Наиболее частотными из них являются следующие имена: Иван (Ивашка, Ванька), Ерема, Маланья, Макар, Тит, Емеля, Варвара, Фома.

Имя собственное выступает в пословице как маркер человеческого характера: Емеля – болтун: *Мели, Емеля, твоя неделя.* Тит – лентяй: *Тит, иди молотить. – Брюхо болит. – Тит, иди кисель есть. – Где моя большая ложка?* Ерема – простофиля: *Сунуло Еремушку к семи чертям.* Ерема, Ерема, сидел бы ты дома да точил веретена. Макар – бедный, неудачник. *На бедного Макара все шишки валятся.* Уважительно относится пословица к имени Иван, подчеркивая его распространенность и особое место среди русских имен: *Нет имени против Иванов, нет икон против Никол; Со словом Иван, а без слова болван [1].*

Национальное своеобразие русских пословиц проявляется не только в специфике пословичного образа, но и в интерпретации этого образа, в своеобразии его оценки.

В русских пословицах, как и в пословицах других народов, всегда положительно оценивается человек смелый, решительный: *Смелость города берет: смелый там найдет, где робкий потеряет*. Если смелый человек всегда в почете, то его антипод – трус в русских пословицах часто оценивается не столько резко отрицательно, сколько иронично: *Храбр после рати, как залез на полати; Молодец против овец, а против молодца сам овца*. Русским народом признается жизнь во всем многообразии ее проявлений. Пословица *Без стыда лица не износить* говорит о том, что не удастся прожить жизнь, ни разу не испытав чувство страха, стыда.

Своеобразно оцениваются и умственные способности человека. Они характеризуются пословицами с чисто прагматических позиций. О человеке умном или глупом русский народ судит прежде всего по его поступкам, поскольку ум и глупость, как некие абстрактные категории, не поддаются непосредственному наблюдению: *Умный суму наживает, а глупый и ту проживает; Глупый осудит, а умный рассудит; Заставь дурака богу молиться, он и лоб расшибет; На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко*.

Таким образом, анализ языкового материала позволяет сделать вывод о том, что пословицы достаточно полно и своеобразно отражают особенности национального характера русского человека, его морально-этические и ценностные ориентиры, его образное мировидение. Они по праву могут быть отнесены к ментально маркированным языковым знакам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздарев Ю. А. Язык есть исповедь народа... М., 1993.
2. Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1996.
3. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДУДАРНОГО ВОКАЛИЗМА ТАРСКОГО СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО ГОВОРА (по результатам эксперимента)

С.А. Игнатенко
(Омск)

Тарский старожильческий говор представляет собой среднеиртышский тип сибирских старожильческих говоров [1]. Исследование фонетики говора занимало умы ученых разных поколений (см. труды В.В. Палагиной, Г.А. Садретдиновой, М.А. Харламовой).

Предметом нашего исследования является система предударного вокализма говора. Цель данной статьи – определить, существует ли количественное различие между гласными первого и непервого предударных слогов, и таким образом выяснить, присуща ли вокализму говора в целом 1-я и 2-я ступень редукции. Для этого был проведен эксперимент. Во внимание брались фонемы /o/ и /a/, поскольку фонемы /ы/, /у/ в предударных слогах после твердых согласных подвергаются редукции лишь в незначительной степени, как и в литературном языке. Аудиторами являлись преподаватели современного русского языка (раздела “Фонетика”), преподаватели-диалектологи, а также преподаватели иностранных языков (немецкого, английского), поскольку опыт работы с аудиоматериалом являлся необходимым условием эксперимента. В целом реципиентами стали специалисты, опыт работы с фонетическим материалом которых составляет от 1 до 5 лет. Необходимо отметить, что слух преподавателей иностранного языка “настроен” на различение фонем, в то время как исследователю требовалось различить оттенки фонем – порой даже не позиционные, а комбинаторные аллофоны. Это затруднило проведение эксперимента, но существенно не повлияло на результаты.

Десятью реципиентами проанализировано 35 словоформ (в статье предлагаются в литературной орфографии): *хорошо, подрастать, самопрялка, коровёнка, краснопёрого, в огороде, набрала, золотишки, одного, годовой, подойдите, молода, помогают, не говори, Богословке, рассказать, молодые, молочко, молоко, стороне, продаёт, с Магадана, не обогревает, продавцом, наводит, отопления, опосля, в магазине, заболел, необходимо, технологический, сельскохозяйственный, поговорила, молочка, одного*. Материал был отобран из аудиозаписей, произведенных в экспедициях 2000–2002 гг. Критерии отбора материала: 1) наличие не менее 2 предударных слогов в словоформе; 2) наличие в преду-

дарных слогах фонем /o/, /a/. При анализе материала учитывалось качество ударного гласного.

Условия эксперимента: при проверке использовался магнитофон "Sony" и аудиокассеты с записями. Количество прослушиваний специально не ограничивалось, но фиксировалось в ходе проведения проверки. Аудиторам предлагались с помощью кириллицы или латиницы прослушанные словоформы, при этом считалось возможным "изобретение" новых транскрипционных знаков при невозможности передать услышанное известными общепринятыми значками. После транскрибирования реципиенту необходимо было устно объяснить написанное.

Минимальное количество прослушиваний уверенно фиксируется у преподавателей иностранного языка, вероятно, в связи с фонемной направленностью слуха, о чем говорилось ранее. Специалисты по диалектной фонетике требуют 4, реже 5 прослушиваний. В среднем требовалось 3 прослушивания: первый раз для восприятия словоформы, 2-й – для позиционирования ступеней редукции и 3-й – для контроля правильности фиксации.

В результате слухового анализа многие реципиенты отмечали и письменно, и устно, что ступеней редукции отчетливо не наблюдается. Как в 1-м, так и во 2-м предударном слоге в 53% случаев отмечается одинаковая ступень редукции либо полное отсутствие таковой:

молоды, м л да, р ск зал,

причем одну и ту же словоформу разные аудиторы могут транскрибировать по-разному, но наличие или отсутствие разницы между ступенями редукции все отмечают одинаково:

ни гэ'вэ'ри / ни говорн

мо'лочко / мьлочко

Статистические показатели эксперимента таковы: в 37% словоформ различия между ступенями редукции отмечаются, в 63% таковых различий не наблюдается. Подобная разница не позволяет говорить о том, что различия между ступенями редукции отсутствуют. Отчетливо прослеживается тенденция к неразличению. Следует заметить, что подобные выводы приводятся и в работах, анализирующих современное кодифицированное литературное произношение. Исследователи отмечают, что причиной тому может служить аллегривый темп речи, преобладающий в последнее десятилетие. Повлиять на ход данного процесса могли и современные средства массовой информации, которые отчетливо транслируют ненормативное произношение. Напомним, что в 1970–1980-е гг. прошлого века существовала школа дикторов, посредством которой в аудио СМИ транслировалось нормативное произношение. Политическая и экономическая ситуация в стране (недостаточное финансирование школ дикторов, с одной стороны, и, с другой стороны,

необходимость передать информацию непосредственно из уст журналиста, не-диктора) способствовала разрушению традиций дикторского искусства и, как следствие, возможно, системы нормативного литературного произношения. Налицо влияние экстралингвистических факторов на развитие языковой системы.

Если говорить о сибирских говорах вообще, то единого мнения о характере редукции гласных в безударных слогах нет. По мнению А.И. Ивановой, сибирским говорам присуща “ы-образная” редукция, Н.А. Цомакион и В.Ф. Иванова говорят об указанном явлении как об “а-образной” редукции. Разнообразие мнений наличествует и в нашем эксперименте. Так, в 33% словоформ, предложенных для анализа, была отмечена ы-образная редукция, в 67% – а-образная. Причем в 11% случаев реципиенты подчеркнули, что в той или иной форме очень трудно уловить качество аллофона в связи с высокой количественной редукцией. Одним словом, длительность звуков в безударной позиции, особенно во 2-м предударном слоге, очень мала, что затруднило проведение эксперимента. Среди транскрипций встречались подобные варианты:

кр_сн порьвь // крьсн порьвь
н_бр ла // ньбр ла
к_р вонка // кър вонкь

На месте пропуска реципиент затруднился выявить аллофон, отметив лишь очень сильную количественную редукцию, но все же не до нуля звука. О подобном явлении писала Л.В. Голузо [2].

Одной из характерных черт тарского говора является межслоговая ассимиляция: качество стержневой части слова определяет качество гласного в периферийной предударной части. Внутри стержневой части наблюдается зависимость качества гласного 1-го предударного слога от качества ударного гласного.

В ходе проведения эксперимента одной из сопутствующих задач было определение фонемного соответствия того или иного аллофона. В результате анализа выполненных реципиентами транскрипций выяснилось, что в современном тарском говоре сохраняется межслоговая ассимиляция.

Таким образом, слуховой анализ позволил выявить наметившуюся тенденцию к неразличению ступеней редукции в предударных слогах, определил качественный характер редукции (а-образная в тарском старожильческом говоре), а также позволил подтвердить тезис о том, что межслоговая ассимиляция является одной из характерных составляющих современного тарского старожильческого говора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Садретдинова Г.А. Фонетика русских старожильческих говоров Сибири (типологический аспект)//Диалектологические и историко-лингвистические проблемы. Омск, 1999.
2. Голузо Л.В. Некоторые наблюдения над редукцией гласных в богучанском говоре Красноярского края // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии. Барнаул, 1972.

КОНФЛИКТНАЯ ОСНОВА СИТУАТЕМ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

Т. А. Кадола

(Барнаул)

Цель данной работы – решить несколько задач: во-первых, определить содержание понятия «конфликт» применительно к анализу семантики ментальных глаголов; во-вторых, выявить параметры анализа конфликтной основы ситуатем ментальных глаголов; в-третьих, рассмотреть особенности конфликта некоторых ментальных глаголов.

Статья представляет собой фрагмент исследования семантики ментальных глаголов в ситуативно-событийно-пропозиционном аспекте, заявленном в работах Н.Б. Лебедевой [1]. Единицей анализа семантики глагола в соответствии с ним является ситуатема как открытая, нелимитируемая единица «плана содержания со сложной архитектурой, включающей ряд ситуаций (событий, пропозиций), маркированных лексическими и морфемно-derivационными элементами плана выражения глагола» [1, с. 53]. Таким образом, ситуатема играет роль упаковки мыслительного содержания, некоего знания человека об окружающем мире.

Предполагается, что анализ ментальных глаголов можно проводить по тем же принципам, что и анализ глаголов физического и социального пространств, поскольку описание внутреннего мира в языковом сознании человека строится по аналогии с описанием внешних проявлений деятельности. Так, среди ментальных глаголов исследователи выделяют классы глаголов действий, состояний, процессов и т.п., подобных действиям, состояниям, процессам, протекающим во внешнем мире, но имеющие ненаблюдаемый характер. В соответствии с предложенным подходом анализ ментальных глаголов проводится по следующей схеме:

- I. Общая характеристика, примеры.
- II. Участники ситуатемы и их характеристика.
- III. Пропозиции ситуатемы.
- IV. Конфликтный стержень ситуатемы.
- V. Динамика протекания ситуатемы.
- VI. Вариант полиситуативности.
- VII. Лексическое микрополе глаголов близкой денотативной структуры.

Весьма значимым фактором в протекании ситуатемы является конфликтная основа семантики глагола. Понятие конфликта используется чаще всего применительно к социальной сфере («конфликт между личностью и обществом»), «конфликт королевской власти с папством в Англии и Франции», «вооруженный конфликт» и т.д.). Традиционно словари дают определения в этом смысле: 'столкновение, преимущественно в политической сфере' (Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона), 'столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений, серьезное разногласие, острый спор, приводящий к борьбе' (Большая советская энциклопедия). Может сложиться впечатление, что ситуатемы ментальных глаголов имеют бесконфликтное протекание: кто и с кем «сталкивается» в ситуации, выражаемой глаголом учить (уроки)?

Рассмотрим основные черты конфликта. Суть конфликта заключается в перерастании конфликтной ситуации в открытое столкновение. Под конфликтной ситуацией понимаются «противоречивые позиции сторон по какому-либо поводу; стремление к противоположным целям или использование различных средств для их достижения; несовпадение интересов, желаний» [2]. Важной особенностью перерастания конфликтной ситуации в конфликт является необходимость внешнего воздействия, инцидента. Обобщенно главную функцию конфликта можно определить как изменение и развитие сложившейся ранее ситуации (в социальной сфере это может иметь как негативный смысл, так и позитивный: «ухудшение социально-психологического климата в коллективе», «разрядка напряженности» [2]).

Наряду с традиционным пониманием глаголов как обозначения процессов, действий, состояний имеет место представление глагола как «ядра маленькой драмы» (Л. Теньер). Такое толкование глагольной семантики подразумевает некое действие, движение, направленное на разрешение определенного конфликта. Мы можем выявить следующие параметры анализа конфликтного стержня ситуатемы: конфликтная ситуация и инцидент. Конфликтная ситуация подразумевает некоторое противоречие, несовпадение. Инцидент, или толчок, переводит ее в конфликт, вызывая тем самым его разрешение.

Ярко выраженное конфликтное протекание ситуатем имеют глаголы, относящиеся к социальной или физической областям. Сфера действия ментальных глаголов не наблюдаема, поэтому исследовать отображение процессов, происходящих в ней, можем лишь на основе анализа языковых единиц, используя также метод внутренней интроспекции. Рассмотрим несколько примеров конфликтных основ ситуатем ментальных глаголов:

Решить (задачу). Конфликтной ситуацией данной ситуатемы является несовпадение существующего статуса Объекта («задача»), то есть ее «нерешенность», и должного иметь место статуса «решенности», другими словами, конфликтная ситуация складывается между существующим проблемным статусом Объекта и неким идеалом, подразумевающим гармоническое устройство мира. Действующий Субъект стремится устранить подобное «несовершенство», дисгармонию. Инцидентом в данном случае выступает необходимость приведения к гармонии, устранения несоответствия миропорядка. Импульс к разрешению конфликтной ситуации может поступить из экстраментальной области: ментальной ситуации, выражаемой глаголом *решать*, предшествует нементальная ситуация, предполагающая других Участников («учитель»). Толчок может исходить из внутреннего мира Субъекта в виде дискомфорта, вызванного несоответствием существующего и должного положений вещей. Этот дискомфорт и вызывает стремление установить гармонию, привести к идеалу. Переведя разговор в социальную плоскость, на уровне уже не ментальности, а менталитета, можно отметить яркую черту «русского характера» – постоянное стремление к идеалу, недовольство существующим положением вещей (социальным статусом, уровнем жизни, правительством, заработной платой, местом жительства, молодежью и т.п.). Как не вспомнить пословицы, типа «Хорошо там, где нас нет», «На чужом холме трава зеленее», отражающие эту черту российского супер-этноса.

Вспомнить («наконец-то вспомнил!»). Конфликтная ситуация заключается в том, что обнаруживается некий пробел в «содержимом» памяти, наблюдается несоответствие действительного отсутствия определенной информации (которая когда-то была в области сознания) и должного иметь место присутствия ее в памяти. Толчком является необходимость восстановления утраченной информации: насущная потребность в ней, дискомфорт по поводу ее отсутствия («я забыл его телефон, а ведь я должен ему позвонить, что же делать?»). Фактор необходимости вызывает умственные усилия, обозначаемые глаголом *вспоминать*, которые приводят к восстановлению утраченной информации в памяти либо не приводят. При «удачном» стечении обстоятельств (в первом случае) происходит разрешение конфликта, обозначенного выше, во втором случае – дальнейшее усугубление конфликта, «затягивание» его, возможен выход в экстраментальную область (социальную сферу), связанный с незнанием («невспоминанием») нужной информации (например, Субъект не вспомнил номер телефона → звонок не состоялся → возникла проблема в отношениях между людьми).

Учить (уроки). В качестве конфликтной ситуации выступает противоречие между существованием определенной информации в другом («чужом») ментальном пространстве, которая имеет вещественную экспликацию (то есть отображена в словарях, учебниках), и ее отсутствием в ментальном пространстве Субъекта. Инцидентом является необходимость ума присвоить эту информацию, структурировать свое сознание адекватно этой информации. Как правило, толчок исходит из экстраментального плана: предпосылки конфликта заложены в ретроспективной ситуации (например, учитель дает задание ученику).

Конфликтная ситуация глагола *зубрить* также предполагает несоответствие существования определенной информации в другом ментальном пространстве и ее отсутствия в ментальном пространстве Субъекта. Перерастанию ее в конфликт способствует инцидент из экстраментальной (социальной) сферы. Эти условия составляют первое ядро конфликта ситуатемы глагола *зубрить*. Второе ядро выражается в противоречии имеющего место в действительности формального структурирования ума, то есть заучивания без глубокого вникания, и должным сознательным усвоением, предполагающим понимание усваиваемого материала. Таким образом, возникает оппозиция сознательного и бессознательного усвоения. Формальное заучивание приводит к затрачиванию больших усилий, что является негативным последствием развития данного конфликта.

Конфликтообразующий стержень имеют даже ситуатемы, действие которых не имеет внешнего проявления:

Мечтать (о чем-либо). Конфликтную ситуацию выражают противоречие между сложившимся положением дел и желаемым. В качестве инцидента, толчка выступает неудовлетворенность субъекта реальным положением вещей, желание его исправить.

Особое место среди ментальных глаголов занимают глаголы «качества, свойства» (*думать, что...; считать, что...; полагать, что...*), которые не имеют протяженности во времени, не выражают ни действия, ни процесса, ни состояния, а следовательно, не уместно говорить о динамике развития их ситуатем. Подобные глаголы носят описательный, дескриптивный характер, не «требуя» конфликтного развития ситуаций. Но они могут выражать ретроспективные, проспективные ситуации других глаголов (например, *думать*), их содержание может выступать в качестве элементов конфликта, образуя конфликтную ситуацию или являясь инцидентом. В связи с этим вопрос о конфликтной основе их семантики представляется спорным.

Таким образом, для содержания ментальных глаголов применимы понятия «конфликта», «конфликтной ситуации» «инцидента, или толч-

ка». При анализе конфликтной основы ситуативных ментальных глаголов мы выходим на более абстрактный уровень: если в социальном пространстве в качестве субъектов конфликта выступают персонифицированные участники, то в ментальном плане мы ведем речь о несовпадении существующего и желаемого положения дел. Кроме того, роль инцидента не всегда играет внешнее воздействие – толчком может быть внутреннее стремление Субъекта к изменению, неудовлетворенность сложившейся ситуацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лебедева Н.Б.* Полиситуативность глагольной семантики (на материале русских префиксальных глаголов). Томск, 1999.
2. [http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RKut\(roqy:](http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RKut(roqy)

ИЗУЧЕНИЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ЖАНРОВЫЙ АСПЕКТ

О. А. Казакова

(Томск)

Лингвистические исследования последних лет связаны с разноаспектным анализом языковой личности (далее ЯЛ), что обусловлено произошедшей в конце XX в. сменой научной парадигмы, переходом от изучения языка как системы к изучению языка в его функционировании. Общий процесс гуманизации происходит во всех областях человеческого знания, границы между дисциплинами становятся более проходимыми, появляются смежные дисциплины и междисциплинарные понятия. Одним из таких понятий является понятие личности. Опираясь на опыт определения личности в рамках психологии, философии, социологии, лингвистика сформировала понятие ЯЛ. В современном отечественном языкознании классическим стало определение ЯЛ, предложенное Ю.Н. Карауловым, который понимает ЯЛ как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений» [8, с. 3].

Современные исследования, связанные с проблемой «язык и личность», можно разделить на две группы.

В работах первой группы проводится анализ коллективной ЯЛ в разных аспектах. В таких работах речь идет не о конкретном человеке, а о той или иной социальной группе людей: намечена типология ЯЛ на основе особенностей их речевого поведения в бытовом общении и в ситуации конфликта [10]; выделены типы личностей на основе выбора жанра при составлении письменных текстов [9]; описаны особенности коммуникативного поведения мужчин в определенной ситуации [13].

Работы второй группы посвящены исследованию конкретной ЯЛ: составляются словари писателей; создаются речевые портреты известных деятелей истории, искусства и науки. Реже в работах данной группы рассматриваются рядовые носители языка: составлен речевой портрет русской эмигрантки, живущей в Германии [4]; созданы диалектные словари личности [14, 15]; описан лексикон диалектной ЯЛ, особенности построения текстов и метаязыковое сознание [5].

Данное исследование относится ко второй группе: в работе анализируется речь конкретного носителя языка, типичного представителя жителей деревни старшего поколения. Предметом описания исследуемой ЯЛ являются речевые жанры (далее РЖ).

Цель данной статьи – обозначить один из подходов к изучению ЯЛ – жанровую характеристику. Под ЯЛ в данной работе, вслед за Е.В. Иванцовой, понимается «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженная в созданных ею текстах» [5, с. 10]. Исследование речи ЯЛ одновременно связано с двумя полярными задачами: с одной стороны, выявляются индивидуальные особенности личности, с другой стороны, так как конкретная личность является представителем той или иной группы, в речи одного человека выделяются общие, типические черты коллектива.

Объектом исследования является речь Веры Прокофьевны Вершининой (далее В.П.), 1909 г. р., коренной жительницы села Вершинино, одного из древних русских поселений на территории бывшей Томской губернии. Речь В.П. включает как типичные черты говора, так и индивидуальные особенности языка личности. Материалом исследования являются дешифрованные магнитофонные записи речи В.П., собранные аспирантами и сотрудниками кафедры русского языка ТГУ за отрезок времени с 1981 по 2002 г.

Обращение к ЯЛ как объекту лингвистического анализа в современной науке привело к смещению акцента изучения с языковой системы на продукты речевой деятельности ЯЛ – речевые произведения. Актуальным аспектом исследования языка личности стало изучение РЖ. Основанное русскими филологами начала XX в. учение о РЖ в настоящее время – одно из ведущих направлений антрополингвистики. Как отмечает К.Ф. Седов, РЖ – универсальная категория, которая должна быть положена в основу антропоцентрического языковедения. «Именно РЖ становится тем буферным пространством нашего сознания, где в одновременном существовании сливаются представления об эталонах социально значимого взаимодействия людей и о нормах речевого оформления такого взаимодействия. Жанровые фреймы в драме превращения мысли в слово принимают самое активное участие» [12, с. 18].

Жанры являются не только формой выражения мысли, они представляют собой средство познания и оценки мира. В течение жизни человек видит и осмысляет действительность сквозь призму РЖ. «Они функционируют как образ мира, сформировавшийся в результате длительного процесса изменений в мире, как его отражение и выражение отношения к нему» [2, с. 106]. Этот процесс, с одной стороны, един для всего национального языка, с другой стороны, индивидуален для каждого человека. Таким образом, описание РЖ в языке конкретной ЯЛ дает широкое представление об индивидуальных речевых характеристиках личности: о языковой картине мира, языковом сознании, системе

ценностей личности, о речевых стратегиях говорящего, его речевом поведении. В то же время анализ РЖ в речи диалектной личности дает возможность охарактеризовать черты говора в целом. Языковое сознание говорящего человека, отлитое в форме РЖ, отражает накопленные в течение всей его жизни социально-психологические, лингвокультурные и обиходно-бытовые впечатления, знания, мнения, оценки. Для каждого носителя языка характерен определенный активный запас РЖ, который зависит от возраста, пола, характера человека, его образования, социального статуса и социального окружения. «ЯЛ может быть охарактеризована через указание на типичные для нее жанры», – отмечает Н.В. Орлова [9, с. 235].

Под РЖ вслед за Т.В. Шмелевой, развивающей идеи М.М. Бахтина, в данной работе понимаются модели, типы высказываний, объединенных единством тематического содержания, стиля и композиционного построения [16]. Типология РЖ основывается на жанровых признаках: коммуникативная цель и конкретное коммуникативное намерение, зависимость от коммуникативного времени, своеобразие диктумного содержания, специфика взаимоотношений говорящего и слушающего, особенности формальной организации.

Опираясь на «анатомию жанров бытового общения» К.Ф. Седова, состоящую из субжанров, жанров и гипержанров, в данном исследовании предлагаем ступенчатую, иерархически выстроенную классификацию жанров по типу комpositивности (структуры): простые (элементарные) РЖ, сложные РЖ, жанровые образования.

Простой (элементарный) РЖ – это тип высказывания как минимальной единицы речи, являющейся текстовой реализацией речевого хода говорящего. В терминологии К.Ф. Седова это субжанр – «жанровая форма, представляющая собой одноактное высказывание» [11, с. 151]. Исследователь называет субжанры внутрижанровыми тактиками, подчеркивает, что это еще не жанры, но отмечает, что они могут быть квалифицированы и в качестве самостоятельного одноактного жанра. Однако думается, что такие высказывания следует выделять не как субжанры, а как минимальные, элементарные РЖ. Исследуемый материал позволяет нам говорить, что отдельные высказывания относятся к элементарным РЖ, так как они обладают всеми перечисленными выше жанровыми признаками, могут употребляться говорящим самостоятельно и быть понятыми собеседником. Думается, использование отдельных высказываний (реплик) в качестве самостоятельных единиц речи, а не только как части более крупного образования, определяется особенностями диалектного общения: параллельным протеканием коммуникативной деятельности и предметной деятельности, в связи с чем

реплики собеседников могут сопровождаться большими паузами и становиться самостоятельными.

В потоке речи элементарные высказывания объединяются в диалогические или монологические тексты. Такие единицы речи относятся к сложным РЖ. Элементарные высказывания становятся репликами диалогического единства или составными частями монологического текста, теряют свою самостоятельность. Для описания языка личности представляют исследовательский интерес особенности построения целого диалогического единства, выбор говорящим тех или иных реплик, что характеризует его речевое поведение [7], и особенности построения монологического текста, реализация образа автора, диктумное содержание, что позволяет говорить о языковой картине мира личности [6].

Крупнейшим типом жанров является жанровое образование, в терминологии К.Ф. Седова, – гипержанр. Гипержанры, по К.Ф. Седову, представляют собой «речевые формы, которые сопровождают социально-коммуникативные ситуации, объединяющие в своем составе несколько жанров» [11, с. 152]. Так, К.Ф. Седов выделяет семейный гипержанр, который включает семейную беседу, ссору и т.д.; гипержанр дружеского общения, состоящий из жанров болтовни, разговора по душам и т.п., гипержанр застолья, в состав которого входят тост, застольная беседа и т.д. Жанровое образование является текстовой реализацией коммуникативного события. Под коммуникативным событием в данной работе вслед за И.Н. Борисовой понимается «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [1, с. 17]. Структурными элементами коммуникативного события являются коммуникативные эпизоды. Соответственно сложные жанры (речевая реализация коммуникативных эпизодов) являются элементами жанрового образования.

Каждое коммуникативное событие своеобразно, и его особенности являются базой для текстовой реализации. Однако своеобразие событий не может быть безграничным, в связи с этим коммуникативные события поддаются типологизированию. Особенности времени, пространства и социальных параметров коммуникативного события формируют его жанр. «Жанр коммуникативного события есть социально закрепленная форма коммуникативного взаимодействия, которая определяется единством его условий, функций и инвариантными признаками речевого поведения его участников, заданными социальными нормами и правилами» [1, с. 41]. От жанра коммуникативного события зависит тип речевого поведения субъектов общения, нормы и правила, стратегии и так-

тики речевого поведения и РЖ. Тип коммуникативного события определяет тип его текстовой реализации.

Таким образом, прослеживается тесная взаимосвязь между коммуникативным событием и РЖ. Для той или иной социальной группы людей характерен своеобразный набор коммуникативных событий, что в свою очередь определяет специфику РЖ.

Коммуникативное бытие диалектоносителя значительно отличается от коммуникативного бытия городских жителей. Главная особенность деревенского речевого общения, как отмечает В.Е. Гольдин, связана со слабой расчлененностью коммуникативной сферы: в диалектном общении, в отличие от городского, менее развита социально-ролевая, функционально-территориальная и функционально-темпоральная дифференциация, «поскольку семейные дела, заботы, отношения не отделены от дел и отношений хозяйственных, производственных..., личная и просто индивидуальная сфера общения слабо противопоставлена коллективной, жилой дом выступает... средоточием большей части характерных для сельской жизни коммуникативных и некоммуникативных отношений» [3, с. 59]. Данной чертой деревенского общения и определяется жанровое своеобразие речи диалектоносителя.

Как уже было отмечено, РЖ зависит от коммуникативного события, от особенностей его параметров в данном общении. И.Н. Борисова выделяет шесть параметров коммуникативных событий в сфере неофициальной коммуникации, служащих для их классификации и влияющих на структуру текстового продукта речевого взаимодействия: социально-ролевые отношения между участниками события, степень ожидаемости события, влияние компонентов предметной среды, отношение к некоммуникативной деятельности, пространственная и временная локализация [1]. Работа И.Н. Борисовой посвящена исследованию городской разговорной речи, в связи с этим сравнение выводов И.Н. Борисовой и результатов нашего анализа представляется особо интересным и целесообразным.

По типу ведущих социально-ролевых отношений И.Н. Борисова выделяет коммуникативные события дружеского, внутрисемейного, гендерно-интимного и социально-иррелевантного общения. Подтверждая слова В.Е. Гольдина о слабой расчлененности коммуникативной сферы диалектного общения, выделяем в исследуемом материале коммуникативные события дружеского и семейного общения, в котором люди объединены по признаку общности жизненных интересов и жизненных позиций или по признаку родственных связей: В.П. общается в основном с родственниками, соседями и собирателями, которые за годы успели стать практически близкими людьми. Во многих социальных ролях В.П.

не выступает в силу объективных причин, социальная дифференциация речи В.П. (по сравнению с речью городского жителя) оказывается слабой. Но в то же время следует отметить несколько иную социально-ролевою дифференциацию: в исследуемом материале четко прослеживаются различия в общении В.П. с любимыми и менее любимыми родственниками, со старыми и новыми знакомыми, с односельчанами-помощниками и односельчанами-просителями, с хорошими подругами и просто соседями, с собирателями, с социальными работниками и т.д.

По критерию ожидаемости И.Н. Борисова выделяет заранее назначаемые коммуникативные события (праздники, поход в гости и т.д.) и окказиональные события (случайные встречи, случайные знакомства). Для В.П. как субъекта речевого общения по критерию ожидаемости коммуникативные события можно разделить на неожиданные, ожидаемо-неожиданные и ожидаемые. Главной особенностью в речевой организации событий с точки зрения их ожидаемости будут начальные реплики диалога: когда говорящий удивляется неожиданному приходу гостей или радуется встрече с ожидаемыми гостями. Думается, реже всего происходят ожидаемые события, когда к В.П. приглашены гости, событие назначено на определенное время. Чаще всего происходят неожиданные коммуникативные события, затем они ложатся в основу информативных высказываний жанра «сообщение»: «Вчера Тая Сивохина была у меня». К ожидаемо-неожиданным коммуникативным событиям относим приход гостей (родственников, односельчан, собирателей), которых В.П. давно ждет, знает, что они должны прийти / приехать, но не знает когда. Такие события открываются репликами типа «А я тебя вчера ждала».

Следующие два параметра коммуникативной ситуации связаны с предметной средой, сопутствующей коммуникативной деятельностью. Как уже было отмечено в высказывании В.Е. Гольдина, коммуникативное бытие деревенского жителя протекает в неразрывной связи с предметной деятельностью. Сопутствующая деятельность влияет на появление в речи В.П. большого количества императивных высказываний, связанных с необходимостью помочь ей вести хозяйственные дела: «Сотри там маленько со стола, а эту чашку суды поставь, задвинь туды». Многие диалогические единства строятся вокруг сопутствующей предметной деятельности.

Пространство коммуникативных событий в исследуемом материале связано в основном с домом В.П.: события происходят в доме, на огороде, в ограде, на скамейке около дома. Это объясняется двумя объективными причинами: во-первых, В.П. в силу возраста действительно редко

посещает другие места, во-вторых, вести сбор материала в некоторых ситуациях невозможно.

К параметру «временная локализация» относятся календарное время события (дата), циклическое время (время года, часть суток) и наличие / отсутствие дефицита времени. Для коммуникативного бытия В.П. характерно в основном отсутствие дефицита времени, что позволяет говорящему увеличивать протяженность реплик (характерно большое количество монологических текстов).

Таким образом, в исследуемом материале встречаются жанровые образования, которые являются манифестацией коммуникативных событий, связанных со следующими действиями говорящего: В.П. встречает гостей, готовится к угощению, угощает, убирает со стола; В.П. общается с собирателями, идет в гости «на минуточку» к родственникам или соседям; к В.П. ненадолго заходят знакомые (помощники или просители); В.П. встречается с собеседником на улице или общается на скамейке около дома и т.п.

Итак, жанровая характеристика речи диалектной ЯЛ является одной из актуальных задач современной диалектологии. Как отмечает В.Е. Гольдин, «попытки выделения доминантных факторов, оказывающих существенное влияние на развитие и сохранение народно-речевой культуры, имеют смысл в связи с рассмотрением не только чисто теоретических, но и весьма актуальных практических проблем языковой ситуации в нашем обществе и прежде всего – проблемы дальнейшей судьбы русских говоров» [3, с. 63].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог: структура и динамика. Екатеринбург, 2001. 408 с.
2. *Гайда С.* Проблемы жанра // *Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация.* Пермь, 1986. С. 22 – 29.
3. *Гольдин В.Е.* Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // *Аванесовский сборник. К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова.* М.: Наука, 2002. С. 58 – 64.
4. *Земская Е.А.* Речевой портрет эмигрантки первой волны (к вопросу об объяснительной силе теории естественной морфологии) // *Русский язык сегодня.* М., 2000. С. 100 – 121.
5. *Иванцова Е.В.* Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. 312 с.
6. *Казакова О.А.* Информативные жанры в языке личности (опыт составления типологии) // *Филологические исследования: Сборник статей молодых ученых.* Томск, 2000. С. 49 – 55.
7. *Казакова О.А.* Диалогические единства в речи языковой личности // *Актуальные проблемы лингвистики.* Томск, 2001. С. 161 – 166.
8. *Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В.* Русская языковая личность и задачи ее изучения // *Язык и личность.* М.: Наука, 1989. С. 3 – 11.

9. Орлова Н.В. Коммуникативная ситуация – речевой жанр – языковая личность (на материале «Книги отзывов и предложений») // Жанры речи 2. Саратов, 1999. С. 227 – 236.
10. Седов К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) // Вопросы стилистики. Вып. 26. Язык и человек. Саратов, 1996. С. 8 – 14.
11. Седов К.Ф. Языковая личность и речевые жанры // Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Уч. пособие. М., 1998. С. 145 – 154.
12. Седов К.Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности // Жанры речи 2. Саратов, 1999. С. 13 – 25.
13. Стернин И.А. Некоторые жанровые особенности мужского коммуникативного поведения // Жанры речи 2. Саратов, 1999. С. 178 – 185.
14. Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971. 141 с.;
15. Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2000, 188 с.
16. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. С. 88 – 99.

**РИТОРИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СУДИТЕЛЬНОГО НАРРАТИВА
(на материале речи А. Ф. Кони «По делу об утоплении крестьянки
Емельяновой её мужем»)**

Т. В. Князькова
(*Кемерово*)

В последние годы в гуманитарных науках интенсивное развитие получило изучение нарратива, но проблема эта не нова и имеет глубокие исторические корни. Теоретические предпосылки нарративных исследований были заданы Аристотелем в его «Поэтике». Важный вклад в разработку этой проблемы внёс В. В. Пропп, определивший морфологию сказки с помощью 31 семантической функции. Мощный импульс современному этапу развития этого направления дали работы отечественных учёных XX столетия В. Шкловского, В. Томашевского, В. Эйхенбаума. Эта тема нашла отражение в работах французских исследователей, таких как Р. Барт, А-Ж. Греймас, Ж. Женетт, П. Рикёр.

В большинстве работ внимание обращено на изучение нарратива в текстах художественной литературы, хотя Р. Барт, П. Рикёр и другие в своих исследованиях отмечали вездесущность, универсальность нарратива, «повествовательную целостность» человеческой жизни. Следовательно, невозможно понимать нарратив как принадлежность только художественного текста. Как пишет Е. А. Попова, «нарратив – это текст, в котором рассказывается о людях и происходящих с ними событиях в той последовательности, которая устанавливается говорящим. Поэтому нарративными будут различные типы текстов» [1, с. 12]. К числу нарративных текстов можно отнести речи адвоката и прокурора, произносившиеся во время судебных прений. Специфика судительного нарратива предопределена необходимостью восстановления событий в таком порядке, который позволяет непротиворечиво обосновать справедливость предлагаемого решения, и необходимостью воздействия на слушателя.

Последняя функция обусловлена особенностью той ситуации, в которой проходит суд присяжных. Отправителем текста является прокурор, получателем – присяжные. Представление последних о виновности / невинности обвиняемого будет формироваться в процессе судебного разбирательства, и решение они могут вынести, только используя свой здравый смысл и жизненный опыт, не обладая юридическим мышлением. Присяжным мог быть любой человек, не имеющий специального юридического образования, социальное положение его не играло определяющей роли – главное, чтобы этот человек был психологически

адекватен и умел читать и писать. «В основе создания версии юристом лежит мыслительный эксперимент, представляющий сложную умственную операцию – создание в сознании картины предполагаемого процесса, хода событий, в котором реальные объекты (предметы, устройства, действующие лица) заменены идеальными образными моделями» [2, с. 13]. Мыслительный эксперимент включает в себя построение мыслительной модели объекта изучения и те условия, которые воздействуют на этот объект, сознательное и планомерное изменение и относительно свободное и произвольное комбинирование условий и их воздействие на модель и сознательное и точное применение на всех стадиях мыслительного эксперимента объективных законов и использование установленных фактов [2, с. 13]. Это, на наш взгляд, примерное планирование мыслительной деятельности прокурора на стадии формирования им общей картины происшествия. Также важно отметить, что «представление, основанное на восприятии данных дела, вступает во взаимодействие с ранее накопленными знаниями, в результате чего (...) появляется определённый образ событий, действий, процессов, которые он сам не наблюдал» [2, с. 18]. Эта модель корректируется постоянным включением конкретных фактов, в результате складывается внутреннее убеждение. И затем событие определяется с помощью юридических терминов. Это та структура, которая может сформироваться только в сознании юриста. Для того чтобы она стала приемлемой для присяжных, её нужно изложить в приемлемой для них форме.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что нарратив в целом является риторической формой, преобразующей код юриста в код присяжного с целью убеждения последнего. «Понятие "риторическая форма" отождествимо как с такой организацией коммуникативного акта, при которой на передний план выступают «способы создания впечатления» (Шпет), так и с «конативной функцией», воплощающей и предполагающей в разнообразных единицах языка / речи концепцию адресата» (Якобсон) [3, с. 106].

Исходя из этого понятия можно сделать вывод, что на основании имеющегося текста нужно выявить риторическую форму, используемую автором для того, чтобы передать свою мысль адресату и убедить его в верности этой мысли. Достигнуть этого он может при помощи «создания впечатления» и конативной функции, которая является «операцией, задающей алгоритм, по которому продуцент организует и контролирует высказывание, учитывающее «фактор адресата» [3, с. 117]. Термин «создание впечатления» используется Г.Г. Шпетом в его работе «Внутренняя форма слова»: «...практический язык общезнания, (...) есть средство общения, имеющее постоянной целью prima facie сообщение.

Сообщаемое, на всех указанных ступенях общения и во всех формах последнего, может сопровождаться и сопровождается также второй целью: сообщение не только понимается, усваивается и ведёт к действию, но также производит своё «впечатление», которое может служить и добавочно целью к цели сообщения, добавочно уже потому, что оно подчинено общей цели самого сообщения» [4, с. 144–145].

«Риторическим и риторикою» Шпет считает «такого рода литературные жанры, где чувственный тон накладывается непосредственно на логическую базу, фундаментируется непосредственно логическими формами, где пафос вовлекается в самое аргументацию» [4, с. 156]. Именно к таким жанрам, на наш взгляд, принадлежит и судебная речь. Следовательно, необходимо найти в её структуре то «логическое» и то «чувственное», что делает её риторической. Иными словами, автор должен учитывать то, что аудитория имеет «свой» идеальный образ текста, и должен стремиться ему соответствовать, чтобы быть не только понятым, но и принятым. Подстраиваясь под аудиторию, он перестраивает её исходные представления в соответствии со своей идеей. По мысли Р. Якобсона, для этого необходим «код, полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата (или, другими словами, для кодирующего и декодирующего)» [5, с. 198]. Опираясь на этот «общий код», автор строит свою речь. Как принадлежащий общему коду может быть оценен способ, который используется для подачи концепции.

Средством передачи мысли прокурора в данном случае является нарратив. Логическая основа судительного нарратива образуется, на наш взгляд, двумя составляющими: структурой нарратива и логической формой мысли, заложённой в речи.

Попыткой осмыслить феномен нарратива является работа П. Рикёра «Время и рассказ». «Интеллигибельность, порождаемая построением интриги, находит свою точку опоры в нашей способности значимым образом использовать концептуальную сетку» [6, с. 68–71]. Эта концептуальная сетка в понимании П. Рикёра состоит из действий, которые предполагают цели, которые накладывают обязательства на того, от кого они зависят. Действия отсылают к мотивам, которые объясняют, почему кто-то делает или сделал нечто определённым образом. Каждое действие имеет своего агента, и каждый агент ответствен за свои действия. Действие всегда происходит в определённых обстоятельствах, которые так или иначе влияют на исход событий. Кроме того, действовать – значит всегда действовать «вместе» с другими: взаимодействие может принимать формы сотрудничества, соревнования или борьбы. Случайности взаимодействия соединяются со случайностями обстоятельств, способствующих или препятствующих деятельности. Наконец,

действие может приводить к переменам судьбы, сулящим либо счастье, либо несчастье, и т.д. Понятие концептуальной сетки значимо в том плане, что оно универсально и, следовательно, применимо к любой событийной ситуации. «Отношение, которое может быть установлено между нарративной теорией и теорией действия двойственно: оно является одновременно отношением пресуппозиции и трансформации. С одной стороны, всякий рассказ предполагает, что рассказчик и его аудитория усвоили такие термины, как «агент», «цель», «средство», «обстоятельство», «помощь», «враждебность», «сотрудничество», «конфликт», «успех», «поражение» и т.д. В этом отношении минимальным нарративным предложением является предложение, обозначающее действие в форме «X делает А в тех или иных обстоятельствах с учетом того факта, что У делает В в тех же самых или других обстоятельствах». В конечном счёте рассказы повествуют о действии и страдании. С другой стороны, рассказ добавляет к концептуальной сетке дискурсивные характеристики, которые и отличают рассказ от простой последовательности предложений, обозначающих действие. Это – синтаксические характеристики, функция которых состоит в создании композиции модальностей дискурса. Отношение между концептуальной сеткой действия и правилами нарративной композиции можно пояснить, прибегнув к обычному для семиотики различению между парадигматической и синтагматической сферами. Все выражающие действие термины, которые принадлежат парадигматической сфере, являются синхроническими в том смысле, что отношения интерсигнификации, существующие между целями, средствами, агентами, обстоятельствами и прочими факторами, полностью обратимы. Напротив, синтагматический строй дискурса предполагает неустранимо диахронический характер всякой рассказанной истории. Понять, что такое рассказ, – значит усвоить правила, руководящие его синтагматической сферой» [6]. То есть нарративное понимание не только предполагает овладение концептуальной сеткой, но требует ещё и усвоения правил композиции, которым подчинен диахронический строй истории. Стало быть, основными составляющими рассказа в понимании Рикёра являются два уровня. Уровень концептуальной сетки включает в себя бесконечное множество таких терминов, как агент, цель, мотив, обстоятельства и так далее. Все эти термины объединяются понятием "действие" и находятся в отношениях последовательности. Именно на синтагматическом уровне они обретают «единство и реальность». Уровень дискурсивных характеристик создаёт композицию модальностей дискурса. В судебной практике эта структура также имеет место быть. Казус, рассматриваемый в ходе судебного разбирательства, предполагает некую ситуацию, которая имеет действующих лиц (обви-

няемый, потерпевший, пособники, свидетели и т.д.), при этом подсудимый обвиняется, как правило, в осуществлении своих целей определёнными действиями, носящими противозаконный характер, а сами действия скоординированы тем или иным хронотопом. После совмещения этих данных по определённым правилам и выстраивается картина, наиболее приближенная к действительности. При перемене в отношении последовательности возникает противоречие.

Концептуальная сетка находится в сознании юриста, он располагает её элементы в таком порядке, который позволяет привести слушателей к нужному ему выводу.

При помощи логики продуцент объясняет суть происходящего, но, чтобы укрепить свои позиции в сознании реципиента, необходимо обратиться к тому аспекту, который Г.Г. Шпет назвал «чувственным». В. Руднев отмечает, что эпистемический сюжет (как такой, который информирует о возможности / известности / неизвестности рассказа-всего) может рассматриваться как наиболее фундаментальный из всех выделяемых типов сюжета [5, с. 132]. Но если эпистемический сюжет является универсальным, то повествование является наиболее древним видом отражения действительности. Вместе они, безусловно, составляют весьма удачный способ для привлечения внимания слушателей, их вовлеченности в ход судебных прений. А сама потребность в переработке нарративной информации, которая заключается в «исчерпании интенциональной энтропии», удовлетворяет именно эпистемический сюжет [7, с. 133]. Другими словами, основная возможность нарратива – привлечение внимания слушателя к описываемым в тексте событиям, и этот интерес обусловлен попыткой разрешения вопроса – что же будет дальше, и почему случилось именно так и вообще как это произошло. Задача продуцента – поставить эту задачу, вызвать заинтересованность. В судебных речах подобная риторическая доминанта имеет свою специфику: присяжные по ходу судебных разбирательств уже знают обстоятельства дела, и к этому моменту у них уже должно сложиться определённое представление о казусе, поэтому привлечь их может то, как события дела излагаются другим человеком, более компетентным, нежели они. Чтобы оставалось время на сравнение, возможность осмыслить, необходимо «лёгкое» изложение, каким и является повествование, восприятие которого не требует особых усилий и вызывает живой интерес. В этом смысле описание и рассуждение являются более сложными формами.

При анализе речи А.Ф. Кони «Об утоплении крестьянки Емельяновой её мужем» мы попытались проследить, как же логическая структура, находящаяся в сознании юриста, превращается в текст, восприни-

маемый присяжными. Для этого сначала была выделена та самая логическая структура, а затем было рассмотрено, каким образом её элементы были распределены в повествовательном слое речи.

В данном случае логическая структура представлена в форме регрессивного силлогизма и имеет такой вид:

I

а) Нечто, не имеющее признаков лишения себя жизни и имеющее признаки лишения жизни субъекта другим лицом, должно быть квалифицировано как убийство.

б) Конкретный факт не имеет признаков лишения себя жизни: «должна быть причина, которая могла бы толкнуть человека на самоубийство», «место и способ лишения жизни должны допускать возможность такового», «необходимо отсутствие признаков насильственной смерти на теле и одежде человека», «должны быть признаки приготовления к самоубийству»; и имеет признаки лишения жизни субъекта другим лицом: «существование человека, смерть погибшего для которого была желательна или необходима», «причастности этого лица к случившемуся», «борьба», «неожиданность нападения», «условия, указывающие на умышленность лишения человека жизни, подготовку к этому» и т.д.

с) Следовательно, конкретный факт должен быть квалифицирован как убийство.

II

а) Должно быть так, что если нечто, имеющее признаки лишения субъекта другим лицом умышленно и заранее обдуманно, квалифицируется как убийство, то должно быть наказание в виде 20 лет каторги с лишением всех прав и состояний.

б) Конкретный факт должен быть квалифицирован как убийство.

с) Следовательно, должно быть наказание в виде 20 лет каторги с лишением всех прав и состояний.

Основное содержание речи – банщик Егор Емельянов бросает любовницу и женится. По прошествии некоторого времени жену находят в речке. Начальная версия – самоубийство, но А.Ф. Кони выдвигает обвинение об убийстве жены Егором Емельяновым.

Речь построена по принципу последовательного опровержения возможных предположений и приведению признаков намеренного убийства. Описывая действия и слова участников события, А. Ф. Кони обозначает роль каждого из них, кто является жертвой, убийцей, пособником и так далее. Так, например, изначальная версия была – «самоубийство с горя по мужу». Рассказывая о жизни Емельяновой, он объясняет, что повода для самоубийства не было. Опровергая версию о том, что убий-

цей могла быть любовница Егора, А.Ф. Кони рассказывает историю отношений Егора, его жены и любовницы и показывает, что причины для этого у неё не было. Но при этом постоянно приводятся аргументы в пользу того, что именно Егору была выгодна смерть жены, была возможность от неё избавиться. А.Ф. Кони последовательно приводит слушателей к тому выводу, который ему нужен: Егор Емельянов преднамеренно убил свою жену.

Следовательно, регрессивный силлогизм будет включать в себя основные узлы концептуальной сетки, которые при помощи формы рассказа излагаются в логической последовательности.

Первая часть регрессивного силлогизма будет представлять собой общую схему концептуальной сетки «убийство» в представлении слушателей. Исходя из данных, получаемых ими по ходу прослушивания речи, они наполняют эти ячейки конкретным материалом и могут определить данное дело. Вторая часть не находит прямого выражения в речи, так как задачей присяжных было принять решение о виновности / невиновности, предумышленности / непредумышленности подсудимого, а задачей судей – вынести приговор.

Таким образом, можно сделать вывод, что регрессивный силлогизм актуализирует ключевые компоненты концептуальной сетки, а нарратив придаёт этим компонентам риторическую форму. Используя нарратив, прокурор делает свою речь общедоступной и доказательной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Попова Е.А.* Коммуникативные аспекты литературного нарратива: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Елец, 2002.
2. *Ларин А.М.* От следственной версии к истине. М., 1976.
3. *Риторика* / Под ред. П.А. Катъшева. Кемерово, 2002.
4. *Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. М., 2003.
5. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
6. *Рикёр П.* Время и рассказ. Т.1. М.; СПб, 2000.
7. *Руднев В.* Прочь от реальности. М., 2000.

МЕЖЪЯЗЫКОВОЕ ВЛИЯНИЕ НА ДИАЛЕКТНОМ УРОВНЕ (на материале лексики старообрядческих диалектов Забайкалья)

О.М. Козина
(Улан-Удэ)

В последнее десятилетие идея В. Гумбольдта о “языке как о деятельности народного духа” способствовала интенсивному развитию так называемой антропологической лингвистики, которая имеет своей целью изучение языка в тесной связи с человеком, его сознанием, мышлением и культурой. Интенсивно развиваются такие ее направления как этнолингвистика, лингвистическая культурология и лингвистическая гносеология. В рамках лингвогносеологии постулируется идея, что в существующей в каждом языке системе номинаций (как системе представлений человека об окружающей его действительности) отражены результаты его познавательной и классифицирующей деятельности, а в лексических единицах языка содержится богатейшая информация о системе ценностей того или иного народа.

В связи с этим чрезвычайно актуальны исследования в области диалектной лексикологии и лексикографии, т.к. именно лексический уровень языка более всего подвержен “давлению действительности”, поэтому он ярче всего передает своеобразие семантического облика модели мира.

Работа подготовлена на основе “Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья” и полевых материалов, собранных автором в старообрядческих селах Бурятии в 80 – 90-х годах [1]. В свете лингвогносеологии лексические единицы бурятского языка в словарном составе старообрядцев рассматриваются нами как результат тесных (на протяжении более двух веков) хозяйственных и бытовых контактов старообрядцев с бурятским населением, и как свидетельство социальной адаптации человека к новой среде (суровый климат, чужая культура и т.п.), в итоге как отражение влияния кочевой культуры на культуру земледельцев [2].

Семантический анализ бурятских заимствований позволил выявить своеобразную “шкалу ценностей”, т.е. то, что в языковом сознании старообрядцев является жизненно и социально важным, каковы особенности видения мира, что является своеобразным ориентиром в его освоении. Так, слова тематической группы “Домашнее хозяйство и быт” значительно преобладают в общем количестве слов бурятского происхождения. Эти слова коммуникативно значимы, их характеризует высо-

кая словообразовательная активность, фонетическая вариативность и, в отдельных случаях, метафоричность. Старообрядцы воспринимают их как “свои”, “родные”. В этом разделе представлена охотничья терминология, названия изготовления меховой одежды, богатая скотоводческая терминология (особенно развита номинация домашних животных по половозрастному признаку), что обусловлено большой хозяйственной значимостью продуктов животноводства в жизни кочевников (мясо, молоко, шерсть, шкура, кожа). Такие экономически ценностные ориентиры прочно вошли и в жизнь старообрядческого населения, вынужденного осваивать иносистемную культуру.

– *Номинация домашних животных по половозрастному признаку:*
аззаган / инзаган / инзаганчик / инзагашка 1. ‘детеныш дикой козы’
 2. детеныш изюбра – бур. *инзаган* ‘козленок (детеныш дикой козы)’;
бурун / бурунчик / бурушок ‘теленок по второму году’; бурунка ‘корова, которая доится без отела второй год’; буруний ‘относящийся к буруну, телячий; бурунщик / бурунщица ‘работник(ца) ухаживающий за телятами, телятник’ – из бур. *буруун* ‘теленок до года’; ‘зоргол ‘детеныш изюбра после года’ – из бур. *зоргол* ‘детеныш изюбра’; даган ‘жеребенок по второму году’ – из бур. *даага(н)* – двухлетний жеребенок’;
иман / яман ‘домашний козел’, иманенок / имашок / яманенок ‘детеныш домашней козы’; имануха / ямануха ‘домашняя коза’, иманий / яманий ‘козий’; яманина ‘шкура ямана’; яманиться ‘рождать козлят’ – из бур. *ямаа(н)* ‘коза’; иргень / ергень / едень / ирдень / ярдень ‘кастрированный баран’ – из бур. *эрье* с тем же значением; качерик / кашарик ‘теленок по второму году’ – из бур. *хашараг* ‘двухгодовалый теленок, двухлетний бычок’; куса / куцан ‘некастрированный баран’; куцашок ‘ягенок мужского пола’; кусуранка / куцаранка / куцуранка / хусуранка ‘корова, которая доится без отела второй год’ – из бур. *хуса* ‘баран - производитель’; кругашек / курган / кургашка / хурган ‘ягенок’; курганница ‘работница, ухаживающая за ягнятами’ – из бур. *хурьга(н)* ‘ягенок, барашек’; тыкен / тыкенчик / тыкешка 1. ‘некастрированный самец домашней козы’; 2. тыкен *перен., осуд., презр.* О похотливом, развратном мужчине – из бур. *тэхэ* ‘козел некастрированный’; тулугушка / тюлюгушка ‘молодая овца, не достигшая своего полного развития и покрытая раньше положенного срока. Такая овца плохо развивается, поэтому ее режут на мясо’; тугул ‘теленок по первому году’ – из бур. *тугал* ‘теленок’; (Это слово старообрядцами дифференцируется как бурятизм ‘Это хто з бурятами рядом жывьуть, тее “тугул” завуть’); хубурик ‘медвежонок старше года, оставшийся без матери’ из бур. *Хообэрэг* ‘в том же значении’.

– Номинация болезней домашних животных, масти лошади, построек для скота, мест выпаса, молочных продуктов и др.; хурда ‘больные недоразвитые овцы’ – из бур. хурда в том же значении; хамун ‘струнья, коросты, парша (у домашних животных)’ – хамунеть ‘покрыться коростами, струньями, паршой’; хамунный 1. ‘страдающий какой-л. кожной болезнью, заразный; 2. перен. неодобр. ‘нечистоплотный, грязный’, 3. ‘употребляется как бранное слово’ – из бур. хамуу ‘парша, лишай; чесотка’; халзан / халзанка / халзанный ‘лошадь с белой отметиной на лбу или на ногах’ – из бур. халзан 2. со звездочкой на лбу (о животном); халюный ‘серый, светло-серый, игрневый’ – из бур. халюун 2) игрений (о масти); хашан ‘утепленное помещение для мелкого скота (чаще овец)’ 2. пастбище, выгон, со всех сторон обнесенные изгородью, 3. Изгородь, отделяющая пастбище, скотный выгон от полей, огородов – из бур. хашаа(н) 2. ‘забор, изгородь’; импшега ‘участок с молодой травой, бывший временным местом стоянки бурят или стойбищем домашних животных – из бур. шэбхэ, II ‘прошлогодний навоз’; хокир / хохир / аргал (2 зн.) ‘сухой измельченный навоз, используемый в качестве подстилки для скота; из бур. хахир в том же значении; балур ‘приспособление для размельчения комков навоза и равномерного распределения его по полю’ из бур. баллуур в том же значении; сабанить ‘очищать шерсть, взбивая и раздергивая ее; трепать’ 2. ‘выполнять тяжелую работу’, 3. ‘дуть (о ветре)’ – из бур. хабаадаха ‘выбивать двумя палочками шерсть, чтобы она очистилась и распушилась (при катании войлока)’; урак / урик ‘молоко до 12 дней после отела коровы молозиво’ из бур. уураг в том же знач.; урмук ‘молочное блюдо с добавлением сараны и черемухи’ из бур. урмэ(н) 1. ‘пенки, сливки’; хурут ‘продукт, приготавливаемый из простокваши; сухой творог’ – из бур. хурууд ‘спрессованный творог, самодельный сыр’.

– Номинация растений, диких животных, в том числе грызунов, птиц; некоторых видов одежды, предметов быта, болезней людей и др.: зузаник ‘лес, состоящий из больших кряжистых деревьев кедровой сосны сибирской, изобилующий шишками’ из бур. зузаан ‘толстый’; куренга ‘кедровая шишка после того, как из нее вышелушили орехи’ – из бур. хурэнгэ 3) ‘семя, семена; мангир / мангирка / мангыр / мангырь’ 1. ‘вид дикого лука. Растение лук стареющий’ 2. дикий чеснок. Растение лук душистый; канфул / хамхул общее название некоторых растений, после созревания отрывающихся от корня и перекатываемых ветром; перекаати-поле’ – из бур. хамхуул ‘бот. перекаати-поле’; ургулек / ургулька / виргуль / иргуль / аргулька ‘травянистое растение прострел; сон-трава’ – из бур. ургы в том же значении; шудун ‘лекарственное растение сем. гречишных горец живородящий’ – из бур. худэн в том же

значении; *шульта* ‘березовый черный гриб’ – из бур. из бур. *шултэ* ‘гнилая сердцевина березы’; *балдак* 1. ‘вершина горы (обычно не покрытая растительностью)’; 2. ‘гора’ – из бур. *балдог* ‘кочка, холмик, бугор’; *гужир / хужир* соль натрия, кристаллизирующаяся на траве, почве солонцов – из бур. *хужар* ‘солончак, солонцы’; *убыр* ‘вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами, обдуваемая ветром’ – из бур. *убэр* ‘южный склон горы’; *кандагай* ‘лось, сохатый’ – из бур. *хандагай* ‘в том же значении’; *гуран* 1. ‘дикий козел, самец косули’ 2. перен. ‘прозвище забайкальских казаков-старожилов’, *гураненок / гуранчик* ‘детеныш гурана’, *гураний* ‘относящийся к гурану’, *гуранина* 1. ‘мясо, гурана’, ‘шкура гурана’, *гураниха / гуранка* ‘самка гурана’ – из бур. *гуран* ‘дикий козел’ – из бур. *гура(н)* самец косули; *тарбаганить* ‘охотиться на тарбаганов’, *тарбаганщик* ‘охотник на тарбаганов – из бур. *тарбага(н)* ‘степной сурок’; *солонгой* ‘хищный зверек семейства куных с шерстью желтой или ярко-рыжей окраски’ – из бур. *холонго* в том же значении; *урган / ургань* ‘запас сараны, зерна, собранный степным грызуном’ – из бур. *ургэн* ‘запас съедобного в норах полевых мышей (состоящий обычно из собранных ими луковиц сараны)’; *бубушок / дудушок / хубушок* ‘птица отряда воробьиных поползень обыкновенный’ – из бур. *бубоолжэн* ‘удод’; *тарбажин* ‘птица отряда соколообразных, коршун черный’ – из бур. *тарбажа* ‘лесной орел’; *тулун* ‘кожаный мешок из шкуры животного, снятой целиком, не разрезанной’ – из бур. *тулам* в том же значении; *турсук* ‘кожаный заплечный мешок’ – из бур. *турсууг* ‘корзина’; *кундалдой / сундалой* ‘ехать на лошади вдвоем’ – из бур. *хундалдаха, хундалдаад ябахха* в том же; *аргал / арган / рагал / архал* 1. ‘сухой навоз, употребляемый для топлива и в качестве дымокура’ – из бур. *аргал* 2. *кизяк; даба / далимба* ‘вид х/б дешевой ткани’ – из бур. *дааба* ‘в том же значении’, из бур. *даалимба / даалин; шердык* ‘рабочая верхняя одежда типа стеганой куртки’ – из бур. *шэрдэг* ‘войлочная подстилка, матрац’; *бэркэл* 1. ‘самодельная деревянная маслобойка’ 2. ‘верхняя часть самогонного аппарата’ – из бур. *бурхээр* ‘самогонный аппарат’; *тулуган* ‘железный обруч на ножках, служащий подставкой для котла, чугуна и т.п. при приготовлении пищи на открытом огне’ – из бур. *тулга* 2. ‘треножник (для котла)’; *утин* ‘общее название заболеваний, связанных с ломотой, резкими болями в позвоночнике, суставах, мышцах’, – из бур. *хуян* в том же значении; *кумуха* ‘болезненное состояние человека, обычно сопровождающееся сонливостью; лихорадка, малярия’ – из бур. *хумхаа* ‘лихорадка, малярия’; *шадыл* ‘физическая сила, здоровье’ – из бур. *шадал* ‘мощь, сила’.

– *Обрядовая лексика и лексика, отражающая некоторые черты характера, особенности личности.* (Нужно заметить, что заимствована-

ния этой тематической группы встречаются только в локальных старообрядческих селах – в с. Хасурта Хоринского района, в с. Михайловка, с. Леоновка Кижингинского района, с. Новодесятниково Кяхтинского района): **барисан** ‘место (обычно на горных перевалах), где буряты делают подношения духам. По существующему обычаю одна или несколько растущих там березок ритуально украшаются разными лоскутками’ – из бур. *бариса* ‘подношение, дар’; **обон / обмон** ‘место на вершинах гор, на перевалах, у рек, отмеченное грудой камней или срубленными деревьями и используемое бурятами для культовых жертвоприношений’ – из бур. *обоо* ‘сопка, где совершался религиозный обряд’; **ургэчить** 1. ‘охотиться, устраивая загон’ 2. ‘присваивать чужое, красть’ из бур. *ургоохэ* ‘пугать, отпугивать, отгонять (о звере при облавной охоте)’; **худларить / схудларить** ‘обманывать, хитрить’ – из бур. *худалаар хэлэхэ* ‘лгать’; **архидачить** ‘пьянствовать вместе со знакомыми, соседями, переход из одного дома в другой’ – из бур. *архидаа(н)* ‘пьянство, пьянка, попойка, кутеж’; **тала** ‘друг, товарищ’ – из бур. в том же знач.

Таким образом, анализ бурятских заимствований позволил выявить отчетливую избирательность и яркую прагматическую направленность языка: маркируется и актуализируется все то, что имеет ценность в духовно-практической деятельности человека, все, что несет в себе опасность или угрозу его существованию, а также то, что позволяет человеку ориентироваться в окружающем его мире.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкин С.М.* Бурятская лексика в русской речи населения Восточной Сибири // Вопросы бурятско-русского двуязычия. Улан-Удэ, 1998. Вып. 2.
- Будаев Ц.Б.* Взаимодействие южнобурятских говоров с местными говорами // Взаимовлияние языков в Бурятии. Улан-Удэ, 1978. С. 55–62.
- Бестужев Н.А.* Бурятское хозяйство // Декабристы в Бурятии. Верхнеудинск, 1927. С. 10–28.
- Бухаева О.Д.* О лексическом взаимодействии русского и бурятского языков (на материале диалектной лексики) // Русские народные говоры Забайкалья. Улан-Удэ, 1995. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951. (БМРС).
- Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ, 1979.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Герд А.С.* Введение в этнолингвистику. СПб., 1995.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1985.
- Дарбеева А.А.* Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М., 1984.
- Матвеева К.Н.* Заимствования в лексической системе русских говоров Южной части Бурятии // Диалектная лексика в русских говорах Забайкалья. Улан-Удэ, 1985. С. 36–44.
- Селищев А.М.* Диалектологический очерк Сибири. М., 1921.
- Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Тынтуева Е.И.* Бытовая лексика говора семейских Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.

Элиасов А.Е. Бурятские и эвенкийские заимствования в языке русского старожилого населения Забайкалья (на материале произведений устного творчества языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.

Эрдынеева Э.Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии. Новосибирск, 1986.

Эрдынеева Э.Д. Русские говоры в Бурятии. Улан-Удэ, 1992.

Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1992.

СОЦИАЛЬНЫЕ МОДУСНЫЕ СМЫСЛЫ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Т. Н. Козловская

(Тамск)

С точки зрения семантического синтаксиса социальные модусные смыслы (далее СМС) – это некий несистемный комплекс языковых средств, который выражает в высказывании значимые социальные смыслы, отражающие характер отношений, сложившихся между участниками речевого взаимодействия. Изучение языковых средств, задающих высказыванию социальные векторы, ведётся многими учёными (Н.Д. Арутюнова, Л. П. Крысин, В.И. Карасик, Н.И. Формановская, В.Е. Гольдин, Е. А. Земская, Г. Р. Шамьенова и др.). Средства языка, реализующие факультативно представленные социальные модусные смыслы, изучены в лингвистике и смежных с ней областях науки с разных позиций, с разной степенью глубины, в терминах разных описательных теорий. Причем изучаются как отдельные социально значимые смыслы, так и средства их выражения. Однако до настоящего момента как отдельный объект исследования в лингвистике СМС не изучались. Настоящая статья выполняет задачу описания различных подходов к изучению СМС и средств, регулярно реализующих их в высказываниях.

Мы выделили следующие подходы к изучению СМС в лингвистике:

1. **Социолингвистический подход**, с позиции которого учитываются "социальные признаки участников общения" [9, с. 255]. Данный подход представлен работами Л. П. Крысина, В. И. Карасика, В. С. Храковского и др. В рамках данного подхода анализируется семантика и функционирование стандартных речевых единиц – единиц речевого этикета, изучаются национальные и социокультурные особенности употребления данных единиц (Н. И. Формановская, В. Е. Гольдин, Е. В. Орлова, О. Б. Сиротинина, и др.). В рамках этого же подхода ведутся исследования стилистической принадлежности языковых средств, социальных особенностей их функционирования (Л. П. Крысин, Е. А. Земская, О.Б. Сиротинина и др.).

2. **Лингвосемантический подход** к изучению СМС включает в себя большое количество работ по описанию семантической структуры единиц, осуществляющих функции СМС в высказываниях (Л. П. Крысин, В. Е. Гольдин, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова и др.).

3. **Прагмалингвистический подход** предполагает наблюдения за реализацией социально маркированных средств в контексте их употреб-

ления. Данный подход, наряду с лингвосемантическим, получил в последнее время широкое распространение в лингвистических исследованиях (Н.И. Формановская, В. И. Карасик, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Шмелёва, В.Г. Гак, В.Е. Гольдин, Л. П. Рыжова и др.). В аспекте прагмалингвистики изучаются правила, конвенции и стратегии общения, коммуникативно-прагматические принципы речевого взаимодействия участников речевого общения (В. З. Демьянков, Н. Д. Арутюнова, Р. Лакофф, П. Грайс и др.).

Заявленные аспекты изучения СМС в лингвистике являются, на наш взгляд, основными, однако требуют расширительного толкования в терминах тех лингвистических теорий, в рамках которых эти аспекты заявлены.

Выше мы отмечали, что СМС как отдельный объект исследования еще не изучались. Определим *общетеоретические основания для проводимого нами исследования*. Термины *диктум* и *модус* ввёл в лингвистическую реальность Ш. Балли. За основу им были взяты корреляты логических терминов. Балли пишет, что «предложение – это наиболее простая возможная форма сообщения мысли» [2, с. 43], устанавливая тем самым соответствие мыслительного процесса с логической структурой предложения. Он выделяет две части эксплицитного предложения: «одна из них будет коррелятивна процессу, образующему представление. По примеру логиков мы будем называть её диктумом»; «вторая содержит главную часть предложения, без которой вообще не может быть предложением, а именно выражение модальности, коррелятивной операции, производимой мыслящим субъектом... Модус, дополняющий диктум» [Там же, с. 44]. Балли называет модус (модальность) «душой предложения» и пишет, что он «как и мысль... образуется в основном в результате активной операции говорящего субъекта» [Там же, с. 44]. Лингвистом особо отмечена «взаимная обусловленность» диктума и модуса [Там же, с. 46]. Таким образом, Ш. Балли выделил в структуре предложения две принципиально разные, и в то же время одна без другой не существующие, части. Важным для нашего исследования является мысль об активности говорящего субъекта, которая отражается в структуре предложения в виде модальной рамки.

Ш. Балли заложил основы для развития семантического синтаксиса. Русскими лингвистами также были высказаны мысли о семантике предложения (В.В. Виноградов, Д.Н. Овсяннико-Куликовский, В.С. Храковский). Дальнейшая разработка идей о диктуме и модусе высказывания оказалась плодотворной. Ученые внесли различные изменения и дополнения в представление об основных ситуативных характеристиках, которые получают языковое выражение, оформляя модальную рамку вы-

сказывания. Однако, как отмечает В. И. Карасик, «число, последовательность и характер компонентов модуса являются предметом дискуссии» [6, с. 73]. Так, например, типы модуса разработал В. Г. Гак. Соглашаясь с тем, что различные теории синтаксиса различают две стороны в высказывании, он определяет *диктум* (*денотативный аспект высказывания*), как описание определённого события в высказывании через предикативные отношения, положение дел, а *модус* (*модально-коммуникативный аспект*) определяется как отображение условий и целей общения [4, с. 557]. Гак выделяет следующие основные компоненты речевого акта, отражающиеся в семантике высказывания: 1) говорящий; 2) адресат речи; 3) исходный материал высказывания (пре-суппозиции говорящих); 4) цель сообщения; 5) развитие, внутренняя организация речевого акта; 6) контекст и ситуация общения [Там же]. Выделенные компоненты, как отмечает Гак, отображаются в структуре высказывания в ряде категорий, «из которых одни ориентированы на говорящего, другие на слушающего, третьи отражают отношения между ними» [Там же]. С этой точки зрения, важнейшей информацией в структуре высказывания является субъективная информация о говорящем, адресате речи и отношениях между ними. К категориям, «отображающим специфическое положение говорящего», В. Г. Гак относит: 1) локализацию речи по *оси я – здесь – теперь*; 2) модальность диктума, «отражающую отношение сообщаемого к действительности с точки зрения говорящего», и модальность модуса, «выражающую знание, волю и чувства говорящего по отношению к тому, что сообщается»; 3) оценку; 4) эмотивность (эмоциональность); 5) дистантность – «степень заинтересованности говорящего в сообщаемом» [Там же, с. 558]. **Ориентирование на адресата представлено категориями:** 1) информативности, с которой связано, в частности, актуальное членение высказывания; 2) экспрессивности, актуализирующей аспект воздействия на адресата с целью его изменения; 3) прозрачности – «степени ясности для слушающего» [Там же]. **Межличностный аспект высказывания** находит отражение «в формах вежливости и функционально-стилистических модификациях языковых средств» [Там же]. **Общие знания говорящих о мире** отражены в пресуппозициях. Целевая установка сообщения определяет коммуникативную установку и тип акта речи. **Течение речевого акта** выражается с помощью средств начала, продолжения и окончания речевого контакта и элементов внутреннего членения сообщения. Наконец, **связь с другими высказываниями** осуществляется с помощью анафорических элементов, связующих элементов (частиц, союзов, вводных слов) [Там же, с. 558–559].

Таким образом, модусная структура высказывания представлена, с точки зрения В. Г. Гака, структурой речевого акта, каждый аспект которого имеет специфическое выражение в высказывании. Для нашего исследования особое значение имеют речевые категории, которые связаны с социальным аспектом высказывания, с аспектом взаимоотношений участников речевого акта. Разработка социального аспекта высказывания в теории В. Г. Гака лишь начата.

Для разработки «модусной» темы особое значение имеют мысли Э. Бенвениста о «субъективности» языка. Философия языка Э. Бенвениста основывается на высказывании: «В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, *необходимо принадлежит самому определению человека*» (выделено нами. – Т.К.) [3, с. 293]. Понятие «субъективности» Бенвенист поясняет, опираясь на природу местоимений *я* и *ты*. «Роль этих знаков, – пишет он, – заключается в том, что они служат инструментом для процесса, который можно назвать обращением языка в речь» [Там же, с. 288]. «Субъективность», таким образом, – это «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта» [Там же]. Такая способность предполагает реальность другого – *ты*: «Я могу употребить *я* только при обращении к кому-то, кто в моём обращении предстаёт как *ты*» [Там же]. Данное наблюдение показывает принципиальную неразделимость аспекта говорящего и аспекта адресата речи, что является принципиальным для исследования социального аспекта высказывания. Опираясь на это положение, мы замечаем, что неразделимость заявленных аспектов высказывания неизбежно включает в исследовательское поле *аспект взаимоотношений участников речевого акта* в пределах высказывания.

К числу лингвистов, разрабатывающих теорию диктумно-модусной структуры семантики предложения, относится Т. В. Шмелёва. Основной задачей при исследовании модуса она считает описание «модус-потенциала», что предполагает перечисление «модусных категорий со стороны их значения и плана выражения» [11, с. 28]. Особенности исследования модуса, по Т. В. Шмелёвой, вытекают из их природы: 1) склонность к имплицитному проявлению; 2) неоднородный круг языковых средств (при эксплицитном выражении модуса); 3) «исследовательская ненадёжность» плана выражения модуса: комплексность выражения модусных смыслов или различие модусных значений при разных условиях [Там же]. Т. В. Шмелёва выделяет следующие модусные категории: метакатегории, актуализационные, квалификативные и социальные. Метакатегории включают смыслы названия, говорения, коммуникативной цели, мотива и намерения, речевого жан-

ра, правил речевого поведения. Актуализационные категории соотносят высказывание с конкретным лицом, модальностью, временем и пространством. Кваликативные категории (авторизация и персуазивность) определяют источник информации и оценку степени достоверности информации. Оценочность в рамках кваликативных категорий выражает отношение автора высказывания к его диктумному содержанию. Социальные категории модуса выражают степень официальности или фамильярности, уважительности или пренебрежения, деликатности или категоричности [Там же, с. 28–41]. Основным назначением социальных модусных категорий в структуре высказывания Т. В. Шмелёва считает отражение социальных отношений, «реальных или по крайней мере демонстрируемых» между автором высказывания и другими участниками общения. Шмелёва отмечает, что в русском языке нет особой системы средств выражения социальных отношений в грамматике, лексика, выражающая эти смыслы, также немногочисленна [11, с. 39]. Проявление же социальных категорий в высказывании факультативно и зависит от «актуализационных характеристик и некоторых условий общения» [Там же, с. 40]. Обязательное проявление социальных модусных категорий наблюдается в высказываниях, обращённых к собеседнику, т.е. в «адресатно-ориентированных высказываниях» [Там же].

Таким образом, основным условием для проявления СМС в высказывании является направленность на адресата, на установление с ним определённого вида социальных отношений. Вопросы средств выражения социальных отношений в русском языке остаются неизученными. Особенно неясна связь социальных категорий и средств их выражения.

Изучение модуса высказывания в перечисленных исследованиях осуществляется, на наш взгляд, с точки зрения лингвосемантического и коммуникативно-прагматического подхода, поскольку изучается семантика высказывания с позиций отражённых в его семантической структуре компонентов речевого акта. Исследования социальных отношений между говорящим и другими участниками речевого общения, отражённых в языковой форме, с этих позиций ведутся, однако единого системного взгляда на отражение межличностного аспекта в высказываниях русского языка в этих исследованиях не выработано. Изучение СМС является отрывочным и разрозненным.

Одним из наиболее разработанных направлений, касающихся отражения в языке социальных отношений участников коммуникации, является социолингвистика. Социолингвистика понимается нами как наука «о социально значащем выборе альтернативных способов говорения об одной и той же вещи» [8, с. 21]. В лингвистической литературе подавляющее большинство исследований ориентировано на выявление и изу-

чение социального компонента в лексическом значении слова. В этом направлении ведут исследования Л. П. Крысин и В. И. Карасик. В монографии Л. П. Крысина широко исследуются социальные ограничения в семантике и употреблении языковых единиц [7]. Лингвист определяет границы социолингвистического подхода к исследованию современного русского языка посредством социолингвистических понятий *социальные роли и их соотношение в речевом общении, функциональные стили и характер отношений между отправителем речи и адресатом* и т.д. [7]. Исследование Л. П. Крысина даёт возможность осмыслить социальный аспект высказывания с позиций социолингвистического подхода и определить границы такого подхода для нашего исследования. В частности, социолингвистический аспект исследования даёт исчерпывающее представление о структуре речевого акта с точки зрения отражённых в нём социальных ролей и их возможного соотношения, однако не даёт представления о том, каким образом теория работает в реальном общении, какие средства для выражения СМС существуют в русском языке.

Несколько с иных позиций изучает язык В.И. Карасик [6]. Его исследование направлено на «комплексное рассмотрение социального статуса в лингвистике» [Там же, с. 147]. Карасик выявляет и достаточно подробно описывает категориальные признаки социального статуса человека как социолингвистической, прагмалингвистической и лингвосо-мантической категорий, раскрывает «специфику модусных признаков в значении слова на материале английского языка», описывает «типы специализированного выражения статусного признака», освещает «структуру статусно-маркированной ситуации», показывает «специфику прагмалингвистической категории социального статуса в плане речевых отношений, видов воздействия и параметров коммуникативной ситуации», определяет «типы социальной индикации, закреплённые в жизненных стилях... и отражённые в значении слов и невербальных знаках общения» [Там же, с. 149].

Данное исследование, построенное на материале английского языка, достаточно подробно описывает категориальную сущность социального статуса человека в языке. Для нашего исследования важны многие выводы, сделанные В. И. Карасиком. Они позволяют описывать социальную модусную рамку высказываний русского языка с опорой на мощную теоретическую и практическую базу.

Социальная модусная рамка высказывания, как мы уже отмечали, актуализирует аспект взаимоотношений между участниками речевого взаимодействия. Успешное взаимодействие невозможно построить без ориентации субъекта на некоторые социально и культурно обусловлен-

ные принципы. Одним из важнейших принципов, направленных на гармонизацию человеческого общения, является принцип вежливости. Внимание лингвистов к системному изучению этого принципа привлекла Е. А. Земская [5]. Она определила категорию вежливости как «влиятельный регулятор речевого поведения», отметила, что действие данной категории «охватывает явления разных уровней языка», выделила некоторые виды нарушений правил вежливости, обратила внимание на ситуативный характер проявления этой категории [Там же, с. 135–136]. В дальнейшем принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском общении был описан Г. Р. Шамьеновой [10]. Она описала принцип вежливости с точки зрения его действия в различных речевых жанрах, кроме того, выделила комплекс средств, реализующих функцию вежливости.

Чрезвычайно разработанным, на наш взгляд, является вопрос оформления социальной модусной рамки с помощью обращений. Исследования, описывающие семантику, форму, коммуникативно-прагматический и социокультурный потенциал при реализации этих единиц, многочисленны и вряд ли поддаются исчислению (Н. И. Формановская, Н. Д. Арутюнова, В. Е. Гольдин, А. М. Пешковский, О. А. Мизин, В. П. Проничев, Е. В. Орлова, Л. А. Грачева, Л. П. Рыжова и др.). Действительно, обращения являются той языковой универсалией, природа которых дуалистична (совмещение идентифицирующей и предикатной дескрипции в семантике) [1, с. 115] и в семантике которых наиболее ярко преломляется социальная стратификация общества и некоторые ситуативные характеристики. Наблюдение за особенностями семантической структуры обращений и за их функционированием в речи с неизбежной необходимостью должно составить большую часть нашего исследования, поскольку именно в обращениях и распространяющих его языковых единицах реализуются все СМС.

Не претендуя на обобщённость выводов в пределах данной статьи, подведём итоги. СМС и языковой комплекс средств, реализующих их в высказывании, изучаются в лингвистике с различных позиций. Основные направления, которые нами были выделены – социолингвистическое, прагмалингвистическое и лингвосемантическое – по-разному освещают природу СМС и реализующих их средств. Продуктивным, с нашей точки зрения, признан комплексный подход, где объединяются взгляды на социальную модусную рамку высказывания как на объект изучения социолингвистики, прагматики, семантики, культуры речи и речевого этикета. В лингвистической литературе не до конца разработан категориальный «взгляд» на социальную модусную рамку высказывания. Чрезвычайно разрозненными являются наблюдения за реализацией

СМС в контексте речи с помощью языковых и неязыковых средств, не описан потенциал русского языка для оформления социальной модусной рамки высказывания. Всё это даёт основания говорить о необходимости изучения СМС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Номинация-обращение // Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 115 – 120.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. М.: Изд-во иностр. лит., 1955.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр. М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Гак В.Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С.554–566.
5. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий// Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 131 – 136.
6. Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992.
7. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989.
8. Лабов У. Единство социолингвистики// Социально-лингвистические исследования. М., 1976.
9. Формановская Н.И. Речевой этикет // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф. П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С.254–255.
10. Шамьенова Г.Р. Принцип вежливости как особая коммуникативно-прагматическая категория в русском речевом общении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000.
11. Шмельёва Т.В. Семантический синтаксис: Текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск: Краснояр. ун-т, 1988.

ПРОПОЗИЦИЯ ЧУВСТВА В ЯЗЫКЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛИЧНОСТИ

Н.Г. Кокшарова

(Томск)

Антропоцентрический характер современной лингвистики обусловил повышенный интерес к феномену языка личности. Мы обратимся к описанию языковой картины мира конкретного носителя языка, а именно – её фрагмента, связанного со сферой чувств. Особенности выражения чувств, как представляется, – одна из важных составляющих характеристики личности в её языковых проявлениях: переживания сообщают о внутреннем мире человека, а потому могут многое рассказать о его отношении к миру.

Объектом описания данной работы является язык отдельной диалектной личности – Веры Прокофьевны Вершининой, 1909 г.р., коренной жительницы села Вершинино Томской области, носителя сибирского старожильческого говора. Исследование речи Веры Прокофьевны ведётся на кафедре русского языка Томского государственного университета с 1981 г.

При описании ситуации чувства мы опирались на понятие пропозиции – модели объективного содержания предложения. В настоящей работе мы попытались рассмотреть актантно-предикатную структуру пропозиции, представляющей ситуацию стыда.

Любое чувство обозначает изменение обычных ощущений человека, возникающее под воздействием каких-либо обстоятельств. Таким образом, ситуация возникновения чувства на семантическом уровне всегда представлена как бинарная, включающая собственно чувство и его каузатор. Каузатором стыда, говоря предельно обобщённо, является что-либо (поведение, поступок и т.п.), не соответствующее норме и расположенное на оценочной шкале в зоне отрицательного. В исследуемом материале чувство стыда, как правило, выражается субъектно-предикатной структурой, которая включает в себя следующие компоненты: предикат, задающий пропозицию; субъект – носитель чувства, тот, кто его испытывает; объект – тот из-за кого возникает чувство стыда, он же – субъект ситуации-каузатора. Ситуация-каузатор, к которой на смысловом уровне применимо понятие нормы, может быть вербализованной и в этом случае задаваться самыми разнообразными способами (предикативным и непредикативным путём) и невербализованной, прочитывающейся из конситуации.

Субъект в соотношении с предикатом выступает как активный и как пассивный. В идеале субъектно-предикатная структура представляет собой двусоставное предложение и выражает активное действие: *Я от этот раз Галю просила, [она] Илье тоже написала открыточку. Говорю, поздравляю хоть. А это... разобрать-то можно, ну... худо. Я стыдюсь.* Предикат чувства в этом случае выражен глаголом. Но это довольно редкое явление. Гораздо чаще при выражении чувства стыда Вера Прокофьевна использует безличные конструкции, в которых предикат имеет форму категории состояния. При этом указание на производителя предикативного признака либо совсем отсутствует: *Я тот раз намывлась, да жарко было, да и вроде бы лечь стыдно, и домой потти вроде как не могу очухаться,* – либо субъект выражается дательным падежом: *Мишенька-то де жил – она грамотна жэзньишна, она врачом была, заведуиша больницей, – мне ей стыдно письмо-то писать* – в этом случае субъект подаётся как испытывающий воздействие чувства на себе, чувство «само» охватило субъекта, этим процессом субъект не управляет. Во многом эта позиция отвечает общенациональной установке использовать безличные конструкции, изображающие чувство как некий загадочный процесс, самостоятельное явление, воздействующее на человека помимо его воли.

В обоих случаях – и при активной позиции субъекта, и при пассивной – предикат описывает лишь некоторый определённый момент существования субъекта, но при этом его границы не заданы, чувство описывается как развёрнутый во времени процесс. Очень редко субъектную позицию может занимать название психической компоненты, что выражается в использовании номинативной конструкции: *А понадите [за воровство], говорю, это же стыд, страм, позор!* В этом случае предикат чувства выражается существительным, и само чувство стыда понимается уже не как процесс, а как некое явление, независимое от течения времени.

Актантная структура стыда может быть трёх видов: замкнутой, возвратной и центробежной. Она характеризует соотношения субъекта и объекта чувства и определяется направленностью чувства:

1) Замкнутая структура. Субъект чувства совпадает с объектом, стыдно за себя: *Вот уколы-то делат, дак мне уж стыдно: вот, скажет, ходить к старухе столько.* В этом случае позиция объекта является незамещённой.

2) Возвратная. Нарушителем нормы является объект, однако носителем чувства является субъект, «стыдно за другого». Чувство, направленное на другого, возвращается к субъекту: *И вот она [мать] вчара*

ругалась: ногти покрасила, прямо – ну как выросла. Она гыт: «Это знашь, а учиться – мне стыдно из-за тебя!»

3) Центробежная. Субъект речи не равен субъекту чувства, другой (другие) понимается как должный испытывать чувство стыда: *Я говорю: ой, дак... прямо как не стыдно-то им, – я-то и говорю, говорю: «Как не стыдно-то! Надо же направить...» [могилку]; Я говорю: «Как тебе не стыдно, Саша [внук].*

Вера Прокофьевна, являясь представителем старшего поколения, человеком с большим жизненным опытом, в некоторых случаях считает должным сообщить о нарушениях нормы, о необходимости быть ответственным за свои поступки, и тогда её внутреннее переживание обретает направленность вовне.

В характеристике предикатной структуры ситуации стыда большое значение имеет описание ситуации-каузатора, а также связанного с ним понятия нормы. В каждом обществе существует некий эталон выстраивания социальных отношений и моральных принципов, которым необходимо следовать каждому представителю. Вере Прокофьевне свойственно тонкое чувство нормы, она чутко реагирует на любые отклонения. Более того, свои действия в большинстве случаев она оценивает с позиции индивидуальной нормы поведения, причём эта планка гораздо выше общепринятой. Вера Прокофьевна стыдится лишний раз беспокоить окружающих, особенно если это не очень близкий человек, и вообще любую ситуацию она пропускает через повышенный нормативный «фильтр»: *Всё жалко, да всё стыдно да прогневить [неудобно спросить свои серьги у внучки].*

Чувство стыда возникает тогда, когда есть «сторонний наблюдатель». То есть человек, считая, что его поведение может быть расценено кем-то другим как неподобающее, испытывает стыд за себя, свои действия перед этим другим. Этим «сторонним наблюдателем» может являться и сам субъект чувства, что также связано с понятием совести.

При этом обычно человек осознаёт, почему ему стыдно: *Я от этот раз Галю просила, [она] Илье тоже написала открыточку. Говорю, поздравлю хоть. А это... разобрать-то можно, ну... худо. Я стыдюсь.* Однако чувство стыда может возникать внешне немотивированно, человек сам не может объяснить, почему ему стыдно. Человек может испытывать душевный дискомфорт не только оттого, что кто-то расценивает его поступки как неподобающие, а лишь от собственного ощущения того, что-то в его поведении не так, ему «почему-то неудобно»: *Как-то не люблю без платка. Не только не люблю, как-то стыдно мне [ходить без платка].*

Мотив состояния стыда находится в прошлом или настоящем. При этом каузаторы чувства стыда могут быть конкретными, когда налицо явное нарушение нормы с общепринятой точки зрения, или лишь предполагаемыми, когда субъект оценивает действия как нарушающие норму с позиций собственного представления о норме: *Мишенька-то де жил – она грамотна жэньщина, она врачом была, заведушиша больницей, – мне ей стыдно письмо-то писать.*

Чувство стыда может возникать ситуативно, исходя лишь из складывающихся обстоятельств, либо постоянно сопутствовать некоторым действиям, становясь неким качеством личности, её постоянной характеристикой: *На рамах так, от так от грязи было. Рая посмотрела – мне прямо стыдно. Придёт ф'ершал, станет руки мыть к умывальнику – мне прям стыдно* – стыд вызван конкретной ситуацией. С другой стороны: *Всё жалко, да всё стыдно да прогневить [неудобно спросить свои серьги у внучки]* – это постоянная позиция Веры Прокофьевны в отношении этой ситуации, она составляет некую характеристику её личности.

Чувство стыда может быть разной интенсивности. При соблюдении определённых норм поведения его можно не испытывать совсем: *Какой стыд? Если бы Гена не тил, дак никакого стыда нету.* Однако Верой Прокофьевной чувство стыда переживается как очень острое, крайне негативное состояние: *На рамах так, от так от грязи было. Рая посмотрела – мне прямо стыдно. Придёт ф'ершал, станет руки мыть к умывальнику – мне прям стыдно.*

Таким образом, при описании пропозиции чувства стыда в языке Веры Прокофьевны можно отметить следующие особенности. Актантная структура стыда однотипна, но её заполнение достаточно разнообразно: она допускает возможности представления разных типов субъекта, в характеристике которых большую роль играет отношение субъекта к предикату. Особенностью выражения чувств в речи Веры Прокофьевны Вершининой является предпочтительное употребление безличных конструкций, описывающих чувство как некое самостоятельное явление, охватывающее субъекта помимо его воли, и ориентация на понятие индивидуальной нормы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Быггный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983.
2. Гак В.Г. Актантная структура грехов и добродетелей // Логический анализ языка: Языки этики. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.

СТЕПЕНЬ СОХРАНЕНИЯ АКЦИОНАЛЬНОСТИ В ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНСТРУКЦИЙ С ДЕВЕРБАТИВАМИ

Н. А. Кочегурова
(Новосибирск)

Одной из важнейших проблем в области коммуникативного синтаксиса является исследование разных способов выражения пропозиционального значения и факторов, влияющих на их выбор в речи. В рамках данной проблемы чрезвычайно интересно изучение факторов, влияющих на возможность трансформации конструкций с отглагольными существительными в конструкции с глаголами. Наиболее важным из этих факторов является степень сохранения / утери девербативами событийной семантики.

Целью настоящего исследования стал анализ девербативов в газетном тексте с точки зрения сохранения в них семантики процессуальности. Для этого была проведена экспериментальная трансформация конструкций с девербативами в предложения с финитными и инфинитными глагольными формами. Например:

1) *У компании нет никакой уверенности по поводу гарантий ее будущих интересов в Ираке после (и в случае) свержения американцами Саддама Хусейна*^{*}. Ср.: У компании нет никакой уверенности по поводу гарантий ее будущих интересов в Ираке после того, как (и в случае если) американцы свергнут Саддама Хусейна.

2) *Не давать России никаких гарантий насчет будущего освоения нефтяных богатств этой страны*. Ср.: Не давать России никаких гарантий насчет того, что нефтяные богатства этой страны будут освоены / будут осваиваться.

3) *Он должен учитывать включение российского экономического пространства в мировое*. Ср.: Он должен учитывать то, что / насколько российское экономическое пространство включается / включено / будет включено в мировое.

4) *Актуально требование обеспечения недискриминационного доступа к товару (услуге)*. Ср.: Актуально требование обеспечить / чтобы был обеспечен / чтобы обеспечили недискриминационный доступ к товару (услуге).

Нетрудно заметить, что конструкция с девербативом менее информативна, чем синонимичное ей сложное предложение с финитным глаголом.

^{*} Здесь и далее приводятся примеры из газеты «Известия» №193 (26272) от 23 октября 2002 г.

Если финитный глагол (*свергнут, включено*) содержит указание на время совершения действия, то существительное этой информации не передает. В примерах 1 и 2 недостаток информации о времени протекания действия компенсируется синтаксическими и / или лексическими средствами (в нашем случае – *будущих интересов, будущего освоения*). В предложении 3 выбрать время глагола не представляется возможным, поскольку контекст и знания читателя / слушателя о реальной действительности допускают, что обозначенное действие (*включение*) может происходить в любом из трех времен.

На основе полученных результатов экспериментальной трансформации и сопоставления предыдущих семантических классификаций деепричастий Г.А. Золотовой, Н.Д. Арутюновой, П.В. Булина, Т.Д. Марковой, Э.А. Шагинурова и др. предлагаем следующую классификацию отглагольных существительных по степени сохранения / утраты акциональности.

1. Отглагольные существительные, сохранившие процессуальное значение:

1.1. Собственно процессуальные существительные.

1.2. Сочетания с глаголами-компенсаторами.

1.3. Демотивированные существительные с процессуальным значением.

1.4. Акциональные существительные, употребляемые в устойчивых сочетаниях.

2. Отглагольные существительные, частично сохранившие процессуальное значение:

2.1. Имена со значением состояния.

2.2. Имена со значением результата действия.

3. Отглагольные существительные, не сохранившие процессуального значения:

3.1. Имена, обозначающие отдельный акт данного действия.

3.2. Имена, обозначающие лицо, производящее действие.

3.3. Имена со значением орудия, инструмента.

3.4. Имена со значением пространственной области данного действия.

3.5. Имена со значением результата действия, создающего объект.

3.6. Демотивированные существительные:

– собственно демотивированные имена;

– терминологизированные имена;

– имена, употребляющиеся в устойчивых предложно-падежных сочетаниях.

4. Отглагольные существительные, потерявшие в результате грамматикализации признаки знаменательной части речи.

Таким образом, вне классификации остаются лишь девербативы во фразеологически связанных сочетаниях, у которых определить степень утраты акциональности невозможно (*с какой стати, им и мэр не указ, взять кого-либо в оборот, эшелон власти* и др.), а также сложные существительные, имеющие два и даже три корня и образованные от словосочетаний: *правонарушение, авиаперелет, теплоэнергоснабжение* и др.

Рассмотрим данную классификацию подробнее.

Ядром первой группы являются собственно акциональные девербативы (1.1), например: *Разработка документов идет по плану*. Конструкции с такими отглагольными существительными легче всего подвергаются трансформации в предложения с глаголами.

В подгруппу 1.2 входят девербативы, передающие процессуальное значение с опорой на семантически опустошенный глагол, например: *оказать помощь, принять участие, проявлять беспокойство, иметь значение, испытывать боязнь* и т.д. Эти глагольно-именные сочетания характеризуются тем, что грамматическое и лексическое значения в них выражаются разными компонентами: грамматическое значение выражено глаголом, а лексическое – девербативом.

Подгруппу 1.3 составляют девербативы, сохраняющие процессуальную семантику, однако утрачивающие возможность трансформироваться в сочетании с однокоренными глаголами: *становление, наличие* и некоторые другие. При этом они могут быть «развернуты» в сочетания с синонимичными глаголами, например:

5) *Многие сильно переоценивают роль бывшего личного тренера Фроста в становлении «Торпеды»* (прозвище пловца. – Н.К.). – Многие сильно переоценивают роль бывшего личного тренера Фроста в том, как развивался клуб «Торпеда».

Девербативы подгруппы 1.4 допускают трансформацию в глагольные конструкции, однако употребляются в основном в устойчивых предложно-падежных сочетаниях, например: *к сожалению, под управлением, под руководством*.

6) *К сожалению, пока нет консалтинговой компании полного цикла*. – Сожалению / сожалеем, что пока нет консалтинговой компании полного цикла.

7) *Музей современного искусства под руководством Зураба Церетели*. – Музей современного искусства, которым руководит Зураб Церетели.

Вторая семантическая группа девербативов (отглагольные существительные, частично сохранившие процессуальное значение) оказалась

достаточно малочисленной. Анализ показал, что четкую границу между первой и второй группой провести сложно: многие отглагольные существительные, отмеченные в исследуемом тексте, можно квалифицировать как переходные случаи, которые могут быть помещены как в одну, так и в другую группу, например, девербативы со значением результата действия.

8) *Глак вскоре после освобождения вернулся в Соединенные Штаты.* – Глак вскоре после того, как был освобожден, вернулся в Соединенные Штаты.

9) *Есть ощущение, что на этом саммите позиции России не столь блестящи.* – Ощущается, что на этом саммите позиции России не столь блестящи.

В примере 8 одновременное присутствие значений процесса (действия) и результата объясняется тем, что девербатив *освобождение* может быть производным от одного из двух глаголов – *освободить* и *освобождать*, и только контекст позволяет сделать вывод о том, что это существительное мотивировано глаголом совершенного вида. В примере 9 девербатив проявляет значение результата более явно. По-видимому, это связано с тем, что мотивирующий его глагол относится к глаголам пропозициональной установки.

Третья группа – отглагольные существительные, не сохранившие процессуального значения – достаточно неоднородна. Анализ показал, что входящие в нее отглагольные существительные, несмотря на то, что ни одно из них не может быть трансформировано в глагольное сочетание, сохраняют следы процессуального значения в разной степени. Так, ярче всего «остатки» акциональности проявляются в подгруппе 3.1 – имена со значением отдельного акта действия, например:

10) *В Канаде «большая восьмерка» предметно говорила о... новых требованиях к морским перевозкам.* – В Канаде «большая восьмерка» предметно говорила о новых требованиях к тому, как перевозить по морю.

11) *Рациональных объяснений для такого чисто механического передела административной карты страны найти непросто.* – Рациональных объяснений для того, чтобы так чисто механически переделали административную карту страны, найти непросто.

Трансформация приведенных выше предложений в конструкции с глаголами или невозможна, или приводит к существенным семантическим сдвигам и порождает громоздкие, «неуклюжие», не свойственные русскому языку предложения. Тем не менее девербативы в составе этих конструкций имеют следы событийной семантики.

В девербативах остальных подгрупп третьей группы акциональность не сохраняется:

3.2. Имена, обозначающие место протекания действия:

12) *Руководитель конъюнктурно-аналитического управления Росбанка.*

13) *Муниципальное самоуправление отсутствует на самом близком для людей уровне – в поселениях.*

3.3. Имена, обозначающие лицо, производящее действие:

14) *Вклады для населения: деньги растут.*

15) *Я имею в виду не столько Тони Блэра, сколько его ближайшее окружение.*

3.4. Имена, обозначающие орудие действия:

16) *Вечные проблемы со сцеплением.*

3.5. Имена со значением результата действия, создающего объект:

17) *Поздних работ Шагала в наших музеях почти нет (т.е. картин, полотен).*

28) *Даже очень достойная антрепризная постановка отчасти шоу (т.е. спектакль).*

Иногда провести черту между второй и третьей семантическими группами девербативов достаточно трудно. Примером могут служить следующие конструкции:

19) *На следующий день местные жители начали строить предположения.*

20) *Театр... не суетится перед зрителем, не старается угадать его желания.*

Легко заметить, что девербативы *предположения, желания, отношения* сохраняют пропозициональную установку, характерную для глаголов, которыми они мотивированы. Эти девербативы приближаются по своему значению к существительным второй группы (имена, обозначающие результат действия, не создающего объект), однако критерием для разграничения этих двух групп может служить морфологический признак: только существительные в предметном значении могут употребляться во множественном числе.

Помимо пяти вышеперечисленных подгрупп, в третьей группе можно также выделить подгруппу имен, которые назовем «демотивированными», поскольку у них либо утрачивается (частично или полностью) семантическая связь с производящим глаголом, либо появляется специализированное значение. С одной стороны, к ним относятся имена, у которых утрата значения мотивирующего глагола не осложнена другими семантическими изменениями: *впечатление, изделие, обет,*

доход, вопрос, застой, отпуск (в значении «отдых»), налог, сделка и т.д. Примеры конструкций с такими именами:

22) *Когда компания вернется к вопросу о проведении дополнительной эмиссии акций?*

23) *При этом меньше трети их доходов составляют собственные поступления.*

С другой стороны, к демотивированным можно отнести терминологизированные имена: *огранка, (игрок) нападения, (линия) связи, плавание (вольным стилем), смещение Допплера, вещание, перехват* и т.п., например:

24) *Летняя сетка вещания изменена.*

25) *3 попадания из 8 бросков с игры.*

И, наконец, можно выделить подгруппу имен, употребляющихся в основном в устойчивых сочетаниях: *в большинстве случаев, на ваш взгляд, на наше усмотрение* и др.

Четвертая группа (отглагольные существительные, потерявшие признаки знаменательной части речи в результате грамматикализации) – представлена в основном производными предлогами и – реже – союзами: *за исключением, на основании, при наличии, в случае с, в случае если* и некоторые другие. Например:

27) *Он трепетно относился к ученику на протяжении всех лет сотрудничества.* Трансформироваться в предложения с глаголами конструкции с девербативами этой группы, соответственно, не могут.

Количественные результаты трансформационного анализа девербативов представлены в таблице.

Распределение девербативов в газетном тексте по семантическим группам

Семантическая группа девербативов	Количество, ед.	Количество, %
1. Отглагольные существительные, сохранившие процессуальное значение (имена действия)	487	38,1
2. Отглагольные существительные, частично сохранившие процессуальное значение, из них:	60	4,73
3. Отглагольные существительные, не сохранившие процессуального значения, из них:	658	51,76
4. Отглагольные существительные, потерявшие в результате грамматикализации признаки знаменательной части речи	30	2,3
Вне классификации – девербативы в составе фразеологических сочетаний и сложные слова	42	3,24
Итого:	1277	100

Из данной таблицы видно, что количество девербативов, сохраняющих процессуальную семантику хотя бы частично, составляет около 43% от их общего числа. Следовательно, оставшиеся 57% приходится на отглагольные существительные, утратившие акциональность.

Интересно сопоставить эти результаты с данными, полученными Д. Узарой при анализе 200 русских отглагольных имен по словарям. Количественное соотношение существительных с процессуальными и предметными значениями в исследованном им словарном материале оказалось 3:2 [1, с. 114]. В нашей же работе это соотношение выглядит иначе: 2:3. Сопоставление этих цифр позволяет сделать вывод о том, что «арсенал» имеющихся в языке процессуальных ЛСВ девербативов в газетном тексте используется далеко не полностью, в то время как неакциональные отглагольные существительные занимают здесь доминирующее положение.

Данные результаты анализа отличаются от тех, которые приводит в своем исследовании А.В. Сергеева. Автор утверждает, что атомарные (т.е. не поддающиеся трансформации) словосочетания с отглагольными существительными составляют в русских публицистических текстах всего 24,4%, в то время как оставшиеся 75,6% – это молекулярные сочетания, «способные вступать в синонимические отношения с глаголами и придаточными предложениями» [2, с. 12–13]. Очевидно, что в атомарных сочетаниях встречаются девербативы, утратившие процессуальное значение, а в молекулярных – отглагольные существительные с процессуальной семантикой. Таким образом, соотношение акциональных и предметных девербативов в работе А.В. Сергеевой оказывается 1:4.

В результате исследования были сделаны следующие выводы:

- В качестве основного критерия для построения семантической классификации отглагольных существительных целесообразно выбирать степень сохранения в девербативах процессуального значения. По этому критерию девербативы можно разделить на 4 группы и 13 подгрупп, которые представляют собой некую шкалу – от имен действия до грамматикализованных существительных.

- Степень сохранения / утраты акциональности в девербативах является одним из факторов, наиболее сильно влияющих на возможность трансформации конструкций с отглагольными существительными в конструкции с глаголами.

- В современном газетном тексте количество девербативов с предметным значением превышает число отглагольных существительных с процессуальным значением в 1,5 раза. За последние 25 лет количество отглагольных имен конкретной семантики по сравнению с числом имен событийной семантики в речи (в газетном тексте) резко возросло.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Уэхара Д.* О денотативном пространстве русских отглагольных имен (nomina acti) // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр. Рязань, 2000.
2. *Сергеева А.В.* Отглагольные существительные в современной русской публицистике (в сопоставлении с аналогами в польском и чешском языках): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

СТАТИВЫ. ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.А. Крупеникова

(Томск)

Стативы (или категория состояния) – часть речи современного русского языка, включающая три структурно-морфологических типа номинативных единиц, образованных конверсивным¹ способом, а именно путём категориального перехода имени (в том числе отдельно оформленного), выражающегося в системно закреплённом изменении дистрибуции данной единицы.

В образовании стативов задействованы три типа производящих основ, формирующих соответствующие типы конверсивов:

1) в результате конверсии форм кратких прилагательных среднего рода образуются простые беспредложные конверсивы (ПБК), обозначающие психофизическое состояние одушевлённых существ, в первую очередь человека, в том числе физическое состояние как результат воздействия окружающей среды. Например:

(ему) душно, (ему) больно, (ему) скучно, (ему) весело, (ему) темно, (ему) холодно, (ему) обидно, (ему) радостно, (ему) интересно, (ему) хорошо, (ему) вкусно, (ему) грустно и т. п.;

2) в результате конверсии предложно-падежных форм имени существительного образуются простые предложные конверсивы (ППК). Их семантическая сфера шире, чем у ПБК, за счёт включения значения состояний, обусловленных местом человека или предмета в социокультурном пространстве. Например:

(он) без сознания, (он) в бешенстве, (он) вне закона, (он) в коме, (он) в тупике, (он) в эйфории, (он) в ярости, (он) в экспедиции, (он) за старшего, (он) под гипнозом, (он) на каникулах, (он) на диете и т. п.;

3) в результате конверсии предложно-падежных форм именных словосочетаний образуются сложные предложные конверсивы (СПК), обозначающие те же состояния, что и ППК. Например:

(он) в безнадежном состоянии, (он) в двусмысленном положении, (он) в гипнозном состоянии, (он) в состоянии невесомости, (он) в центре событий, (он) в летаргическом сне и т. п.

¹ Подробное изложение принимаемой в данной работе концепции конверсии как деривационного способа в [5].

Стативы – относительно новая для русского языка часть речи [6], функционально-семантический подход в грамматике позволяет подтвердить категориальный статус этого класса номинативных единиц, а также заметить, что это – продолжающая в настоящее время своё становление часть речи. С этим связана повышенная степень вариативности способов выражения различных значений сложной, многослойной структуры стативной семантики. Образование стативов, как видно из приведённых выше примеров, связано с закреплением за именной формой синтаксической позиции предиката. В современном русском языке обнаруживаются два семантико-грамматических класса предикатов: глаголы и стативы. Глагольная семантика включает в себя значение стативного признака наряду с динамическим и процессуальным.

Система грамматических значений глагола условно представляет образец для предикативной части речи более позднего образования.

С другой стороны, совершенно очевидно, что стативы – отыменные образования – формальные показатели грамматических значений будут подобны тем, которые используются для частей речи, от которых они образованы. Разница между показателями грамматических значений именных форм и стативов в том, что в первом случае уровень выражения – синтаксический, так как позиция предиката вторична для имени, во втором случае – грамматический, поскольку способ образования стативов подразумевает системное закрепление предикативной функции этих единиц.

Описание грамматических категорий стативов производится в той же последовательности, что и у глаголов, при этом определяется, на каком уровне (грамматическом / лексико-грамматическом / функционально-семантическом) выражаются соответствующие категории в стативах, или не выражаются совсем, и объясняются причины этого.

I. Категория наклонения

В парадигме наклонений стативов обнаруживается асимметрия, заключающаяся в том, что регулярно образуются только формы изъявительного наклонения.

Императивные формы можно образовать только от лексически (или, для СПК, – синлексически) ограниченной группы предложных стативов, обозначающих состояние как результат реализации целеустановок субъекта-носителя (автокаузирозированных состояний). Например:

Будь в форме! Будьте в состоянии боевой готовности!

Образованию формы повелительного наклонения беспредложных конверсивов препятствует семантика субъекта выражаемого ими состояния. Г.А. Золотова [3] предлагает интерпретировать эту форму вы-

ражения субъекта (дательный падеж) как маркированную по признаку страдательности, пассивности субъекта состояния, претерпевающему то или иное состояние независимо от собственных волюнтаристических установок.

Значение условного наклонения в меньшей степени блокировано стативной семантикой, чем императива, допускается возможность образования форм со значением пожелания:

Были бы он в трезвом уме и здравой памяти! Были бы они в сознании!

Пусть ему будет приятно. Пусть и им тогда будет скучно.

В количественном отношении позитивно оцениваемых состояний значительно меньше, чем негативных, поэтому дополнительным фактором, сдерживающим образование форм условного наклонения, являются представления об этике речевого поведения:

**Были бы он в коме! *Были бы он в безнадежном состоянии!* Пусть ему будет дурно и отвратительно!*

Таким образом, парадигма форм наклонения стативов частично ущербна, она представляет собой грамматикализированное ядро функционально-семантической категории (ФСК) наклонения стативов.

ФСК, вслед за А.В. Бондарко [1], мы понимаем как полевую структуру, в рамках которой реализуются все возможные способы выражения грамматических значений, расположенных в ядерной или периферийной части этого поля, в зависимости от степени специализации данного средства и регулярности его использования, включая все случаи перехода.

На периферии этой категории оказываются способы передачи в рамках синтаксической конструкции, оформленной союзами «если – то» или при помощи определенного контекста слов с самостоятельным лексическим значением. Например:

Если он будет в невменяемом состоянии, то вам не разрешат забрать его оттуда; Нам, вероятно, следовало бы быть в восторге от твоего заявления.

II. Категория времени

Наиболее специализированное средство для выражения значений времени – глагол *быть*, формы которого выполняют функцию грамматического показателя (в нулевой форме для настоящего времени). Например:

*(он) в гневе / (он) в состоянии эйфории / (ему) смешно
(он) был в гневе / (он) был в состоянии эйфории / (ему) было смешно
(он) будет в гневе / (он) будет в состоянии эйфории / (ему) будет смешно*

Эти формы – ядро ФСК времени стативов. Из остальных средств выражения значений времени стативов особого внимания заслуживают случаи их употребления в рамках полипредикативного комплекса с глагольными формами. Значение времени (а также в некоторых случаях лица и наклонения) выражается формой одного из предикатов – статива или глагола, при этом второй предикат употребляется в начальной форме, как бы избавляясь от необходимости самостоятельного формоизменения, координируясь по всем параметрам со вторым, предикатом-«выразителем». Предложные стативы координируются с глаголом, беспредложные сами выступают в функции предиката-«выразителя», ср.:

Предложные: *Он в задумчивости бродил по улицам.* (Пр. вр.).

Вот он в нерешительности останавливается. (Н. вр.).

В следующую минуту он будет в ужасе убегать прочь. (Б. вр.).

Беспредложные: *Ему было грустно уезжать.* (Пр. вр.).

Ему грустно уезжать. (Н. вр.).

Ему будет грустно уезжать. (Б. вр.).

Этот способ в ФСК времени стативов примыкает к ядерной части, его регулярное использование обеспечивается потребностью выражать одновременно значение действия и состояния субъекта наиболее экономным, с точки зрения речевых усилий, образом.

III. Категория лица

Выражение значений лица и числа стативов закреплено за формами субъекта-носителя, наличие которого является нормой. Значение состояния неразрывно связано с характеризуемой субстанцией, ориентировано на неё.

1-е и 2-е лицо наиболее регулярно и последовательно выражаются формами личных местоимений, в именительном падеже – для предложных стативов, в дательном – для беспредложных:

я на каникулах

мы в предпраздничном настроении

мне спокойно и хорошо

нам весело

ты вне подозрений

вы в состоянии эйфории

тебе тревожно

вам светло

Форма третьего лица может быть выражена как личным местоимением, так и именем, как правило, конкретно-референтной отнесённости. Хотя в обоих случаях значения лица и числа определяются однозначно, именной способ нарушает принцип единообразия грамматических средств выражения. С другой стороны, в парадигме глагольных форм прошедшего времени лицо обозначается аналогично. Системность этого способа в глаголах отчётливее заметна за счёт устойчивости грамматической парадигмы глагольных форм времени в целом.

Таким образом, значения лица и числа, выражаемые формами личных местоимений или именем, – ядро ФСК, периферию которого составляет группа беспредложных стативов, обозначающих состояние как результат воздействия окружающей среды, точнее, природных сил. Субъект этих стативов скрыт на уровне глубинной семантики и представляет собой любое одушевленное существо, испытывающее данное воздействие:

Ветрено, дождливо, безоблачно, морозно, знойно и т.п.

IV. Категория залога

Эта категория для стативов, на первый взгляд, лишена всякой актуальности, так как субъект состояния пассивен, страдательен по определению, а статив имеет единственную семантическую направленность – на субъект-носитель.

Однако существует ограниченная группа стативов, открывающих место объекту:

(он) в заговоре (с кем-либо), (он) в дружбе (с кем-либо), (он) в переписке (с кем-либо), (он) в браке (с кем-либо), (он) в контакте (с кем-либо).

Подразумевается примерно одинаковая активность грамматического субъекта и объекта, что обеспечивает возможность их взаимозамены:

Павловы в дружбе со Степановыми – Степановы в дружбе с Павловыми.

Данное субъектно-объектное отношение аналогично тому, которое выражается постфиксом *-ся* в глаголах (*переписывается, дерётся, обливается и т.п.*), так называемого взаимовозвратного значения.

Группа собственно субъектно-объектных отношений: *(он) в надежде /на что-либо/, (он) в ожидании /кого/чего-либо/.*

Группа «ущербляющее воздействие со стороны активного участника отношений»: *(он) в подчинении /у кого-либо/, (он) в заговоре /против кого-либо/, (он) в оппозиции /по отношению к кому-либо/, (он) под подозрением /у кого-либо/, (он) в опале /у кого-либо/.*

Обнаруженные отношения заложены уже в семантической структуре мотивирующего имени существительного этих стативов и наследуются ими вместе с собственно лексическим значением. Поэтому данную группу стативов можно обозначить как особый лексико-грамматический разряд.

V. Категория вида

Обобщённое значение этой категории – способ протекания глагольного действия, в применении к стативам – способ протекания стативно-

го признака. Под способом протекания стативного признака можно понимать только фазы перехода по степени возрастания / убывания интенсивности его проявления. Возникает вопрос, являются ли разные фазы развития состояния одним и тем же состоянием, или разными, отдельными состояниями? В философском смысле, каждая фаза – отдельное состояние, то есть качественно иной способ проявления бытия субстанции. В языковом мышлении, вероятно, деление на разные состояния происходит менее строго, что проявляется в использовании одного статива в сочетании с разными служебными глаголами для обозначения смены фаз его развития, например: *(он) начинает приходить в состояние кризиса, (он) начал приходить в состояние кризиса, (он) приходит в состояние кризиса, (он) пришёл в состояние кризиса, (он) в состоянии кризиса, (он) начинает выходить из состояния кризиса, (он) начал выходить из состояния кризиса, (он) выходит из состояния кризиса, (он) вышел из состояния кризиса.*

Дополнительное препятствие в интерпретации этих форм как грамматических показателей протекания стативного признака – вариативность падежной формы мотивирующего имени (в данном примере – сложного по структуре, так называемого субстантивного синлекса²).

Но это обусловлено чисто формальным требованием именно этих падежей для согласования с грамматически ведущим компонентом, глаголами *приходить / выходить*, что никак не отражается на содержательной стороне стативной единицы в целом.

С учётом всех оговоренных выше уточнений всё-таки представляется возможным выделить группу предложных стативов, изменяющихся по степени проявления признака, выражающейся при помощи служебных глаголов и изменения падежной формой мотивирующего имени, особый ЛГР стативов.

Одно из основных значений совершенного вида, выделяемого рядом исследователей, – значение достижения предела в развитии признака. Это значение выражается двумя формами представленной выше парадигмы:

(он) пришёл в состояние кризиса; (он) в состоянии кризиса

Статив с нулевым формантом интересен тем, что в этой форме совмещаются значения совершенного вида и настоящего времени, несовместимые в рамках глагольной парадигмы. Различие между глаголом и

² Синлекс – парадигматизированная номинативная единица, отличающаяся от слова сложной, составной структурой, компоненты которой – бывшие самостоятельные слова, закрепленные в функции корневой или аффиксальной морфемы; синлексы, как и слова, относятся к той или иной части речи. Впервые описаны в [4, 2].

стативом заключается в том, что глагол обозначает признак, совершающийся или совершившийся, а статив – протекающий признак, и достижение предела касается не результата, логически завершающего развитие глагола, а фазы максимального проявления признака, которая может сохраняться неопределённо длительный период времени.

Стативы – продолжающая своё формирование часть речи, что проявляется в поиске оптимальных способов выражения грамматических значений, ни одно из них ещё не оформилось в строгую систему собственно грамматических формантов, однозначно противопоставляемых друг другу. На данном этапе можно отметить сложившиеся ФСК времени, наклонения и лица с грамматикализованными центрами. Значения залога и вида недостаточно актуальны для стативной семантики, поэтому ими охвачены только отдельные лексико-грамматические разряды стативов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бондарко А.В.* Функциональная грамматика. Л., 1988 С. 34 – 36.
2. *Вяничева Т.В.* Субстантив-субстантивная синлексика современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2000. 24 с.
3. *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1989. С. 105.
4. *Климовская Г.И.* Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка: Система. Границы. Функционирование. Томск, 1978. 200 с.
5. *Никуенко И.В.* Адъективные конверсивы в современном русском языке (на материале отыменных образований): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2003. 261 с.
6. *Циммерлинг А.В.* Древнеисландские предикативы и гипотеза о категории состояния // ВЯ. 1998. №1. С. 36-60.

МОДЕЛИ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С КАУЗАТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Е.С. Кузнецова

(Новосибирск)

В качестве основной синтаксической единицы мы, вслед за М.И. Черемисиной, рассматриваем элементарное простое предложение, записанное в виде модели при помощи условных символов. Планом выражения ЭПП является структурная схема, планом содержания – типовая пропозиция. В отличие от микроситуаций (или элементарных простых предложений), которые выражаются одной пропозицией, каузативная конструкция (далее – КК) представляет собой сложную ситуацию, или макроситуацию [1, с. 6].

Непосредственными составляющими КК являются по меньшей мере две микроситуации, связанные между собой отношениями каузации или причинения. Для обозначения составляющих макроситуации В.П. Недялковым и Г.Г. Сильническим вводится понятие ситуации как всего того, «что может быть выражено в языке предикативной формой» [Там же].

Из двух констант (ситуаций), составляющих КК, вторая играет более существенную роль, чем первая, так как каузируемое состояние является конечной целью КК, конечным состоянием «на выходе», представляющим обычно больший интерес для говорящего и слушающего. Каузирующее же состояние (которое можно было бы также назвать «способом действия агенса» или «средством каузации») представляет собой промежуточный фактор в причинно-следственной цепи, описываемой КК, и поэтому сравнительно редко выступает на первый план [Там же, с. 7].

Конкретное слово, выражающее отношения каузации, условно названо В. П. Недялковым и Г.Г. Сильническим *каузативной связкой*, которая связывает на референтном уровне две микроситуации.

Мы выделяем два типа каузативных связок:

1) каузативная связка, являющаяся по своей природе некаузативным

объединяются две типовые ситуации: основная (каузируемая) и несобственная, организующая модальную рамку со значением каузации.

Мы выделяем одну общую модель, по которой организуют КК не-каузативные и собственно каузативные предикаты:

$N_1^{Causator} V_f^{Caus} N_4^{Ob} N_3^{Ag}$. Типовое значение модели 'велеть кому-то сделать что-то'.

Семантические роли в модели следующие:

субъект ($N_1^{Causator}$) – каузатор – субъект каузирующей ситуации;

предикат (V_f^{Caus}) – каузативная связка;

объект N_4^{Ob} для данной модели применяется как условное обозначение. Под ним подразумевается несколько структурных единиц:

[чтобы ПЕ] – каузируемая ситуация, представленная в развернутом виде (как предикативная конструкция);

Inf – каузируемая ситуация, представленная в виде инфинитивной группы;

$N_4^{Propos} / N_4^{Конкр}$ – каузируемая ситуация, представленная в виде именной группы с пропозитивной или конкретной семантикой;

субъект (N_3^{Ag}) – субъект каузируемой ситуации.

Полную запись модели мы можем представить следующим образом:

$N_1^{Causator} V_f^{Caus} N_4^{Ob} [чтобы ПЕ] / Inf / N_4^{Propos} / N_4^{Конкр} N_3^{Ag}$.

В зависимости от типа каузативной связки в КК вторая пропозиция может быть представлена следующим образом:

– в виде ПЕ, вводимой союзом *чтобы*. В этом случае не происходит сворачивания пропозиции, она выражается ПЕ;

– в виде именной группы;

– в виде инфинитивной группы.

Каузативные конструкции с собственно каузативными глаголами

К собственно каузативным глаголам мы относим следующие: *велеть, заказать, запретить, назначать, позволять, поручать, предлагать, приказывать, прописывать, разрешать, рекомендовать, советовать*.

Все они могут организовывать КК с ПЕ, вводимой союзом *чтобы*, но происходит это довольно редко, возможно потому, что такая конструкция слишком громоздка: *Он велел мне, чтобы я помыл руки*. Обычно эти глаголы сворачивают пропозицию тем или иным способом. Мы делим глаголы на группы в зависимости от способа номинализации пропозиции.

Способ возможного сворачивания пропозиций тесно связан с лексическим значением глаголов. Мы выделяем три группы глаголов: глаголы первой группы содержат сему категорического приказа; второй – обозначают запрет или разрешение; третьей – некатегорический совет или пожелание.

1. Глаголы с семой категорического приказа. Такие глаголы сворачивают пропозицию только с помощью инфинитивной группы, реализуются во фразах, построенных по структурной схеме: $N_1^{Causator} V_f^{Caus} Inf N_3^{Ag}$:

велеть – твердо изъявить свою волю, потребовать [2, с. 72]; заставить кого-либо сделать что-либо [3, с. 611]: *И вот он велел своему знакомому обрызгать стены кабинета ядом.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита);

приказывать / приказать – твердо изъявить свою волю, потребовать [2, с. 592]; заставлять кого-либо сделать что-либо, отдав распоряжение, указание о выполнении чего-либо [3, с. 614]: *Ему прокуратор приказал сдать преступника начальнику тайной службы.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита).

2. Глаголы запрета или разрешения сворачивают пропозицию с помощью инфинитивной группы или существительного с пропозитивной семантикой: $N_1^{Causator} V_f^{Caus} Inf / N_4^{Propos} N_3^{Ag}$.

Обычно эти глаголы сворачивают пропозицию в инфинитивную группу, примеры с именной группой очень редки:

запрещать / запретить – не позволить что-нибудь сделать [2, с. 216]; не разрешать кому-либо делать что-либо [3, с. 634]: *Ведь Азazelло запретил ему лгать и хамить (ложь и хамство. – Е. К.) по телефону.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита);

позволять / позволить – дать возможность, допустить [2, с. 547]; давать кому-либо право на что-либо, согласие на совершение чего-либо [3, с. 634]: *Управления здесь не чувствуется, вокруг дикие колючие кусты, немая выгоревшая трава, и даже какая-то птишка позволяет себе чирикать* (Стругацкие А. и Б. Улитка на склоне); *Врач позволил тебе прогулки на свежем воздухе (гулять на свежем воздухе – чтобы ты гулял. – Е. К.);*

разрешать / разрешить – дать права на что-нибудь, согласиться на совершение чего-нибудь [2, с. 653]; позволять кому-либо что-либо сделать, давая право на что-либо, согласие на совершение чего-либо [3, с. 635]: *Она впервые разрешила своему подростку сыну присутствовать* (присутствие на обеде. – Е.К.) *на обеде.* (Зощенко М. Грубые ошибки).

Не всегда есть возможность заменить инфинитивную группу именной, так как не от всех глаголов могут быть образованы имена существительные: *И хоть он накрепко запретил жене даже к пасхе присылать подарки,* (Солженицын А. Один день Ивана Денисовича).

3. Глаголы с семой некатегорического совета или пожелания сворачивают пропозицию с помощью инфинитивной группы, существитель-

ного с пропозитивной семантикой или существительного с конкретной семантикой (*заказывать, назначать, поручать, предлагать, прописывать, рекомендовать, советовать*);

$N_1^{Causator} V_f^{Caus} Inf / N_4^{Propos} / N_4^{Конкр} N_3^{Ag}$.

Если при этих глаголах реализуется имя конкретной семантики, то необходимый предикат или пропозитивное имя, сворачивающие пропозицию и стоящее перед ним, опускается:

заказывать / заказать – поручить кому-нибудь изготовить, сделать что-нибудь [2, с. 206]; поручать кому-либо изготовить, исполнить, доставить что-либо, предъявляя определенные требования [3, с. 636]: *Для визитов Варвара заблаговременно заказала шляпу* (сшить шляпу. – Е. К.) *лучшей местной модистке.* (Сологуб Ф. Мелкий бес);

назначать / назначить – наметить, установить, определить [2, с. 382]: *Одиннадцать! И ровно час, как я дожидаясь вашего пробуждения, ибо вы назначили мне быть у вас в десять.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита); *Первый хирург, украинец, который назначил мне операцию* (проведение операции – провести операцию. – Е. К.) *и подготовил меня к ней, был взят на этап в самую ночь перед операцией.* (Солженицын А. Раковый корпус);

поручать / поручить – вверить, возложить на кого-либо исполнение чего-либо, заботу о ком-либо, чем-либо [2, с. 566]; вверить кому-либо исполнение чего-либо, вменив в обязанность [3, с. 637]: *И знаете ли вы, братя мои, кому поручил он устройство машины для вознесения гвоздя над алтарем?* (Мережковский М. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи); *И тогда, ожидая ареста, она поручила ему свою дочь* (присматривать за своей дочерью – присмотр за своей дочерью. – Е. К.). (А. Солженицын. Раковый корпус);

предлагать / предложить – потребовать, предписать что-нибудь сделать [2, с. 580]; сообщать кому-либо о своей готовности, желании предоставить что-либо, услужить каким-либо образом кому-либо [3, с. 362]: *Володин предложил еще попачкать стены.* (Сологуб Ф. Мелкий бес); *Скажем спасибо господину Паку, которому мы так любезно предложили участие в экспедиции.* (Стругацкие А. и Б. Град обреченный); *Он предлагал им на конной свою лошадь* (продать лошадь – продать лошадь. – Е. К.) *и пригласил их для переговоров на квартиру.* (Булгаков М. Комаровское дело);

прописывать / прописать – назначить лекарство, лечение больному [2, с. 617]; определять больному процедуры, лекарство, лечение [3, с. 343]: *Прописал врач больному нашатырю – анисовых капель* (принимать нашатырь – принятие нашатыря. – Е. К.), *принял за визит восемь гривен, покачал головой.* (Зощенко М. Святочная история);

рекомендовать – давать совет [2, с. 675]: *Газета рекомендовала колхозам центральных и черноземных районов нашей страны изучить этот опыт.* (Искандер Ф. Созвездие Козлотура); *Он, конечно, забыл, что рекомендовал ему эту книгу* (прочсть книгу – прочтение книги. – Е.К.) *учитель* (Стругацкие А. и Б. Полдень, XXII век);

советовать / посоветовать – давать совет [2, с. 741]; говорить что-либо, давая наставления, указания, советы, как поступить или как что-либо сделать [3, с. 365]: *Появляется куца куртка и советует профессору удалиться в какое-нибудь другое место.* (Булгаков М. Золотистый город); *Мне посоветовали множество лекарств* (принимать множество лекарств. – Е.К.), *но я по старинке придерживаюсь бабушкиных средств.* (Булгаков М. Мастер и Маргарита).

В этой группе глаголов *назначать* и *прописывать* предпочтительно сворачивают пропозицию до именной группы с конкретным значением, остальные глаголы – до группы инфинитива.

Каузативные конструкции с глаголами передачи материального объекта

Среди глаголов передачи материального объекта регулярно образуют КК следующие:

давать / дать – позволять: *Когда прибудем на «Техмасиб», дам тебе поцеловать ключ от стартера.* (Стругацкие А. и Б. Стажеры);

завещать – поручить, выразив предсмертную волю [2, с. 199]: *Академик завещал себя отпевать в Никольском соборе.* (Витицкий С. Поиск предназначения);

доверять / доверить – проявляя доверие, поручить [2, с. 170]: *Он доверил мне устроить судьбу своей дочери.*

В таком случае перечисленные глаголы становятся близки по семантике каузативным: *давать* ≈ *разрешать*, *доверять*, *завещать* ≈ *поручать*, *приказывать*.

Развернутая пропозиция, представленная в виде ПЕ с союзом *чтобы*, возможна только при глаголе *завещать*: *Он завещал тебе, чтобы ты заботился о его сыне.*

Все глаголы этой группы сворачивают (номинализируют) пропозицию тремя способами:

1) инфинитивной конструкцией: *Он не давал мне сказать ни слова.* (Стругацкие А. и Б. Хромая судьба);

2) с помощью имени существительного пропозициональной семантики: *Народ доверил заботу о своей судьбе мне!* (Стругацкие А. и Б. Град обреченный);

3) именем существительным со значением лица: *Ксению Георгиевну* (присматривать (присмотр) за Ксенией Георгиевной. – Е. К.) *его высочество доверил мне, и задача выглядела непростой* (Б. Акунин. Коронация); *Ельчанская как бы завещала вам свою дочь* (ухаживать (уход) за своей дочерью. – Е.К.) (Солженицын А. Раковый корпус).

Каузативные конструкции с глаголами передачи информации

Среди глаголов передачи информации (далее – ГПИ) КК образуют глаголы *сказать, крикнуть, шептать*. При них обычно реализуется ПЕ с союзом *чтобы*: *Он хотел им крикнуть, чтобы они напали на нее* (Ме-режковский Д. Воскресшие боги. Леонардо да Винчи); *Он сказал мне, чтобы я не задерживался, а сам вернулся к «Мальчику» взять новый...* (Стругацкие А. и Б. Страна багровых туч).

Также при этих глаголах возможно сворачивание пропозиции в инфинитивную группу: *Он сказал мне сходить в магазин*. В таком случае перечисленные глаголы являются синонимами каузативных *приказать, советовать* и используются обычно в разговорной речи.

В таблице представлены глаголы, выступающие в роли каузативных связок, и единицы, посредством которых они сворачивают основные пропозиции.

Каузативные связки и способы сворачивания ими основной пропозиции

Чтобы + ПЕ	Inf	N _г ^{проба}	N _г ^{каузат}
<i>Каузативные глаголы</i>			
<i>велеть приказывать запретить разрешать позволять назначать поручать предлагать прописывать рекомендовать советовать заказывать</i>	<i>велеть приказывать запретить разрешать позволять назначать поручать предлагать прописывать рекомендовать советовать заказывать</i>	<i>запретить разрешать позволять назначать поручать предлагать прописывать рекомендовать советовать заказывать</i>	<i>назначать поручать предлагать прописывать рекомендовать советовать заказывать</i>
<i>Некаузативные глаголы</i>			
<i>завещать сказать крикнуть шепнуть</i>	<i>завещать доверять давать сказать крикнуть</i>	<i>завещать доверять давать</i>	<i>завещать доверять</i>

ЛИТЕРАТУРА

1. Недялков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология каузативных конструкций // Типология каузативных конструкций (морфологический каузатив). Л.: Наука, 1969. С. 5–20.

2. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка: 70 тыс. слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 2000.

3. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999.

УТРАТА ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА И ЕЁ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ЛЕКСИЧЕСКИМИ ПРЕОБРАЗОВАНИЯМИ В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ

И.А. Кунгушева
(Томск)

В лексической системе языка, имеющей многообразные пути развития, одним из основных видов изменений является утрата лексических единиц и отдельных значений слов. Это происходит, как известно, в связи с изменениями социального строя, материальной и духовной культуры – науки, техники, искусства, с изменениями общественного сознания. Подобные процессы не могут не влиять на «внутреннюю» жизнь словесного знака, в частности на состояние внутренней формы в тех или иных лексических единицах.

1. В среде учёных, занимающихся проблемами мотивированности слова, общепризнанным является утверждение, что внутренняя форма слова (ВФС) прекращает своё существование в том случае, если происходит архаизация и последующее исчезновение из языка единиц, этимологически связанных с данным словом. Как правило, это выпадение из системы языка производящего (мотивирующего) слова. Отсутствие в современном языке мотиватора и определяет возникновение демотивации (ДМ) и дестимологизации (ДЭ) слова. Данный процесс является, пожалуй, основной причиной появления демотивированных единиц в русском языке.

Так, слово *клещи* представляется сегодня немотивированным в связи с исчезновением мотивирующего глагола *клетить* «сжимать, стискивать». По той же причине оказались демотивированными существительные: *басня* – от *баять* «рассказывать»; *бондарь* – от *бонда* «бочка»; *бублик* – от *буба* «нечто круглое, шарик»; *бык* – от *бучать* «издавать характерный звук»; *вереница* – от *веренить* «тянуть» (из *верень* «вязка»); *втулка* – от *втулить* «спрятать, закрыть»; *выхухоль* – *хухать* «вожать»; *гнёт* – от *гнести* «давить»; *грач* – от *гракать* «каркать»; *дерюга* – от *дерь* «ветошь, дрань»; *запястье* – от *пясть* «ладонь с пальцами»; *захолустье* – от *халуга* «тын, изгородь»; *здание* – от *зда* «глина»; *изгой* – от *изгойти* «изжить»; *исполин* – от *спол* «название древнего народа»; *карактица* – от *короката* «ногастая»; *кисть* – от *кыта* «пучок, ветвь»; *наука* – от *ука* «учение»; *недуг* – от *дуг* «сила, здоровье»; *обаяние* – от *баять* «говорить, рассказывать»; *обморок* – от *морок* «темнота, помрачение»; *окорок* – от *корок* «нога»; *отрок* – от *ректи* «говорить»; *папоротник* – от *папороть* «поросль, заросль»; *перепонка* – от *перепати*

«перетянуть»; *плесень* – от *пелесый* «сероватый»; *попынь* – от *попеть* «гореть»; *портной* – от *порт* «кусоч ткани»; *прачка* – от *прач* «валик для стирки белья»; *пращур* – от *щур* «связанный, соединённый»; *приятель* – от *приятя* «заботиться, любить»; *прохиндей* – от *хинь* «срунда, чушь»; *пружина* – от *пруга* «зажим»; *разгильдяй* – от *гиль* «смута, буйство»; *разлука* – от *лучить* «связывать»; *распри* – от *пря* «спор»; *ребёнок* – от *робя* «дитя»; *репей* – от *реп* «тычинка, кол»; *решето* – от *рех* «отверстие, дыра»; *рогожа* – от *рогоз* «тростник, камыш»; *рюмка* – от *ромиска* «римская чара»; *сдоба* – от *доба* «нечто подходящее, хорошее»; *сирота* – от *сир* «одинокий, безродный»; *скорняк* – от *скорня* «изделие из кожи, меха»; *скряга* – от *скра* «камень»; *слякоть* – от *сляка* «слизь, слеза»; *соловей* – от *соловый* «серый»; *стачка* – от *стакать* «договориться, условиться»; *степь* – от *тети, тепу* «бить»; *стужа* – от *студ* «холод»; *суета* – от *сue* «напрасно»; *суматоха* – от *суматошить* «путать, смущать»; *трудо́ба* – от *трус* «хворост, хруст»; *туловище* – от *туло* «трубка, колчан»; *туша* – от *тутя* «жиреть»; *ухаб* – от *хабить* «портить»; *хижина* – от *хыза* «дом»; *хобот* – от *хабить* «хватать, хватать»; *шалаш* – от *шалый* «глупый, дурной»; *щавель* – от *щавный* «кислый» и др.

2. Затемнению ВФС может способствовать переход лексических единиц из активного словарного запаса в пассивный. К пассивному словарю относятся словесные знаки, ещё известные носителям языка, но уже малоупотребительные, устаревшие и устаревающие. Устаревание лексических единиц происходит под влиянием экстралингвистических факторов, в частности связано с исчезновением обозначаемого явления или предмета. Историзмы как элементы периферии словарного состава современного русского языка выходят из активного употребления и не используются для номинации новых реалий, но в силу существенности обозначаемых ими исторических понятий не выпадают из языка и хранятся в памяти говорящих. Таким образом, деактуализация тех или иных понятий, минимальное использование устаревших единиц в процессах коммуникации и их обособленность в системе языка (т.е. ослабление и утрата связей с однокоренными словами, сужение круга лексической сочетаемости и др.) обуславливают возникновение процесса лексической ДМ.

Демотивация, вызванная причинами такого характера, наблюдается в словах *барин* (из *боярин*), *барышня* (из *боярышня*), *государь* (из *господарь*, образованного от сущ. *господь*), *сударь* (из *государь*), *челядь* (от *человек*, имевшем старшее значение «прислуга»). Затемнение «внутреннего образа» данных слов возникает в связи с тем, что в современном обществе не выделяются названные сословия людей.

По причине исчезновения из жизни понятий, названных словами, происходит утрата их мотивационных связей: *барщина* «вид налога, когда крестьяне работали на барина» – от сущ. *барин*; *бирюлька* «маленькая деревянная палочка для игры, суть которой заключается в вытаскивании этой палочкой мелких предметов, собранных в кучу» – от гл. *брать*; *оброк* «вид налога, при котором часть дохода крестьяне отдавали барину» – от гл. *ректи*, т.е. договориться, обречь себя на плату налога; *пошлина* «налог, который платили, посылали по заведённому обычаю» – от гл. *послать*; *челобитная* «грамота царю с какой-либо жалобой, просьбой, при которой как бы бьют челом, т.е. низко кланяются» – от словосочетания *бить челом* «лбом».

Научно-технический прогресс изменил род занятий людей и их трудовую деятельность, отсюда исчезают, например, некоторые виды ремесленных и других профессий и всё, что с ними связано. Так, устаревают понятия *бондарь* «человек, делающий бочки, бонды»; *бурлак* «член артели, занимающейся проводкой на бечеве судов» – от *бурлан* «беспокойный человек, задира» (бурлаки нередко вели разгульную, пьяную жизнь); *гончар* «мастер изготовления посуды из глины» – от *горнец* «горшок»; *зодчий* «человек, строящий здания, создающий что-либо из глины» – от *зда* «глина»; *воевода* «возглавляющий войско, букв. ведущий на войну»; *канонир* «человек, который осуществляет пушечные залпы» – от сущ. *канонада*. Подобные слова как бы перестают быть нужными и теряют для нового поколения свою понятность, чем и обусловлено «обесцвечивание» их ВФ.

Затухание мотивационных отношений связано с тем, что некоторые лексические единицы ещё не перешли в разряд историзмов, но уже находятся на грани активного и пассивного словаря. Это слова, называющие предметы и явления недалёкого исторического прошлого, окончательно не перешедшие в пассивный словарь, но проявляющие тенденцию к устареванию и в связи с этим к утрате ВФС. Чаще всего к ним относится этнографическая лексика: *балалайка, борона, веретено, гусли, кокошник, коромысло, корыто, лапти, посох, соха* и т.п. Причины этого лежат в сужении сферы использования данной лексики, она ограничивается в основном областью крестьянского быта. Сущ. типа *горница, гумно, кадка, крынка, лукошко, онуча, портянка, сени, станица, телега, узда, хомут* и др. широко употребимы жителями сельской местности, можно даже заметить, что данные слова ограничены использованием круга лиц старшего поколения, т.е. пассивность функционирования данных единиц в какой-то мере зависит от социальной дифференциации языка. Всё это не может не оказывать своего воздействия на состояние мотивированности в такого рода словах.

3. Процесс лексической ДМ предопределяет территориальная ограниченность в употреблении мотиватора, под которой понимается принадлежность мотивирующего слова к словарному составу диалекта. Опора мотивологов и этимологов на факты диалектов позволяет реконструировать первичную структуру слова и объяснить современное состояние многих лексических единиц. «Материал диалектов – это неисчерпаемая сокровищница, в которой хранятся поистине бесчисленные архаические слова и формы, давно уже утраченные в литературном языке» [2, с. 108]. Несколько иллюстраций. Сущ. *багульник* – от диал. *багно* «болото»; *бугор* происходит от диал. *бгать* «сгибать», *бугор* букв. «сгиб»; *бульжник* – от диал. *булыга* «глыба, камень»; *бу-туз* – от диал. *бутеть* «толстеть»; *буханка* – от диал. *бухонить* «набухать, делаться пышным»; *гайка* – от диал. *гаити* «закрывать, задерживать»; *гурьба* – от диал. *гурать* «ходить»; *докука* – от диал. *кукать* «подавать голос, ворчать»; *доспехи* – от диал. *доспеть* «сделать, приготовить»; *егоза* – от диал. *ягать* «бушевать, вздорить»; *жгут* – от диал. *жигать* «бить»; *зазноба* – от диал. *знобить* «лихорадить, беспокоиться»; *замухрышка* – от диал. *мухрый* «невзрачный, плохой»; *жабры* – от диал. *жабать* «жрать, глотать»; *кляча* – от диал. *клякать* «падать на колени, шататься»; *колыбель* – от диал. *колыбат* «колыхать, качать»; *кукиш* – от диал. *кука* «кулак, шишка»; *мозоль* – от диал. *мосолить* «тереть, жать»; *набалдашник* – от *балдак* «трость, палка»; *нахал* – от диал. *хал* «бесценок» (ср. *холуй, халда, охальник, шалый*); *недотёпа* – от диал. *тепсти* «тянуть, тащить»; *неряха* – от диал. *ряха* «щеголиха, нарядная»; *оглобля* – от диал. *глоба* «длинная палка»; *хомут* – от диал. *скомить* «сжимать, стягивать»; *чирей* – от диал. *щир* «покраснение»; *шут* – от диал. *шутый* «лишённый чего-либо: безрогий, безухий, затем осмеянный» и др.

Во всех перечисленных примерах исторический корень продолжает жить в современном литературном языке и в говорах, однако анализируемые существительные уже не соотносятся с ним.

4. Разрушение мотивационных связей между словами может быть вызвано стилистической ограниченностью в употреблении мотивата или мотиватора.

Так, принадлежность слова к высокому стилю, использование его по большей части в книжной, письменной речи можно назвать причиной ДМ следующих лексических единиц: *бытие* «существование» – от гл. *быть*; *верста* «мера длины» – от гл. *вертеть*; *веха* «этап в развитии чего-либо» – от гл. *вить*; *жрец* «в язычестве священнослужитель» – от сущ. *жертва*; *забвение* «отсутствие памяти» – от гл. *забыть*; *нега* «истомы» – от прил. *нежный*; *нива* «поле» – от низ, *низина*; *обет* «клятва» – от гл. *обещать*; *обитель* «дом, кров» – от гл. *обитать*; *оплот* «опора» –

от гл. *оплести* (старшее значение «плетень, забор»); *паломник* «странствующий по святым местам» – от сущ. *пальма* (паломники возвращались с пальмовыми ветками); *паперть* «крыльцо перед входом в церковь» – от гл. *переть*, где *перть* «дверь» (ср. *запереть*, *отпереть*); *пророк* «предсказывающий будущее» – от *речь*; *пучина* «водяная глубина» – от гл. *пучить* «вздымать»; *склеп* «закрытое подземное сооружение, в котором находятся гробы» – от гл. *клепать* «скреплять»; *снедь* «еда» – от гл. *съесть*; *стан* («осанка») – от гл. *стать*, *стоять*; *стезя* «путь» – от гл. *достигать* (ср. *стёжка*); *чета* «супружеская пара» – от прил. *чётный* (ср. *считать*) и т.п.

Лексика сниженного употребления, носящая грубый, бранный характер, также ограничена сферой своего употребления. Она характеризуется использованием лицами определённого круга, что затрудняет выявление в ней свойства мотивированности обычными носителями языка. Примерами могут служить слова: *дерьмо* «дрянь, кал» – от гл. *драть*; *наскуда* «подлец» – от *скудный*, т.е. обеднённый морально; *ублюдок* «негодяй» – от *блуд*, *блудить* «вести беспорядочную жизнь» и др.

Стирание ВФС зависит от стилистической дифференциации мотивирующего слова. Многие лексические единицы образованы от существительных, используемых сегодня исключительно в книжной речи, в языке литературно-художественного стиля, отличающихся торжественностью звучания, поэтическим слогом. В связи с этим наблюдаем ДМ в словах: *возмездие* – от *мзда* «отплата»; *завет*, *навет*, *ответ*, *привет* – от *вещать* «говорить»; *наперсник* – от *перси* «грудь»; *окно* – от *око* «глаз»; *напёрсток*, *перстень*, *перчатки* – от *перст* «палец»; *сени* – от *сень* «тень»; *смородина* – от *смад* «сильный запах»; *соратник* – от *рать* «войско»; *устье* – от *уста*; *чародей* – от *чары* «колдовство»; *чёлка* – от *чело* «лоб»; *челюсть* – от *уста* «губы».

Сущ. *жулик*, напротив, испытало ДМ по причине ограниченности употребления мотиватора рамками блатного аргю. Данное слово образовано от неизвестного в литературном языке сущ. *жул* «нож», затем появилась его уменьшительная форма *жулик* «маленький нож, который легко прятать». Под влиянием этого значения возникло значение «мелкий вор, злоумышленник».

5. На возникновение ДМ может влиять такой лексический процесс, как контаминация. При контаминации, как известно, «слова, близкие по фонетическому облику и имеющие некоторое сходство в значениях, сливаются в одно, впоследствии развивая новые значения на основе общей семантики» [1, с. 121]. В результате действия данного процесса слова, приспособляясь друг к другу, видоизменяют свой внешний вид, что вызывает забвение исходного мотивационного значения слов и, как

следствие, их внутренней формы. В качестве примера приведём сущ. *скорлупа*. Этимологи объясняют его происхождение следующим образом: слово восходит к несохранившемуся *скорупа* (от *скора* «кора, шкура»), испытывавшему влияние гл. *лупить* «лущить, чистить (о плодах)». Следовательно, сущ. *скорупа* в силу исчезновения из языка слова *скора* теряет свою ВФ, но носители языка, испытывая потребность переосмыслить ставшую незнакомой лексему, сделать её более понятной, стараются вернуть слову утраченную мотивированность путём объяснения его глаголом *лупить* (*скорлупа* букв. «оболочка чего-либо, которую необходимо счищать, лущить»). Явный случай контаминационного переосмысления наблюдаем в слове *латиа*, восходящему к более древнему *локша* (от *лакать* «хлебать»). Фонетический облик слова изменён под влиянием близкого по значению и сходно звучащего более экспрессивного глагола *лопать* «есть». В силу этого невозможно восстановить его былые мотивационные связи.

Другие примеры подобного семантического и формального симбиоза, ставшего причиной возникновения демотивационных отношений:

Бечева – из *бетева* «основная верёвка при тяге судов» (от *бетъ* «доска на палубных судах, через которую проходит мачта»). Происходит скрещение с сущ. *бич*, откуда гл. *бичевать*.

Кочерга – из *кочерка* «коряга». Результат контаминации диал. сущ. *кочера* «дерево с корнем» и *клюка* «кривая палка».

Плющ – видоизменение более древнего сущ. *блющ*, восходящего к гл. *блюти* (ср. *блюю*, *блевать*), под влиянием гл. *плюю*, *плевать*. Растение названо по его ядовитым ягодам, вызывающим рвоту.

Слюна – первонач. *слина* (от *слизь*). Оказывает воздействие гл. *плюю*, *плевать*.

Итак, явление утраты ВФС обусловлено противоречиями внутри системы языка, тесно связанными с изменениями во внеязыковой действительности (развитием материальной культуры народа, изменением идеологии, социальных отношений в обществе, процессом углубляющегося познания мира и научно-техническим прогрессом), что, в первую очередь, сказывается на лексической системе языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова О.Д. Лексико-семантические процессы в говорах // Исследования по исторической семантике. Калининград: КГУ, 1980. С. 117 – 125.
2. Откупщиков Ю.К. К истокам слова. М.: Просвещение, 1986. 176 с.

ДИАЛЕКТНАЯ КАРТИНА МИРА: ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Н.В. Курикова (Иванова)

(Томск)

Выявление и описание фрагмента диалектной картины мира народа является значимым в культурологическом отношении, поскольку она репрезентирует один из национальных культурных стратов – традиционную народную культуру (Толстой Н.И., цит. по [1, с. 14]). Путь к постижению национальной ментальности проходит через изучение способов концептуализации мира, материальным воплощением которых выступают различные языковые сущности. В них формируется система норм, правил, установок, оценок, отражается культура народа, его бытие, мировидение и миропонимание [2, с. 57].

Основной вектор исследования диалектной картины мира, в частности, может быть задан актуализацией традиционных культурных ценностей сквозь призму человеческого сознания, интерпретирующего окружающую действительность. Ценностная картина мира антропоцентрична по своей природе: мир нейтрален, и только присутствие человека определяет положительные или отрицательные стороны этого мира. Ценности служат человеку ориентиром в осмыслении, оценке своей и чужой жизни в разные отрезки времени.

Цель данной статьи – выявить фрагмент языковой (диалектной) картины мира, отражающей базовые (культурные, нравственно-философские) ценностные ориентиры диалектоносителей через специфику осмысления ими прошлого и настоящего. Для достижения этой цели необходимо выявить критерии, релевантные для сравнения прошлого и настоящего в рассказах диалектоносителей, и определить модальную рамку диалектных высказываний, сопоставляющих прошлое и настоящее.

Материалом анализа послужили диалектные высказывания, в которых актуализированы лексемы «раньше» и «сейчас», имеющие дейктические характеристики. Данные высказывания содержат специфическую, зависящую от говорящего прагматическую информацию. В этом случае можно говорить о том, что ситуация говорящего составляет центр ориентации всего сообщения. Точка зрения говорящего, его отношение к сообщаемому получает определенное языковое выражение, которое репрезентируется как в семантике, так и в структуре названных высказываний.

Высказывания этого типа двукомпонентны, их первый компонент содержит лексему «раньше», а второй – лексему «сейчас» после сопоставительного союза А: *Раньше такого не было, раньше так не танцевали, а сейчас все это по-своему*. Оба компонента высказывания предикативны. Предикативные компоненты могут занимать различное положение по отношению друг к другу: *Мне кажется, сейчас много плоше и скучно, как раньше весело было и Раньше в городки, бабки игравали, сейчас в футбол больше играют, на лисонетах катаются*. Схематично структуру высказывания можно представить так: «Раньше X, а сейчас Y» или «Сейчас Y, (а) раньше X, где X и Y составляют референционное содержание высказывания [3]. Передача сопоставительного значения осуществляется посредством союза А, но его отсутствие не лишает высказывание этого значения, т.к. наречия «раньше», «сейчас», будучи по своему лексическому значению полярными, в рамках одного высказывания сопоставляются и противопоставляются. Один из компонентов может быть не выраженным в структуре высказывания, но подразумеваемым, прогнозируемым, в таком случае имеет место быть нулевая оппозиция: *Раньше ниче не делали, ни абортвов, никого; Раньше жили в обиде и не расходились; А сейчас, видите, подолгу дружат, а живут-то редко*.

Данные лексемы в рассматриваемых высказываниях реализуют одно из своих основных значений (раньше – «прежнее время, в прошлом», сейчас – «в настоящее время, теперь») [4], характеризуют содержание высказывания с точки зрения его временной соотносительности. В качестве их эквивалентов в структуре высказывания могут выступать синонимичные им слова и сочетания различной системной соотносительности (собственно диалектное (Д), диалектный вариант просторечного слова (ДП), диалектный вариант общерусского слова (ДО), просторечный вариант общерусского слова (ПО), общерусское (О)): «теперь» (О), «теперика», «теперька», «топерика», «топерь» (ДО), «теперича», «топерича» (ДП); «сечас», «счас» (ПО), «сейчасный», «сейчасочный», «сейчасный» (Д) = сейчас; «ране» (ПО), «ранешный» (Д), «при моем веку» = раньше.

Лексема «раньше» и ее эквиваленты указывают на отнесенность содержания соответствующего компонента высказывания во временной план прошлого, а лексема «сейчас» и ее эквиваленты определяют отнесенность содержания другого компонента высказывания во временной план настоящего. Темпоральный диктум осложнен аксиологическим модусом.

Антиномия «раньше – сейчас» неизбежно возникает в рассказах-воспоминаниях о былом, которые относятся к монологическому жанру нарративного типа [1, с. 40]. Речевой жанр «Воспоминание» как верба-

лизация прошлого опыта составляет один из важнейших компонентов диалектного речевого общения, является средством сохранения и передачи наиболее значимой в когнитивном, культурном, эстетическом, социальном отношении информации [5, с. 101].

Высказывания со словами «раньше» и «сейчас» в указанных значениях выполняют различные функции в пределах жанра «рассказ-воспоминание»: собственно коммуникативную и коммуникативно-оценочную [3]. Собственно коммуникативную функцию выполняют высказывания, в которых сообщается о фактах реальной жизни, имевших место в прошлом и архаичных для настоящего времени или имеющих место в настоящем, но отсутствовавших в прошлом. Например:

Раньше мясо делали, никаких холодильников не было; *Теперь* говорят «удобрять», а *раньше* «назымить»; *Теперь* регистрируются, а *раньше* венцы надевали; *Раньше* холода-то не таки были; *Лягушки*, они и *сейчас* есть, только *раньше* они были крупные и др.

Коммуникативно-оценочные высказывания включают в себя модальную часть, выражающую отношение автора к сообщаемому. Именно через эти высказывания оказывается представленной система ценностей и оценок, характерная для традиционной народной культуры.

Какие же значимые характеристики действительности для оценки прошлого и настоящего представлены в речи диалектоносителей? Было проанализировано около 400 текстов, в настоящем сообщении представим лишь наиболее частотные темы организованных высказываний.

Разнообразие, качество жизни (28)

Раньше и черники было, и земляники полно; *Раньше* же репу сеяли много. Это ж *теперь* ниче не стало; *Лягушки*, они *сейчас* есть, только *раньше* они были крупные; *Раньше* холода-то не таки были; *Река раньше* широкая была, *сейчас* не такая.

Культура, традиции, память (25)

Раньше в церквах регистрировали (о браках); *Раньше* это было, так в обычае; *Раньше* нам нечего было надеть, но никто в чунях танцевать не ходил. Хоть в тапках, но придут; *Девушки* одне в бане, идевали *девушки* невесту. Все это *раньше* старина была.

Труд, отношение к труду (18)

Раньше работали сильно; Колхоз был богатый, лентяев-то *раньше* меньше было; *Раньше-то* как жили? Хлеб сеяли; А *раньше*, знаете, как работали: и день и ночь оставайся.

Веселье, развлечения (17)

Ну, *раньше* весело было здесь, хорошо было; *Нету теперь* такого веселого денечка, как *раньше*; *Раньше* весело было, все пляшут, поют; Да, *раньше* хорошо пели.

Брак, семья, любовь (15)

*Раньше позор, если не венчаться; Раньше жили в обиде и не расходились; **Щас** не спрашивают мать – отца, ково захочут, тово и приведут, а раньше выбирали, породу-то все поддержит; Любви-то шибко не было, как сейчас, **счас** тоже надружатся...*

Мораль, нравственность (14)

*А раньше-то люди были выдержаннее, как-то спокойнее; Раньше народ лучше был, **щас** совсем никудышний стал. Раньше старых вон как уважали; А раньше убивали за измену; Раньше убивали за грабеж; Раньше попробуй, уташии.*

Пьянство (13)

*Пьяниц мало раньше было; Раньше-то так не пили, только по праздникам, а **щас**, что ни коснись, все – бутылка; Сейчас-то все пьют.*

Качество продуктов, товаров (13)

А сичас она [рыба], хотя живая, но стала невкусная; А счасошний квас из сухарей и хлеба, так не то; А сичас чо: хлеб вытацтишь – ничем не пахнет. А тада, знаешь, запах какой? Раньше хороши литовки были.

Чистота окружающей среды, экология (12)

А ссяс никакой дичи нет, потравили всё; Счас што едим – всю грязь, заразу; Пойдет она, ягодка, чистенька, пожалуйста! А теперь тоска – бурьян.

Нравы и воспитание молодого поколения (10)

*Раньше все на виду. Пойди бы девка с парнем. Что ты! Счас молодежь така пошла. От родителей ничему учиться не хотят, один ветер в голове; **Щас** кака-то молодежь пошла безразличная.*

Так, в приведенных высказываниях эксплицируются этические, духовные, культурные представления об идеальном мире говорящих на диалектном языке, идеальный мир – это прошлый мир с «правильным» порядком жизни – «Сичас-то всё по-ненормальному». Высказывания о жизненных нормах осложнены деонтической модальностью: например, в высказывании «Раньше дружно жили, одной семьей, а сейчас отдельная квартира, а мира нету» 1-й компонент («раньше Х») и 2-й компонент («а сейчас У») обладают полярной оценочностью: содержание 1-го компонента сопровождается положительной оценкой – «это хорошо, «это вызывает одобрение»; «так должно быть», содержание 2-го компонента – модусами «это плохо», «это неодобрительно», «так не должно быть». Иначе говоря, лексемы–маркеры «раньше» и «сейчас» способны указывать на оценку деонтического характера: «раньше Х» = и это хорошо, так должно быть, а «сейчас У» = и это плохо, так не должно быть.

Анализ диалектных высказываний показал, что говорящими противопоставляется прошлое и настоящее, и эта временная дихотомия, представленная в высказывании словами «раньше», «сейчас», содержит народные представления о жизненных установках человека, его бытовых предпочтениях, о нравственных устоях общества: умение хорошо трудиться и, соответственно, хорошо отдыхать, не воровать, не предавать, относиться к людям с уважением, к природе бережно, не забывать и соблюдать обычаи, традиции предков и т.д.

Прошлое в определенной степени идеализируется, приукрашивается, настоящее же как неоправданное ожидание, несбывшаяся мечта. Содержание высказываний о прошлом находится в поле положительной модальности потому, что «раньше» указывает на молодость, здоровье говорящего, на его надежды на радужное будущее [4], кроме того, здесь реализуется один из семиотических принципов – деление мира на «свой» и «чужой», которое получает интерпретацию в основном противопоставлении аксиологического, ценностного плана – в виде оппозиции «хороший – плохой», – с резко отрицательной оценкой всего того, что принадлежит чужому миру. Новое, ориентированное на зону «сейчас», тот момент, в котором находится следящий за состоянием мира наблюдатель, является непознанным и поэтому чужим (=плохим) для него.

Таким образом, интерпретация высказываний со словами-маркерами «раньше» и «сейчас», характеризующих и оценивающих прошлое и настоящее народа, реконструирует фрагмент диалектной картины мира, который репрезентирует представления диалектоносителей об идеальном мироустройстве: создается образ должных социальных, нравственных, этических, экологических и др. отношений, локализующихся, по народному представлению, в умозрительном пространстве прошлого («раньше») и не обнаруживающихся в зоне «сейчас».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
2. *Гынгазова Л.Г.* Кодекс речевого поведения в пословицах и поговорках В.И. Даля // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: Материалы Духовно-исторических чтений. Томск: Изд-во ТПУ, 2000.
3. *Оглезнева Е.А.* Диалектные высказывания с ключевыми словами «раньше» и «сейчас»: лингвокультурологический анализ (в печати).

МЕТАФОРА В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Н. ГУМИЛЕВА

И.Б. Леонова
(Томск)

Анализ функционирования в художественном тексте отдельных его элементов имеет прочную традицию в коммуникативной лингвистике и остается актуальным в связи с изучением идиостиля писателя и предполагает выявление предпочтения автором тех или иных средств и приемов, специфики их функционирования в его произведениях. Нашей задачей является анализ семантики и функционирования метафор в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева в качестве средства регулятивности, обеспечивающего интерпретационные возможности текстовых микро- и макроструктур. Интерес к метафоре в творчестве Н. Гумилева обусловлен значительной употребительностью этого приема и активностью как средства образной конкретизации, разнообразием метафорических структур и способов их включения в контекст.

"Наблюдения над функционированием компаративных тропов в лирике Н. Гумилева показали, что "яркими" регулятивами являются метафоры..., которые основаны на сопоставлении в качестве их субъекта и объекта уподобления реалий, имеющих общеизвестную или легко узнаваемую общность признаков – похожесть формы, цвета, функции, состояний, действий и др. Общность познавательного опыта автора и читателя служит при этом основой гармоничности их общения" [1, с. 101].

Например, в стихотворении "Сады души" Н. Гумилев определяет сущность своего внутреннего мира, своего душевного состояния через реалию земного мира – сад, используя яркий метафорический образ "сады души":

*Сады моей души всегда узорны
В них ветры так свежи и тиховейны,
В них золотой песок и мрамор черный,
Глубокие прозрачные бассейны.*

Сад 1. Участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами; сами растущие здесь деревья, растения. [Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. ТСРЯ. 1994. С. 681]. В контексте слово "сад" обозначает "некое пространство", отличающееся красотой, где все ярко и красиво. Красивый ухоженный сад в сознании человека всегда ассоциируется со спокойствием и благополучием. Так, у Н. Гумилева метафора "сады моей души"

передает всю красоту внутреннего мира и живописность фантазий поэта в момент творения.

Развитие метафорического значения в данном случае отражает путь осмысления от денотативного уровня (семы "растительность, цветение в саду") к обобщенно-сигнификативному (семы "красота, разнообразие внутреннего мира"), от конкретности к абстрактности, что определяет глубину интерпретаций метафоры.

Сад и душа сопоставляются по следующим признакам: состояние и функции двух объектов. Узнаваемость сходства реалий определяет предсказуемость интерпретации содержания метафоры. Таким образом, необычность сравнения внутреннего мира человека и цветущего сада в тексте привлекает внимание читателя и вызывает наибольший коммуникативный эффект.

Большая часть метафорической системы Н. Гумилева строится на базе скрытого сравнения реалий, одна из которых принадлежит миру идей, другая – миру вещей: душа – "сад", "пленница"; жизнь – "подруга", "театр"; мир – "коврик под ногами"; любовь – "Ерусалим пилигримов" и т.д. Метафоричность поэтического мышления Н. Гумилева проявляется в сложном сплетении реалий и ирреалий:

*Все мы смешные актеры
В театре Господа Бога ... ("Театр");
Видишь вокзал, на котором можно
В Индию духа купить билет ... ("Заблудившийся трамвай");
Острый хребет его крут,
Вдох его – огненный смерч.
Люди его назовут
Сумрачным именем "Смерть". ("В пути").*

Акмеистам свойственно отождествление идеальных понятий с материальными, отсюда такое разнообразие онтологических метафор в поэзии Н. Гумилева. Онтологические метафоры трактуют события, эмоции, идеи и т.п. как предметы и вещи. Основанием образования метафор данного типа является человеческий опыт, связанный с физическими объектами. Художник слова накладывает искусственные границы на физические явления, приписывая им свойства, присущие идеальному миру, миру человеческих чувств и идей.

При олицетворении и овеществлении определенных чувств, состояний возникает особенность функционирования метафоры как средства регулятивности: с одной стороны, появляется зрительный конкретный образ, который делает доступным для восприятия и понимания скрытый мир духовный, с другой стороны, уникальность авторских ассоциаций порождает приблизительность и разнообразие интерпретаций. Например, интерпретационные возможности метафоры "сады души" ("Сады

моей души всегда узорны") многообразны: 1) позитивность психического состояния субъекта – приятные переживания и чувства; 2) качественная характеристика внутреннего мира человека – разнообразие восприятия окружающего мира, богатство духовного мира, мечты, фантазии, возвышенные идеи.

Метафорический перенос представляется традиционно в лингвистике как трехчленная смысловая структура: исходное слово, результирующее слово и промежуточное понятие, общее для двух первых. При метафоризации промежуточным понятием может быть не только конкретный признак, общий для двух сравниваемых объектов, но и ассоциация, трудно определяемая, так как "метафора зарождается на базе расплывчатых понятий, которыми оперирует человеческое познание" [2, с. 28].

По мнению Н.Д. Арутюновой, "метафора – это образ, сформированный относительно одного класса объектов, к другому классу..." [3, с. 126]. Понимание ассоциативной связи двух объектов информации в метафорическом единстве – процесс многоступенчатый и сложный. Индивидуальность ассоциаций связана с тем объектом, информация о котором актуализируется при наблюдении метафоризируемого объекта. Актуализация опирается на сходность переживаний при восприятии объекта №1 и объекта №2. Информация поступает из двух источников: 1) обобщенного социумом знания рационализированного (в результате образуется "система общепринятых ассоциаций" [4, с. 164]; 2) индивидуального опыта читателя: индивидуальный случай запечатлевается в памяти как оставивший острое ощущение ("система индивидуальных ассоциаций") [4, с. 164].

Психическим основанием метафоры является ассоциация представлений, относящихся к различным сферам чувственного восприятия: зрительной, вкусовой, слуховой, обонятельной, осязательной. Рассмотрим основания метафорического переноса на примере нескольких художественных метафор Н. Гумилева.

Зрительное основание:

*...Он, оборвавшись, упал
В зыбкие, бледные дали
Венецианских зеркал. ("Венеция");*

Осязательное основание:

*...И пальцы зари бродили
По мне, когда я прилег... ("Творчество");*

Слуховое основание:

*...Оттого и солнце дышит
А земля говорит, поет... ("Снова море");*

Обонятельное основание:

...Они забыли о своей

Благоухающей легенде... ("Туркестанские генералы");

Вкусовое основание:

...И сразу ветер знакомый и сладкий

И за мостом летит на меня... ("Заблудившийся трамвай").

Чаще основания метафоры переплетаются и образуют "пучок чувств": например, "зрительное + слуховое" – *Тайные думы поэта / В сердце его прихотливом / Стали потоками света / Стали шумящим приливом* ("Беатриче"); "вкусовое + обонятельное" – *Ах, здесь слишком много бубнов гремучих, / Слишком много сладких, пахучих тем* ("У цыган").

На основании семантико-синтаксической классификации метафор в поэзии Н. Гумилева можно выделить следующие типы метафор: 1) предикатную, 2) атрибутивную, 3) предикатно-атрибутивную, 4) субъектную и 5) пояснительную.

К предикатным относятся метафоры, занимающие позицию предиката (сказуемого), находящегося с субъектом в характеризующих отношениях и указывающего на состояние субъекта и отношение его к другим актантам. Место предиката занимает слово, употребленное в метафорическом значении. Выполняя функцию предикации (одну из основных функций языковых выражений, наряду с номинацией), оно соединяет независимые предметы мысли, выраженные предикатом и его актантами.

Предикатные метафоры в поэтике Н. Гумилева указывают на динамичную характеристику (*Звуки мчались и кричали, / Как виденья, как гиганты / И метались в гулкой зале / И роняли бриллианты*) и статичную характеристику (*Одино-незрячее солнце смотрело на страны, / Где безумье и ужас от века застыли на всем...*).

В поэтических текстах Н. Гумилева употребительны следующие способы морфологического выражения предикатных метафор: 1) глагольные предикаты (*Млечный путь расцвел, века запевают душа бродит слово проходит взойдут стены и т.д.*); 2) именные, в составе которых можно выделить отдельное имя (*волны – звери, струны – быки, кудри – облака*) или именное сочетание (*сердце – герб отошедших времен, любовь – пламень Прометей, нос – древа ствол*).

Атрибутивные метафоры – метафоры, занимающие позицию согласованного определения и приложения, реализующие атрибутивные отношения и выполняющие функцию описательно-распространительного или интенсифицирующего характера. Атрибутивная характеристика отличается от характеризующей предикации тем, что признак мыс-

лится в единстве с его носителем. При предикативных отношениях признак приписывается предмету как актуальный для данного конкретного случая, при атрибутивных отношениях признак мыслится как внутреннее свойство предмета.

У Н. Гумилева метафоры (согласованные определения) могут быть относительными, т.е. характеризующими предмет через отношение к другому предмету: *И смотрит месяц кровавый / Железных римских ношей* ("Рим"); и абсолютными: *Золотая звезда, любя, / Из лучей нам постелет ложе* ("Осенняя песня").

Метафора-приложение по структуре представляет собой либо одно слово, либо развернутое словосочетание:

*Кричал, встречая девушку-весну,
Влюбленную в задумчивого принца* ("Орел");
*И нет дриады, сна земли,
Пред ярким часом пробужденья* ("Осенняя песня").

Предикатно-атрибутивные метафоры выполняют характеризующую функцию полупредикативного характера. Они выражены причастиями (*заблудившийся трамвай, благоухающая трущоба и т.д.*); причастными оборотами (*обожженная луной (душа), (он) – скрипка, покорно плачущая и т.д.*) или адъективными оборотами: (*сердце – улей, полный сотом; области, луной мучительной томимы, и т.д.*).

Соединение в одной строфе именного выражения в позиции предиката и связанного с ним атрибутивного оборота – одна из особенностей метафорики Н. Гумилева. В позиции предиката имя указывает не на реалию действительности, а на признаки соответствующих объектов. Связанные с предикатами атрибутивные метафоры усиливают и дополняют характеристики:

*Я тот, кто спит, и кроет глубина
Его невыразимое прозвание,
А вы – вы только слабый ответ сна,
Бежущего на дне его сознания* ("Душа и тело").

Субъектные метафоры – это метафоры, занимающие позицию подлежащего и выполняющие идентифицирующую функцию. Ядром субъектных метафор выступает подлежащее, имеющее при себе, как правило, объект в родительном падеже. При этом происходит изменение позиций референта и характеристики. Позицию субъекта в таких метафорах занимает метафорическое слово, обозначающее реалию вещного мира, а позицию приименного субстантивного определения в составе именной группы замещает реалия идеального мира. В подобных иллюстрациях реальный субъект находится в позиции дополнения:

*Солнце духа благостно и грозно
Разлилось по нашим небесам...* ("Солнце духа");

Голос тягостной печали

Прозвучал в высоком зале... ("Сказка о королях").

Аналогичные субъектные метафоры: *сады души, ручьи строк, золото и пурпур повечерий, песня горя, голос славы и борьбы и т.д.*

К пояснительным метафорам относятся метафоры, занимающие позицию пояснительных обособленных конструкций, вводимых для уточнения какого-либо члена предложения или для сообщения о нем чего-то дополнительного. Пояснительные члены предложения – это особая функция главных и второстепенных членов по отношению к аналогичным.

Пояснение состоит в раскрытии свойств и характерных признаков обозначаемых предметов и явлений действительности. Эта функция реализуется у Н. Гумилева обычно в пределах одного предложения при близком расположении поясняющих друг друга эквивалентных слов и словосочетаний. Поэтому возникает потребность одновременного употребления нескольких синонимов, различительные семы которых вскрывают в обозначаемом новые стороны:

...С тревогой древнею встречать

Мою луну, тебя ...("Свидание");

... Два веших сирша, два глаза

Под ними сладостно поют... ("Андрей Рублев").

Возникают трудности в разграничении метафоры-приложения и метафоры-пояснения, ибо в текстах Н. Гумилева нередко пояснительные конструкции, как и приложение, структурно равнозначны, т.е. выражены именными группами. Но художник слова производит дифференциацию этих двух конструкций: приложения на письме выделены через дефис, интонационно краткой паузой, в то время как метафоры-пояснения вычленяются на письме выделительными тире или запятыми, что подчеркивает их большую смысловую самостоятельность и означает пояснительность интонации.

Итак, лексико-синтаксическая характеристика метафор Н. Гумилева позволяет сделать некоторые выводы: 1) метафоричность поэтического мышления Н. Гумилева проявляется в сложном сплетении реалий и ирреалий посредством синкретизации различных семантических основ метафоры. Н. Гумилев часто использует онтологические метафоры в своих стихах, которые как средства регулятивности имеют наибольший коммуникативный эффект; 2) вся семантико-синтаксическая типология метафор присутствует в текстах Н. Гумилева, но для поэта характерна в первую очередь высокая частотность употребления предикатных и атрибутивных метафор с различной семантизацией. В структуре метафорических образов на первом месте, как правило, стоит слово, обозначающее реалии вещного, земного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сыпченко С.В.* Компаративные тропы как регулятивное средство в поэтических текстах Н. Гумилева // Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль. Томск, 2001. С. 99–112.
2. *Телия В.Н.* Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 26-51.
3. *Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 338 с.
4. *Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.

СУГГЕСТИВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ОБРАЗА ПОСРЕДНИКА ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЗИЦИЙ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО В ТЕКСТАХ ЗАГОВОРОВ

М.Ю. Мальцева

(Томск)

В настоящее время изучение воздействия текстов массовой коммуникации является насущной задачей. Данная работа является частью исследования, посвященного созданию матрицы воздействующей коммуникации, исходя из данных, полученных при анализе различных типов текстов: заговоров, рекламы и текстов нейролингвистического программирования. Материалом для статьи являются заговоры, собранные и опубликованные в 1908 г. М. Забылиным [2].

Адресат сообщения и его адресант являются ключевыми и обязательными элементами любой модели коммуникации, поскольку именно они не только определяют форму, но также влияют на содержание сообщения. Обладая или принимая на себя определенные социальные и ролевые функции, они оказываются либо в положении партнеров с равным статусом, либо в положении, когда позиция одного человека доминирует.

Очевидно, что для того, чтобы к тексту прислушивались, его источник должен обладать определенной силой. Е.Л. Доценко в своей работе "Психология манипуляции" определяет силу как "преимущество одного партнера над другим по какому-либо параметру воздействия" [1, с. 662]. Исследователь отмечает, что наличие такого преимущества часто скрывается и обнаруживается только в процессе общения. Опираясь на классификацию сил, предложенную П.М. Ершовым, исследователь предлагает различать три вида сил, исходя из источника, благодаря которому создается преимущество:

Собственные силы – актер исходит только из того, чем обладает сам на момент воздействия; набор некоторых преимуществ почти всегда находится при нем: 1) статусные: ролевая позиция, должность, возраст; 2) деловые: квалификация, аргументы, способности, знания.

Привлеченные (или заемные) силы – те преимущества, в создании которых важную роль играют другие люди, как правило, актуально в ситуации не представленные (хотя это и не исключено): 1) представительская поддержка – опора на силу конкретных или достаточно определенных третьих лиц, вполне известных "других"; 2) конвенциональные преимущества – опора на силу обобщенных "других", на всеобщие требования: нормы поведения, традиции, ценности, мораль и т. д.

Процессуальные силы – преимущества, которые извлекаются из самого процесса взаимодействия с партнером: 1) динамические силы: темп, паузы, инициатива; 2) позиционные преимущества – эксплуатация эмоционального тона прежних или нынешних отношений: опора на хорошие отношения, обыгрывание вражды, недоверия, восхищения и т.п.; 3) договор – результат совместных соглашений, содержащий в себе юридическую, моральную или рациональную силу.

Тексты заговоров обладают рядом отличительных черт: 1) в них отсутствует автор; являясь изначально порождением массового сознания, они претендуют на знание сакрального факта и именно в силу этого обстоятельства принципиально не могут быть порождением авторской фантазии говорящего; 2) часто воздействие является не только гетеросуггестивным, но и аутосуггестивным, и это является важной чертой при понимании речевых способов воздействия, реализуемых в заговорах (заговор воздействует, и это ярко демонстрирует лингвистический анализ текстов, в первую очередь на самого произносящего); 3) эксплицированный в тексте адресат сообщения не совпадает с имплицитным адресатом речевого воздействия (*От лихорадок*) ...*Ой, вы еси двенадцать девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабенная, и живите на воде студице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте...*

Сами заговоры призваны осуществить такое воздействие, которое человек никакими иными способами реализовать не может, поэтому говорящий в большинстве случаев прибегает к использованию заемных сил. Почти все тексты заговоров демонстрируют ту или иную степень неуверенности говорящего в собственных силах; и именно поэтому ему требуется дополнительная опора, своего рода поддержка мифического персонажа, которому делегируются все воздействующие функции в заговоре.

Наиболее полный описательный анализ персонажей, которые выступают в качестве посредников, был представлен в работах О.А. Черепановой [4], где подробно рассматриваются способы именования и языковые средства, используемые при одушевлении и персонификации. Функциональный анализ посредников приводит в своей книге и И.Ю. Черепанова [3, с. 212–213], разделяя заговорных персонажей по принципу генеральных функций на помощников, защитников, противников и поливалентные фигуры. Однако при анализе позиций говорящего и слушающего определяющей характеристикой становится соотношение метафизической величины, значимости, силы, персонажа, к которому обращаются за помощью, с одной стороны, и некоторого обобщенного образа говорящего – с другой; ведь позиция призываемого помощника всегда является доминантной по отношению к призываю-

шему, и именно она эксплицировано передает ту грань, на которой заканчиваются силы говорящего. На этом основании можно выделить следующие группы персонажей-посредников:

1) Мифические персонажи, чьи особенные силы закреплены в культурных мифах (Иисус Христос, Богородица, святые, Сатана, Баба-Яга и т.п.). В отличие от других выделяемых групп, эти персонажи являются знаковыми в сознании любого носителя языка и определяются как высшие силы, обращение к которым за помощью недостаточно конкретно характеризует образ говорящего именно в силу абсолютной недостижимости их позиций. Иногда для создания воздействующего эффекта достаточно одного упоминания имени этого персонажа: *(От нечистого) "От Духа Святаго, причастника Христова, Спасова рука, Богородицын замок, Ангел мой, сохранитель мой! Сохрани мою душу, скрепи сердце мое; враг сатана! Поди прочь от меня. Есть у меня три листа, написано все Марк, да Лука, да Никита великомученик; за грехи душу мучит, за меня Бога молит"*. В пределах одного текста часто встречается большое скопление персонажей, и это скопление формирует образ тотальной защиты для слушающего. Даже будучи вырванными из привычного мифологического контекста, знаковые персонажи не теряют свои универсальные функции: напр. *(Слова утечи) "...Как есть Океан-море, белый камень, на том белом камне сам Иисус Христос, сам бел, рукавицы белые, и кнут белый, загоняет и залучает всякую птицу..."; (Охотничьи заклинания на горностаев) "...В темном лесе стоит кипарис дерево, под тем кипарисом сидит сама Мать Пресвятая Богородица. Держит она во своей десной руке три прута: прут железный, прут медный, прут серебряный..."*

Эта группа заговоров наиболее обширна, даже незначительными просьбами человек предпочитает обращаться ко всей небесной рати, по сравнению с которой личные силы и преимущества говорящего ничтожны.

2) Полумифические персонажи (железен муж, злая ведьма Киевская, пастух чугунный, месяц, ветер, птица Гагана и пр.), миф о которых, как правило, эксплицирован в тексте заговора, их функции более конкретны, специализированы и гиперболизированы. При обращении к ним говорящий получает помощь в совершенно конкретных делах. Например: *(Свадебный оберег) "...На том же острове выросло древо, на том же древе сидит железен муж, осматривает железен муж всякого ведуна, колдуна, кудесника <...> Тот же железен муж, кабы на колдуна и ведуна тянет он лук, отворачивает недобрые словеса и речи колдунове и ведунове, аще он враг или на меня вражит, он отворачивает, тот же железен муж..."*

Поскольку иногда в качестве таких персонажей могут выступать нейтральные (ветер), опасные (огненная стрела, змея) или злые (ведьма Киевская) персонажи, говорящий обладает большими, по сравнению с первой выделяемой группой заговоров, силами. Однако именно при подходе к таким персонажам наиболее часто звучат формулы самоуничижения, преклонения ("...я той змее поклонюсь и покорюсь..."), а просьбы формулируются не как пожелание что-либо сделать, а как пожелание изменить направление уже осуществляемого действия: *(Слова присушить девицу)* "...навстречу мне среди чистого поля, широкого раздолья 70 буйных вихров, 70 вихоров, и 70 ветрович, и 70 вихрович. Пошли они на Святую Русь зеленого лесу ломать, и на поле из корени вон воротить, и пещеры каменные разжигать. И тут я, раб Божий (имярек), помолюсь им и поклонюсь: о вы, есте 70 буйных вихров, 70 вихоров, и 70 ветрович, и 70 вихрович. Не ходите вы на Святую Русь зеленого лесу ломать, из корней вон воротить и пещеры каменные разжигать, подьте вы, разожгите у рабы Божей (имярек) белое тело, ретиво сердце..."

3) Немифические персонажи (старцы, молодцы, девицы, родная матушка и т.п.), которым говорящий препоручает все действия. Такие персонажи наделяются особыми силами исключительно в контексте данного заговора, а сам говорящий (и слушающий) оказывается при этом в позиции почти полного бездействия и бессилия. Так же, как и в ситуации с рекламными текстами, формируется образ опекаемого ребенка, происходит возрастная регрессия, и, следовательно, повышается внушаемость. Особенно ярко, на наш взгляд, это проявляется в заговорах, произносимых от лица матери говорящего: *(Заговор ратного человека, идущего на войну)* "Выкатилось красное солнышко из-за моря Хвалынского, выходил месяц из-под синего неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во град каменный, а в том граде каменном породила меня мать родная (такая-то), а рожая, приговаривала: будь ты мое дитяtko цел и невредим от пушек, от пицалей, стрел, борцов <...> Заговариваю я свой заговор материным заповеданием; а быть ему во всем, как указано, во веки ненарушимо..." Как видно из приведенного отрывка, сакрализация подобных персонажей происходит за счет помещения их в мифологический локус и описания всех действий как "вневременных" за счет использования глаголов несовершенного вида.

Характерно, что в этой группе заговоров персонажу передается не только сакральное действие, но и само слово. Собственные силы говорящего могут намеренно принижаться: *(Заговор ратного человека, идущего на войну)* "На море, на Окиане, на острове на Буяне, сидит добрый молодец во неволе заточен. К тебе я прихожу, добрый молодец, с

покоримем. Выдают меня родные братья во княжью рать, одинокого, неженатого, а во княжьей рати мне по добру не жити. Заговори меня своим молодецким словом. “Рад бы стоять в поле за тебя, горького сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я раба такого-то идти на войну во всем потому, как заповедал мне родной отец...”

4) Персонифицированные чувства и болезни (тоска, сухота, лихорадка). Некоторые исследователи относят подобных персонифицированных персонажей исключительно к объектам заговора [3, с. 210], но более тщательный анализ позволяет говорить о разных вариантах таких явлений; так, мы можем говорить о тоске как объекте, например, в следующем заговоре: (Присушить деву на пряник) “...помолюсь я, раб Божий, трем братьям, трем ветрам: первый брат – ветер восточный, второй ветер – запад, третий ветер – север! Внесите тоску и сухоту в рабицу Божию Н...” Здесь “тоска” предстает, скорее, как некоторая субстанция, над которой совершаются действия, но иной образ создается в следующих заговорах: (Слова тоску напускать) “...выйду в чисто поле, в чистом поле стоит изба, в избе из угла в угол лежит доска, на доске лежит тоска. Я той тоске, раб Божий (имярек), помолюсь и поклонюся: о, сия тоска, не ходи ко мне, рабу Божию (имярек), поди тоска, навались на красну девицу, в ясныя очи, в черныя брови, в ретивою сердце, разожеги у ней, рабы Божией (имярек), ретиво сердце, кровь горящую по мне, рабу Божию (имярек)...”; (Заговор молодца на любовь красной девицы) “На море на Окиане, на острове на Буяне лежит тоска; бьется тоска, убивается тоска, с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбежал сатана, кричит: “Павушка Романя, беги поскорее, дуй рабе (такой-то) в зубы, в ея кости и пакости <...> чтобы раба (такая-то) тосковала всякий час, всякую минуту <...> ела бы не заела, пила бы не запила...” В этом варианте ясно прослеживаются посреднические функции, поскольку именно действия такого персонажа приводят к изменению ситуации. Персонификация происходит посредством использования обращений, личных имен, глаголов, соотносимых по семантике только с личными и одушевленными существительными, императивов в форме второго лица. Как и в случае, когда, например, тоска является объектом заговора, такие посредники представляют внутренние чувства и состояния отдельно от человека, но, становясь персонажем, они формируют образ абсолютно иррациональной великой силы, управлять которой можно только с помощью заговора.

Переведение абстрактных понятий в конкретные образы персонажей, которые существуют в конкретном локусе, обладают именем и определенным образом действий, в наибольшей мере соответствует языку под-

сознательного и в разных формах проявляется во всех суггестивных текстах. Заговорная же специфика, на наш взгляд, заключается в том, что в качестве помощников такие персонажи наделяются силой и значимостью, превосходящей говорящего (и слушающего), в результате чего говорящий может только перенаправить или откорректировать действие таких сущностей силой заговора или с помощью других персонажей (например, с помощью сатаны в цитируемом тексте).

5) В роли помощников, к которым обращается говорящий, могут также выступать различные предметы (ножи, узлы, крапива, былинки, реки и т.п.). Особенностью такого вида заговоров является то, что они, по-видимому, наговариваются на определенные предметы и сопровождаются некоторыми действиями. Поскольку на такие одушевляемые предметы человек может физически воздействовать, может меняться и тон обращения: одновременно с просьбой и возвеличиванием могут встречаться угрозы: *(От зубной боли) "Матушка крапивишка, святое деревцо! Есть у меня раб Божий (имярек), есть у него на зубах черви, а ты оных выведи; а ежели не выведешь, то я тебя высушу; а ежели выведешь, то я тебя в третий день отпущу. (Проговоривши, крапиву, растущую на свободе, привязать книзу, то есть преклонив к земле, на третий день отвязать.)"*

Иной образ предметов-посредников формируется при создании амулетов, когда на какой-то предмет нащептывают наговорные слова: *(Заговор ратного человека, идущего на войну) "Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый луг, во зеленом лугу есть зелья могучие, а в них сила видима-невидима. Срываю три былинки: белую, черную, красную. Красную былинку метать буду за Окиан-море, на остров на Буян, под меч-кладенец; черную былинку покачу под черного ворона, того ворона, что свил гнездо на семи дубах, а во гнезде лежит уздечка бранная с коня богатырского; белую былинку заткну за пояс узорчатый, а в поясе узорчатом зашит, зашит колчан с каленой стрелой, с дедовской, татарской. Красная былинка притащит мне меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку бранную, белая былинка откроет колчан с каменной стрелой..."*

Конкретные предметы переносятся в сакральное пространство, они являются реальным и наглядным свидетельством того, что говорящий (и / или слушающий) обладает связью с потусторонним миром. Таким образом, говорящий сначала приписывает вещам-посредникам определенные свойства и силы, чтобы потом использовать их в качестве заемных для осуществления своих желаний.

Проведенный анализ показывает, что субъект заговора определяется в тексте как недоминантная личность, тяготеющая к использованию заем-

ных сил и делегированию действий различным персонажам. Такая организация текста, на наш взгляд, отражает аутосуггестивную направленность заговоров: поскольку произносящим заговор может быть абсолютно любой человек, который хочет получить уверенность, что его желания сбудутся, наиболее убедительными для него будут тексты, в которых используются дополнительные заемные силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Забылин М.* Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 1997. 554 с. (Репринг. изд. 1908 г.)
2. *Черепанова О.А.* Явление прозопопеи и языковые средства его реализации в заговорах и заклинаниях // Язык жанров русского фольклора. Петрозаводск, 1979. С. 4–12.
3. *Черепанова И.Ю.* Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: КСП+, 2001. 400 с.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ СИСТЕМАТИЗАЦИИ СЕМАНТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ (на материале пословиц о труде и лени)

Е.В. Маркелова
(Новосибирск)

Использование методов когнитивной лингвистики позволяет увидеть внутреннее единство и определить системообразующие параметры фрагментов лексико-фразеологической и синтаксической системы языка. Семантическое пространство языка признается частью концептуального пространства, имплицитно детерминированного не только системными связями, существующими между онтологическими объектами, но и структурами национально-культурного знания, опыта. В этом смысле пословично-поговорочные выражения представляют собой уникальный объект исследования, так как входят в семантическое пространство языка, однако их культурно-национальная (содержательная) составляющая дана эксплицитно.

В пословично-поговорочных высказываниях онтологический субъект “человек – деятель” систематизирован по онтологическим, когнитивным по своей сути параметрам, отражающим отдельные характеристики человека (см. работы Г.В. Токарева, Л.П. Ковшовой, Л.Б. Савенковой, посвященные анализу паремий в рамках концептов “трудовая деятельность / безделье”). Многообразие параметров, характеризующих человека-деятеля, задает многообразие вербальных репрезентаций, систематизация которых остается актуальной проблемой.

Выявим, какие системные параметры онтологического субъекта отражены в вербальных репрезентациях в рамках концептов “трудовая деятельность / безделье”. Отметим, что в пословично-поговорочных высказываниях данные вербальные репрезентации играют роль семантического субъекта, а также семантического субъектно-предикатного комплекса. Под последним мы понимаем семантическое образование пропозиционального (нерасчлененного) типа.

Обратимся к семантическим субъектам в структуре пословиц и поговорок, которые могут передавать как личный опыт человека-деятеля, так и наблюдаемый. (О категории субъективности см. исследование В.В. Химики [1].) Необходимо отметить, что личный и наблюдаемый опыт синтезируется в общественный, и мы можем говорить только об изначальном преобладании того или другого.

Личный опыт человека-деятеля фиксируется в пословицах и поговорках с помощью личных и притяжательных местоимений 1-го лица:

ед. и мн. числа, зачастую этот опыт противопоставляется общественным стереотипам: *Рада б я пряла, да лень напала* (Даль, послов.); *Прощай, квашня, я гулять ушла!* (Даль, послов.); *Мы работы не боимся, на работу не пойдём* (Мартынова); или же личный опыт соединяется с общественным: *Все мы на грехи свои безответные работнички!* (Даль); или личный опыт позволяет ориентироваться в будущих ситуациях: *Видывали мы сидней, поглядим на лежня* (Даль, послов.).

Возможна также ситуация “передачи” личного опыта другому, то есть личный опыт распространяется на ситуации, которые могут произойти с другими. В этом случае в пословицах и поговорках называется второй участник коммуникации, с которым объединяет себя говорящий. Семантический субъект может быть выражен личным местоимением 2-го лица ед. числа: *Ты от дела на пядень, а оно от тебя на сажень* (Даль, послов.); *Ты за дело, а дело за тебя* (Даль); *Захотел ты в мае добра* (Мартынова). Возможно также и противопоставление участников коммуникации по их действиям: *Сперва ты меня повози, а там я на тебе поезжу* (Даль, послов.); *Наши пряли, а ваши спали* (Даль, послов.).

В свою очередь, наблюдаемый опыт человека складывается при наблюдении за другими онтологическими субъектами или лицами, а также при усвоении общественного опыта. Лица обозначаются нарицательными именами, именами собственными, личными местоимениями 3-го лица ед. числа, относительными и определительными местоимениями.

Онтологически лица систематизируются по половым, возрастным, социальным признакам, а также по наличию родственных связей, что отражается в соответствующей систематизации нарицательных имен: *Всякий человек у своего дела познается* (Мартынова); *Муж возом не навозит, что жена горшком наносит* (Даль); *Барин в поле полкует, а мужик в поле горюет* (Мартынова).

Другой онтологический параметр систематизации лиц – их генерализация / детализация по видам профессиональной деятельности или бездействия. Процесс генерализации отражен в обобщенных наименованиях: *Каков мастер, такова и работа* (Мартынова); *Каков добытчик, такова и добыча* (Мартынова); *По работе и работника знать* (Даль); *Бездельники всегда языком трудятся* (Даль, послов.); *У лодырей всегда оправдание найдется* (Даль, послов.). В свою очередь, процесс конкретизации фиксируется в именах лиц по их профессиям или лиц, пребывающих в определенных состояниях бездействия: *Умелый охотник зря стрелу не выпустит* (Мартынова); *Швец Кузя все узит* (Мартынова); *Думает плотник с топором* (Снегирев); *Лежебок все у праздничка* (Мартынова); *Лежень лежит, а счастье его растет* (Снегирев). В качестве дополнительного параметра систематизации лиц мо-

жет быть названа и генерализация / детализация характерологических признаков человека по отношению к трудовой деятельности, отраженная в деадъективах: Ср.: *У работающего в руках дело огнем горит* (Даль, послов.); *Ленивый пьет воду* (Снегирев); *Праздный на грех на толкнется* (Даль); – *Горяченький скоро надорвется* (Даль, послов.); *Ретивый насадится* (Даль, послов.); *Беспечному все трын-трава: поехал нипочто, привез ничего* (Мартынова); *Ерсливому да капостливому и свято дело не в честь* (Мартынова).

Обратим внимание на параметр единичность / множественность лиц: *Люди работают, а он потеет* (Мартынова).

Наблюдаемый другой человек, или лицо, может иметь собственное имя и наделяться определенным комплексом свойств, впоследствии закрепляемым за этим именем: *В поле Маланья не для гулянья, а спинушку гнет для запаса вперед* (Даль, послов.); *У ленивого Емели семь воскресений на неделе* (Михельсон).

Наблюдаемый человек-деятель может обозначаться с помощью личного местоимения 3-го лица ед. числа и относительных местоимений. В этом случае в семантической структуре пословицы-поговорочных высказываний происходит смещение смысловой акцентуализации с семантического субъекта на семантический предикат. Перестают быть релевантными признаки человека-деятеля, кроме экзистенционального, и это экзистенционально существующее лицо наделяется определенными характеристиками: *Он состоит в комитете по утаптыванию мостовой* (Даль, послов.); *Не ленись он, так был бы деловой* (Даль); *Он выленился, отленился и взялся за работу* (Даль). В том случае, если человек-деятель обозначается относительными местоимениями *кто... тот*, происходит большая актуализация признака по сравнению с обозначением лица с помощью местоимения *он*: *Кто бежит, тот и догоняет* (Даль); *Кто рано сеет, семян не теряет* (Мартынова).

Особую акцентуализацию субъекта в семантической структуре пословиц и поговорок мы наблюдаем тогда, когда семантический субъект выражен местоимением *всяк*, которое онтологически обозначает “одно лицо”, выделяемое из множества лиц: *Всяк спляшет, да не всяк скомоорох* (Мартынова); *Всяк своим разумом кормится* (Мартынова).

Итак, мы выделили следующие онтологические системные параметры ментального представления человека-деятеля в рамках концептов “трудовая деятельность / безделье”, отраженные в вербальных репрезентациях, выступающих в роли семантических субъектов пословиц и поговорок:

а) личный опыт говорящего / наблюдаемое явление, проявляемые в субъектных конструкциях; б) генерализация / детализация по половым,

возрастным, социальным признакам; в) генерализация / детализация по наименованиям видов трудовой деятельности и бездействия; г) генерализация / детализация характерологических признаков человека по отношению к трудовой деятельности; д) единичность / множественность субъектов; е) акцентуализация признака.

Процесс актуализации признака субъекта приводит к появлению субъектно-предикатных комплексов, в которых семантический субъект образует с семантическим предикатом единое целое. Синтаксически выраженные эти комплексы традиционно относятся к односоставным предикатным, однако исследователи подчеркивают, что “растворенный” в предикате субъект оказывает определенное влияние на семантическое значение предиката [2].

Пословично-поговорочные выражения характеризуются исследователями как носители обобщенного значения, реализованного преимущественно с помощью неопределенно-личных, обобщенно-личных, инфинитивных и безличных конструкций [3]. На наш взгляд, из системы пословично-поговорочных предложений не следует исключать определенно-личные конструкции, а также неполные предложения с предикатом, выраженным личным глаголом 3-го лица ед. числа, так как осмысление их в едином ряду субъектно-предикатных конструкций позволяет выделить системообразующие параметры, заданные онтологически.

Субъектно-предикатные комплексы, употребляемые в пословично-поговорочных высказываниях, могут быть представлены как единое системное образование, в основе которого лежит обобщение культурно-национального опыта.

Как и в случае с семантическими субъектами, для семантических субъектно-предикатных комплексов пословично-поговорочных высказываний важен параметр личного / наблюдаемого опыта и взаимодействующего с ними общественного.

Личный опыт фиксируется с помощью субъектно-предикатных комплексов, выраженных глагольными формами будущего времени 1-го лица ед. и мн. числа совершенного и несовершенного вида. Глагольные формы совершенного вида обозначают определенную ситуацию, действующим лицом которой является говорящий субъект: *Пойду погулять на белый свет позевать* (Даль, послов.); *Пойду похожу, на добрых людей погляжу* (Даль, послов.); *Когда смелем, тогда и домой поедем* (Мартынова); *В лес не съездим, так на полятах замерзнем* (Даль, послов.). Глагольные формы несовершенного вида, в свою очередь, передают а) качественные признаки субъекта: *Дома не лежу и в людях не стою*. (Даль, послов.; Мартынова); *Так работаем, что недосуз нос утереть* (Даль, послов.); б) ситуации, характеризующие положение вещей,

имеющее значимость для субъекта (*Ем, а дела не вем* (Даль, послов.); *Орем до глины, а едим мякину* (Даль, послов.); в) повторяющиеся ситуации, в которых действует субъект (“мы” корпоративное); (*Век мелем, а посыпать не умеем* (Мартынова). Обратим внимание, что в данных конструкциях наряду с актуализацией предикативного признака актуализирован и субъект.

Императивные конструкции, характеризующиеся заданной направленностью “от говорящего субъекта”, предполагают выражение волкотно предлагаемого общественного опыта, пропущенного “сквозь” личный опыт: *От скуки бери дело в руки* (Мартынова); *Сегодняшней работы на завтра не покидай!* (Мартынова); *После дела не раздумывая* (Мартынова). В свою очередь неопределенно-личные конструкции 2-го лица ед. ч., также передающие сложный комплекс личного опыта, подтвержденного общественным опытом, имеют форму констатации, объективного закона: *Без споровки и ложку мимо рта пронесешь* (Мартынова); *На мир не наработаешься* (Даль, послов.); *С разговоров сыт не будешь* (Даль, послов.).

Мы наблюдаем фиксирование в пословично-поговорочных высказываниях личного опыта, который становится общественно значимым: *Что потрудимся, то и поедим* (Даль), и общественного опыта, подтвержденного личным опытом: (*Не ленись с плужком, будешь с пирожком* (Мартынова); *Ешь до поту, работай до ознобу – дело пойдет спору* (Мартынова); *Глубоко пашешь, веселей пляшешь* (Мартынова).

Онтологические характеристики наблюдаемого человека-деятеля, лица, отражаются в пословицах и поговорках с помощью субъектно-предикатных комплексов, выраженных следующим рядом форм. Во-первых, глагольные формы м.р. и ж.р. ед. числа прошедшего времени совершенного вида и мн. числа прошедшего времени совершенного и несовершенного вида передают определенные ситуации, характеризующие наблюдаемого человека-деятеля, хотя в некоторых случаях возможна и характеристика личного опыта: *Рано встала, да мало на пряла* (Даль, послов.); *Легко поел, легко и сделал* (Даль, послов.); *Как родился, так за молот ухватился* (Мартынова); *Блоху на цепь приковали* (Мартынова); *Заработали чирий да болячку да третий горб* (Даль, послов.); *Сеяли рожь, а косили лебеду* (Мартынова). Во-вторых, глагольные формы 3-го лица ед. ч. настоящего времени несовершенного вида выражают характеристику наблюдаемого человека-деятеля: *Козла доит* (Мартынова); *В чужом огороде капусту садит* (Мартынова); *Праздники помнит, а будни забывает* (Даль, послов.). В-третьих, именные формы, которые также дают качественную характеристику наблюдаемого человека-деятеля: *На еды как медведь, а на работы как заяц* (Мартыно-

ва); *Ни швец, ни жнец, ни в дуду игрец* (Мартынова); *Велик телом, да мал делом* (Даль).

Что касается семантических субъектно-предикатных комплексов, выраженных 3-м лицом мн. числа несовершенного вида, то в них кроме характеристики наблюдаемых ситуаций, по словам В.В. Химика, “в условиях настоящего или будущего неактуализированного времени и временной нелокализации, а также модальных значений объективной обусловленности, необходимости или неизбежности сообщаемого”, создаются условия для выражения “отнесения действия к говорящему в рамках обобщенного субъекта” [1, с. 73], то есть мы можем говорить о переходе наблюдаемого опыта в личный: *Через сноп не молотят* (Мартынова); *Дадут хлеба, дадут и дельца* (Снегирев); *Где шьют, там и порют* (Мартынова); *С топора не богатеют, а горбатеют* (Даль, послов).

По сравнению с определенно-личными и неопределенно-личными конструкциями в безличных конструкциях может передаваться личный опыт с оттенком involuntивности: *Пилось бы да елось, да работа на ум не шла* (Даль, послов.); *Хочется есть, да не хочется лезть (в подполье)* (Даль, послов.); или с их помощью вводится онтологический субъект-наблюдатель, выражающий общественно значимый опыт, который может восприниматься каждым: *Хорошего мастера по хватке видно* (Мартынова); *Видно неряху по грязной рубахе* (Мартынова); *Страшно видится: сробится, слюбится* (Даль, послов.).

При перенесении акцентуализации на предикативный признак субъект, тем не менее, продолжает оставаться значимой частью семантического субъектно-предикативного комплекса.

Итак, с одной стороны, складывается тенденция отражения в вербальных репрезентациях проникновения личного опыта в общественный, с другой – наблюдаемого опыта в личный и тем самым в общественный.

Дальнейший процесс перехода наблюдаемого опыта в общественный отражается в инфинитивных и номинализованных конструкциях. Эти конструкции мы рассматриваем в ряду семантических субъектно-предикатных комплексов, но с учетом более сильной, по сравнению с рассмотренными выше случаями, акцентуализацией на предикативном признаке. Мы можем говорить о минимизации содержательного наполнения семантического субъекта вследствие актуализации предикативного признака, так как семантический субъект в них проявляется только как носитель действия.

Мы выделяем следующие типы инфинитивных конструкций пословиц и поговорок: 1) конструкции, обозначающие отдельное действие: *Либо пахать, либо песни играть* (Даль, послов.); 2) действие, названное инфинитивом, представлено в расширенном виде с точки зрения лока-

тивности, инструментальности, квантитативности или модальности: *Лезти с пещки для перепечки* (Снегирев); *Если косить языком, стина не устанет* (Мартынова); *Сметать дело на живую нитку* (Мартынова); *Мало хотеть, надо уметь* (Мартынова); 3) действию дается характеристика, которая выражена оценочными предикатами: *После дела и гулять хорошо* (Даль, послов.); 4) действие, противопоставлено другому действию: *Пахать – так не дремать* (Даль); 5) действие, представленное как в узком, так и в расширенном виде, охарактеризовано, что выражается с помощью разных предикативных признаков: *Есть – так губа титькой, а работать – так нос окован* (Мартынова); *Без дела жить – только небо коптить* (Даль); *Жать ячмень – нагибаться* (Снегирев).

Действие может быть названо не только с помощью инфинитива, но и с помощью номинализации. Номинализация в пословично-поговорочном ряду субъектно-предикатных конструкций, во-первых, соотносится с инфинитивной конструкцией, передающей наблюдаемое действие: *Ныне гуляшки и завтра гуляшки – находишься без рубашки* (Даль, послов.); во-вторых, характеризуется различными предикативными признаками: *Маленькое дело лучше большого безделья* (Даль); *Одна вспашка – не пашня, две вспашки – полпашни, три вспашки – пашня* (Мартынова); в-третьих, номинализация передает процесс мифологизации действия: *Дело дела погоняет* (Мартынова); *Воля и труд дивные всходы дают* (Снегирев).

В случаях с номинализацией и пятым типом инфинитивных конструкций мы имеем дело с осложненным семантическим субъектно-предикатным комплексом, так как представленный номинализацией и инфинитивной конструкцией семантический субъектно-предикатный комплекс получает новый семантический предикат.

Итак, к параметрам систематизации ментального представления человека-деятеля в рамках концепта “трудовая деятельность / безделье”, отраженным в вербальных репрезентациях, выступающих в роли семантических субъектно-предикатных комплексов пословиц и поговорок, относятся:

а) личный опыт говорящего / общественный опыт. При этом возможно отражение процессов перехода личного опыта в общественный и, наоборот, общественного в личностно-значимый; б) наблюдаемый опыт / общественный опыт; в) акцентуализация внутри субъектно-предикатной конструкции субъекта и предиката, возможная минимизация субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хилик В.В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л., 1990.
2. Теория функциональной грамматики. Т. 3: Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
3. Тарланов З.К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилологии. Петрозаводск, 1999.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА ПО ПРОФЕССИИ И РОДУ ЗАНЯТИЙ» В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ СИБИРСКОГО ДИАЛЕКТА

Т.М. Медведева

(Кемерово)

В последние десятилетия лингвистика сосредоточила фокус своего внимания на человеке как главном фрагменте языковой картины мира. Наиболее ярко языковая картина мира выражается на лексическом уровне, где среди различных лексических средств номинативная лексика выступает самой способной идентифицировать различные предметы реального мира и человека в том числе. «Состав одного говора можно представить как набор тематических групп, отражающих разные сегменты реальной действительности и в целом образующих совокупность, которая отображает всю окружающую носителей говора действительность, все стороны их жизни. Состав отдельных тематических групп в говорах зависит от особенностей социально-экономической жизни населения в разные периоды развития общества, от особенностей природных условий края, географического положения и т.п.» [1, с. 3]. Таким образом, анализируя какую-либо тематическую группу, исходя из цели исследования, можно получить огромную информацию о жизни, нравах, устоях, традициях и привычках носителей говора.

Наименования лица – обширнейшая тематическая группа лексической системы сибирских говоров. Единицы этой группы называют (а значит, описывают и характеризуют) человека во всех его многообразных взаимоотношениях с окружающим миром. А.С. Белоусова выделяет три признака, служащих основой для объединения наименований лиц в одну группу и противопоставления ее другим тематическим группам внутри лексической системы языка. Во-первых, признак предметности (включающий наименования лица в категорию имени существительного); во-вторых, признак конкретности (вводящий эти слова в группу конкретных имен существительных); в-третьих, признак лица (формирующий тематическую группу «наименования лица») [2, с. 74]. При выделении из тематической группы наименований человека подгруппы наименований лиц по профессии и роду занятий необходимо выделить еще один признак – признак выполняемой лицом функции, наименование должно отражать то, чем занимается человек.

Классификацию наименований лиц по профессии и роду занятий можно представить так:

- 1) военная служба (пограничник, десантник, майор и др.);

- 2) духовная сфера деятельности (протопоп, певчий, монашка и др.);
- 3) различные виды промысла:
 - а) кедровый (подборщик, отбойщик);
 - б) рыболовный (рыболов, пятовщик);
 - в) охотничий (белкаш, медвежатник);
 - г) грибной (грибник);
- 4) другие виды деятельности (кучер, лесник, артист и мн. др.);
- 5) временный род занятий (калымщик, косец, вершильщик и др.);
- 6) наименования лиц по выполнению ролевых функций в различных социальных мероприятиях:
 - а) по роли в ритуальных обрядах (дружка, боярин);
 - б) по участию в играх (козел);
 - в) по спортивным занятиям (лыжник, борец);
 - г) по временно исполняемым социальным ролям (гость).

Все, что является важным в жизни человека и общества, получает наименование в языке. Глядя на обширность и разветвленность системы наименований человека по профессии и роду занятий, можно утверждать, что для общества всегда была важна не просто деятельность каждого отдельного человека, а буквально каждая ступень трудового процесса. Например, когда человек занимается каким-либо промыслом, он получает не просто наименование по виду этого промысла. Вспомним, что раньше промыслами занимались целые села, деревни, и у каждого из участников промысла была своя четко определенная функция, своя работа, которую этот человек должен был умело выполнять. Эта традиция все еще сохраняется в русской деревне, поэтому участники, например, кедрового промысла именуется четко по выполняемой функции: подборщик, отбойщик и т.д.

Лексические средства языка, идентифицируя различные предметы реальной действительности, уже выполняют интерпретирующее действие. Они, называя предметы, отражают и закрепляют знания об окружающем мире, маркируя определенные кусочки действительности. То есть слово – это интерпретирующий знак. Но с другой стороны, само слово подвергается осмыслению. Таким образом, интерпретирующий знак сам оказывается объектом интерпретации. Происходит вторичный процесс интерпретации через осмысление слова. Этот процесс может происходить по-разному, поэтому можно говорить о видах интерпретации слов.

А.Н. Ростова выделяет следующие стратегии интерпретации слова говорящими: идентифицирующая, классифицирующая, иллюстрирующая.

Идентифицирующий тип толкования устанавливает соответствие обозначаемого обозначателю (звуковой оболочки – денотату).

Классифицирующий тип толкования предполагает осознание говорящим слова как элемента лексической системы (толкование через подбор синонима, мотивирующей единицы и т. д.).

Иллюстрирующий тип толкования слов основан на описании ситуации употребления слова.

При интерпретации значения слова говорящий выбирает один из этих способов, который, по его мнению, наиболее подходит для объяснения значения какой-либо конкретной лексемы.

В группе наименований человека по профессии и роду занятий преобладающим в количественном отношении видом толкования является идентифицирующий тип. «Идентифицирующий тип толкования значений является результатом осознания отношения слова к обозначаемой действительности. Процесс осознания такого отношения основан на механизмах воссоздания прототипических ситуаций, локализованных в слове» [3, с. 121]. Под прототипической ситуацией автор понимает «обобщенную модель фактов, событий, процессов реального мира, связанных в обыденном человеческом сознании с пространственно-временным положением, ролевым функционированием, атрибутами, системой взаимоотношений именуемого языковым знаком объекта, явления, признака, действия и т. д.» [3, с. 122]. *А кто обувь шьет – ‘сапожник’; Тот, кто невод по берегу тащит, – ‘птяовщик’ звали; На жатке, кроме коногона, мужчина взрослый был. Старшой, что ли. Он и за машиной смотрит, и горсти откладывает. Его ‘машинистом’ звали; ‘Каменичик’ – тот, кто строит дом. Он из камня может строить, из дерева; ‘Бегун’ – так это вот состязание-то делают на коньках, их называют ‘бегуны’, он бежит. Состязаются, кто вперед прибежит.*

При толковании слов со значением лица по профессии и роду занятий выбор типа стратегии объясняется ориентированностью сознания информантов на функциональный характер семантики лексем этой тематической группы.

В рассматриваемой группе наименований человека в толкованиях идентифицирующего типа закономерно актуализируются мотивационные отношения толкуемых слов. Это объясняется структурой данных языковых единиц: в подавляющем большинстве слова этой тематической группы являются производными. Информант почти всегда невольно или специально называет мотивирующую основу, но на первое место все же выходит функциональная ориентированность значения, которая и задает характер семантизированнойности. *‘Учитель’ – учит, учительствует, говорят путные люди; ‘Самогонщик’ – он гонит, не варит ее, он ее гонит. Гонит самогонку-то; ‘Дворник’ – во дворе убирает, порядок наводит, чистоту; Ну, поварит он, варит пицу – вот и ‘повар’;*

Овчину выделяет 'овчинник'; 'Боронильщик' – на бороне работает; Многие охотников на медведя называли 'медвежатниками'; 'Базарщик' – это на базаре ходит и за базарность деньги собирает; Нет, это 'пильщик' – это тоже человек, который пил раньше лес маховой пилой; 'Тряпичник' – это который тряпки собирает. За эти тряпки дает там порошки какие-нибудь красильные; 'Копнильщик' – это который копны собирает, а 'копновоз' – это который возит.

При толковании рассматриваемой группы субстантивов информантами используется и иллюстрирующая стратегия толкования слов. Но не как самостоятельный тип идентификации, а как вспомогательный, создающий иллюстрацию прототипической ситуации. *'Шептун' – лечит который, значит, пошептал что-нибудь, вот и он, вроде, вылечил там. Вот это 'шептун'. Вот и говорят: «Пойду к шептуну, чтобы он мне пошептал». Она играла на шарманках, их называли 'шармачами'. «Пойдемте шармача послушаем».*

Классифицирующая стратегия для описания слов данной тематической группы используется редко, так как наименования человека вообще трудно вписать в системные отношения с другими словами, например подобрать синоним или антоним.

При толковании слов информант почти всегда пытается дать достаточно подробное объяснение значения того или иного слова, используя все доступные для него средства. Иногда даже семантическое содержание лексемы в речи информанта дополняется какой-то сопутствующей информацией (чаще всего временной). *'Курсанты' – сейчас это курсанты, на курсы ездили, учиться куда. А раньше не было такого слова – тогда-то ведь ни машин, ни шоферов, ниче не было; У нас раньше молотилки были, ее кони возили, а человек, который этими конями гонял, чтоб они не останавливались, его, этого человека, 'коногоном' называли. Так раньше говорили.*

Итак, тематическая группа «наименования человека по профессии и роду занятий» в интерпретации носителей сибирского диалекта достаточно однотипна в плане идентификации: идентифицирующая стратегия при описании лексем данной тематической группы является преобладающей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахвалова Т.В. Характеристика интеллектуальных особенностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров). Орел, 1983.

2. Белоусова А.С. Русские имена существительные со значением лица // Вопросы языкознания. М., 1981. №3.

3. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск, 2000.

РОЛЬ МОТИВАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ СТИХОТВОРНЫХ ТЕКСТОВ

(на материале поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского,
Е. Евтушенко)

О.С. Михайлова
(Томск)

Одним из самых важных вопросов, связанных с теорией текста, является вопрос цельности и связности текста.

Говорят о локальной связности текста, предполагающей простейшую последовательную связь его единиц, которая является базисом всякого текста, предназначенного для коммуникации. Однако только этой связности недостаточно для смысловой целостности текста. Промежуточной между локальной связностью и целостностью текста является глобальная связность, которая и обеспечивает смысловое единство текста.

Таким образом, в теории текста понятия связности и цельности текста разводятся: «понятие цельности текста ведет к его содержательной и коммуникативной организации, а понятие связности – к форме, структурной организации» [1, с. 43].

В связи с этим становится актуальным вопрос о роли мотивации в глобальной связности, которая осуществляется через лексическую структуру текста, «через ключевые слова, тематически и концептуально объединяющие текст в целом или его фрагменты» [Там же].

В отличие от других форм выражения ключевых слов, призванных эксплицировать глобальную связность текста, таких как синонимические номинации, слова одного семантического поля, мотивационно связанные слова (МСС) обладают некоторыми языковыми преимуществами. Они обладают широкими возможностями текстоформирования, поскольку их двойственная природа позволяет объединять текст и по смыслу, и по форме. Этим преимуществом активно пользуются многие художники слова, которые большое внимание уделяют языковой организации своих текстов.

Можно говорить о сходстве лексического повтора, который также числится в активном арсенале поэтических средств, и мотивации. И там, и там наблюдается повторение одного и того же слова с целью акцентирования внимания читателя на актуальном смысле. Однако слова в составе мотивационной цепочки, как правило, принадлежат к разным лексико-грамматическим категориям, что позволяет трансформировать аспекты поэтического описания от бытийного к признаковому, от динамического к статическому и т.д. Так, например, происходит в стихотво-

рении Б. Ахмадулиной «Ревность пространства. 9 марта» [2]: ...Здесь поворот – но здесь не разглядеть/ от Паршина к Тарусе поворота./ Стоит в глазах и простоит весь день/ все-белизны сплошная поволока./ День в белых нетях, близь – не глубока,/ она – белка, а не зрочка виденье./ Что за Окою – тайна, и Ока – лишь знание о ней шль заблужденье./ ...Вход в этот цвет лишь ощути отверстие./ Не рыщу я сокровитого порога./ Какого рода белое окрест,/ если оно белее, чем природа?/ ...Сужает круг все сущее кругом./ Белеют вместе цельность и подробность./ Во впадине под ангельским крылом/ вот так бело и так темно, должно быть./ ... Оно [пространство. – О.М.] – влюбленный согляда-тай мой./ Вот мучит белизною самодельной,/ но и прощает этой белизной / вину моей отлучки семидневной...

МСС «все-белизна – белые – белок – белое – белее – белеют – бело – белизна» выполняют функцию ключевых слов в этом стихотворении. Данная цепочка характеризует нечто, чему свойствен белый цвет. И действительно, в стихотворении описывается мятежное состояние природы, метель, которую застаёт лирическая героиня, расставаясь с другом и возвращаясь в Тарусу. Вот фабульный план этого стихотворения, который оказывается отправным толчком для внутренней рефлексии героини.

Оставляя пространство друзей, лирическая героиня оказывается перед лицом совсем иного пространства, пространства бытия, природы, пространства, поражающего своей масштабностью, неразгаданностью и таинственностью. Оно покрыто белой пеленой и жаждет своего воплощения в слове. Пространство таит под своей белизной множество предметов, явлений, в суть которых должна вникнуть лирическая героиня, чтобы воплотить ее в слове.

Белизна пространства имеет знаковый и двойственный смысл. С одной стороны, это непроницаемая для взгляда пелена мира, а с другой – белый цвет пространства – это цвет изначальности, таящей в себе разноцветность, разнообразие жизни. Не каждому человеку дано проникнуть сквозь сплошной цвет белизны и узреть многообразную суть жизни. Для многих людей метель так и остается метелью, поверхностный, предметный план жизни остается первичным. Большинство людей не может преодолеть зренье белка. Белок как часть глаза человека становится символом слепоты, непроглядной белизны, которую не может исчерпать в себе человек.

Таким образом, бытийный аспект описания природы (все-белизна) трансформируется в признаковый (белые нети), прием оживления внутренней формы слова белок заставляет изменить направление восприятия от внешне-описательного к внутренней рефлексии, адъективное прила-

гательное (белое) заостряет метафизическую сущность описываемого (это белое белее самой природы), которая проецируется на остальное пространство стихотворения. Далее раскрывается динамический аспект описания – «белеют вместе цельность и подробность» – т.е. не становится белого цвета, а приобретают метафизическую скрытность и неразгаданность. Затем наречие (бело) эксплицирует внутреннее состояние человека, не вникающего в суть белизны. И в конце стихотворения белизна воспринимается уже как свойство пространства, способного творить, создавать себе покров. Даже лирическая героиня не может разгадать сути этого творчества (*Уж если ты себя творишь само,/ скажи: в чем смысл? В чем тайное веленье?*), есть только знание его таинственности и загадочности.

Это, безусловно, не все смыслы стихотворения, но это доминирующие смыслы данного произведения, актуализированные мотивационной цепочкой. Мотивационная сцепка как бы отражает ход мысли героини.

Глобальная связность стихотворения, выраженная МСС, приводит к целному восприятию произведения.

В стихотворении А. Вознесенского «Скука» [3] также используются текстоформирующие свойства МСС: *Скука – это пост души,/ когда жизненные соки/ помышляют о высоком./ Испушеньем не греши./ Скука – это пост души,/ это одинокий ужин,/ скучны вражьи кутежи,/ и товарищ вдвое скучен./...Скукотища, скукота.../ Скука создавала Кука,/ край любезнейший когда/ опротивеет, как сука!/ ...Хохмой вывернуть тоску?/ Может, кто откусит ухо?/ Ку-ку!/ Скука /...Скучно через полпрыжка/ потолок достать рукою./ Скучно, свиснув с потолка,/ не достать паркет ногою.*

С помощью МСС не просто акцентируется основная тема произведения. Частеречное варьирование слов внутри мотивационной цепочки призвано описать состояние тоски в разных ее аспектах, в результате чего нагнетается соответствующая атмосфера стиха.

МСС в качестве ключевых слов, “отвечающих” за глобальную связность текста, отличаются от лексического повтора еще и тем, что в основе их связи может лежать семантическая мотивация, которая открывает образную перспективу стихотворения. Так, в одном из своих переводов («Танцы в Венском лесу» (И. Нонешвили) [4]) Е. Евтушенко, следуя своей манере письма, активно использует МСС в качестве ключевых моментов произведения: *Грузины танцуют в Венском лесу, / и танец их Венскому лесу к лицу.../ И слышится где-то/ пастушечий рог,/ и отблеск Кавказа/ на Альпы лег./ Мальчишки/ покачиваются на весу.../ Грузины танцуют в Венском лесу. / Танцуют огни / их глаз молодых, / и Терек танцует/ в жилах у них!.../ А вот – / как Грузия наша сама,/*

*сводя и платаны даже с ума,/ земли не касаясь, / грузинка идет,/и ка-
жется всем – / полетит вот-вот!! / Заворожены,/ тихи и немые,/ смот-
рят индийцы,/ французы,/ немцы...*

В данном стихотворении с помощью МСС автор намеренно подчеркивает и выделяет особое место грузин на празднике. Здесь важно лексическое окружение МСС, которое усиливает акцентировку темы. А вторая мотивационная сцепка на основе семантической мотивации добавляет образные краски в ткань стиха, делая его живым и ритмичным.

Итак, роль мотивации в организации стихотворных текстов, в осуществлении их глобальной связности значительна. Благодаря своей двойственной природе МСС способствуют не только структурной связности поэтического текста, но и целостному его восприятию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
2. *Ахмадулина Б.* Всемирная библиотека поэзии: Избранное. Ростов-н/Д: Феникс, 1998.
3. *Вознесенский А.* Дубовый лист виолончельный: Избранные стихотворения и поэмы. М.: Художественная литература, 1975.
4. *Евтушенко Е.* Тяжелее земли. Тбилиси: Мерани, 1979.

ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ СОЗНАНИЕМ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

О.Л. Михалёва
(Иркутск)

Проблема манипулирования человеком, его сознанием и поведением неоднократно ставилась в XX в. отечественными и зарубежными исследователями [1, 3, 4, 6, 7, 10, 11]. Она рассматривалась в рамках работ, посвященных проблемам развития общества (в частности, в рамках теории коммуникации), философским, социологическим и психологическим аспектам политики.

В настоящее время интерес к этой проблеме обоснован парадоксальностью социально-психологической и политической ситуации в российском обществе, заключающейся в том, что в современных условиях большинство населения не может осуществить политический выбор на основе учета своих собственных интересов. Кроме того, политологи констатируют низкую политическую культуру и отсутствие умения отразить личный политический выбор и его последствия для будущего [5, с. 5]. Свой выбор значительная часть общества и населения страны осуществляет не на основе рациональной оценки программ определенных политических движений и их лидеров или их решений и деятельности, а на эмоциональном уровне, на основе сложившегося соотношения симпатий и антипатий, степени доверия и недоверия к конкретным лидерам и организациям.

Поэтому в последнее время активизировались исследования проблемы манипуляции человеком, его сознанием и поведением не только на теоретическом, но и на прикладном уровне. Так, П.Б. Паршин выделяет несколько различных направлений, к которым можно отнести исследования в области манипуляции [8, с. 2]:

- теоретические исследования манипуляции и родственных явлений в различных сферах общественной практики, дисциплинарно принадлежащие психологии, лингвистике, семиотике, социологии, этике и политологии;
- исследования конкретных случаев манипуляции, обычно либо общеизвестных и вопиющих («знаменитых лингвистических преступлений»), либо, наоборот, «недооценённых» (чаще всего современных), а также мемуары их свидетелей;
- публикации прикладного характера, обычно позиционируемые как руководства по противодействию манипуляции (хотя иногда и по ее осуществлению).

Работы современных исследователей закономерно подводят к выводу о необходимости перевода философско-теоретического осмысления этой проблемы в область прикладных научных исследований.

Следует отметить определенные различия, имеющиеся в работах разных учёных, в подходах к выделению структуры и основных составляющих рассматриваемой проблемы. В то же время анализ существующих подходов позволяет выделить некоторые основные положения, которые разделяются многими специалистами в этой области и которые могут быть достаточно эффективно использованы при рассмотрении проблематики теории манипуляции.

Так, большинство исследователей сходятся во мнении, что отличительной чертой манипуляции является отношение к партнеру по взаимодействию не как к личности, обладающей самооценностью, а как к объекту или специфическому средству, посредством использования которого достигаются, как правило, скрывающиеся цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются собственные потребности без учета интересов, воли и желаний другой стороны – человека, выступающего в качестве объекта манипуляций.

В частности, Б.Н. Бессонов под манипуляцией понимает «форму духовного воздействия, скрытого господства, осуществляемого насильственным путём» [1, с. 117], Д.А. Волкогонов делает акцент на «управлении изменением духовного мира» [4, с. 95], R. Goodin обращает внимание на «скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого» (цит. по [6, с. 51]), В.Н. Сагатовский акцентирует внимание на «отношении к другому как к средству, объекту, оружию» [9, с. 84 – 85], с этим мнением перекликается представление Э. Шострома о манипуляции как о «управлении и контроле, эксплуатации другого, использовании его в качестве объекта, вещи» [11, с. 5]. Г. Шиллер определяет манипуляцию как «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [10, с. 87]. W. Riker говорит о манипуляции как о таком «структурировании мира, которое позволяет выигрывать» (цит. по [6, с. 51]), L. Proto указывает на «скрытость влияния при совершении выбора» (цит. по [6, с. 51]).

Таким образом, на основе приведённых определений представляется возможным осуществить отбор критериев, необходимых и достаточных для конструирования собственного определения манипуляции.

Указание Б.Н. Бессонова и Д.Н. Волкогонова на то, что это «форма духовного воздействия» [1, с. 117] и «управление изменением духовного мира» [4, с. 95], позволяет задать родовую принадлежность определяемого понятия – это тип духовного, психологического воздействия на человека или социум. Сюда же примыкает критерий из определения Г. Шиллера (о том, что

манипуляция – это «программирование мыслей, намерений» [10, с. 87]), дающий указание на то, что психические структуры – это мишени воздействия.

Важное измерение вводится благодаря определениям Э. Шострома и В.Н. Сагатовского: «с высоты собственного «Я» манипулятора Другой превращается в «ОНО» [11, с. 5], низводится до «уровня вещей, подвластных контролю и управлению», когда «один субъект рассматривает другого как средство или помеху по отношению к проекту своей деятельности, как объект особого рода» [9, с. 84 – 85].

Ряд признаков характеризует функцию манипуляции. Критерии из определений Д.Н. Волкогонова [4, с. 95], Э. Шострома [11, с. 5] и W. Riker (цит. по [6, с. 51]) («господство», «управление», «контроль» и «структурирование мира»), по справедливому замечанию Е.Л. Доценко, «указывают на стремление манипулятора активно влиять на события, структурируя мир согласно своим интересам» [6, с. 57].

Признаки из определений Б.Н. Бессонова и L. Proto («скрытое господство» [1, с. 121] и «скрытость влияния» (цит. по [6, с. 51]) фиксируют внимание на одной из наиболее важных особенностей манипуляции – скрытости воздействия.

Следует учитывать и тот факт, что манипуляция только тогда будет успешной, когда факт воздействия на адресата им самим не осознаётся, а конечная цель манипулятора ему неизвестна.

В результате анализа приведенных определений манипуляции нами выделено несколько признаков, претендующих на то, чтобы войти в создаваемое определение:

- психологическое воздействие (родовой признак);
- отношение манипулятора к другому как к объекту или средству достижения собственных целей;
- скрытый характер воздействия.

Кроме того, следует согласиться с мнением Е.Л. Доценко о необходимости добавления к перечисленным признакам ещё и обозначения такого эффекта манипуляции, как побуждение адресата к совершению определённых манипулятором действий [6, с. 60].

В результате проведённого анализа предлагается следующее определение:

Манипуляция – это вид психологического воздействия, направленного на побуждение адресата к совершению определённых манипулятором действий в результате скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, установок, не совпадающих с теми, которые адресат мог бы сформировать самостоятельно.

На основании данного подхода к пониманию манипуляции попытаемся проанализировать текст предвыборного выступления Г.А. Явлинского для выявления и описания тех языковых средств, с помощью которых и осуществляется манипулирование сознанием слушающих.

Г.А. Явлинский (декабрь 1999 г.): *Сегодня нас беспокоит больше всего то, что может сделать Думу буквально парализованной. Все мы наблюдали с вами, как в течение этой кампании произошла схватка двух партий, сформированных властью.*

Одна из них «Единство», её придумала администрация президента. Другая – «Отечество – вся Россия», основу этого блока составляют региональные руководители, губернаторы.

Схватка оказалась просто смертельной. Мы не обсуждали на этих выборах ни программы, ни задачи, ни цели, ни подходы к решению насущных проблем. Драка шла совсем в другом направлении.

Если эти две партии займут в Думе решающие позиции, парализация продолжится. Дума окажется неспособной принимать самые важные, самые неотложные решения. Перетягивание каната остаётся главной политической задачей.

Говорящий рассматривает ситуацию, сложившуюся на выборах в Государственную Думу в декабре 1999 г. Он негативно оценивает действия соперников во время выборов, акцентируя внимание слушающих на партиях «Единство» и «Отечество – вся Россия».

Наблюдаемое использование личных местоимений в выражениях *Сегодня нас беспокоит...* и *Все мы наблюдали с вами...* способствует осуществлению манипулирования: в первом случае представлено мы-эксклюзивное, под которым понимается партия «Яблоко», представителем которой является Говорящий. А затем, употребляя мы-инклюзивное в выражении *«Все мы с вами»*, Говорящий присоединяет себя и тех, от лица которых он выступает, к слушающим. Иллюзия включённости усиливается благодаря использованию местоимений *«все», «с вами»*, содержащих в своих лексических значениях компонент общности, а используя глагол *наблюдали*, Говорящий тем самым исключает себя и свою партию, а также слушателей из участия в этой схватке. Такое навязываемое аудитории Говорящим объединение себя со слушателями позволяет ему скрыто внушить адресату мысль о том, что благодаря этой включённости все они вместе (он сам, созданная им партия и имеющаяся в данный момент аудитория) тем самым исключаются из числа оставшихся, т.е. тех, кто жаждет власти и пытается получить её любыми способами.

В следующем выражении *«...то, что может сделать Думу буквально парализованной»* реализован приём, который мы, вслед за Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмельёвым, называем «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию»

[2, с. 462]. Благодаря использованию данного приёма Говорящим имплицирована мысль о том, что сейчас Дума пока не парализована, но близка к тому. Кроме того, Говорящий, используя метафору «*Парализованная Дума*», навязывает слушающему своё виденье мира, побуждает адресата речи воспринимать окружающую действительность негативно. Поскольку данная метафора построена на сходстве ассоциаций, возникает образ существующего, но бездействующего, не способного что-либо реализовать органа власти – Государственной Думы. Представляя Думу больной, «парализованной», автор апеллирует к чувствам и эмоциям слушателя, создавая в его сознании параллельную связь с его собственным организмом, тем самым производя наложение проблем общества на личные проблемы слушателя.

Далее, используя слова *произошла схватка двух партий, сформированных властью*, говорящий с помощью ассерции, замаскированной под presupposition, а затем и используя приём речевой имплицатуры, обвиняет в произошедшем власть: сначала имплицирована мысль *'именно власть сформировала эти партии'*, затем – *'власть спровоцировала схватку'*.

В следующем предложении *Одна из них «Единство», её придумала администрация президента* партия «Единство» представлена говорящим не как субъект действия (т.е. такой участник ситуации, который способен осуществлять контроль над событиями), а как объект, на семантическом уровне представленный фактитивом, т.е. партиципантом (участником ситуации), обозначающим предмет, возникший, прекративший своё существование или подвергшийся изменению под влиянием каких-либо сил. Таким образом, говорящий внушает слушающим мысль о зависимом положении людей, входящих в эту партию, лишает их способности действовать самостоятельно. Эта мысль подкреплена использованием глагола *придумать*, содержащим в своём лексическом значении сему «ненастоящести», «фантомности».

В третьем абзаце Говорящий употребляет в качестве прагмем¹ лексемы «*схватка*» и «*драка*», используя их как синонимы, с одной стороны, и фактически противопоставляя благодаря игре на оттенках значения – с другой.

Ср. Драка – *'взаимные побои, вызванные ссорой, скандалом'*.

Схватка – *'столкновение в бою, в борьбе'*.

Лексема «*драка*» вносит оттенок бытового, сниженного. Используя после двойного употребления лексемы «*схватка*» лексему «*драка*», говорящий разрушает созданный им образ великого столкновения двух сил, даёт сниженную характеристику анализируемой ситуации, выражая тем самым своё негативное отношение к происходящему.

¹ Под прагмемами мы понимаем лексемы, вобравшие прагматическую ситуацию в ядро своего лексического содержания, в силу чего имеющие возможность употребляться как законченные суждения о том, что они обозначают.

Кроме того, *схватка* охарактеризована говорящим как смертельная, т.е. использовано слово, обозначающее реалию, негативно оцениваемую социумом *Смертельный МАС 1. Такой, который может или должен привести к смерти, к гибели.*

В предложении *Мы не обсуждали на этих выборах ни программы, ни задачи, ни цели, ни подходы к решению насущных проблем* благодаря ассерции, маскирующейся под пресуппозицию *У нас имеются насущные проблемы'*, имплицирована мысль, что именно эти проблемы Дума должна была решать в первую очередь.

Этот же приём реализован и в предложении *Если эти две партии займут в Думе решающие позиции, парализация продолжится*, через ассерцию, замаскированную под пресуппозицию, слушающим внушается мысль: то, что говорящий называет парализацией, уже существует. В этом же контексте имплицирована мысль *'парализация продолжится при условии прихода к власти «Единства» и «ОВР», только борющихся за власть и не собирающихся решать насущные проблемы.'*

В последних трёх предложениях отрывка под видом политического прогнозирования Говорящим осуществлена попытка программирования слушающих (с положительным именно для данного политика результатом). Используя глаголы совершенного вида, говорящий тем самым имплицировывает мысль, что действия, названные глаголами *«занять», «продолжиться», «оказаться»,* обязательно произойдут, поскольку семантика совершенного вида свидетельствует о достигнутом результате.

В предложении *Перетягивание каната остаётся главной политической задачей* под тем, что названо идиомой *перетягивание каната*, подразумевается борьба за власть, с помощью приёма «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию» имплицирована мысль, что эта борьба была и остаётся главной задачей «Единства» и «ОВР».

Таким образом, лингвистический анализ даже такого небольшого отрывка из выступления политика позволяет констатировать наличие большого количества специальных языковых средств, с помощью которых Говорящим осуществляется воздействие на адресата:

- приём «ассерции, маскирующейся под пресуппозицию»;
- приём использования речевой имплицатуры;
- использование лексем, обозначающих реалии, отрицательно оцениваемые социумом;
- использование прагмем;
- специфическое использование личных местоимений;
- использование глаголов совершенного вида, создающее специфическую перфектную перспективу;
- приём устранения субъекта действия.

Все проанализированные языковые средства использованы для реализации скрытого воздействия (потому самым употребительным (4 случая) в данном отрывке является приём «ассерции, маскирующейся под пресуппозицию»: даже среди прочих замаскированных приёмов он максимально завуалирован, поскольку в силу своей природы осуществляется на семантическом уровне), что и позволяет Говорящему манипулировать сознанием слушающих, скрыто внедряя в психику адресата цели, мнения, установки, необходимые в борьбе за власть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М.: Изд-во МГУ, 1971.
2. Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Приёмы языковой демагогии: апелляция к реальности как демагогический приём // Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
3. Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М.: Прогресс, 1981.
4. Волкогонов Д.А. Психологическая война. М., 1983.
5. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 1999.
6. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Юрайт, 2000.
7. Кассирер Э. Техника современных политических мифов // Вестник МГУ. 1990. Сер. 7. Философия. № 2.
8. Паршин П.Б. От такого и слышу: о содержании и узусе понятия манипуляции <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Parshin.htm>
9. Сагатовский В.Н. Социальное проектирование (к основам теории) // Прикладная этика и управление нравственным воспитанием. Томск, 1980.
10. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
11. Шостром Э. Анти Карнеги, или Человек-манипулятор. Минск, 1992.
12. Goodin R.E. Manipulatory politics / Yale U.Pr. New Haven; L., 1980.
13. Proto L. Who's pulling your strings? How to stop being manipulated by your own personalities. Wellingborough. Thorsons, 1989.
14. Riker W.N. The art of Political Manipulation / Yale U.Pr. New Haven; L., 1986.

ПРОЦЕСС ИМЕНОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ В ТОМСКЕ В XVII ВЕКЕ

Е.В. Мороз
(Томск)

Трудность описания топонимической системы Томска XVII в. состоит в том, что сохранилось мало письменных источников этого периода, где зафиксированы имена мест. Документы этого периода малочисленны, отличаются деловой направленностью и смогли запечатлеть узкий круг топонимов. Издания XVIII в. носят описательный характер (карты, планы, панорамы, чертежные книги). Последующие издания XIX–XX вв. уже слишком далеки от истоков томской истории. Авторы опираются на имеющиеся сведения по истории Томска и логическим путем устанавливают, что могло происходить в городе. В этом случае часть названий можно считать вероятными.

В XVII в. город прошел путь от крепости к городу, став сначала военным, а затем административным центром [1, с. 17]. Кроме того, «положение города для произведения торгов с калмыками и монголами весьма выгодно» [2, с. 3].

Изучая события минувших дней, представляется возможным отнести к XVII в. следующие названия. Так, А. А. Хахалкин в «Хрониках событий XVII века» [1] упоминает следующие топонимы:

1601 г. – в устье *р. Ушайки* – притока *Томи*, русскими построен острожек (укрепленное зимовье);

1606 г. – в *Верхнем городе* завершено строительство *храма во имя Святой Живоначальной Троицы* (Троицкой церкви);

1609 г. – на левом берегу *Томи*, против устья *Ушайки*, был создан «*колмацкий торг*» для торговли с кочевниками и иноземцами;

1622 г. – в Томске на *Воскресенской горе* открыт *Успенский мужской монастырь*, при котором строится *Успенская церковь*, переименованная в 1634 г. в *Воскресенскую церковь*, по имени которой получила свое название *Воскресенская гора*.

1629 г. – томским воеводой *Петром Пронским* начато строительство *Нижнего города* и *острога* недалеко от устья реки *Ушайки*;

ок. 1639 г. – построена *Благовещенская церковь* в районе *Уржатской слободы*;

1652 г. – в *Нижнем городе* построена *Духовская церковь*;

1654 г. – постройка новой *деревянной Троицкой Соборной церкви*. Она являлась самым высоким шатровым храмом в истории русского деревянного зодчества (51 метр без креста, с крестом – 54 метра);

1662 г. – переведение мужского монастыря Пресвятой Богородицы с устья Большой Киргизки в Томск на место упраздненного монастыря св. Алексея. Закладка монастыря была произведена на Юрточной горе старцем Ефремом. Царем Алексеем Михайловичем в храм монастыря были пожертвованы колокола, иконы и церковная утварь. С этого времени монастырь именуется *Богородице-Алексеевским*. В 1633 г. закончено его строительство. В 1668 г. при набеге инородцев монастырь был опустошен;

1678 г. – монастырскими крестьянами из Тобольска по грамоте царя Федора Алексеевича основан новый район города «Новая деревня», расположенный на берегу Ушайки;

1678–1679 гг. – воевода П.Л. Львов велел укрепить и выровнять склон Воскресенской горы деревянным крепостным сооружением – «Обрубом»;

22 (12) ноября 1689 г. – царским указом учреждается Московско-Сибирский тракт;

1696 г. – в Богородице-Алексеевском монастыре архимандритом Ионой (Греком) открыта для жителей Томска *школа церковного благочестия*;

22 (12) апреля 1697 г. – Указом царя Петра I в Томске упразднен основанный в сер. – к. XVII в. *Знаменский женский монастырь*. Монастырь был упразднен в числе 21 монастыря из 37 существующих в Сибири.

В работе З. Я. Бояршиновой «Основание г. Томска» [3, с. 25] мы находим указания на названия поселений коренных жителей томской земли. «В окрестностях Томска таких нерусских поселений было немного: *Тоянов городок, Евагин городок, поселения татар Басандая и другие*».

В книге «Город Томск в феодальную эпоху» Н. Ф. Емельянов так описывает местоположение крепости: «Крепость занимала весь юго-западный мыс Воскресенской горы. Юг – Ушайка. Восток – болотистая местность, запад – крутой обрыв, а далее до Томи песчаная низменность. С севера естественных преград не было» [4, с. 20]. И далее: «К концу 20-х гг. 17 века началось строительство соборной церкви Троицы... к 1634 г. крепостные сооружения были расширены, т. е. появился нижний острог» [4, с. 21; 5, с. 33–34]. О самой крепости автор пишет так: «В 1652 г. в городе появился новый центр (по Чертежной книге Сибири) С.У. Ремезова). Город был окружен стеной с семью крепостными башнями, три из них стояли на стене, обращенной к Ушайке, три на стене между городом и острогом и одна на стене, обращенной к Томи. В северной крепостной стене – ворота, ведущие из крепости» [4, с. 23]. О других городских объектах: «5 церквей за чертой крепости:

Богоявления (1630), *Благовещения* (1663), *Духа Святого* (1652), *Алексеевский монастырь* (1663), *Девичий монастырь* (1622 или 1677)» [4, с. 32; 7, с. 23].

В книге В. Славина «Томск: от города к крепости», кроме уже перечисленных, упоминаются также *р. Басандайка* (с. 11), *Мельничный взвоз* – соединял крепость с пойменной равниной (с. 31), *Белое озеро* (с. 37), *р. Белая* (с. 38), *Верхняя и Погорная Елань*, *Соляная площадь* (с. 38), *Кузнечные взвозы 1 и 2* (с. 38), *Дальний ключ* (с. 39), *гора Каштак* (с. 41), *Иркутский тракт* (с. 42), *Нижний торг* (с. 53), *тракт на Москву* (с. 55), *Торговый Нарымский тракт* (с. 57), *заречный Нижний посад* (с. 74), *Юрточная гора* (с. 75), *женская Христорождественская обитель* (с. 76), *р. Игуменка* (с. 90), *Татарская слободка* (с. 90).

В сборнике «Из истории земли Томской» указано, что в томской крепости было семь башен [6, с. 30]. «Со всех сторон и у 2-х ворот, расположенных на северной и южной сторонах, крепость имеет деревянные башни... На колокольной башне Соборной церкви имеются часы с боем, которые отбивают время по старинке, с восходом и закатом солнца» [4, с. 76]. Известны названия двух проездных башен: *Спасская и Воскресенская* [6, с. 30] Названия остальных башен зафиксированы в «Росписи Томскому острогу...» [7, с. 24–25]. Это *Наугольная башня*, *Бугровая взвозная башня*, *Бугровая острожная башня*, *Отболотная башня*.

В этом же документе фигурируют названия стен города и острога: *стена городовая передняя*, *стена городовая задняя*, *стена острожная от Киргизского прихода*, *стена другая острожная от Томи реки*, а также названия некоторых объектов: *Мельничный бугор*, *Воеводские хоромы*, *Зеленый погреб*.

В итоге мы имеем список из 56 наименований, в том числе:

Гидронимы (названия водных объектов) – *р. Томь*, *р. Ушайка*, *р. Белая*, *р. Басандайка*, *р. Игуменка*, *Белое озеро*, *Дальний ключ*, *р. Малая Киргизка*, *Нестояново озеро* (9).

Городские хоронимы (названия районов) – *Болото*, *Пески*, *Татарская слободка*, *Уржатская слободка*, *Новая деревня*, *Тоянов городок*, *Евагин городок*, *поселения татар Басандая*, *Нижний город*, *Эуштинские юрты* (10).

Экклезионимы (названия церквей) – *Успенская* (*Воскресенская*), *Троицкая Соборная*, *Во имя Святой Живоначальной Троицы*, *Святого Духа*, *Богоявления*, *Благовещения*; (названия монастырей) – *Успенский мужской*, *Богородицкий* (*Усть-Киргизский*) *мужской*, *Алексеевский мужской*, *Никольский женский*, *Знаменский женский*, *Христорождественский женский* (12).

Дромонимы (названия дорог, взвозов) – Иркутский тракт, тракт на Москву, Торговый Нарымский тракт, Мельничный взвоз (4).

Оронимы (название возвышенностей) – гора Каштак, Юрточная гора, Мельничный бугор (3).

Названия башен – Воскресенская, Спасская, Бугровая взвозная, Бугровая острожная, Наугольная, Отболотная (6).

Названия стен крепости – городова передняя, городова задняя, острожная от Киргизского прихода, острожная от Томи реки (4).

Эргонимы (названия учреждений) – школа церковного благочестия, Воеводские хоромы, Зелёный погреб, Соляные амбары, Хлебные амбары (6).

Агроонимы (название возделанных земель) – Верхняя Елань, Подгорная Елань (2).

Обозначим принципы номинации в томских топонимах XVII в.

I. Номинация по связи с человеком (23):

1) по антропониму: Тоянов городок, Ушайка, р. Басандайка, Евагин городок (4);

2) по имени святого: Успенская церковь, Воскресенская церковь, Троицкая Соборная церковь, храм во имя Святой Живоначальной Троицы, церковь Святого Духа, Богородицкий мужской монастырь, Алексее-Богородицкий мужской монастырь, Никольский женский монастырь, Знаменский женский монастырь, Христорождественский женский монастырь, Спасская башня (11);

3) по роду службы, социальному положению, сословной характеристике – р. Игуменка, Воеводские хоромы (2);

4) по торгово-хозяйственной деятельности человека в XVII в.: Соляные амбары, Хлебные амбары, Зелёный погреб (3);

5) по этнической принадлежности – р. Киргизка, Татарская слободка, Эуштинские юрты (3).

II. Номинация по одному из существенных признаков самого объекта (10):

1) почвенно-гидрологические условия: Белое озеро, р. Томь («темная вода»), р. Белая, Болото, Пески, Каштак (6);

2) указание на местонахождение: Нижний город, Нижний торг, Наугольная башня (3);

3) по времени создания самого объекта: Новая деревня (1).

III. Номинация по отношению к другому объекту (5):

1) по приближенности к природным объектам – Отболотная башня, Уржатская слободка (2);

2) по приближенности к искусственно созданным объектам: Мельничный взвоз (1);

3) по названию населенного пункта: Иркутский тракт, тракт на Мокву (2).

IV. Смешанный тип номинации (16):

1) по существенному признаку (характер ландшафта) и местонахождению: Верхняя Елань;

2) по существенному признаку и по отношению к жилищу аборигенов: Юрточная гора;

3) по существенному признаку и по отношению к объекту: Подгорная Елань, Мельничный Бугор (2);

4) по этнической принадлежности и виду жилища аборигенов: Эуштинские юрты;

5) по роду хозяйственной деятельности и по названию населенного пункта: Торговый Нарымский тракт (1);

6) по принадлежности к другому объекту и местоположению данного объекта: Бугровая острожная башня, Бугровая взвозная башня, Городовая передняя стена, Городовая задняя стена, острожная от Киргизского прихода стена, Острожная от реки Томи стена (6);

7) по этнической принадлежности и размерам самого объекта – р. Малая Киргизка (1).

По способам образования топонимов можно выделить несколько словообразовательных типов:

I. Безаффиксные топонимы: Болото, Обруб;

форма, омонимичная производному прилагательному, – Белое озеро, р. Белая.

II. Аффиксальные топонимы: Пески (топоформант – И. мн. ч.) – pluralia tantum;

суф. -К – Киргизка, Игуменка, Троицкая церковь, р. Ушайка, р. Басандайка;

суф. -СК – Иркутский тракт, Воскресенская башня, Спасская башня, Успенская церковь, Успенский монастырь, Знаменский монастырь, Уржатская слободка, Татарская слободка, Эуштинские юрты, Воеводские хоромы, Нарымский тракт;

суф. -ОВ- – Тоянов городок, Нестояново озеро – с последующей демотивацией (2).

III. Приставочно-суффиксальные топонимы – Отболотная, Наугольная.

IV. Сложные топонимы – слова, осложненные суффиксами: Христорождественская, Усть-Киргизский, Алексее-Богородицкий.

V. Топонимы – словосочетания, образованные:

1) по способу согласования: Верхняя Елань, Подгорная Елань. Верхний острог, Нижний острог, Мельничный Бугор, Соляная площадь,

Тоянов городок, Евагин городок, Эуштинские юрты, Бугровая острожная башня, Городовая задняя стена, Городовая передняя стена, Воеводские хоромы;

2) по способу управления: тракт на Москву, острожная от Киргизского прихода стена, острожная от реки Томи стена.

Как видим, в XVII в. на топонимической карте Томска представлены 4 словообразовательных типа и 4 принципа номинации топонимов. Ведущий принцип номинации – по отношению к человеку, ведущий словообразовательный тип – топонимы словосочетания.

Процессу номинации подвергались естественные и искусственные объекты, находящиеся в поле жизни и деятельности горожан: дороги, природные объекты в непосредственной близости проживания, возведенные жилые, военные, культовые и административные сооружения. По топонимам, таким образом, мы можем судить о жизни Томска в XVII в.

Большое место в жизни первых поселенцев занимала церковь; пока еще не появились ремесла, но уже развивается торговля, люди возделывают близлежащие земли. Томск отражает набеги кочевников, поэтому такое большое значение имеет крепость в жизни города. Имена имеют и башни, и стены. Томск не отрезан от Руси, расположен на большой дороге (тракте), соединяющей Москву с окраинами Сибири.

Мы можем определить, какова в окружении Томской крепости местность: пески, болота, горы и бугры; что влияние человека на местную природу не было губительным: озера и реки пока белы.

Мы также можем сделать вывод, что русские живут в мире с аборигенами земли томской, что существуют разные виды жилья: и традиционно русские (хоромы), и национальные (юрты). Присутствие тюркоязычного населения на томских землях также иллюстрируют словообразовательные модели топонимов, когда тюркские корни слов соседствуют с русскими суффиксами (Уржатка), сохранены коренные названия, появились названия по этнической принадлежности.

Многообразие способов образования и принципов номинации топонимов показывает, что формирование топонимической системы Томска только начинается. Топонимы-словосочетания представляют больше половины всех топонимов XVII в. Многие из перечисленных выше еще и не топонимы, а свободные словосочетания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лугачев А. Томск в 17 веке. Очерки по истории Томска: Альманах. Томск, 1945. Июль.
2. Город Томск. Томск, 1912.

3. К предстоящему в 1954 г. 350-летию города Томска / З.Я. Бояршинова // Вопросы географии Сибири/ Ред. Н.А. Нагинский; Геогр. об-во СССР, Томский отд., Томский гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. Томск: ТГУ, 1953. С. 21-48.
4. *Емельянов Н. Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984.
5. *Бояршинова З. Я.* Основание города Томска // Вопросы географии Сибири: Сб. 3. Томск, 1953.
6. Из истории земли Томской: Сб. документов и материалов. Томск, 1978.
7. Томск в 17 веке: Материалы для истории города со вступит. и заключит. статьями прив.-доц. П. М. Головачева и картой окрестностей Томска конца 17 века.

**О ПОНЯТИЯХ «ТЕХНИКА», «ТЕХНИЧЕСКИЙ ФРАГМЕНТ
КАРТИНЫ МИРА», «ТЕХНОСФЕРА» И «ТЕХНИЦИЗМ»
(к проблеме образа человека в русской языковой картине мира)**

М.Н. Никонова
(Омск)

Человек формирует образ мира, картину мира (КМ) с помощью различных семиотических систем, которые выполняют роль опосредующих символических структур, «призм мировидения» при многообразных контактах его с миром. «Каждая КМ запечатлевает в себе определенный образ мира», ... «определенное видение действительности, смысловое конструирование мира в соответствии с определенной логикой миропонимания и миропредставления» [1, с. 32].

Семиотической системой, занимающей базисное положение в системе средств объективации других КМ, опосредующей практически все другие КМ, является язык, который в антропологической лингвистике исследуется в новой парадигме и в новом статусе – как организатор человеческого познания, использующий процесс концептуализации – членения мира и закрепления этого членения по преимуществу вербальными средствами естественного языка. «Образы мира, запечатленные в семантике языка, образуют языковую картину мира (ЯКМ)» [2, с. 8].

Ключевую позицию в ЯКМ занимает концепт человек, который представлен в разных ипостасях, многолик, что объясняется, по мнению Ю.С. Степанова, культурной ценностью самого человека как части мира: «Предметы «параметризуются» в зависимости от того ряда, к которому их относят или в отношении к которому их рассматривают. Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него «параметров» [3, с. 552]. В русской языковой картине мира (РЯКМ) образ человека видится как важнейший ее фрагмент, как деятельное существо – субъект высказывания, прежде всего, но одновременно он и объект, «персонаж высказываний».

«В соответствии с предложенной квинтэссенцией образа человека в ЯКМ человек в языке и посредством языка выражает не только свою рациональную точку зрения на мир и на себя, но и изображает, символизирует себя, присваивая себе такие качества, способности, роли, какие только может подсказать ему безгранично свободное и богатое воображение» [2, с. 10]; так все активнее человек наделяет себя «техническими» признаками.

Исходя из научной КМ, разработанной теоретическим естествознанием на основе одного из типов мышления, так называемого техниче-

ского, человек создает для своих нужд специальные технические устройства и вступает с ними во взаимодействие, реконструируя тем самым один фрагмент КМ – технический (ТФКМ) и создавая один из многочисленных образов бытия – образ мира как гигантской машины, «мегамашины», в которой человек – элемент техники, машинной системы, механизм, винтик.

Элементы ТФКМ – соответственно ЯКМ – подвергаются семантической трансформации, антропологизации, в сфере обозначения человека. Этот процесс в современном русском языке активизируется, во-первых, в связи с внедрением не только в специальные технические производства, но и в быт огромного количества технических изобретений, особенно электронных; во-вторых, этот процесс обусловлен не прямыми потребностями номинации, а недостаточностью в языке «первичной» экспрессивной лексики для репрезентации концептов семантического поля человека. Содержание слов-технизмов в этом случае не определяется их денотативными признаками, т. к. цель их использования не в выделении и фиксации определенного класса явлений, а в том, чтобы выразить особенность данного референта, то есть данного единичного объекта, «классовая принадлежность» которого определена заранее каким-то другим способом. Содержание определяется их экспрессивностью, включающей эмоциональность и оценочность. Таким образом, появление ТГ технизмов, применяемых к человеку с целью его экспрессивной характеристики, – это закономерный результат взаимодействия ТФКМ и ЯКМ (последней как средства экспликации первой и др.) под все усиливающимся влиянием НТР. Это одно из проявлений феномена вторичной антропологизации, анализ которого представляется весьма важным, т.к. данная ТГ входит в категорию активно пополняемых ТГ современной РЯКМ.

Для проведения систематизированного исследования антропологизированных технизмов и установления их роли в концептуализации образа человека в РЯКМ необходимо в первую очередь определить понятия «техника», «технический фрагмент картины мира», «техносфера» и «технизм», т. к. на сегодняшний день нет их общепринятых определений; понимание их существует только эмпирически.

В работе О.Л. Каменской попутно определяется понятие «техносферы» – «целый мир, включающий в себя социально-функционирующие искусственные внешние объекты – предметы – посредники, в которых объективировано и закреплено большинство видов знания: орудия, инструменты, машины, приборы, сооружения, постройки, а также тексты, схемы, графики, рисунки и т. д.» [4, с. 49]. В этом понимании границы техносферы очерчиваются слишком широко, и в нее оказываются вклю-

ченными сооружения и постройки, тексты, схемы, графики, рисунки и что-то еще, что автором обозначено как «и т. д.».

По данным словарей, «технический» – «относящийся к технике, связанный с ней или ее использованием» [5]. Специальные словари техникой называют «совокупность средств человеческой деятельности, создаваемых для осуществления процессов производства и обслуживания непроеизводственных потребностей общества» [6, с. 541], расширяя таким толкованием ее границы и включая в нее как производственную технику: собственно машины, механизмы, аппаратуру управления машинами и технологическими процессами и в том числе производственные здания и сооружения, дороги, мосты, каналы, средства коммуникаций, связи и т. д., так и непроеизводственную, к которой относят средства комплексного и бытового назначения: комплексные машины, легковые автомобили, велосипеды, мотоциклы, холодильники, телевизоры, пылесосы, спортивное и туристическое снаряжение, кино- и фотоаппаратуру и др. Особую группу составляют технические средства военного назначения: танки, артиллерия, ракеты и ракетные установки, военные корабли, лазерная аппаратура и т. п. [7, с. 532]. Данная точка зрения представляется не совсем логичной и обоснованной, т. к. согласно ей под технику можно подвести вообще все, что при помощи нее создано, в том числе пищу, одежду, мебель и т. д. На такое широкое понимание опирается Л.О. Каменская, и используемый ею термин «техносфера» представляется в этом случае наиболее уместным, т. к. в это понятие оказывается включенным и все то, что при помощи техники создается, даже если ею собственно не является.

В лингвистических словарях под техникой понимается «совокупность средств и орудий труда, развивающихся в системе общественного производства и служащих для создания материальных ценностей» [8], в том числе машины, механизмы, приборы, устройства, орудия той или иной отрасли производства.

Н.Ю. Шведова и др. в «Русском семантическом словаре» представляют «технику» как иерархизованную систему, толкуют через составляющие ее технические устройства, машины, станки, механизмы, приборы, инструменты, приспособления и выделяют 5 групп по степени сложности: 1) сложные машины, станки, агрегаты, узлы; 2) радио-, теле-, видео-, киноаппаратура, звукозаписывающие приборы, оптика, электроника; 3) измерительные, счетные приборы, медицинские аппараты; 4) нагревательные, охладительные, осветительные устройства; 5) разные инструменты, приспособления, простейшие орудия физического труда, орудия лова, предметы ухода за домашними животными [8, с. 96].

Такое понимание техники представляется наиболее верным и берется нами за основу, т.к. ориентировано оно на этимологию слова, его внутреннюю форму, рационалистическое понятие, ядро концепта «техника», которое можно определить как «приспособление, орудие, устройство, созданное человеком в процессе НТП и предназначенное для добывания, производства чего-либо, для упрощения, облегчения своей трудовой деятельности. Исторически техника прошла путь развития от примитивных орудий труда первобытного человека до сложнейших автоматических машин современного производства.

Достоинством такого подхода является то, что в технику не включены слова, называющие устройства, предметы и их части по собственной их функции, по форме, по внешнему виду, например, *наконечник, затычка, подпорка, покрытие, утеплитель, кружка, каркас* и т. д., а недостатком данной концепции, на наш взгляд, является выведение за пределы техники всех названий приборов, приспособлений, относящихся к области быта, а также к области канцелярского труда, черчения, рисования, спорта.

Таким образом, под техникой мы понимаем совокупность средств и орудий труда, человеческой деятельности, созданных и создаваемых человеком в процессе НТП для осуществления процессов производства и обслуживания непроеизводственных потребностей общества; включающих производственную технику – собственно машины, механизмы, приборы, устройства, инструменты, приспособления, станки, аппаратуру управления машинами и технологическими процессами и непроеизводственную – средства комплексного и бытового назначения: комплексные машины, легковые автомобили, велосипеды, мотоциклы, холодильники, телевизоры, пылесосы, спортивное и туристическое снаряжение, кино- и фотоаппаратуру, технические средства военного назначения: танки, артиллерию, ракеты и ракетные установки, военные корабли, лазерную аппаратуру и т. п., т. е. все сложные машины, станки, агрегаты, узлы, радио-, теле-, видео-, киноаппаратуру, звукозаписывающие приборы, оптику, электронику, измерительные, счетные приборы, медицинские аппараты, нагревательные, охладительные, осветительные устройства, разные инструменты, приспособления, простейшие орудия физического труда, орудия лова, предметы ухода за домашними животными, а также приборы, приспособления, относящиеся к области быта (например, электрический чайник, утюг и т.д.) и к области канцелярского труда, черчения, рисования (например, циркуль, ножницы и т.п.). Техника представляет собой систему, иерархизованную по степени сложности, классифицируемую по функциональному назначению (производственная, военная, бытовая, медицинская и т.д.), по отраслевой

структуре производства (техника транспорта, сельского хозяйства и т.д.) или применительно к отдельным структурным подразделениям производства (авиационная, мелиоративная и т.д.).

Соответственно, под ТФКМ мы понимаем фрагмент ККМ, включающий технику в обоснованном выше понимании, тогда как в техносферу включается и все то, что к технике каким-либо образом, прямо или косвенно, относится либо при помощи техники создается, даже если его собственно не является, например дороги, мосты, здания, сооружения; или обслуживает область техники, существует в этой области, например производственные («технические») отношения.

В русском языке функционирует определенная совокупность лексических средств, языковых единиц, служащая для выражения понятий, связанных с техникой; то есть в понятийном ядре этих языковых единиц есть интегральная сема «техника, технический», более точен в связи с этим термин «лексика технической семантики». Эта совокупность включает в себя значительный в количественном отношении и неоднородный тематически разнообразный набор слов и выражений, эксплицирующий ТФКМ, причем в ТФКМ отражается не только процесс труда (его средства и действия), но и результат: конкретные изделия, предметы, приспособления, механизмы, предназначенные для изготовления материальных благ, облегчения процесса труда человека. Исходя из этих посылок, технической лексикой мы считаем «часть словарного состава языка (слова, словосочетания, выражения), служащую для экспликации ТФКМ в принятом нами выше понимании, а именно для наименования (обозначения) реалий (предметов, действий, свойств, признаков, явлений, процессов), относящихся к технике, связанных с техникой как таковой».

Также для обозначения технической лексики представляется логичным употреблять термин «технизм», понимая его достаточно широко в отличие от значений, зафиксированных в словаре: «технизмом называется узкоспециальный термин в области техники; так, для обозначения разновидностей рубанка употребляются следующие названия: *галтель, горбач, дорожка, зензубель, калевка, медведка, стружок, шерхебель, шпунтубель*» [9, с. 357] или «технизм – термин, специальное слово, выражение, употребляемое в технике, на производстве и т.п.» [10, с. 606]. В нашем понимании технизм – вообще любое слово (сочетание, выражение) технической семантики, т.е. относящееся к технике и ТФКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988.

2. *Одинцова М.П.* Вместо введения: к теории образа человека в языковой картине мира // *Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка)*. Ч. 1. Омск, 2000. С. 8–11.
3. *Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
4. *Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
5. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.
6. Новый политехнический словарь. М., 2000.
7. Большой энциклопедический политехнический словарь. М., 1998.
8. Русский семантический словарь / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М., 2000.
9. *Розенталь Д.Э.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
10. Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.

МЕСТО КОНЦЕПТА «Я» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ «ИСТОРИЯ СЕМЬИ»

А. А. Павлова
(Белгород)

Познание человеком самого себя, определение своего места в картине мира занимали умы ученых и философов, начиная с Античности. Очевидно, однако, что представление субъекта о себе, или концепт «Я», не существует изолированно. Как значение лексической единицы лучше всего проявляется в контексте, так и человек ярче, прозрачнее всего раскрывается в своем ближайшем окружении – семье, где он выступает в различных ипостасях, исполняет многообразные социальные роли.

Если подходить к данной проблеме с позиции когнитивной лингвистики, наилучшим фиксируемым материалом, позволяющим смоделировать концепт «Я», является, на наш взгляд, рассказ (письменный или устный) об истории своей семьи. Построение концепта «Я», тем не менее, не является аналогом описания образа автора, поскольку работа по моделированию данного концепта предполагает выстраивание общего, *надындивидуального* образа «Я» в его отношении к такому же *надындивидуальному* образу «Истории семьи». Итак, выделим основные компоненты, входящие в состав «Я»-концепта.

«Я» как хранитель информации об истории своего рода. Данный элемент концепта реализуется в речи лексемами типа *расспрашивать, помнить, (хочу) рассказать, знать, хранить, восстанавливать, гордиться, дорожить (честью фамилии), помогать, поздравлять, думать, (часто) видаться, скучать, рассматривать (ордена), (навсегда) останется, (мне) осталось, оставить след, посещать могилы, поминальные дни, достойный внимания, интересный и увлекательный, светлая (память), уважать, уважаемый, уважение и почтение, забота, (память о них) жива, фамильная гордость, интерес к истокам, вызывать интерес, музей, поклон, род, предки, прародитель, древо, корни, ветвь, традиция, черты и т.д.* Названный компонент занимает крайне важное место в иерархии конститuentов «Я»-концепта, поскольку именно от автора рассказа о своей семье зависят такие факторы, как

- качество запоминаемой информации, отбор которой всегда будет обусловлен когнитивной «призмой» субъекта, а именно его знаниями, интересами, убеждениями;

- ассоциативный комплекс (возникающий при восприятии рассказа об истории своей семьи из уст других членов семьи), реализующийся в собственном рассказе;

- характер деления информационных единиц на фон (менее значимые с точки зрения автора факты) и фигуры (более значимые для него) [11, с. 53];

- новые гипотезы, выдвигаемые автором родословной, который «достраивает» ситуацию в соответствии со своим ее пониманием по принципу «заполнения пробелов» [Там же]. Например: *Судя по фотографии, в молодости это была красивая и, наверно, волевая женщина;*

- объем информации, которую захочет рассказать автор, поскольку вариант текста родословной всегда будет согласован с адресатом. Так, например, в каждой семье существует «детский» и «взрослый» вариант истории семьи, составленные (разумеется, подсознательно) таким образом, чтобы вызывать максимальный интерес слушателя, обеспечивающий, в свою очередь, наилучшее запоминание и хранение материала.

«Я» как одна из ветвей рода и его продолжатель, который мечтает увидеть себя в своих детях и внуках (В.А.) При чем продолжение рода предполагает передачу и сохранение не только генетической информации (*Мы находим в себе черты своих предков* (В.А.)), но и добра, хороших дел, начатых предками. Так, один из рассказов о своей семье заканчивается предложением: *И я думаю, что смогу принести немалую пользу, работая по благоустройству теперь моего родного города* (Г.А.). Многие авторы подчеркивают (чаще косвенно), что они *обязаны* совершенствовать свои моральные качества, чтобы не нарушить семейную традицию.

«Я» как «точка отсчета» в цепи поколений. Данный компонент «Я»-концепта актуализируется в предложениях типа *...мая 1978 года в семье моих родителей появилась я* (Е.П.); *Там она [мама] вышла замуж за моего папу и родила меня* (Н.В.); *После 8-летней школы мама уехала из своего села* (С.Ч.); *В этом же городе бабушка... познакомилась с моим дедушкой* (В.Т.). Эти примеры содержат упоминание степени родства с автором, которого, однако, на момент описываемых событий еще не было на свете. И хотя более «верными» в этом случае выглядят предложения типа *Родилась девочка, которую назвали Екатериной. Она стала моей мамой* (А.К.), рассказы, в которых точкой отсчета является сам автор, воспринимаются нами как совершенно естественные; более того, повествование о своей семье, содержащее исключительно имена и фамилии предков автора, теряет очень важное свойство и из родословной становится художественным рассказом. Таким образом, представленность автора как «точки отсчета» можно считать жанрообразующим компонентом, а значит, неотъемлемым условием повествования о своей семье. Вывод о центральном месте образа «Я» можно сделать также на основе следующих (немногочисленных, но и не единичных) примеров:

А в 1981 году появилась и Ее высочество – Я (Ю.Я.). В том же 1970 году у них появилась Я (О.Л.)

В случае реализации данного компонента концепта. «Я» может выступать также в качестве точки отсчета для временной характеристики событий: *[Мама] после моего рождения устроились в ЖКУ-3 – техникум (И.И.). После свадьбы и моего рождения... (Е.К.).*

«Я» как имеющий право на свое мнение и оценку. Реализуется в текстах родословных как лексически: *Удивляюсь бескорыстием тех людей, которые помогали строить это жилище (К.К.); Интересна судьба одного из бабушкиных братьев (Е.Ч.); Я горжусь своими родителями (В.Ш.); к счастью, очень жаль, чудом, к сожалению и т.д.,* так и синтаксически: *Восьмерых детей вырастили и поставили на ноги мои родители (В.К.); Она [мама] стала учительницей (С.Ш.).*

«Я» как причина интереса к истории своей семьи. Например: *Каждый человек рано или поздно задумывается: Кто я? Откуда? (Г.С.).* Интересен тот факт, что словосочетание «история моей семьи» может иногда выступать в роли синонима выражения «личная предыстория», «своя история». Данные примеры в сочетании с предложением «Семья – это семь «я». Я – это отец и мать, я – это дедушка и бабушка... (В.А.) указывают на то, что каждый человек воспринимает себя одновременно как центр своей семьи (откуда и выражения типа *в кругу семьи, в окружении родных*), но одновременно ощущает себя слитым и с каждым отдельным членом семьи, и со всей семьей как единым целым. «Я»-концепт является, таким образом, особым «сквозным» концептом, растворенным в концептосфере родословных в теле концептов «Семья», «Память», «Добро» и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Современный когнитивный подход к категории «Образ мира» // Вопросы философии. 2002. № 8. С. 52–69.

ОБРАЗНОЕ СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ДЕРЕВО / РАСТЕНИЕ

И.Я. Пак

(Томск)

С изменением подхода к языку, в центр изучения которого поставили языковую личность, актуальны исследования семантических свойств, основывающихся на сознании человека и, шире, определенного народа. В этом ряду образность представляет большой интерес, поскольку она дает возможность рассмотреть вновь познаваемое через уже познанное. «Образность – это свойство слова (языковой единицы), характеризующегося семантической двуплановостью и метафорическим способом выражения» [1, с. 7]. Образными признаются единицы, обладающие данным свойством: метафоры, собственно образные лексические единицы, фразеологизмы, сравнения. Полевое изучение лексических единиц чрезвычайно популярно в современной лексикологии. Полевый аспект позволяет представить язык как многоуровневую систему со своими закономерностями и классифицировать собранный материал.

Предметом исследования в данной работе является образ дерева / растения как культурный концепт, представляющий национально окрашенный фрагмент действительности.

Тип поля, представленный в данной работе, является вторичным. Он разработан сравнительно недавно (в 90-х годах) и представлен в работе Г. Н. Скляревской как метафорический, в работе Н. А. Илюхиной как ассоциативно-семантический и как ассоциативно-образный семантический в работе Е. А. Шенделевой (Юриной). Все перечисленные типы полей образные. Учитывая опыт вышеназванных исследователей, можно обобщить: образное поле – совокупность образных единиц, в семантике которых отражаются представления об одном образе или свойстве. Образ рассматривается как «единица, которая, имея в своей основе обобщенное чувственно-наглядное представление и аккумулируя разнообразие признаки этой реалии, во всем их многообразии представляется соответствующими лексико-фразеологическими средствами, образующими поле данного типа» [2, с. 132].

При построении образного семантического поля учитывается двоякость его структуры: на первичное поле (исходное, номинативное, денотативное), отражающее связи и зависимости между объектами действительности, налагается метафорическое поле, отражающее вторичные, ме-

тафорические связи. Границы образного поля определяются границами номинативного поля.

Основным компонентом, который проявляет интегрирующую функцию и имеет отношение ко всем словам, входящим в состав поля, является *дерево* с его многообразными признаками, свойствами (зацвети, увянуть и т. д.) и той ролью, которую оно играет в практической и духовной жизни человека. Следовательно, другим компонентом является человек, взятый в ситуациях, связанных прямо или косвенно с образом дерева (фразеологизмы *вырывать с корнем, вставлять палки в колеса* предполагают наличие субъекта действия – человека).

В рамках данного поля конкретные лексические средства находятся между собой в разнообразных семантических отношениях, среди которых синонимические (дуб, бревно, чурбан, дубина, пень (о глупом человеке)), антонимические (расцвет сил – увядание сил, плодовитый художник – бесплодный художник), партитивные (соотнесенность слов по принципу «целое и его части»): (дерево: ветвь, ствол, корень и т. д.), гиперо-гипонимические (соотнесенность слов по принципу «род и вид» (дерево: дуб, ель, сосна, осина), синтагматическая соотнесенность слов (дерево: зеленеть, цвести), деривационные (лимон, лимонка; скороспелка, скороспелый).

Поле объединяет слова разных частей речи: представлена субстантивная лексика (пень, елки), глагольная (зацвести, зеленеть), адъективная (закоренелый, бамбуковый), адвербиальная (в доску, под корень). В состав поля входят фразеологизмы и номинативная лексика, на основе которой возникает образная.

В качестве принципа представления состава образного семантического поля выбран тематический. Было выявлено 9 тематических групп:

- 1) дерево / растение (виды деревьев / растений);
- 2) части дерева / растения и его составляющие;
- 3) каким-либо образом обработанный кусок дерева, части растения;
- 4) предметы из дерева, его частей;
- 5) совокупность деревьев / растений;
- 6) определения, указывающие на принадлежность к виду дерева / растения;
- 7) характерные состояния дерева / растения, его частей;
- 8) характерные свойства дерева / растения;
- 9) действия, производимые над деревом/растением или его частями или с использованием предметов из дерева.

Фрагменты образного семантического поля:

Группа 1. ДЕРЕВО (многолетнее растение с твердым стволом и ветвями)

(ФЕ) родословное дерево (таблица родословной человека в виде дерева); (ЯМ) дерево (о бесчувственном человеке); (СОЛЕ) деревянистый (сходный с деревом, древесиной (по виду, строению); твердый, невкусный); (СОЛЕ) деревенеть (становиться твердым, жестким; становиться малоподвижным, утрачивать чувствительность; неметь).

Группа 2. ЛИМОН (овальный плод южного вечнозеленого цитрусового дерева с толстой душистой желтой кожурой, состоящий из долек и имеющий кислый вкус)

(ФЕ) выжатый лимон (о человеке, утратившем силы, способности); (СОЛЕ) лимонка (ручная граната, по форме напоминающая лимон); (СОЛЕ) лимонница (бабочка ярко-желтого цвета).

Группа 3. ОРЯСИНА (большая палка, дубина, жердь)

(ЯМ) орясина (о человеке очень высокого роста, обычно глупом, бестолковом).

Группа 4. КОРОБ (изделие из луба, бересты, щепы и т.п., служащее для упаковки, хранения, переноски чего-либо)

(ЯМ) короб (очень много, множество); (ФЕ) с три короба наговорить (наговорить очень много).

Группа 5. БОР (сосновый лес, растущий на сухом возвышенном месте)

(ФЕ) с бору да с сосенки (кого попало); (ФЕ) откуда сыр-бор разгорелся (по какой причине).

Группа 6. ТЕРНИСТЫЙ (обильный тернием; покрытый колючками, шипами)

(ЯМ) тернистый (трудный, тяжелый).

Группа 7. ЦВЕСТИ (раскрывшись, распутившись; быть в положении цветения (о цветах))

(ЯМ) цвести (успешно развиваться, процветать).

Группа 8. ЗРЕЛЬИЙ (созревший, спелый)

(ЯМ) зрелый (полностью сложившийся, достигший мастерства: о художнике); (ЯМ) зрелый (тщательно взвешенный, обдуманый: о мысли, решении).

Группа 9. ВЫРЫВАТЬ С КОРНЕМ

(ФЕ) (причинять, наносить непоправимый ущерб в самой основе).

Включение в состав первичного, номинативного поля значений единиц продемонстрировало, что в большинстве случаев основанием для переноса являются не ядерные семы, а периферийные, коннотативные. Например, во фразеологизме *нос картошкой* отразились не представления о том, что клубни растут под землей и употребляются в пищу,

что растение принадлежит семейству пасленовых (эти признаки зафиксированы в словаре), а о том, что картошка круглая (этот признак не найти ни в одном словаре, исключая, конечно, адаптированный вариант Фразеологического словаря для иностранцев, не знакомых с реалиями русской жизни). В сравнении *выжат, как лимон* также неважно, что лимон принадлежит к цитрусовым, что он кислый на вкус, а оказалось важным, что он содержит большое количество сока внутри и, когда этот сок выдавливают, он становится мятым, бесформенный, потрепанный, совсем как уставший человек. С другой стороны, в некоторых образных единицах с сегментом лимон на первый план выдвигаются основные семы: название ручной гранаты – лимонка – указывает на сходство по форме (овальной) или название бабочки ярко-желтого цвета – лимонница – мотивировано признаком цвета. Существительные поддаются анализу легче, уже при первом обращении к ним можно выявить связь с определенным предметом – лимоном. Значение прилагательных типа лимонный, малиновый большинство исследователей не рассматривает как образное, считая их не связанными с плодами, ягодами. Но, с другой стороны, значение этих слов можно сформулировать так: лимонный цвет – цвет ярко-желтого цвета, как лимон; малиновый цвет – цвет ярко-розовый, как малина. Существование подобного рода значений представляется оправданным, поскольку во многих значениях образных единиц нет прямого (формального) указания на сходство предметов (ср. дубина – о глупом человеке).

Факторы, которые учитывались в работе при выделении образных единиц, позволили представить новый взгляд на значение некоторых единиц. Например, слово *деревянистый* имеет два значения в словаре, первое из них – прямое (сходный с деревом, древесиной – по виду, строению), а второе – переносное (твердый, невкусный). Второе значение, бесспорно, образное, но и в первом значении содержится указание на сходство предметов по признакам, более того, эти признаки также указываются в определении). Таким образом, *деревянистый* – собственно образная лексическая единица, имеющая два образных значения, первое из которых основано на зрительном восприятии, а второе – на вкусовом.

В образных сравнениях заметно преобладают сравнения по внешним, физическим признакам – красоте, величине, цвету, форме. Следовательно, отражение находят впечатления, которые возникают прежде всего у человека при зрительном восприятии объектов окружающего мира. Замечены и другие ассоциации, кроме зрительных, – вкусовые (*малина* – о чем-либо приятном, *травянистый* – похожий вкусом на траву, то есть безвкусный, *деревянистый* – безвкусный).

Как видим, образ дерева в коммуникативной сфере находит свое яркое воплощение и используется для выражения многообразных сторон человеческой жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блинова О.И.* Введение к Словарю образных слов и выражений народного говора. Томск, 2002. 312 с.
2. *Илюхина Н. А.* Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара, 1998. 204 с.

КЛИШЕ НАУЧНОГО СТИЛЯ В ЗЕРКАЛЕ АССОЦИАТИВНЫХ СВЯЗЕЙ

Е.Н. Пономарева

(Томск)

Антропоцентрический характер науки в целом и лингвистики в частности обусловил особый интерес ученых к когнитивным, психолингвистическим и т.д. аспектам изучения языка. В связи с этими тенденциями в науке последних десятилетий появилась возможность исследовать не абстрактную языковую систему как совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных разноуровневых элементов, а моделировать языковую картину мира определенных этносов и социальных групп, описывать когнитивные процессы, а также характеризовать языковую способность реальных носителей языка через ассоциативные связи и отношения, зарегистрированные в материалах разнообразных ассоциативных экспериментов.

Объект нашего исследования – речевые стереотипы научного стиля, зафиксированные материалами свободного ассоциативного эксперимента.

Целью работы является описание клише научного стиля, актуализированных в структуре языковой способности носителей языка.

Данная цель может быть конкретизирована в следующих задачах:

1. Выявление клише научного стиля, имеющих у студенческой молодежи г. Томска, их описание.

2. Определение факторов, влияющих на характер клише общенаучного слова.

Как известно, создавая устный или письменный научный текст любого жанра, автор не придумывает заново каждую фразу, он мыслит и пишет не отдельными словами, а оформленными блоками. Эти блоки могут состоять как из пары слов в грамматической форме, закрепленной в сознании говорящего, так и из целых высказываний. «Какие бы оригинальные мысли мы ни высказывали, сколь бы ни была свежа и непредсказуема наша речь, она строится по вполне определенным и давно известным шаблонам, из строго определенного и заранее заданного материала» [1, с. 107].

Речевой материал формируется из опыта дискурсной деятельности человека, речевые шаблоны и стереотипы аккумулируются на протяжении всего жизненного пути и их запас постоянно пополняется. Специфика научного стиля в этом аспекте состоит в том, что его речевые

шаблоны не появляются в речевой практике носителей языка в процессе обыденного общения. Сфера функционирования научных текстов достаточно ограничена ситуациями целенаправленной учебной или научной деятельности.

Речевые модели, присутствующие в языковом сознании человека, являясь элементами прошедших через практику его речевой деятельности текстов, используются в дальнейшем в качестве материала для создания новых текстов. В связи с этим их описание представляет особый научный интерес.

Речевые формулы научного стиля, актуализированные в структуре языковой способности носителей русского языка, описываются нами на материале свободного ассоциативного эксперимента, проведенного среди студентов Томского государственного университета и Томского политехнического университета. В качестве стимулов им были предложены общенаучные слова, первоначально представленные глаголами с общей семантикой связи с предшествующим знанием, а затем дополненные существительными, вошедшими в созданную на базе вышеуказанных глаголов ассоциативную сферу. Полученные в ходе сбора материала ассоциативные пары были рассмотрены с точки зрения наличия и особенностей фиксации в них клише. С целью их выявления результаты ассоциативного эксперимента были классифицированы по типу отношений между стимулом и реакцией. С учетом функционального подхода были выделены синтагматический и парадигматический типы. Вслед за Ю.Н. Карауловым, синтагматическими считаем не только грамматализованные сочетания, но и сочетания слов, которые могут быть преобразованы в обычное словосочетание путем минимального словоизменительного или словообразовательного варьирования, то есть не только синтаксемы, но и синтаксические примитивы [2, с. 86–96].

Как известно, синтагматические реакции являются так называемыми речевыми или текстовыми реакциями [3]. При этом единичные синтагматические реакции отражают результат порождения говорящим творческих и индивидуальных высказываний, а повторяющиеся реакции фиксируют речевые или текстовые стереотипы, имеющиеся в сознании носителей языка.

Для того чтобы выявить соотношение индивидуальных и стереотипных речевых высказываний, включающих интересующие нас слова, был проведен анализ синтагматических реакций каждого поля и подсчитано количество как единичных, так и повторяющихся реакций, а затем было определено их процентное соотношение в рамках каждого ассоциативного поля. Было выявлено, что с участием каждого из обще-

научных слов, исследуемых нами, встречаются как словосочетания, имеющие индивидуальный характер и зафиксированные в единичном количестве, так и повторяющиеся, например:

ВЛИЯНИЕ – на изменение – 1; *ВЛИЯНИЕ* – на человека – 8.

КОНЦЕПЦИЯ – биодетерминизма – 1; *КОНЦЕПЦИЯ* – естествознания – 11.

ОСНОВЫВАТЬСЯ – на допущении – 1; *ОСНОВЫВАТЬСЯ* – на фактах – 33.

Далее был поставлен вопрос о характере повторяющихся реакций с точки зрения их частотности. Для этого общая масса повторяющихся реакций каждого поля была разделена на группы двукратного и многократного повторения. Сложность проблемы многократности, с нашей точки зрения, заключается в том, что среди реакций на одно словостимул присутствуют реакции как свернутого, так и развернутого вида, например: *РАЗДЕЛЯТЬ* – мнение, *РАЗДЕЛЯТЬ* – мнение ученых, *РАЗДЕЛЯТЬ* – мнение авторитетных ученых. Поскольку реакции развернутого вида представляют собой варианты расширения высказываний свернутого вида, они рассматриваются нами как разновидности одной речевой модели. Текстовые реакции на каждое слово были распределены по мере убывания, что позволило создать модель данного слова в аспекте речевых стереотипов, например:

ОСНОВЫВАТЬСЯ –

на фактах – 33, на факты – 10, на каких-то фактах, на реальных фактах, факты;

на теории – 11, теорией – 2;

на знаниях – 10, на знании – 4, на знания – 2;

на предположении – 4, на предположениях – 2, на предположении – 2, на предположениях – 1;

на мнении – 6, на мнениях – 1;

на доводах – 6;

на новом месте – 5, на новом месте жительства – 1;

на исследованиях – 3, на исследованиях других ученых – 1, на данное исследование – 1;

на правиле – 2, на правила – 2;

на чем-либо – 4;

на опыте – 2, на опыт – 1, на личном опыте – 1;

на учении – 2, на фундаментальном учении – 1;

на положениях – 2;

на реальных событиях – 2;

на доказательствах – 2;

на кафедре – 2;

на материалы – 2;

на тему – 2;

на убеждениях – 2,

на чем-то – 2;

база – 2, на базу – 2;
на взглядах – 2.

В ходе дальнейшей работы нами было рассчитано процентное отношение каждой синтагматической реакции к их общему количеству. Выявлено, что удельный вес максимальной по частотности реакции для отдельного ассоциативного поля варьируется от 8 до 37%, например:

ФАКТ – события (8%), **ФАКТ** – налицо (5%), **ФАКТ** – остается фактом (2 %).

РАЗДЕЛЯТЬ – мнение (37%), **РАЗДЕЛЯТЬ** – точку зрения (15%), **РАЗДЕЛЯТЬ** – взгляды (5%). При этом удельный вес «первой» синтагматической реакции для слов общенаучного стиля в среднем составляет 18–22%. Прделанные вычисления дали возможность представить картину клише исследуемой нами сферы общенаучной лексики в виде частотного словаря двух типов – алфавитного и гнездового.

1. Алфавитный принцип устройства, например:

Б

Большой **ОПЫТ** 3

В

ВЛИЯНИЕ на человека 6,

ВЛИЯНИЕ Власти 16,

Воплощение **ИДЕИ** 2,

Высказывание **МНЕНИЯ** 9

Г

Гениальная **ИДЕЯ** 2,

Главная **ИДЕЯ** 2,

Ж

Жизненный **ОПЫТ** 7

2. Гнездовой принцип, например:

ТЕОРИЯ

ТЕОРИЯ вероятности 23

ТЕОРИЯ относительности 11

Лекции 11 по **ТЕОРИИ**

ТЕОРИЯ Резания 5 (Резания металлов)

ТЕОРИЯ в науке 3

ТЕОРИЯ познания 2

ТЕОРИЯ в геометрии 2

ТЕОРИЯ и практика 4

Основа 4 **ТЕОРИИ**

Информация 4 о **ТЕОРИИ**,

ТЕОРИЯ в книге 3

Знания 3 **ТЕОРИИ**,

База 2 (Основная база) **ТЕОРИИ**,

Описание 2 **ТЕОРИИ**,

Доказательство 2 **ТЕОРИИ**,

Материал 2 по **ТЕОРИИ** (**ТЕОРИЯ** Материала 2)

Создание такого словаря позволило также вычислить количество и характер клише. На основании различия удельного веса каждой текстовой ассоциации в качестве условно-формального критерия была создана следующая классификация, в которой количество и состав групп обусловлены материалом, представленным в нашем эксперименте.

1. Ассоциативные клише, включающие все синтагматические реакции, зафиксированные материалами эксперимента, в том числе и текстовые ассоциации, носящие условно индивидуально-творческий характер, то есть встречающиеся в материалах эксперимента в единичном количестве.

2. Ассоциативные стереотипы – речевые клише, составляющие от 2 до 3,9 % текстовых ассоциаций. Они рассматриваются как готовые «к целесообразному применению в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» формулы [4, с. 588].

3. Ассоциативные штампы – словосочетания, обладающие регулярно повторяющимся характером и с точки зрения формального критерия имеющие удельный вес от 4 % и выше. Вслед за Т.Г. Винокур, понятие «речевой штамп» определяется как «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и поэтому наиболее «удобный» знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную окраску» [4, с. 588]. Однако вопрос об экспрессивной и образной окраске выявленных нами ассоциативных штампов, репрезентирующих речевые штампы, нами не рассматривался и в настоящее время остается открытым.

Более массовый и частотный характер повторяемости в практике письменного или устного употребления штампов по сравнению со стереотипами делает оценку последних в лингвистике более негативной, при этом Т.Г. Винокур отмечает, что массовое воспроизводство может перевести лексические единицы из разряда стереотипов в штампы [4, с. 588].

Для каждого из исследуемых нами общенаучных слов было выделено от 2 до 5 штампов, репрезентирующих наиболее устойчивые связи, имеющиеся в сознании носителей языка. Их реконструкция имеет ценное значение в дидактических целях и может быть использована как в практике преподавания русского языка для иностранных слушателей, так и в практике преподавания научного стиля русского языка для его носителей.

Формальный анализ текстовых ассоциаций позволил рассмотреть вопрос о количестве и специфике не только повторяющихся, но и так называемых индивидуально-творческих реакций. При рассмотрении

материала было отмечено, что процент единичных реакций внутри ассоциативных полей варьировался от 15 до 61%, с учетом этого нами были выделены следующие группы слов:

Слова, в ассоциативных полях которых количество единичных реакций варьируется от 15 до 29%, например: *РАЗДЕЛЯТЬ* (20%), *БАЗИРОВАТЬСЯ* (25%).

Слова с количеством единичных реакций от 30 до 42%, например: *ПРАВИЛА* (35%), *РАСШИРЕНИЕ* (31%).

Слова имеющие в своем ассоциативном поле более 43 % единичных реакций, например: *МНЕНИЕ* (44%), *ОТНОСИТЬСЯ* (54%).

Далее был рассмотрен вопрос о наличии зависимости процентного соотношения клише, штампов и стереотипов с участием одного слова с какими-либо факторами. В качестве основного объективного фактора, определяющего степень индивидуальности и повторяемости текстовых ассоциаций, была выделена морфологическая принадлежность слова-стимула.

В группу с высоким процентом единичных реакций вошли ряд существительных и глагол *ОТНОСИТЬСЯ* (54%). Группа среднечастотных единичных реакций также представлена существительными, например: *ОПЫТ* (33%), *ПРАВИЛА* (35%). Группу с низкой частотностью составили глаголы и существительное *ИСТОЧНИК* (15%). В результате было установлено, что для глаголов в целом характерен высокий процент повторяющихся реакций (от 75 до 81%), а с участием существительных образуется меньшее количество клише (от 39 до 69%). Тот факт, что, в среднем, количество речевых клише с участием глаголов больше, чем с существительными, по нашему мнению, может быть связан с более высокой синтаксической зависимостью глагола в высказывании. Исключением из данной закономерности явились слова *ОТНОСИТЬСЯ* (46%) и *ИСТОЧНИК* (85%). Поскольку известно, что сильные ассоциативные связи легко актуализируются в процессе порождения текста [3], можно предположить, что слова первых двух приведенных выше групп в процессе их функционирования в речи будут порождать более разнообразные в лексическом отношении тексты по сравнению со словами последней группы, тексты с участием которых будут отличаться более типичным характером.

Таким образом, в результате изучения клише общенаучной лексики на материале ассоциативного эксперимента было отмечено:

1. Клише с участием общенаучной лексики в материалах ассоциативного эксперимента представлены в форме синтагматических реакций.

2. Общая масса текстовых ассоциаций может быть представлена в виде словосочетаний, отмеченных единичными примерами и отражающих индивидуальный характер речетворчества носителя языка, а также в виде клише, фиксация которых носит повторяющийся характер.

3. Научные клише, выявленные в ходе нашего исследования на основании формального признака, могут быть классифицированы как речевые штампы, отражающие наиболее частотные и стандартизированные речевые формулы, занимающие более 4% от общего количества клише, и речевые стереотипы, которые представляют собой формулы, также повторяющиеся и типичные для данной сферы коммуникации, однако, в отличие от штампов, составляющие менее 3,9% всех словосочетаний и по определению используемые в речи с условием более строгого, функционально-обусловленного отбора.

4. Количество единичных формул варьируется от 15 до 69%, что связано с морфологической принадлежностью слова. Так, существительные порождают со своим участием большее количество индивидуально-творческих, а глаголы – стереотипных и клишированных формул. Наличие в нашем материале исключений из данной закономерности (глагол *ОТНОСИТЬСЯ* – 54%, входящий в группу с высоким процентом клише, и существительное *ИСТОЧНИК* – 15 %) позволяет говорить о неабсолютном характере данной классификации и наличии более сложной и неоднозначной иерархической обусловленности характера клише морфологической принадлежностью слова.

5. Создание частотного словаря клише научного стиля является, с одной стороны, ценным дидактическим материалом в практике преподавания русского языка, с другой стороны, перспективным и апробированным методом описания одного из фрагментов научного стиля с точки зрения его репрезентации в структуре языковой способности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Норман Б.Ю.* Грамматика говорящего. СПб., 1975.
2. *Караулов Ю.Н.* Активная грамматика русского языка. М., 1993.
3. *Овчинникова И.Г.* Ассоциативные структуры в процессах деривации // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. Пермь, 1986.
4. *Винокур Т.Г.* Речевые штампы // Языкознание. М., 1998.

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА ШАХТЁРОВ

Л.В. Прибытова
(Кемерово)

Метафора «играет в жизни людей чрезвычайно важную роль. Она является вездесущим принципом языка, всеобъемлющим свойством познания и мышления» [1, с. 8]. Метафорическое творчество служит основой для многих семантических процессов, в том числе для развития систем терминологии [2, с. 9].

Современная когнитивная лингвистика рассматривает метафору как уникальное явление, фактор, способный передавать представление о действительности, ограждать особенности видения мира. «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нём» [2, с. 14]. Метафора рассматривается как «основная ментальная операция, как способ познания, структурирования и объяснения мира» [3]. При помощи метафоры человек мыслит, создаёт тот мир, в котором живёт. Метафорические модели, заложенные в человеческом разуме, представляют собой нечто вроде схем, в соответствии с которыми человек думает и действует.

Метафорическая модель описывается через определённые признаки. Одними из важных признаков являются: 1) исходная понятийная сфера, включающая охватываемые моделью слова в первичном значении; 2) новая понятийная сфера, включающая охватываемые моделью слова во вторичном значении; 3) компонент, связывающий первичные и вторичные значения, охватываемые данной моделью единиц и дающий основание для метафорического переноса.

Метафора объединяет в себе две понятийные сферы, две параллельные системы представлений о том, что обозначается, и о том, что послужило мотивом для данного номинативного образования [4, с. 82]. Термин, как известно, лишен в синхронии эмоциональной образности. Образы, положенные некогда в основу номинации, стираются. В научно-технической метафоре невозможно равноправное существование данных параллельных систем представлений. Эти два плана можно вскрыть, лишь обратившись к диахронии термина.

Метафорическая картина мира в терминологии языка шахтёров обладает определённой спецификой. На основе исходных понятийных сфер выделяются три разряда метафорических моделей, которые представлены:

1) антропоморфной метафорой (источником метафоризации служит понятийная сфера «Анатомия и физиология человека»);

2) метафорой природы (источники метафоризации – понятийные сферы «Живая природа», «Неживая природа»);

3) артефактной метафорой (источники метафоризации – понятийные сферы «Дом», «Украшения», «Инструменты и приспособления», «Транспорт»).

Сознание горняков, осваивающих и обустривающих свое рабочее пространство, стремится организовать его по аналогии с пространством привычного, знакомого им реального мира. Новые реалии и понятия осваиваемого пространства получают имена других реалий и понятий, уже названных в языке и имеющих тесную привязку к миру, с которым происходит постоянное контактирование горняков. Используемые метафорические модели (в частности, физиологическая, зооморфная, фитоморфная метафоры, метафора дома и др.) являются вполне традиционными. Обращение к данным исходным понятийным сферам демонстрирует их принадлежность к ближайшему кругу интересов человека, «вечную» актуальность идеи близости человека и природы, важности организма как единства органов и частей тела, значимости дома, отражающих фундаментальные для русского национального сознания ценности. Данные факты свидетельствуют о высокой частотности и продуктивности рассматриваемых метафорических моделей.

В профессиональном языке шахтёров доминирует идентифицирующая, или индикативная, метафора, поскольку метафора в данном случае не приводит к появлению нового объекта, а фиксирует существование реалии и отображает её характерные свойства. Результативная понятийная область в языке горняков включает в себя термины-метафоры, обозначающие объекты действительности, непосредственно воспринимаемые органами чувств. Основными результативными понятийными сферами в профессиональном языке шахтёров являются: 1) организация подземного рабочего пространства шахты, 2) горно-шахтное оборудование.

Добыча полезного ископаемого подземным способом, составляющая одно из основных назначений шахты как горно-промышленного предприятия, ведётся в особых условиях – под землёй, точнее, в толще земной коры. Подземное пространство, возникающее в результате горных работ, имеет определённую организацию, зависящую от разных параметров. Механизмы метафоризации привлекаются для номинации элементов этой организации, а именно:

1) видов горных выработок (путём метафоризации появились термины *печь, просек, окоlostвольный двор, ствол шахтный, слепой шахтный ствол*);

2) частей горных выработок (*шейка ствола, устье выработки*);

3) поверхностей горных выработок (*бока выработки, кровля выработки*);

4) частей шахтного поля (*этаж, шахтное поле, крыло шахтного поля, ярус, горизонт*).

Исходной базой для метафорического обозначения элементов организации подземного пространства шахты в языке горняков послужили представления о:

1) конструкции здания (метафоры, использованные для обозначения элементов организации подземного пространства шахты из данного фрагмента понятийной сферы: *кровля выработки, этаж, ярус, окоlostвольный двор, ступень шахтного поля, печь*);

2) ландшафте (*устье выработки, шахтное поле, просек, горизонт*);

3) частях тела человека и животных (*шейка ствола, бока выработки, крыло шахтного поля*);

4) частях растений (*ствол шахтный*).

Анализируемый материал показал, что спецификой большинства терминов-метафор, обозначающих части и поверхности горных выработок, а также части шахтного поля, является их ориентационный характер. При метафорическом обозначении данных реалий метафорический перенос осуществляется на основе сходства местоположения объектов. Знание местоположения обозначаемых реалий, т. е. их местонахождения в пространстве, помогает ориентироваться в этом пространстве. Для хорошей ориентации в пространстве горной выработки актуальными являются такие её параметры, как начало / конец, верх / низ/ стороны. При метафорическом обозначении соответствующих частей и поверхностей горных выработок используются наименования, семантика которых содержит признак «особенности местоположения», реализующийся в аспекте указанных параметров, и тем самым указывает на особенности местонахождения номинируемых реалий: *устье выработки* – место её примыкания к поверхности или другим выработкам (т.е. её конец), *шейка ствола* – его верхняя часть, *кровля выработки* – её верхняя поверхность, *бока выработки* – боковые стороны. То же наблюдается при метафорическом обозначении частей шахтного поля: *крыло шахтного поля* – его часть по одну сторону от главного шахтного ствола (обычно шахтное поле имеет два крыла, приблизительно равных по размеру и форме); в исходном значении метафор *этаж, ярус, ступень шахтного*

поля признак «местоположение» актуализируется в аспекте «одноуровневость», поскольку ступень шахтного поля, этаж как часть шахтного поля, ярус как часть панели характеризуются расположением того, что они вмещают, на одном уровне.

Особенности подземного рабочего пространства горняков, в частности разноуровневое размещение выработок, частей шахтного поля диктуют его своеобразное восприятие – в том числе по вертикали. Е.С. Яковлева отмечала, что подобное восприятие пространства характерно для горного сознания, для людей, проживающих в особых условиях горного ландшафта [5]. Однако анализируемый материал указывает на тот факт, что пространство осваивается по вертикали и для сознания людей, работающих в особых условиях, в частности в шахте.

В наивной картине мира под горизонтом понимается видимая граница неба и земли, в терминологии горного дела *горизонт* – совокупность выработок, расположенных на одном уровне. В природе горизонт только один, в представлении горняков горизонтов несколько, так как таких уровней бывает больше, чем один, соответственно столько же и горизонтов. Более конкретная семантика термина *горизонт* подчеркивается его стремлением к большей детализации: так, каждый горизонт имеет свой номер (например, первый горизонт, второй горизонт и т.д.).

Термины-метафоры *этаж, ярус, ступень шахтного поля*, содержащие в своей семантике скрытую информацию о многоуровневости подземного пространства, также подчёркивают особенности восприятия пространства по вертикали.

Таким образом, в процессе создания новой понятийной сферы «Организация подземного рабочего пространства» путём метафоризации эффективно актуализировались представления об определённых понятиях в исходных сферах «Конструкция здания» и «Ландшафт». Указанные сферы, а также сфера «Части растений» являются в профессиональном языке шахтёров исходной базой исключительно для обозначения элементов организации пространства под землёй. Этот факт демонстрирует представление о подземном пространстве шахты, с одной стороны, как о неком доме, здании, в котором есть этажи, ярусы, ступени, к которому примыкает двор. Горные выработки – это, в свою очередь, тоже нечто напоминающее дом, убежище, обязательно имеющее кровлю, иначе крышу, без чего дом как здание немислим.

С другой стороны, подземное пространство шахты воспринимается как нечто неразрывное с природой, тесно связанное с ней, как фрагмент мира природы. Так, горные выработки, представляя собой искусственные полости в массиве, ассоциируются с руслами рек: *устье реки* – это её место впадения (в море, озеро или другую реку), *устье выработки* –

место её примыкания к поверхности или другой выработке. Месторождение или его часть, отводимая шахте для разработки, по аналогии с обширным пространством приобретает название *поле*, конкретизируемое прилагательным со специальным значением *шахтное*. Образное восприятие понятия *просек (просека)* 'дорога, узкая полоса в лесу, очищенная от деревьев' послужило основой для терминологического значения: 'подземная горная выработка, проводимая обычно в толще полезного ископаемого по простиранию или залежи' и т.п.

Разработка угольных месторождений, включающая комплекс работ по вскрытию, подготовке месторождения и выемке полезного ископаемого, в современных условиях предполагает наличие механизации указанных процессов, которая осуществляется посредством соответствующего специального горно-шахтного оборудования. Горные машины представляют собой сложные механизмы, состоящие из большого количества различных частей и деталей, каждая из которых имеет своё обозначение, так как хорошее владение техникой, применяемой в процессе работы, предполагает доскональное знание её устройства. Механизмы метафоризации в данной понятийной области привлекаются для номинации частей и деталей горных машин и механизмов, а также технических приспособлений.

Исходной базой для метафорического обозначения частей и деталей машин и механизмов послужили представления о:

1) частях тела человека и животных (метафоры, использованные для обозначения деталей и частей машин и механизмов из данных фрагментов понятийных сфер: *палец, кулак, кулаки посадочные, буровая головка, нагребные лапы*);

2) физиологических органах (*исполнительные органы горных машин, несущий орган, тяговый орган*);

3) видах украшений (*серьга, буровая коронка*);

4) инструментах и приспособлениях, используемых в домашнем и хозяйственном обиходе (*утюг, седло бара, отбойный молоток, бадья*);

5) музыкальных инструментах (*барабаны подъёмных машин, приводной барабан*);

6) небесных телах (*звезда*);

7) транспортных средствах (*гондола*).

Анализируемый материал указывает на преобладание в языке горняков метафорических обозначений деталей и частей машин и механизмов, основанных на визуальных признаках, актуализированных в исходном значении (внешний вид, форма). Исключение составляют лишь термины с основным компонентом *орган (исполнительные органы*

горных машин, несущий *орган* и тяговый *орган*), а также термин *отбойный молоток*, в которых метафорический перенос произошёл на основе сходства функции. В целом же номинации, заимствованные из исходных понятийных сфер, соотносятся с представлениями о конкретных объектах. Этот факт демонстрирует актуальность в процессе метафоризации указанных сфер, включающих в себя именно таковые представления, кроме того, сферы «Виды украшений», «Инструменты и приспособления, использующиеся в домашнем и хозяйственном обиходе», «Музыкальные инструменты», «Транспортные средства» являются в профессиональном языке шахтёров исходной базой исключительно для обозначения частей машин и механизмов.

Наиболее продуктивной для обозначения частей и деталей машин и механизмов является исходная понятийная сфера «Части тела (органы) человека». Для номинации элементов новой концептуальной области актуализируются представления о частях тела или физиологических органах человека. Однако метафорическое осмысление результативного фрагмента действительности в обоих случаях происходит неодинаково, принцип антропоморфизма при метафорическом моделировании данного фрагмента действительности проявляется по-разному. При метафорической интерпретации деталей и частей машин и механизмов через части тела человека учитывается их внешний вид, форма как результат визуального восприятия, что указывает на выражение в номинациях итога эмпирического наблюдения. Такие метафоры конкретны, предметно соотнесены. Человек переносит на части машин и механизмов названия частей своего тела, потому что они просто похожи. Его части тела выступают в определённой мере как эталоны, стереотипы, исполняющие роль ориентиров в восприятии действительности и всплывающие в сознании первыми. На данном уровне метафоризация носит меньший характер абстракции.

При метафорической интерпретации деталей и частей машин и механизмов через физиологические органы принцип антропоморфизма проявляется иначе. Отождествление деталей и частей машин с частями тела человека может также демонстрировать склонность человека к восприятию машины как живого существа. Известно, что машина, являясь результатом создания человеческих рук, выступает в качестве «помощника» человека. В процессе работы с машиной на неё распространяется отношение в некоторой степени как к «коллеге», вследствие чего определённые антропоморфные свойства переносятся уже на машину в целом, и части машин осмысливаются в этом контексте. Так, например, в терминологическом сочетании исполнительные *органы* горных машин основной компонент, представляющий собой метафору *органы*,

получил своё обозначение именно вследствие одушевления горной машины, восприятия её как живого организма. Наиболее важные части машины, выполняющие основную работу и тем самым в первую очередь ответственные за рабочее состояние машины, ассоциируются с органами человека, которые имеют для него исключительное значение, осуществляя жизнедеятельность организма. На данном уровне метафоризация носит больший характер абстракции. Мотивировочной базой данной метафоры выступает фрагмент действительности, который воспринимается путём рациональной обработки информации. Осмысляя части машин подобным образом, носитель социолекта учитывает прежде всего их степень и характер участия в определённом процессе.

Таким образом, метафорическая модель обуславливается характером отражаемой действительности. Метафорическое моделирование указанных профессионально ограниченных фрагментов действительности в языке горняков происходит по разным схемам, что объясняется принципиальным различием номинируемых объектов, входящих в соответствующие результативные понятийные области. Для метафорического обозначения частей и деталей горных машин и механизмов, представляющих собой конкретные объекты, имеющие определённую форму, в большинстве случаев из исходных понятийных сфер заимствуются номинации, содержащие в своей семантике признаки «специфика внешнего вида», «особенности формы». Данный фрагмент действительности моделируется преимущественно по принципу антропоморфизма.

При метафорическом обозначении элементов организации подземного рабочего пространства шахты из исходных понятийных сфер в первую очередь, заимствуются номинации, содержащие в своей семантике признак «особенности местоположения». Как правило, метафоры, обозначающие элементы данного фрагмента действительности, носят ориентационный характер. Наиболее распространены метафоры дома как здания, природы, использующиеся лишь для обозначения элементов организации подземного рабочего пространства шахты. Пространство подземного мира, таким образом, воспринимается, с одной стороны, как продолжение дома, оно буквально строится, выстраивается, а с другой – как часть мира природы.

Выбор исходной понятийной сферы во многом обусловлен спецификой результативной концептуальной области. В том случае, когда одна и та же исходная понятийная сфера служит источником метафорических обозначений реалий разных результативных концептуальных областей, представления о сходных явлениях, актуализированные в ней, осмысливаются в соответствии со спецификой обозначаемых реалий. Так, например, метафоры, входящие в исходную понятийную сферу

«Части тела», используются для обозначения частей и деталей горных машин и механизмов, а также для обозначения частей и поверхностей горных выработок. Однако в первом случае в семантике номинатов актуализируется признак «особенности формы» (*палец, кулак, буровая головка*), во втором случае – признак «особенности местоположения» (*шейка ствола, бока выработки*).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Деменский С.Ю.* Научность метафоры и метафоричность науки. Омск, 2000.
2. *Арутюнова Н.Д.* Теория метафоры. М., 1990.
3. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале. Екатеринбург, 2001.
4. *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
5. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира. М., 1994.

«ДОСТОИНСТВО ЯЗЫКА» КАК ОСОБЕННОСТЬ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА НОВОГО ЗАВЕТА

(на материале редакторской правки митрополита
Московского Филарета)

И.А. Реморов
(Новосибирск)

Перевод на русский язык Нового Завета, официально признанный и употребляемый Православной церковью, известен под названием Синодального. Этот текст явился плодом многолетней работы (1858–1863 гг.) специальных переводческих комиссий в четырёх Духовных академиях, а его заключительная доработка проводилась в Святейшем синоде. Главным идеологом и организатором перевода был митрополит Московский Филарет (Дроздов; на кафедре в 1821–1867 гг.), признанный авторитет своего времени в области языка.

В «Предварении» к своей редакторской правке русского текста Евангелия от Матфея, описывая стилистический замысел перевода, митр. Филарет указывает: «Достоинству священной книги должно, по возможности, соответствовать достоинство языка» [1, с. 1]. Иными словами, текст, авторитетный по содержанию, должен быть написан безупречным, образцовым языком. В соответствии с ролью «библейского» церковнославянского языка в допетровской Руси [2, с. 305–306] митр. Филарет задумывал для языка Синодального перевода Нового Завета также и нормализаторскую функцию: «Если Бог благословит дело перевода Священного Писания на русское чистое и правильное наречие, и он войдет в домашнее употребление народа, то он может споспешествовать установлению языка и удержанию его от падения, каковое действие перевода Священного Писания и у других народов замечено»¹ [1, с. 1].

В редакторской правке митр. Филарета прослеживается комплекс стилистических тенденций, вызванных требованием «достоинства языка» священной книги. На основании пояснений митрополита к исправлениям нами были выделены несколько таких тенденций правки. Они касаются не только выбора языковых средств, но и синтагматической организации текста.

I. Чистота.

При выборе языковых средств «достоинство языка» реализуется в категориях «правильности» и «чистоты». Так, в 23 случаях митр. Фила-

¹ Такова была роль переводов Библии для многих западно- и южно-славянских языков [3].

рет, устраняя стилистически не допустимые лексические и грамматические элементы текста, указывает в своих комментариях на неприемлемые коннотации предлагавшегося варианта («грубый тон», «не чистое», «дико», «ругательное слово», «не хорошо», «дурно» и т.п.), например:

Лк. 7, 49: кто это такой, → кто это, / С прибавлением слова: *такой* – вопрос становится грубее².

Лк. 15, 32: надо было → надобно было / *Надо* – есть уродливое слово, оборванное ленивым произношением.

Мк. 7, 10: [почитай отца твоего и] мать твою; → мать твою; / В заповеди прилично окончание слова древнее. А *мать твою* в русской речи представляет грубый тон.

Мф. 10, 16: будьте умны, как змеи и просты, как голуби. → будьте мудры, как змии, и незлобивы, как голуби. / *Мудры, как змии* – к этому привыкли. *Умны* – дико. *Змеи* – ругательное слово.

Подобные языковые средства митр. Филарет рекомендует вовсе избегать в языке священных текстов. Для остального массива лексики и грамматики он предлагает сложную систему стилистической стратификации, некоторое представление о которой может дать следующее его высказывание (из письма архим. Антонию): «Дева, истина христианская, может получить и благолепную одежду размышления и слова возвышенного, и скромную одежду слова простого; но достоинству ее не соответствует одежда лоскутная и с грязными пятнами слова низкого и небрежного»³ [4, с. 67].

II. Правильность.

Несмотря на широкое употребление церковнославянизмов, обладающих определённой стилистической нагрузкой, текст перевода ориентирован на нормы русского языка. Это предполагает соблюдение правил русской грамматики:

Мк. 1, 5: И выходила [к нему вся страна Иудейская и Иерусалимляне] → И выходили / Лучше соблюсти в переводе правило грамматики, пренебреженное в подлиннике. Текст ничего не теряет.

Требование правильности («правильная речь», «правильный грамматический смысл») регулярно приводится митр. Филаретом для обоснования тех или иных исправлений:

Откр. 6, 11: на несколько времени, → на малое время, / Ближе к подлиннику, определительнее и потому свойственнее правильной речи.

Мк. 7, 11: если кто → кто / Частица: *если* – ничего не прибавляет к смыслу, а нарушает правильность речи. *Кто – тот* – правильно. *Если кто – тот* – неправильно. А сказать: *если кто – то тот* – опять нехорошо; ибо неблагозвучно.

² Примеры исправлений митр. Филарета приводятся по изданию [1]. После косой черты даётся комментарий митр. Филарета, если он имеется.

³ Подробнее об этом см. [5].

В качестве характеристик «правильной речи» митр. Филарет указывает также связность и стройность:

Мф. 18, 4: [кто умалится, как это дитя,] тот больше [в Царстве Небесном] → тот и⁴ больше / На русском это хорошо связывает сию часть речи с предыдущей.

Деян. 1, 3: являясь им в продолжении сорока дней и говоря → в продолжении сорока дней являясь им и говоря / По сближению слов: *являясь и говоря* – речь стройнее и смысл вернее.

Иногда требование грамматической правильности имплицировано в конкретных случаях правки морфологии или синтаксиса текста, например:

Мф. 26, 6: в доме → в доме / Так велит русское склонение.

Лк. 6, 48: выкопав глубоко, положил основание → копал, углубился и положил основание. / Это перевод буквальный. А по прежнему переводу надобно спросить, что выкопал?

В отношении формантов деепричастий прошедшего времени, для которых норма русского языка ещё не была строго выработана, митр. Филарет предлагает соблюдать грамматическую правильность согласно славянской парадигме:

Лк. 11, 8: вставши, → встав, / Окончания *-вши-* лучше избегать, по возможности. Оно же по-славянски означает женский род.

III. Благозвучие.

Благозвучие также является одним из признаков обработанности языка. Исправления, касающиеся произносительного облика текста, можно разделить на две группы: устранение какофонии на стыке слов и устранение повторов.

В некоторых исправлениях митр. Филарет устраняет повтор слогов, возникающий на словесной границе: *-го_гово-*, *-бо_бо-*, *вы_вы-*, *-му_му-*, *же_же-*. Для этого он использует либо лексическую замену, либо средства свободного грамматического варьирования, такие как удаление союза-частицы *же* и перестановку слов, которая может сопровождаться заменой деепричастия на личную форму.

Мк. 11, 18: ибо боялись его → ибо Его боялись, / Перестановка слов не делает никакого вреда смыслу и языку, а уничтожает какофонию: *бо-бо*.

Деян. 7, 10: [и даровал] ему мудрость → мудрость ему / Чтобы не было: *му – му*.

Мф. 18, 29: и, умоляя его, говорил: → умолял его, и говорил: / Лучше избежать звуков *гогово*. (аналогичное исправление в Мф. 18, 32).

Другим проявлением неблагозвучия являются лексические повторы и тавтологии. Они также последовательно устраняются митр. Филаре-

⁴ Курсивом в Синаодальном переводе обозначаются смысловые добавления, не имеющие точного прототипа в оригинале.

том через замену одного из вхождений синонимом: *знаете... знал* → *→ знаете... ведал; дела... делает* → *делает... творит; встань и стань* → *→ встань и выступи; надписал надпись* → *написал надпись; многое множество* → *великое множество*.

Мф. 24, 43: вы знаете, что если бы хозяин дома знал, в какую стражу → Но вы это знаете, что если бы ведал хозяин дома, в которую стражу / *Ведал* – лучше потому, что не повторяется слово, как и в греческом.

Лк. 6, 8: *встань и стань на средину; → встань и выступи на средину; / Встань и стань* – тождесловно и неблагозвучно. Слово: *выступи* соответствует смыслу речи. Сидят по сторонам, и потому на средину надобно выступить.

Повтор предлога (*у, из, во*) в границах одной синтагмы также создает какофонию. Благозвучие восстанавливается путем изменения предложного управления. Предлог может не только заменяться, но и вообще устраняться:

Лк. 19, 39: некоторые из фарисеев [из среды народа] → некоторые фарисеи / Смысл тот же; но избегается повторение: *из*.

IV. Лаконичность.

Как в самом переводе, так и в правке его митр. Филаретом наблюдается стремление по возможности сохранять количество полнозначных слов греческого текста; таким образом, с точки зрения степени сохранения формы оригинала грамматическая правка намного более свободна, чем лексическая. Однако в формальном аспекте правки есть одна своеобразная тенденция, касающаяся служебных слов и местоимений: уменьшение количества подобной лексики встречается существенно чаще, чем увеличение. Можно назвать это принципом лаконичности. Наиболее показательные и наиболее частые примеры здесь – это удаление митр. Филаретом союза-частицы *же* (встречается в исследуемом материале 20 раз) и удаление личного местоимения в позиции подлежащего (встречается 37 раз). Например:

Мк. 15, 25: Час же был третий, → Был час третий,

Мф. 7, 4: как скажешь ты → как скажешь / Местоимения в греческом нет; и оно не нужно, ибо и без него второе лицо ясно.

Деян. 15, 11: [Но мы веруем, что благодатию Господа Иисуса Христа] и мы спасемся, [как и они] → спасемся, / *И мы* – лишнее.

Если местоимения-подлежащие в оригинале отсутствуют, то союз-частица *же* в 19 из 20 случаев взята как раз из греческого, а в славянском тексте присутствует все 20 раз. Следовательно, наблюдаемая тенденция не связана с вопросом о соответствии оригиналу.

Принцип лаконичности, видимо, объясняется следующим образом. Митр. Филарет возражает против перенасыщения текста вспомогательной лексикой, потому что она не имеет самостоятельного денотативного

значения, а только загромождает текст и нарушает динамичность повествования.

V. Логичность, чёткость.

«Достоинство языка» как средства трансляции священного текста касается не только формального, но и содержательного аспекта: изложение должно быть чётким, последовательным, непротиворечивым и недвусмысленным. Вследствие этого некоторые исправления митр. Филарета посвящены приданию тексту чёткости и логичности: в них он устраняет ошибки и неточности различной степени. Эти неточности могут быть гетерогенны: одни из них появляются лишь в проектируемом переводе, другие присутствуют в самом тексте оригинала. С точки зрения православной традиции наличие логических неточностей в священном тексте не противоречит тезису о богодухновенности Писания, поскольку человеческий фактор в процессе создания новозаветных книг не подавлялся божественным вдохновением [6, с. 30]. Однако митр. Филарет старается максимально придать тексту чёткость и непротиворечивость: священный текст должен быть авторитетен до мельчайших деталей.

Устраняемые неточности могут касаться различных аспектов временной характеристики действия или же его пространственной локализации:

Лк. 19, 41: увидев его, → смотря на него, / Город виден был с горы и преежде.

Деян. 21, 8: бывшего из семи *диаконов*. → одного из семи диаконов, / Он не бывший диакон, а настоящий.

Лк. 11, 44: [как гробы скрытые,] по которым [люди ходят] → над которыми / Ходят не по гробам, а по земле над гробами.

Лк. 14, 23: [пойди по дорогам и] по изгородям → к изгородям, / По изгороди, то есть, по верху ся, может идти разве только акробат.

Неточность может быть вызвана излишней буквальностью перевода:

Лк. 11, 38: не умылся → не умыл *рук* / *Умыться* – по-русски значит умыть лице. Сего не делали евреи пред обедом.

Среди случаев устранения алогизмов, содержащихся в оригинале, наиболее яркие и рельефные примеры представляют те исправления, в которых производится перестройка синтаксических и логических отношений:

Мф. 8, 3: И тотчас очистилась проказа его. → И он тотчас очистился от проказы. / Хотя новый перевод буквален, но он представляет странность, будто проказа сделалась чистою. Чистым сделался человек.

Лк. 21, 6: [не останется камня на камне,] который бы не разрушился. → все будет разрушено. / Не каждый камень особо будет разрушаться, а здание.

Лк. 22, 10: [человек, несущий] в кувшине воду → кувшин с водою / Господь дает приметю; вода не могла быть приметою, а видимый кувшин.

Деян. 5, 3: зачем сатана искусил сердце твое солгать Духу Святому? → для чего ты *допустил* сатане вложить в сердце твое *мысль* солгать Духу Святому? / *Зачем сатана* – это жалоба на сатану, а не на Ананию.

Иногда исходный текст содержит противоречие с последующими стихами или с параллельным местом у другого евангелиста:

Мф. 17, 1: По прошествии шести дней, → По прошествии дней шести, / Числительное имя предлагается поставить после, чтобы смысл был менее определенный, для удобства соглашения сего сказания с сказанием св. Луки, у которого восемь дней.

Следующий пример отличается тем, что содержащееся в нём аналогичное противоречие уже было исправлено кем-то из древних переписчиков [7, с. 197], так что исправленный текст встречается в большинстве греческих списков, на которые и ссылается митр. Филарет:

Ин. 7, 8: а Я не пойду → а Я (еще) не иду / <...> *Еще* – есть в греческих списках, и указано в славенской Библии; и нужно, чтобы в словах Спасителя не было разногласия с последующим Его действием.

Точность и чёткость священного текста подразумевает также и его недвусмысленность. Лексемы и синтаксические конструкции, допускающие двойное понимание, заменяются митр. Филаретом на другие, более однозначные и конкретные.

Неоднозначность понимания правильного текста может быть вызвана наличием в нём полисеманта:

Мк. 15, 20: [и повели Его] на распятие. → чтобы распять Его. / <...> *Распятием* у нас привыкли называть изображение Господа распятого.

Лк. 12, 30: люди века сего: → люди мира сего: / *Здесь* говорится не о людях *сего* 19 века.

Деян. 20, 34: и людям, бывшим со мною → и *нуждам* бывших при мне / По несчастью, *людьми* у нас называют слуг.

Чаще, однако, возможность двойной интерпретации заложена в синтаксической конструкции, например:

Мф. 18, 21: сколько раз прощать мне брату моему, *если* он будет согрешать против меня? До семи раз? → сколько раз *могу* я прощать брату моему, согрешающему против меня? До семи ли раз? / *Прощать* мне брату моему – обоюдное. Кто кого прощает?

Деян. 5, 16: и одержимых нечистыми духами, которые все и исцелялись. → и нечистыми духами одержимых, которые и исцелялись все. / По прежнему порядку слов исцелялись нечистые духи.

Мы перечислили лишь некоторые тенденции в правке митр. Филаретом Синодального перевода Нового Завета, носящие стилистический характер. Конечно, статус священной книги налагает на перевод немало ограничений: для того, чтобы русский текст Нового Завета стал не пересказом, а именно переводом, таким же Священным Писанием, как и оригинал, он должен был сохранять максимальное соответствие оригина-

налу, причём не только семантическое, но и буквальное. Помимо этого, он должен был передавать все многоуровневые смыслы оригинала, традиционнo выделяемые православной экзегетикой, и, с другой стороны, не вносить ничего нового по сравнению с первоначальным текстом, во избежание превратных толкований (с этим связано и требование недвусмысленности). Однако более важным аспектом священности перевода является его стилистическое оформление – «достоинство» и авторитетность языка. В священном тексте недопустимы не только двусмысленности и стилистические шероховатости, но и алогизмы, нарушения смысловой сообразности. Приведённые примеры показывают, что требование «достоинства языка» нередко может идти вразрез с принципом адекватной передачи оригинала, являясь, таким образом, превалирующим способом выражения священности текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Труды митрополита Московского и Коломенского Филарета по переложению Нового Завета на русский язык. СПб.: Синодальная тип., 1893. XII. 239 с.
2. *Верецагин Е.М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка. Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М.: Мартис, 1997. 315 с.
3. *Смирнов Л.Н.* К вопросу о роли переводов Библии в истории славянских литературных языков // Языковая система и её развитие во времени и пространстве. М., 2001. С. 186–194.
4. Сборник мыслей и изречений святителя Филарета Московского, извлечённых из переписки его с разными лицами. М.: Изд-во им. святителя Игнатия Ставропольского, 1999. 126 с.
5. *Реморов И.А.* Особенности использования церковнославянизмов митр. Филаретом (Дроздовым) в переводах церковнославянских сакральных текстов // История языка: Межвуз. сб. науч. трудов. Новосибирск, 2002. Вып. 2. С. 78–99.
6. *Аверкий*, архиепископ. Руководство к изучению Священного Писания Нового Завета. Четвероевангелие. СПб.: Сатис, 1995. 575 с.
7. *Мецгер Б.М.* Текстология Нового Завета / Пер. с англ. В.С. Кузнецова, Д.В. Дмитриева, О.Ю. Самарина. М.: Библейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1996. 334 с.

КАТЕГОРИЯ СОВМЕСТНОСТИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ДУХОВНОСТИ

Е.Е. Рыбникова
(Кемерово)

На протяжении многих веков человечество проходит определённые этапы развития. Изменения в общественном укладе находят своё отражение в языке, также преобразуя его, поскольку язык развивается только в обществе и человек понимает самого себя только испытав на других людях понятность своих слов.

Категория совместности относится к универсальным категориям, которые на глубинном семантическом уровне в течение многих веков сохраняют информацию о развитии и движении человеческой мысли. Значение совместности стало формироваться в понятийной сфере человека тогда, когда он почувствовал «побуждение соединиться в общество и найти средство взаимного сообщения мысли» [1, с. 8]. Понятие совместности, то есть совместного расположения во времени и пространстве, универсально, оно присуще всем народам и является стержневым в таких гуманитарных дисциплинах, как психология, история, социология. Являясь, таким образом, семантической категорией, тесно связанной с различными областями человеческой жизни (духовной и обыденной), категория совместности находит своё выражение в языке. И это не случайно, потому что «язык – это мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека», – писал выдающийся немецкий мыслитель-гуманист В. Гумбольдт [2, с. 304]

Статья посвящена описанию понятийной категории совместности в древнерусском языке и определению места данной категории в духовной жизни русского народа. Совместность как семантическая категория будет рассматриваться в рамках единого функционально-семантического поля, поскольку не имеет последовательного выражения на каком-либо одном языковом уровне русского языка. Основанием выделения функционально-семантического поля совместности является семантический категориальный признак совместного действия, который формируется различными средствами выражения: морфологическими, лексическими, синтаксическими, комбинированными, объединяет эти «разнородные языковые средства и обуславливает их взаимодействие» [3, с. 23].

Средневековому человеку в силу исторических обстоятельств была свойственна «соборность» (всем миром) совершения практически любого действия, поскольку человек средневековья не осознавал себя от-

дельной личностью, а ощущал себя частицей некой общности. По этой причине древнерусские летописи демонстрируют большое количество синтаксических конструкций именно с социативным значением. Например: *Ходиша новгородцы съ плесковици къ Полтеску* (Н1 л.); *И ста Стополкъ с своею дружиною* (Л. л.), *Князи русстии... поидоша еси въкупъ* (Н1 л.); *Оцю коупъно слава съ престымъ и животворящимъ духомъ* (Усп. сб.); *И ради быша еси от мала до велика* (Н1 л.).

После принятия христианства на Руси актуальной стала идея подобия, объединения на духовной основе, то есть «*быть вместе подобными друг другу*». И в этом случае идея объединения в одно целое осуществляется уже на уровне сознания, что свидетельствует о смене логической и культурной парадигмы и о развитии человеческой мысли в сторону абстракции. Так, два социативных обстоятельства *вмѣстѣ* и *однородушно* функционально расходятся и репрезентируют в древнерусском языке два уровня совместности: 1) физический (*вместе идти на войну, строить церковь, встречать, провожать* и т.д.), 2) духовный (*И съ нами единовѣрникъ будещи* (Л. л.), *Вси быша однородушно и то 100 мужь* (Н1 л)). Однако возможны и такие конструкции, в которых представлены оба обстоятельства, например, *И съидошася братья обои въкупъ однородушно* (Н1 л.). Возможно, в этом примере проявляются христианские представления о соединении божественной и человеческой энергий.

В «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова [4] христианство предстаёт как проект, обращённый на преобразование мира, призывающий человечество к совместному действию в обуздании стихийных сил природы, к делу всеобщего воскресения. Эта идея совместности нашла выражение на разных языковых уровнях в древнерусском языке.

На морфологическом уровне выявлены следующие способы выражения социативного значения: циркуфиксальный (*Совокупшася вся братья въ Вышегородъ* (Н1 л.), *И собрася братья къ нему числом 21* (Л. л.)); грамматическая форма двойственного числа субъекта или предиката (*Съядста В брата въ монастыри* (Л. л.), *И поидоста В оуноши къ нему* (Л. л.), *Столсавъ иже и Всеволодъ видоста въ Кыевъ* (Л. л.); творительный падеж совокупности (*Новгородци сташа пълкомъ на княжи дворъ* (Н1 л.)).

На синтаксическом уровне значение совместного действия в древнерусском языке выражали глагольные конструкции с именем в творительном падеже с предлогом «с». Эти конструкции были очень продуктивны и, возможно, в глубокой древности были единственным способом выражения совместного значения. Идею объединения, общности, соучастия в чём-либо воплощали словосочетания с творительным падежом

имени. Глагол в таких конструкциях указывал на действие, а «существительное в творительном падеже с предлогом «с» на лицо или группу лиц, принимающих участие в совместном действии с другими лицами, обозначенными падежом именительным» [5, с. 16]. Например: *Ходиша новгородци съ плесковци къ Полтеску* (Н1 л.), *Идоша новгородци съ Сваславом къ Кеси* (Н1 л.), *И идоша съ Ярославь* (Н1 л.).

Большую группу составляют конструкции, социативное значение которых определяется указанием на их локальное расположение в пространстве. Предполагается, что значение совместности развилось в составе конструкций, первоначально выражавших пространственные отношения. На ранних этапах развития языка существовала тенденция «выражать в терминах места и пространства любые отношения» [6, с. 44]. Такие локативные обстоятельства указывают, конкретизируют отношения видимые, пространственные, из которых впоследствии развилось значение совместности. Например: *А Немци вбъгоша в Дътиницъ* (Н1 л.); *И поиде Стополкъ и Володимеръ и Ростиславъ къ Треполю* (Л. л.); *Англи бо бѣша поюще въ ней* (Усп); *Князь бо Глѣбъ и дружина его идоша и стала оу епископа* (Л. л.). Синтаксические средства являются наиболее частотными в древнерусском языке для выражения значения совместности. Элементы синтаксической структуры, способствующие актуализации значения совместности, могут варьироваться, создавая тем самым синонимические ряды, поэтому, возможно, морфологические и лексические средства очень ограничены как в древнерусском, так и в современном русском языке. Думается, что синонимия средств выражения категории совместности на синтаксическом уровне препятствует морфологизации ее в русском языке.

Сущность языка состоит в том, чтобы отливать в форму мыслей материю мира вещей и явлений [2, с. 315]. Категория совместности помогает понять, как формировалось мировоззрение древнего русича, как развивались общественные отношения, как складывались взаимоотношения между людьми. Таким образом, понятийная категория совместности является своеобразной категорией-кодом, которая на протяжении многих веков даёт импульс для развития новых межличностных отношений и способов их выражения в языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потебня А. А.* Мысль и язык. М., 1999.
2. *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
3. *Бондарко А. В.* Функциональная грамматика. Л., 1984.
4. *Фёдоров Н. В.* Из «Философии общего дела». Новосибирск, 1993.
5. *Сорокин Е. Г.* Словосочетания с предлогом «с» в русском языке в их историческом развитии. Горький, 1957.
6. *Кравченко А. В.* Язык и восприятие (Когнитивные аспекты языковой категоризации). Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1996.

ВОСПРИЯТИЕ ОБРАЗНОГО ОСНОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ (по данным психолингвистического эксперимента)

Н. А. Рябинина
(Томск)

В подавляющем большинстве фразеологизмы представляют собой образно мотивированные сочетания. Значение фразеологических оборотов мотивировано образом, осознаваемым при буквальном восприятии. Это восприятие ассоциируется с каким-либо свойством, состоянием, действием, ситуацией (денотативным значением) и осознается как их подобие.

Образное основание фразеологизмов содержит культурно значимую ассоциацию, значение которой постигается осознанно или бессознательно в процессе интерпретации образного основания предметной области культуры, через ее категории, выраженные в стереотипах, эталонах, архетипах и т. п. [1, с. 233].

Для выявления культурной коннотации фразеологизма был проведен психолингвистический эксперимент, в ходе которого информантам предлагалось ответить на вопрос «Как вы считаете, почему мы так говорим?» на примере фразеологизма «поставить на уши – взбудоражить, привести в раздражение». Общее число опрошенных составило 48 человек.

Образ фразеологического оборота восходит к архетипическому пласту культуры и соотносится с архетипом «верх – низ». Оппозиция «верх – низ», берущая начало в мифологии, оказывается одной из самых важных для устройства самого мира. Ад и рай... являются зеркальным отражением друг друга: первый находится внизу, второй вверху, там царят Хаос и Тьма, здесь – Порядок и Свет [2, с. 224]. Помимо этого, образ фразеологизма, а точнее, буквальное значение словесного комплекса-прототипа, соотносится с представлением о нелепой, физически невозможной, алогичной ситуации «стояния на ушах».

В образном основании фразеологизма, который обозначает неестественное, ненормальное эмоциональное для человека состояние (взбудораженность и раздраженность), лежит ситуация, указывающая на физически невозможное и пространственно не нормативное, перевернутое положение человека. Культурная интерпретация осуществляется в сопоставлении с установкой архетипического сознания и практикой перцептивного восприятия. Содержание культурной коннотации в этом случае

будет составлять осознание того, что психически неуравновешенное состояние – это состояние «антинормы».

Таким образом, в процессе интерпретации образа фразеологизма «включается» культурное знание носителя языка о том, что такое положение не естественно, не нормативно для человека.

Образ фразеологизма является стимулом для актуализации наглядно-чувственного представления. Так, из 48 анкет 13 ответов содержат информацию о том, что «стояние на ушах» противоречит обычной ориентации в пространстве. Показательно, что большинство информантов толкуют фразеологизм путем введения других образных устойчивых выражений:

«перевернуть»;

«перевернуть все с ног на голову, беспорядок»;

«все привести в беспорядочное состояние, т. е. поставить с ног на голову. А уши, как известно на голове»;

«если поставить на уши, значит, тело расположить вверх ногами, значит все наоборот»;

«либо на голову, т.е. вверх ногами, вверх тормашками, не так, как нужно»;

«перевернуть все вверх дном. Ералаш. Беспорядок. Безудержное веселье».

Перевернутое положение расценивается как «неестественное состояние для человека», «неестественное для него самого положение». А ситуация, описываемая буквальным прочтением образа, воспринимается как «искаженная», т. е. перевернутая.

Анализ ответов позволяет сделать вывод о том, что при интерпретации образного основания фразеологизма в сознании испытуемых возникает образ. Приведенные синонимичные ряды образов указывают на то, что образное основание фразеологизма воспринимается на фоне архетипически правильного и неправильного представления о расположении в пространстве. Это предположение подтверждает и тот факт, что соответствующие образы вызывают оценки: *не так, как нужно, все наоборот* и соотносятся со значениями, восходящими к представлению об антинорме: «беспорядок», «беспорядочное состояние».

Образное восприятие словесного комплекса-прототипа позволяет осмыслить ситуацию с точки зрения перцептивного опыта человека. В этом случае в сознании информантов актуализируются знания, позволяющие оценить антинормативность физической способности человека («стоять на ушах»), рисуемую буквальным значением фразеологизма.

Таким образом, в ответах информантов, основанных на их перцептивном опыте, такая попытка расценивается с точки зрения ее физиче-

ской возможности или невозможности. Уши воспринимаются как «выделяющаяся часть на голове», на которую «наверное» «и можно поставить» или «необходимо очень много усилий, чтобы в действительности осуществить этот трюк: «встать на уши» сложнее, чем, например, на голову, руки» (2). Однако допущение, что на уши все-таки поставить можно, вызывает ассоциацию с ситуацией изощренного наказания, пытки: «наверное, раньше была пытка такая: стоять на голове, на ушах» (1).

Большинство информантов (7), в силу особенностей своего восприятия, расценивают возможность «стоять на ушах» как «самое невозможное из возможностей человека»; «немыслимая ситуация», «поставить в невыполнимое, невозможное положение (на уши), ситуацию», «так как на уши в прямом смысле поставить нельзя, то невозможность этого символизирует хаос» и др.

Анкеты содержат ответы, в которых фразеологизм был интерпретирован с опорой на прямое значение компонента «уши». В ответах отмечается перцептивная функция органа восприятия:

«уши как орган чувств улавливает тон, интонацию, звук. Может быть, посредством ушей мы устанавливаем настроение человека» (1);

«тем самым поднять невообразимый шум и гам, который раздражающе действует на уши» (1).

В приведенных ответах чувственный опыт человека оказывает влияние на восприятие внутренней формы фразеологизма. При этом оборот интерпретируется с учетом его денотативного значения.

Так, в раздраженном или возбужденном состоянии изменяются такие параметры человеческого голоса, как тон, интонация, звук, которые помогают понять настроение говорящего. Шум и гам, которые появляются в результате этих изменений, в свою очередь, раздражающе действуют на барабанную перепонку, вызывая неприятные физические ощущения. Соответствующие знания отразились в ответах информантов.

Образ фразеологизма ассоциируется с разными жизненными ситуациями. Соответственно, в процессе интерпретации в сознании испытуемого актуализируются ассоциативные знания, которые соотносятся с денотативным содержанием фразеологизма и воспринимаются сквозь призму фразеологического образа.

Так, значение фразеологизма воспринимается на основе тех ситуаций, в которых отражается представление о психически неуравновешенном состоянии субъекта действия: «гулять всю ночь дома, слушать музыку так, что поставить на уши соседей», «перевернуть все вверх дном. Ералаш. Беспорядок. Безудержное веселье», «веселье,

задор», «устроить дебош, разгром; бурно проводить время, развлекаться» (4).

Во всех перечисленных ответах содержится указание на ситуацию, в которой ее субъект характеризуется с точки зрения *состояния* (он веселится, развлекается, бурно проводит время, гуляет всю ночь и слушает музыку), находясь в котором, он *способен устроить дебош, разгром, создать беспорядок* и тем самым нарушить спокойствие окружающих его людей – *соседей*.

«Виновником» такой ситуации может стать человек, проявляющий повышенную эмоциональность, выражаемую в поступках: «про человека *очень эмоционального, который своим поведением поставил всех на уши*» (1).

Образ фразеологизма вызывает у информантов ассоциации, характеризующие ситуацию как антинормативную. «Антинорма» в этом случае воспринимается в соотнесенности с *информацией*. Информация может влиять на человеческую психику. Отсутствие информации, например ситуация, «*когда уходишь из дому и никому ничего о себе не сообщашь*», может стать причиной психически нестабильного состояния человека (родителей, близких, друзей). В эмоционально-нестабильном состоянии человеку свойственно неадекватное восприятие действительности, в которой он перестает контролировать свои эмоции и «*поднимает панику*».

Эффективность общения оценивается информантами с точки зрения тех *коммуникативных стратегий*, которые используются для достижения поставленных коммуникативных задач. В этой связи такие способы поведения, как *ор, паника, фурор, переполох*, расцениваются как неэффективные: «*произвести фурор, поднять невообразимый ор, сделать так, чтобы все обратили внимание*» (отриц.)», «*привлечь к себе, к своей проблеме максимум внимания, устроить переполох*».

Однако для того, чтобы «*заинтересовать собой окружающих, обратить на себя массовое внимание*», «*сделать так, чтобы все обратили внимание*», соответствующие коммуникативные стратегии являются наиболее действенными. Массовое внимание можно привлечь либо путем коммуникативно-неэффективного, иррационального поведения, либо путем какого-либо неординарного, немислимого поступка, с помощью которого и «*мертвого из могилы поднимешь*».

В ответах информантов содержится информация, позволяющая выделять *социально-возрастные группы*, действия которых (либо совершаемые над которыми) воспринимаются как антинормативные:

1. Дети: «*так говорят про непоседливых детей (хор)*», «*сфера употребления – отношения детей и родителей, в особенности применимо к непослушным детям*», «*дети в классе на перемене*» (3).

Ответы информантов могут не содержать прямого указания на субъект действия (как это было сделано выше). Субъект ситуации угадывается в таких случаях *из описания результатов действий*: «комната с жутким беспорядком, разбросанной одеждой, игрушками» (1) (описание позволяет предположить, что речь идет о ребенке). При интерпретации фразеологического образа информант указывает источник возникновения ассоциации: «ералаш» (1). На основе этой информации мы можем восстановить характер ситуации, а также ее основных действующих лиц (герои «Ералаша» обычно дети).

2. Соседи: «у нас за стенкой поселились новые соседи, которые поставили на уши буквально весь подъезд», «гулять всю ночь дома, слушать музыку так, что поставить на уши соседей» (2).

Основными нарушителями общественного спокойствия (в восприятии информантов) выступают дети, соседи, веселящиеся и другие группы людей, а главными «жертвами» такого всешья оказываются соседи и родители.

Как антинормативные воспринимаются те действия и состояния, которые не соотносятся с понятием рационального. Так, дети в силу их возрастных особенностей лишены способности к рефлексии, а «безудержно веселящиеся» взрослые «забывают» об этой способности в пылу «бурного» времяпровождения. Однако иррациональное поведение не всегда оценивается отрицательно. Как считают информанты, «веселье, задор» способны скрасить жизнь любого «рационального» человека, а самые абсурдные поступки – «привести из состояния инфантильного в действие».

Таким образом, результаты эксперимента позволили сделать следующие выводы. Образное основание фразеологизма является стимулом для актуализации перцептивного, социокультурного опыта информанта. Как видно из полученных ответов, испытуемыми был «схвачен» главный смысл фразеологизма, его смыслообразующий стержень – «антинорма». Под *антинормативные* подводятся такие действия и состояния, которые оцениваются как *невозможные, неправильные, алогичные*, т.е. не соответствующие *обычному порядку вещей*. Представление об «антинорме» входит в образное основание фразеологизма архетипом «верх – низ» и знаниями, основанными на перцептивном опыте человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Косарев А.Ф. Философия мифа. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 304 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология (семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты). М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.

О ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ДЕРИВАЦИОННОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА В ТЕКСТЕ

Н.В. Сайкова

(Барнаул)

В настоящее время в современной лингвистике формируется концепция дериватологического описания русского языка и деривационная лексикология как ее часть. Деривационное функционирование слова рассматривается при этом как сфера функционально-деривационного пространства русского языка, охватывающего разные планы (формальный, содержательный, функциональный) и аспекты (онтологический и гносеологический, синхронный и диахронный, статический и динамический, ономастиологический и семасиологический) исследуемого объекта.

Лексическая деривация традиционно изучалась в рамках статического языкознания с точки зрения ее морфемных и словообразовательных характеристик в системно-структурном аспекте [1, 2]. Рассмотрению включенности лексической деривации в построение единиц более высокого уровня в функциональном аспекте способствует динамизация лингвистических исследований (ср. изучение функционирования производного слова в тексте [3–9]). Исследование лексической деривации как общетекстовой основывается либо на материале варьирования контекстов-примитивов, либо на материале контекстов, извлеченных из текстов, что приводит к возможности рассмотрения лексической деривации на фоне варьирующегося текста. Такая постановка проблемы позволяет выделить текстовые факторы, влияющие на функционирование деривационного слова, и способствует тому, что детерминанты его развития определяются не только субъективным (воля говорящего), но и объективным (реализация деривационного потенциала, заложенного в самой языко-речевой материи) факторами. Развитие деривационной текстологии связано с появлением исследований, направленных на изучение вторичного, производного текста [10, 11]. Активизация сопоставительных исследований в области деривационной лексикологии [12, 13] соотносится с рассмотрением перевода как одного из типов вторичного текста [14–16]. Обращение к данным деривационной текстологии, рассмотрение реализации деривационного потенциала текста, его влияния на деривационный потенциал слова способствуют преодолению расщепленности предмета деривационной грамматики и более глубокому описанию явлений деривационной лексикологии русского языка.

Развитие функционального аспекта исследования деривационного слова в отличие от системно-структурного аспекта, в рамках которого слово изучается с ориентацией на единицы низших уровней, предполагает исследование его функциональности, то есть включенности в состав единиц более высокого ранга. Это обстоятельство приводит к необходимости рассмотрения лексической деривации как компонента текстопорождения и к поиску путей ее исследования.

Становление дериватологического описания русского языка, расширение понятия деривации, его проекция на единицы различных уровней, в том числе текстового, приводят к выделению в качестве предмета исследования деривационного текста, обладающего потенциалом развития, который реализуется в создании вторичных текстов разных типов. Синтактико-центрический аспект исследования лексической деривации находит свое продолжение в ее текстоцентрическом рассмотрении, предполагающем изучение реализации деривационного потенциала слова на фоне варьирующегося текста. Дериватологическая интерпретация вторичных текстов позволяет использовать в качестве источника материала анализа для решения проблем деривационной лексикологии внутри- и межъязыковые переводы, занимающие тождественные позиции на шкале деривационности. Использование межъязыковой и внутриязыковой эквивалентности в качестве способа изучения русского языка способствует выделению единого транслингвального пространства, в котором межъязыковые различия снимаются как нерелевантные для дериватологического подхода, изучающего саморазвитие и самодетерминацию единой языко-речевой материи. Таким образом, деривационная лексикология русского языка рассматривается как составная часть деривационной грамматики, а данные деривационной текстологии привлекаются для решения проблем, имеющих лексико-центрическую направленность.

Основная гипотеза предпринятого исследования такова: лексическая деривация органично включается в общетекстовую деривацию, тем самым доказывается функциональность лексико-деривационного ряда, его релевантность для восприятия и порождения текста. Если лексико-деривационные ряды функциональны, то есть значимы для восприятия и порождения текста, то они будут отражаться во вторичных текстах (например, внутри- и межъязыковых переводах), созданных на основе содержащих повторы первичных текстов. Деривационный потенциал текста реализуется в его способности вступать в отношения производности с другими текстами, которые по отношению к исходному выступают как вторичные. Так, одним из типов вторичных текстов является перевод, при этом лексико-деривационное развитие текста выступает

как одно из частных проявлений непрерывного деривационно-мотивационного процесса в едином транслингвальном пространстве.

Для анализа используются контексты, полученные методом сплошной выборки из пяти глав романа Ф.М. Достоевского «Идиот» (ИТ-1) и трех его переводов на немецкий язык, выполненных Г. Гершельманном (ПТ-1), Г. Релем (ПТ-2), А. Лютером (ПТ-3). Анализ проводится по главам (5 выборки). Подсчет количественных данных показал разный процент отражения одних и тех же лексико-деривационных рядов в разных переводах: глава 1 – 54 % (ПТ-1), 81 % (ПТ-2), 75 % (ПТ-3); глава 2 – 51 % (ПТ-1), 85 % (ПТ-2), 79 % (ПТ-3); глава 3 – 54 % (ПТ-1), 80 % (ПТ-2), 75 % (ПТ-3); глава 4 – 29 % (ПТ-1), 51 % (ПТ-2), 56 % (ПТ-3); глава 5 – 51 % (ПТ-1), 73 % (ПТ-2), 70 % (ПТ-3). В результате анализа отклонений от исходной гипотезы были выявлены факторы, определяющие функционирование деривационного слова в тексте.

Разная степень отраженности одних и тех же рядов зависит от модели построения вторичного текста: семасиологической и ономасиологической. Различия между этими двумя моделями, несомненно, имеют качественную подоснову, но выявляются прежде всего статистически, так как именно количественные показатели позволяют формализовать интуитивные наблюдения по поводу их различия. Перевод – результат семантической деривации, или повторное создание макроозначаемого текста. Поэтому необходим учет степени семантического расстояния между единицами соответствия, что позволяет выделить две группы инноваций: мутационные и модификационные. Первые лишены непосредственной детерминации исходным текстом и продиктованы волей говорящего, в данном случае переводчика (субъективный фактор), вторые контекстуально обусловлены исходным текстом. Результатом действия первых являются различия на уровне глубинной структуры, вторые не ведут к таким преобразованиям. Деривационные процессы: осложнение, упрощение, перестановка, слияние, замена – приводящие к семантическим инновациям разных типов, протекают в текстах, построенных и по семасиологической, и по ономасиологической моделям, но по-разному характеризуют их как количественно, так и качественно. Мутационные инновации являются доминантой для текстов, построенных по ономасиологической модели (ПТ-1), модификационные – для текстов, построенных по семасиологической модели (ПТ-2, ПТ-3).

Семасиологическая и ономасиологическая модели построения вторичного текста являются результатом различного соотношения означающего и означаемого под влиянием двух факторов: субъективного и / или объективного. Тексты, построенные по семасиологической модели, тяготеют к полюсу «объективное» и представляют собой тождест-

венное исходному тексту соотношение означающего и означаемого. Тексты, построенные по ономазиологической модели, тяготеют к полюсу «субъективное» и представляют собой новый тип соотношения означающего и означаемого, не детерминированного формой исходного текста. Единство формы и содержания прослеживается в появлении инноваций и на уровне означаемого, не обусловленных исходным текстом. На поверхностном уровне результатом действия двух моделей являются наличие и отсутствие экспликации деривационного потенциала слов. Для первого типа построения вторичного текста характерна большая степень отражения лексико-деривационных рядов, зона разброса 70 – 79 % (ПТ-2); 72 – 85 % (ПТ-3), исключая главу 4. Для второй модели не представляется релевантным учет всех типов формально-семантического взаимодействия лексических единиц текста, зона разброса процента отражения 51 – 54 % (ПТ-1), исключая главу 4. Лексико-деривационный ряд – формально-семантическая единица, представляющая собой соотношение микроозначаемого и макроозначающего, по-разному функционирует в текстах, построенных по семасиологической и ономазиологической моделям, в силу разного рода соотношения на уровне макроозначаемого и макроозначающего.

Глава 4 романа представляет значительный интерес для исследования, так как количественный показатель отражения лексико-деривационных рядов отличается от степени их отражения в других главах (29; 51 и 56 %), но сохраняется корреляция процента отражения между моделями вторичного текста. Это заставляет обратиться к сравнительному анализу реализованных в данной главе лексико-деривационных рядов с представленными в других главах для выявления причин их меньшей отраженности при переводе. Анализ показал, что существует некоторая зависимость отражения или неотражения при переводе лексико-деривационных рядов от объективных (заложенных в языке и тексте) и субъективных (зависящих от установки автора и переводчика) причин. В результате были выявлены детерминанты деривационного функционирования слова в тексте, восходящие к общезыковым антиномиям *объективное – субъективное, системное – текстовое* (на данном этапе задействованы выделенные члены антиномий), их влияние опредмечивается в четырех моделях поведения переводчика. При анализе деривационного функционирования слова в аспекте межъязыковой эквивалентности важно отметить характер отражения или устранения лексико-деривационных рядов при переводе: при неотражении рядов – была ли объективная возможность их фиксации или нет (фактор языка); при их отражении важно учесть, были ли варианты перевода, когда переводчик из всех возможных синонимов мог выбрать именно те, кото-

рые вступают в эпидигматические отношения (фактор переводчика) или языковые средства ограничивают выбор (фактор языка).

Объективное отражение лексико-деривационного ряда мало способствует достижению поставленной цели – доказать функциональность ряда, так как не позволяет судить о том, замечает ли переводчик его значимость, ведь переводчик в любом случае «вынужден» его воспроизвести. Единственным подтверждением функциональности лексико-деривационных рядов данной группы является отсутствие прономинализации. – *За это в Сибирь? – В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь!* (ИТ-1); – *Dafür kommt man nach Sibirien? – Nach Sibirien, nach Sibirien. Sofort nach Sibirien!* (ПТ-2); – *Und kommt einer dafür nach Sibirien? – Gewiß, nach Sibirien, nach Sibirien! Ohne weiteres nach Sibirien!* (ПТ-3). Намечается тенденция, в соответствии с которой в текстах, построенных по семасиологической модели (ПТ-2 и ПТ-3), лексико-деривационные ряды сохраняются; в тексте, построенном по ономасиологической модели (ПТ-1), несмотря на отсутствие синонимов, они разрушаются за счет прономинализации или опущения повтора: – *Und darauf steht Sibirien? – Selbstredend..., wie Euer Gnaden zu sagen belieben!* (ПТ-1).

Показателен сам факт отражения при переводе лексико-деривационного ряда, когда имеются различные варианты, позволяющие его избежать. Это означает, что переводчик (сознательно или интуитивно) из всего языкового арсенала выбирает именно те лексемы, повтор которых возможен в данном контексте. Поэтому данные, полученные именно при анализе **субъективного отражения** лексико-деривационного ряда, несут основную информацию о его функциональности в тексте.

Из всего синонимического ряда *die Krankheit, die Erkrankung, das Unwohlsein, die Beschwerde, das Leiden, das Gebrechen, das Siechtum* выбирается и реализуется в тексте одна единица, причем в разных текстах – своя: ..., *что отправлен был за границу по болезни, по какой-то странной нервной болезни...* (ИТ-1); ... *daß er seines Leidens wegen ins Ausland geschickt worden sei, eines merkwürdigen Nervenleidens ...* (ПТ-2); ... *man habe ihn wegen einer Krankheit ins Ausland geschickt, wegen einer eigentümlichen Nervenkrankheit* (ПТ-3). Субъективный характер такого отражения подчеркивает тот факт, что в тексте, построенном по ономасиологической модели, повтор устранен за счет синонима: ... *nachdem er seinerzeit krankheitshalber, wegen eines seltsamen Leidens, das..., in Ausland geschickt worden* (ПТ-1).

Объективное неотражение лексико-деривационного ряда связано с тем, что необходимость устранить повтор может диктоваться особенно-

стями системы языка перевода. Так, глагол *скажется* имеет в русском языке два значения: 1) будет сказано (произнесено); 2) обнаружится, решится. Первому значению в немецком языке соответствует конструкция *gesprochen werden*, второму – ряд глаголов и выражений *sich zeigen, zum Ausdruck kommen, zutage treten, entscheiden*. Несоответствие семантических структур приводит к устранению повтора, а лексико-derivационный ряд выступает как частично отраженный, значительно проигрывая по силе сцепки: ... *что последнее слово еще не сказано, а гроза грядет. Если сегодня скажется последнее слово, стало быть, и все скажется* (ИТ-1); ... *solange das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Wenn aber wirklich heute abend die Entscheidung fallen sollte, dann bricht der Sturm los, das können Sie mir glauben!* (ПТ-1); ... *daß das letzte Wort noch nicht gesprochen ist. Das Gewitter muß aber losbrechen. Wird heute das letzte Wort gesprochen, so wird auch alles zutage treten* (ПТ-2); ... *weil das letzte Wort noch nicht gesprochen ist; aber das Gewitter rückt heran. Wenn heute das letzte Wort gesprochen wird, dann ist damit alles entschieden* (ПТ-3).

Субъективное неотражение лексико-derivационного ряда связано с тем, что иногда он не воспроизводится при переводе, несмотря на то, что объективные условия для его фиксации есть. Это дает основание говорить о роли фактора переводчика, который в силу субъективных причин пытается избежать повтора различными средствами: с помощью синонимов, опущения повторов, прономинализации, замены словом с более широким или узким значением. Так, употребление синонимов *stören, belästigen, zur Last fallen* разрушает ряд: *А не мешать вам я научусь и скоро пойму, потому что сам очень не люблю мешать* (ИТ-1); *Übrigens werde ich bald lernen, Sie nicht in Ihrer Arbeit zu stören, mit selbst ist nichts unangenehmer, als anderen zur Last fallen* (ПТ-1); *Und Sie nicht zu stören werde ich bald lernen, denn ich möchte niemand belästigen* (ПТ-2). Субъективный характер неотражения лексико-derivационного ряда подчеркивает факт его передачи в одном из переводов: *Aber Sie nicht stören, das werde ich schon lernen und bald begreifen, weil es mir selbst sehr zuwider ist, jemanden zu stören...*(ПТ-3).

Такой тип поведения переводчика соответствует ономаσιологической модели построения вторичного текста. Субъективное неотражение лексико-derivационного ряда, когда переводчик сознательно или интуитивно устраняет повтор при объективной возможности его передать, не является свидетельством абсолютной нефункциональности ряда, так как сам факт устранения повтора с целью, например, избежать тавтологии является значимым, но мы не имеем возможности зафиксировать функциональность ряда по текстовым показателям.

Значимость для доказательства функциональности лексико-деривационного ряда отражения или устранения повтора во вторичном тексте является различной в зависимости от объективного или субъективного характера (влияние системного фактора и фактора переводчика). Так, объективное отражение и объективное неотражение на оси функциональности представляют собой нейтральные типы, в отличие от субъективного отражения, тяготеющего к полюсу «функциональное», и субъективного неотражения, тяготеющего к полюсу «нефункциональное».

Функционирование деривационного слова во многом обусловлено текстовыми факторами. Лексико-деривационные ряды обладают разной степенью функциональности в зависимости от экстенсивного и интенсивного характера их использования, что проявляется в аспекте межъязыковой эквивалентности в разной степени отраженности при переводе разных типов лексико-деривационных рядов в зависимости от модели построения вторичного текста. В тексте, построенном по ономаσιологической модели, отражены преимущественно ряды с высокой степенью функциональности, в тексте, построенном по семасиологической модели, отражаются все типы рядов при объективной возможности их фиксации.

В ходе исследования функциональности лексико-деривационного ряда в аспекте межъязыковой эквивалентности было выявлено отклонение от общего процента отражения по главам с сохранением корреляции в зависимости от модели построения текста. Так, глава 4 отличается наименьшим процентом отражения содержащихся в ней рядов, что предполагает необходимость поиска причин, объясняющих данный факт. В ходе анализа было выяснено, что ослабление детерминации между членами ряда, меньшая их отраженность при переводе как свидетельство меньшей функциональности были вызваны тем, что глава 4 представляет собой речь повествователя, речь автора, а главы 1, 2, 3 и 5 насыщены диалогами героев, изобилующих повторами, связанными с переспросами, то есть диалогической цитацией, усиливающей детерминацию членов лексико-деривационного ряда. Коммуникативная значимость лексико-деривационных рядов подобного типа способствует их большей отраженности при переводе.

В процессе исследования были намечены некоторые другие условия реализации лексико-деривационного ряда в тексте, для анализа которых был собран дополнительный материал (внутриязыковой, межъязыковой прямой и обратный переводы отрывка романа Ф.М. Достоевского «Идиот», который рассматривался в исследовательских целях как самодостаточный текст). Это позволило уточнить само понятие лексико-деривационного ряда, выявить текстовые критерии его выделения, ус-

тановить границы наличия / отсутствия детерминации членов ряда в пределах лексико-деривационного контекста; рассмотреть возможности лексико-деривационного развития слова, представив текстовое лексико-деривационное поле в транслингвальном пространстве и выявив его ядро и периферию; рассмотреть возможности развития текста в его лексико-деривационном аспекте, выявить текстовые суппозиции для реализации деривационного потенциала слова; выявить текстовые детерминанты функционирования деривационного слова.

Деривационное функционирование слова в тексте имеет свою специфику и определяется не только системными (идиоматичность, степени членности и т.д.), но и текстовыми (типом речи (речь автора, речь персонажа), родо-жанровой, жанровой (монолог, диалог) принадлежностью текста, темой, способами достижения связности (семантический, формально-семантический, что во многом определяется моделью построения текста) и т.д.) характеристиками. Оно обуславливается объективными и субъективными факторами. К первому типу относятся текстовые характеристики лексического ряда, такие как контактность / дистантность, наличие / отсутствие текстовых маркеров значимости членов ряда (последние признаки ведут к ослаблению детерминации), соотношение лексических рядов со смысло- и стилиобразующими средствами текста), и системные характеристики – наличие / отсутствие вариативности лексических и синтаксических единиц (первый признак может привести к устранению повтора, сам же факт его сохранения значим), в аспекте межязыковой эквивалентности важно учитывать наличие / отсутствие единиц, способных вступить в отношения формально-семантического взаимодействия. В основе субъективного фактора лежат особенности деятельности носителей языка: негативное / позитивное отношение к повтору, признание его значимости при порождении / восприятии текста. Слово реализует свой потенциал деривационного развития во вторичных текстах при создании следующих типов лексических рядов: лексико-деривационного, синонимического, супплетивного, нулевого. Лексико-деривационный и синонимический ряды представляют собой доминанту текстов, построенных по семасиологической модели, супплетивный и нулевой – для текстов, построенных по ономазиологической модели.

В ходе анализа было установлено, что реализация деривационного потенциала слова зависит от модели построения текста (семасиологической и ономазиологической), модели поведения переводчика (объективное отражение / неотражение, субъективное отражение / неотражение), экстенсивного и интенсивного использования лексико-деривационных рядов в тексте, текстовых условий их реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лопатин В.В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М.: Наука, 1977. 313 с.
2. *Милославский И.Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М.: МГУ, 1980. 296 с.
3. *Янценецкая М.Н.* Семантические вопросы теории словообразования. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 242 с.
4. *Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 191 с.
5. *Голев Н.Д.* Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1989. 252 с.
6. *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 221 с.
7. *Гусар Е.Г.* Роль суппозитивного фактора в деривации означаемого лексической единицы текста (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1995. 20 с.
8. *Резанова З.И.* Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 219 с.
9. *Трубникова Ю.В.* Деривационное функционирование лексических единиц текста (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1997. 20 с.
10. *Майданова Л.М.* Речевая интенция и типология вторичных текстов // Человек – текст – культура. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 81 – 104.
11. *Чувакин А.А.* Деривационные отношения как тип межтекстовых отношений (к предмету текстодериватологии) // Актуальные проблемы дериватологии, мотивологии, лексикографии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 23 – 24.
12. *Блинова И.В.* Методика сопоставительного ономаσιологического исследования // Актуальные проблемы мотивологии, дериватологии, лексикографии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. С. 53 – 55.
13. *Велединская С.Б.* Проблемы интерпретации лексической мотивации в художественном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1997. 20 с.
14. *Литвинова М.Н.* Перевод и семантическая деривация // Деривация и семантика: слово – предложение – текст. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. С. 107 – 112.
15. *Пинягин Ю.Н.* Деривационная теория и перевод // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика). Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. С. 25 – 26.
16. *Россамагина Н.И.* Исследование перевода как вторичного порождения текста (на материале англо-русских переводов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 16 с.

ИНВЕКТИВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

О.В. Саржина

(Томск)

В лингвистике выделяется широкое (как дискурс) и узкое (как лексические единицы) понимание термина «инвектива». Под инвективой в широком смысле понимается текст в совокупности его лингвистических, паралингвистических (мимика, жест) и экстралингвистических компонентов, который посредством отрицательной эмоциональной оценки объекта-адресата выражает намерение субъекта отрицательно воздействовать на его эмоциональное состояние, ценностную парадигму и поведение. В узком смысле инвектива – это негативные эмоционально-оценочные (дерогативные) лексические единицы, способные выступать в речи в инвективной функции (т.е. функции отрицательного воздействия – оскорбления, унижения, обиды и т.д.).

Будучи глубоко общественным явлением, язык гармонично вписывается в контекст человеческого общества. Любое явление языка в свою очередь не ограничивается рамками языка как системы, а функционирует в социокультурном пространстве, отражая разные стороны общественного бытия. Рассмотрим инвективу (в широком смысле – негативное языковое воздействие) под данным углом зрения, соотнеся данное языковое явление с такими понятиями, как «свобода – несвобода», «толерантность – интолерантность», «насилие – ненасилие», «конфликт», «агрессия».

М.Б. Хомяков, рассматривая границы толерантности, анализирует работу Джона Стюарта Милля «О свободе» [1, с. 11–25]. В наши задачи не входит рассмотрение вопроса о принципах определения границ толерантности как определенных условий, при которых общество имеет право на ограничение свободы индивида, выделенных Миллем, и их оценка. Их слабые стороны отмечены М.Б. Хомяковым («...толерантность у Милля ограничивается, во-первых, вредом, наносимым другим членам общества, и, во-вторых, моральной зрелостью человека и общества. Оба эти принципа поддаются самым различным толкованиям, что весьма сильно подрывает данный тип обоснования» [1, с. 21]). В свете поставленной нами задачи важным в данной работе Милля является выделение ряда понятий: толерантность, свобода, прогресс.

Человек, по Миллю, является прогрессивным существом. Источником его прогресса выступает свобода, так как «свобода ведет к разнооб-

Толерантность (терпимость) и ее антипод – интолерантность (нетолерантность, нетерпимость) выступают здесь в качестве отношения. Толерантность – «это терпимое отношение к мнениям, убеждениям и верованиям «другого» [3, с. 105–106], а интолерантность, соответственно, – нетерпимое отношение. Эти два вида отношений обуславливают поведение индивида (и общества в целом) в конфликтной ситуации. Толерантное отношение приводит к выбору ненасилия в качестве способа урегулирования конфликта, ненасилие приводит к свободе, которая, в свою очередь, является условием прогресса. В противовес толерантному интолерантное отношение является основой выбора насилия, которое подразумевает силовое воздействие, ограничивающее свободу, – несвободу, что порождает регресс. Регресс здесь понимается скорее как непрогресс, т.е. не только как «направление развития от высшего к низшему, движение назад, упадок, деградация» [МАС], но и как отсутствие прогресса, застой.

Замкнувшись в сфере интолерантности, конфликт не имеет шанса на разрешение, так как вступает в силу «эффект бумеранга», который можно проиллюстрировать следующим образом:

Конфликт → Насилие → Несвобода → Насилие → Конфликт

Насильственное решение конфликта ведет к несвободе. По словам Э. Фромма, «свобода является для человека жизненно важным биологическим фактором, который обуславливает беспрепятственное развитие человеческого организма, и потому опасность лишиться свободы вызывает такую же точно оборонительную агрессию, какую вызывает любая угроза витальным интересам индивида» [2, с. 262], т.е. несвобода человека обуславливает насилие с его стороны как способ обретения свободы, что возвращает его в ситуацию конфликта. «Стоит ли в таком случае удивляться, – пишет Э.Фромм, – что в мире, в котором люди ущемлены, в котором большинство страдает от отсутствия свободы [...], вновь и вновь возникают вспышки насилия и агрессии» [Там же].

Рассматриваемая в данной работе инвектива входит в сферу интолерантного, решения конфликта. Она представляет собой вербальное агрессивное поведение и является одним из видов насилия. Дадим определение инвективы как агрессии.

В психологии существуют различные определения агрессии. Мы будем придерживаться определения Роберта Бэрона и Деборы Ричардсон: «Агрессия – это любая форма поведения, нацеленного на оскорбление или причинение вреда другому живому существу, не желающему подобного обращения» [6, с. 26]. Р. Бэрон и Д. Ричардсон особо подчеркивают важность составных компонентов этого определения, которые

выступают в качестве критериев при классифицировании действий как агрессивных или как неагрессивных. Остановимся на этих компонентах подробнее, так как, во-первых, данные компоненты позволяют конкретизировать понятие инвективного дискурса (вербальная агрессия, инвектива в широком смысле), поскольку также являются его составными частями, а во-вторых, помогут выявить специфику инвективного (агрессивного) дискурса на фоне негативного эмоционально-оценочного дискурса.

1. Важным в приведенном определении является то, что агрессия затрагивает живые существа: «только те действия, которые причиняют вред или ущерб *живым существам*, могут рассматриваться как агрессивные по своей природе» [6, с. 30]. Применительно к вербальной агрессии необходимо еще более сузить границы объекта. В отличие от других видов агрессии инвектива затрагивает только человека, так как невозможно оскорбить неодушевленный предмет или животное. Поэтому следующий контекст не является инвективой:

Покурил и снова с остервенением стал пытаться пройти на протезе. И снова – нет. Нет и нет.

Колька матерно выругался и лег на кровать. Ему бросилось в глаза ружье, висевшее на стенке над кроватью... Он поднялся... И снова стал пробовать двигать левой ногой.

– Пойдешь, милая. Ну-ка... Оп-п! Паразитка! – тихо ругался он. (Шукиин В. Нечаянный выстрел).

2. Агрессия затрагивает реципиента, стремящегося избежать нападения: «мы можем говорить об агрессии только тогда, когда реципиент или жертва стремится избежать подобного обращения» [6, с. 30]. Подобным же образом под инвективой понимаются лишь те вербальные действия, которые направлены против реципиента, не желающего подобного обращения. Отсутствие нежелания со стороны реципиента (Яковлева) подвергаться оскорблению в приведенном ниже контексте также исключает его из числа инвективных.

– Ну и радуйся... со своей тучеглазой. Сколько уже настрогали?

– Сколько настрогали – все наши. Но если ты еще раз, падали кусок, так скажешь, я... могу намять твой дорогой костюм. – Глаза Сергея смотрели зло и серьезно.

Яковлев не то что встревожился, а как-то встрепенулся; ему враз интересно сделалось.

– О-о, – сказал с облегчением. – По-человечески хоть заговорил. (Шукиин В. Вечное недовольный Яковлев).

3. Еще одним из компонентов авторы выделяют намерение. «Если бы в определении не упоминалось намеренное причинение вреда, необ-

ходимо было бы каждое случайное оскорбление или нанесение повреждения классифицировать как агрессию, Ввиду того, что люди время от времени оскорбляют чувства других, прищемляют кому-нибудь пальцы дверью и даже калечат друг друга в дорожно-транспортных происшествиях, представляется важным отличать подобные действия от агрессии» [6, с. 28]. Отсутствие или наличие намерения при агрессивном поведении позволило Э. Фромму разделить агрессию и псевдоагрессию. Под последней он понимает «действия, в результате которых может быть нанесен ущерб, но которым не предшествовали злые намерения» [2, с. 247]. Инвектива, соответственно, как вербальная агрессия представляет собой намеренное вербальное оскорбление. Отсутствие намерения оскорбить позволяет говорить о следующем контексте как о неинвективном.

[У бабушки Нечаева три дня назад умерла жена. Он разговаривает с ней на ее могиле. Его услышал мальчишка.] . Прибежал к деду своему, рассказал все. Дед оделся, и мы пошли с ним на зады.

– Он сам с собой или вроде как с ней разговаривает? – расспрашивал дед.

– С ей. Советуется, как теперь быть...

– Тронется ишо, козел старый. Правда пойдет выкопает. (Шукишин В. Горе).

Приведем пример инвективного контекста, в котором присутствуют все 3 отмеченные выше компонента, так как оскорбление со стороны жены 1) направлено против человека (мужа); 2) который не желает подобного обращения (чем вызваны его угрозы «Миль пардон, мадам... Счас врежу!...»); и это оскорбление намеренно (Шукишин В. Миль пардон, мадам!).

Домой Бронька приходит мрачноватый, готовый выслушивать оскорбления и сам оскорблять. Жена его, некрасивая толстогубая баба, сразу набрасывается:

– Чего как пес побитый плетешься? Опять!

– Пошла ты!.. – вяло огрызается Бронька. – Дай пожрать.

– Тебе не пожрать надо, не пожрать, а всю голову проломить безменом! – орет жена. – Ведь от людей уж прохода нет!..

– Значит, сиди дома, не шляйся.

– Нет, я пойду счас! Я счас пойду в сельсовет, пусть они тебя, дурака, опять вызовут! Ведь тебя, дурака беспалого, засудют когда-нибудь! За искажение истории...

– Не имеют права: это непечатная работа. Понятно? Дай пожрать.

– Смеются, в глаза смеются, а ему... все божья роса. Харя ты неумытая, скот лесной!.. Совесть-то у тебя есть? Или ее всю уж отшибли? Тьфу! – в твои глазыньки бестыжские! Пупок!..

Бронька наводит на жену строгий злой взгляд. Говорит негромко с силой:

– Миль пардон, мадам... Счас врежу!..

– Жена хлопала дверью, уходила прочь – жаловаться на своего «лесного скота».

Рассмотрим инвективу в рамках классификации агрессивных действий, предложенной А.Х. Бассом. По мнению ученого, агрессивные действия можно описать на основании трех дихотомических шкал: 1) физическая агрессия – вербальная; 2) активная – пассивная; 3) прямая – не-прямая. Инвектива, т.е. оскорбление словом, может быть двух видов: а) как реакция «вербальная – активная – прямая» – словесное оскорбление или унижение другого человека; б) как реакция «вербальная – активная – непрямая» – распространение злостно клеветы или сплетен о другом человеке (цит. по [6, с. 29]).

Учитывая компоненты и характеристику инвективы с точки зрения классификации А.Х. Басса, дадим определение инвективы как агрессивного действия. Инвектива является намеренным, активным, прямым (так называемым «в глаза») или непрямым («за глаза») вербальным оскорблением или вербальным причинением вреда другому человеку, не желающему подобного поведения.

Итак, инвектива представляет собой агрессивное действие. Она является особым – вербальным – видом агрессии, объектом которого выступает человек, и вписывается в социокультурный контекст человеческого бытия, функционируя на границах таких понятий как «свобода – несвобода», «толерантность – интолерантность», «насилие – ненасилие», «конфликт», «агрессия».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хомяков М.Б.* Толерантность и ее границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 11–25.
2. *Фромм Э.* *Анатомия человеческой деструктивности.* М.: Изд-во АСТ-ЛТД, 1998. 672 с.
3. *Михайлова О.А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 99–111.
4. *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 174–190.
5. *Перцев А.В.* Современный миропорядок и философия толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности* / Отв. ред. Н.А. Купина и М.Б. Хомяков. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 25–48.
6. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* *Агрессия.* СПб.: Питер, 1998. 336 с.

РОЛЬ ГЛАГОЛЬНОГО СЛОВА И ЕГО ПРОИЗВОДНЫХ В РЕАЛИЗАЦИИ КОГЕЗИИ В НОВЕЛЛАХ А.П. ЧЕХОВА

3.3. Сидорович
(Беларусь, Гродно)

Формальные, содержательные, стилистические и другие особенности художественного текста складываются под влиянием составляющих его структуру языковых единиц. Последние приобретают в нем определенную тексто-функциональную направленность, поскольку они выступают в тексте не только как относительно самостоятельные сущности, но и как составляющие более крупного единства. 70–90-е годы XX в. прошли под знаком пристального, все возрастающего внимания к лингвистике текста, которая изучает, по словам М.А.К. Халлидея, “язык в действии” [1, с. 48] и занимается поиском общих закономерностей построения текста, анализа категорий текста и его конститuentов. Категории текста являются универсальными, так как присущи текстам разных стилей на разных языках. Каждая категория имеет план содержания (значения) и план выражения (языковые средства). Изучение отдельных текстовых категорий всегда связано с ее вычленением из сложно организованной текстовой ткани, где категории функционируют в тесном взаимодействии. “...грамматические категории текста обычно настолько переплетены, что подчас трудно отделить одну категорию от другой. Более того, в одном “блоке” текста можно усмотреть разные категории. Важно определить ведущую категорию, не теряя из виду других, подчиненных ей” [2, с. 109].

“Основной характеристикой всякого текста является связность (когезия) и логичность продвижения его содержания. Связность текста обеспечивается связанностью элементов, образующих предложения, связанностью этих последних в пределах сверхфразовых единств (СФЕ) или сложных синтаксических целых (ССЦ) и связанностью СФЕ или ССЦ между собой, которая может быть не только смысловой, но и формальной” [3, с. 3]. Формальная связь ССЦ, образующих текст, осуществляется лексическими и грамматическими средствами.

Когезия выражается различными средствами межфразовой связи. И.Р. Гальперин выделял три вида когезии: контактную, дистантную и ассоциативную. Контактная связь выражается повторами, заменами, употреблением синонимов, антонимов, однокоренных слов в одном абзаце, предложении, ССЦ, дистантная же – через несколько предложений (абзацев), ССЦ. Ассоциативная когезия не всегда улавливается. Однако

она подчас определяет связи между описываемыми явлениями, очень важные для декодирования СКИ. Ассоциации в художественном произведении не возникают спонтанно. Они – результат художественно-творческого процесса, “в котором отдаленные, не связанные логически ми скрепами представления приобретают вполне понятные связи между описываемыми явлениями” [2, с. 79].

Внутритекстовые связи раскрывают связи между понятиями, отражающими сложные взаимоотношения предметов и явлений объективного мира. В тексте семантические связи выражаются синонимическими, антонимическими, словообразовательными связями и семантическим повтором. Повтор как средство связи наиболее точно отвечает характеру семантической связи – обеспечивать понимание текста. Повидимому, можно не согласиться с мнением Б.А. Маслова о том, что повтор является нерегулярным фактором, т.к. появление повтора обусловлено требованиями стилистики и поэтому он встречается не на всех участках [4, с. 109]. Именно повтор характеризует семантический аспект связи, т.к.: 1) выделение общего семантического признака отвечает интуитивному стремлению человека установить наличие смысловой связи с опорными словами предшествующих предложений; 2) понятие темы теряет расплывчатость и приобретает субстанционный характер. Следовательно, повтор не является случайной связью, а наоборот, выступает в качестве ведущего средства семантической связи. И для однозначного раскрытия темы семантический повтор развивает ее с целью конкретизации, уточнения и обобщения.

Художественный текст вообще и текст художественного рассказа в частности обладает повышенной семантической насыщенностью, которая создается за счет использования дополнительных каналов информативности, в том числе за счет повторов.

Ведущая роль здесь принадлежит предикативным повторам. Употребление глагольных лексем тесно связано со структурно-смысловой, композиционной и коммуникативной организацией текста. В этом и проявляется текстообразующая функция глагола на уровне микротекста и текста в целом. “Цементируя” текст [6, с. 203], глагольное слово как средство текстообразования содействует превращению разрозненных языковых элементов в связное целое, скрепляет текст, придает ему черты индивидуальной неповторимости. Предикативные повторы чаще всего встречаются в художественных текстах, так как основную нагрузку в описаниях, в развитии сюжета несет действие. Относительно высокая частотность употребления повторов такого вида определяется важностью синтактико-смысловой роли глагола, отглагольных существительных, отглагольных прилагательных, причастий и деепричастий в

высказывании и передаваемой при помощи предикативных повторов информации о различных аспектах смысловых объектов текста. Благодаря повторению тех или иных лексико-семантических элементов, необходимых для их смыслового развертывания, а также связывания, скрепления фрагментов текста, в которых они встречаются, возникают “предикационные цепи или лексико-семантические линии, проходящие через весь текст, либо через его отрезки, цементирующие его в единую синтактико-семантическую структуру и реализующие определенное тематическое движение, т.е. коммуникативную задачу текста” [7, с. 155].

Повторы играют существенную роль как в формальной, так и в смысловой организации художественного текста, обеспечивая его связанность. Именно обозначение ранее упомянутого смыслового компонента является одним из необходимых структурных признаков целостности как важнейшего параметра текста.

Мы рассматриваем явление повтора как явление контекста, выходящего за рамки предложения, и функции повтора мы будем называть текстовыми. Это прежде всего связующие, текстообразующие, смыслообразующие функции повторов, наряду с информативной, стилистико-композиционной, экспрессивной функцией, способствующей раскрытию авторского замысла, и другими. Все функции рассматриваются во взаимодействии с другими и с системой целого текста, т.к. адекватное рассмотрение функциональных аспектов повтора может быть осуществлено лишь в рамках целого текста, а не отдельного предложения.

Выделим две функциональные группы повторов, каждая из которых имеет свои специфические характеристики как в семантическом, так и в структурно-композиционном планах. Критериями данного функционального разграничения предикативных повторов являются роль, значение и “вес” повтора в общей синтактико-смысловой структуре текста.

К первой группе отнесем повторы, связанные с действиями главного действующего лица или объекта повествования. Эти повторы пронизывают текст густой сетью связей и служат созданию сквозного сцепления текста, т.е. образуют своего рода структурный стержень текста в целом, его семантическую базу. Это основные, базовые повторы, которые могут “работать” не только на связь отдельных отрезков текста, на разработку отдельных микротем, но и на связь всего текста. Повторы первой группы тесно связаны с основной темой произведения, способствуют созданию его центральной тематической линии, служат для воплощения основной идеи произведения. Ко второй группе отнесем повторы, связанные с иными элементами повествования, т.е. иными действующими лицами, предметами, обстоятельствами. Они встречаются в

отдельных отрезках текста и прямо не связаны с основной линией повествования. Данные повторы в количественном отношении уступают повторам первой группы.

Проиллюстрируем функционирование обеих групп повторов на материале новеллы А.П. Чехова “Смерть чиновника”. К повторам первой группы в этом тексте относятся прежде всего глаголы, причастия, деепричастия, связанные с главным героем произведения чиновником Червяковым. Это повторы, указывающие на род его занятий, на особенности внешнего вида и поведения, а также обозначающие этого персонажа через его специфическое отношение к тем или иным действующим лицам, появляющимся по ходу повествования, образуют центральную тематическую линию, скрепляющую всю ткань в единое целое. Семантика повторов первого рода значительно меняется, варьируется на протяжении всего рассказа. Так, повтор главного смыслового элемента текста выстраивает следующую предикативную цепочку: *сидел и глядел* в бинокль; *глядел и чувствовал* себя на вершине блаженства; *лицо поморщилось*; *глаза подкатились*; *отвел* от глаз бинокль... *чихнул*; *поглядел* вокруг себя; он *увидел*, что старичок, *сидевший* впереди него...

Таким образом, с помощью глаголов зрительного восприятия, их синонимов и однокоренных слов мы можем достаточно детально проследить за общим сменяющимся состоянием Червякова.

– *Я его обрызгал!* – *подумал Червяков...* – *Извиниться надо*. Уже первое употребление слова “извиниться” реализует ключевую для понимания авторского замысла сему ‘вина’, которая дублируется и в остальных глаголах буквально в каждом абзаце: *извиниться* (3 словоупотребления), *извиняться* (3 словоупотребления): *Извините*, ваше-ство, я вас *обрызгал*...; Ради бога, *извините*... я не *желал!*...; Я вас *обрызгал*, ваше-ство... *Простите*...; Я *извинялся*; ...не стану же я больше *извиняться*...; Я *извинялся* за то, что *чихая, брызнул-с...* а *смеяться* я и не *думал*....

Таким образом, эта предикативная цепочка выполняет в тексте тематизирующую функцию. *Чихнул* один раз, а повторение этой формы (в виде *чихая, чиханье*) способствует связанности действия, эта форма перестает быть просто глагольной формой, действие уходит, остается только свойство. Этот момент становится смыслом жизни.

Широта функционирования повторов второй группы убывает соответственно их роли в составе всего текста. По позиции в тексте повторы второй группы являются чаще всего контактными, так как связь, осуществляемая с помощью этих повторов, возникает на определенных участках, в небольших отрезках текста, она кратковременна, так как их сцепляющая функция способствует связыванию отдельных компонентов, а

не текста в целом. В рамках же целого текста они могут быть соотнесены с большим или меньшим кругом семантических элементов, и без ближайшего контекста трудно установить, к какому смысловому элементу относится данный повтор. Например: – *Пошел вон!! – гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал*; – *Пошел вон!! – повторил генерал, затопав ногами*.

Использование синонимических и антонимических средств помогает разностороннему постижению того или иного явления, объемному видению ситуации.

В новелле А.П. Чехова “Анна на шее” связующая роль глагола *слушать* (музыку) дает нам возможность почувствовать обстановку, в которой живет главная героиня: *...скучно слушать музыку...* как контраст свадьбе пятидесятидвухлетнего чиновника и восемнадцатилетней девушки; *...послышалась вдруг музыка...* – музыка звучит на фоне воспоминаний Анны и прерывает ее; *...слышалась музыка...*, а Анна *напевала польку...* – здесь музыка соответствует душевному состоянию героини, *...услышала музыку...*, и *“в душе ее проснулась радость и то самое предчувствие счастья, какое испытала она в лунный вечер на полустанке”*. Функционирование глагола *танцевать* (4) во второй части новеллы в сцене на балу дает возможность быть свидетелями разворачивающихся событий. Уже первое употребление глагола *бояться* в первой части новеллы реализует ключевую для понимания авторского замысла сему страха, которая дублируется и в остальных глаголах буквально в каждом абзаце, раскрывая состояние Анны, ее отца и братьев: *“...Аня слушала его (Модеста Алексеича), боялась и не могла есть и обыкновенно вставала из-за стола и уходила”*; *“Брат тайно или просить она не могла, она боялась мужа, трепетала его”*; *“...и она боялась сказать что-нибудь против...”* Во второй части анализируемого произведения связующим глаголом также является лексема *бояться*, но здесь она употребляется с отрицательной частицей *не*, так как изменилась и героиня, и ее отношение к мужу: *“...но она уже не боялась Модеста Алексеича...”* В финале ясно, что муж сейчас боится Анну.

Представляют интерес достаточно распространенные случаи использования в тексте контактно или дистантно расположенных синонимов и антонимов, выполняющих усиливающую функцию. При этом важны не столько различительные признаки каждого из синонимов и антонимов, сколько семантический потенциал синонимического или антонимического словообразовательного ряда (например, *плакать, заплакать, плачущее, плач – рыдать, зарыдать, говорить – шептать, прошептать, бормотать, забормотать – кричать, крик, смотреть, смотря – видеть – глядеть, глядя, поглядеть – окинуть* (взглядом),

окинув; смеяться, рассмеяться – плакать, молчать – кричать, жить, жизнь – умереть, смерть; забыть – вспомнить, вспоминая; чихать – чихая – чихание; очарованный – очарование, блеск – блестящая; улыбаться – улыбаясь – улыбка). “Синонимия, “обеспечивающая свободу выбора”, позволяющая поддерживать лексическую систему в состоянии потенциальных и реальных выразительных возможностей” [7, с. 86], позволяет говорящему или пишущему осуществить лексический отбор в соответствии со своими коммуникативными намерениями, прагматическими установками. Исходной единицей данных словообразовательных корреляций выступает глагол, результативными единицами – отглагольные существительные, отглагольные прилагательные, причастия, деепричастия. Коррелирующие номинации содержат общую корневую морфему, являющуюся выразителем формально-смысловой связи, объединяющей производящее и производное.

Как следует из рассмотренных примеров, корень, тождественный для слов, образующих словообразовательную корреляцию, является своеобразным “геном”, благодаря которому сохраняется “преемственность в семантике” [8, с. 105]. Более детально семантический аспект глагольно-именной корреляции можно представить следующим образом. Семы действия, процесса, содержащиеся в значении производящего глагола, привносятся в производное, где они модифицируются под влиянием категориального значения последнего. Таким образом, контактная связь выражается функционированием глаголов, отглагольных существительных, отглагольных прилагательных, причастий и деепричастий в одном абзаце и с помощью:

- лексических повторов, например, в “Смерти чиновника”: думать (3), подумать (4), просить – проситель (4) – прошение, письмо (2), насмешка (2), сидеть (2) – сидевший, глядеть (2) – поглядеть, сконфузиться (2), смеяться (3), чихать (3), извиниться (3), пойти (2), извиняться (3), глядеть (2); в “Анне на шее”: участвовать – участие (2), кататься – катание, выкрикивать (2), сказать (3), улыбаться (2) – улыбаясь (2), одеть – одевать – одеваться, страдающий – страдая, пить – выпивать (2), осчастливить (2), пошатываться (2), слышаться (2); в “Попрыгунье”: любить (2) – любовь, больные (2), больницы (2), знакомые (2), самопожертвование (2), спасти (3) – спасти – спаситель, порезать – порезы, дача (3), воображать – воображение, сиять – сияющий, думать (3), поезжать (2), устать (2), играть (2), знакомить (3), петь (2), искать (2);

- синонимов: “Смерть чиновника” – извинить – простить, увидеть – поднять (глаза), сказать – говорить – пробормотать, забормотать; “Анна на шее” – сказать – говорить – высказаться, бояться –

трепетать, танцевать – плыть, испытывать – чувствовать, смотреть – глядеть, работать – делать, просить – требовать; “Попрыгунья” – смотреть – видеть, говорить – бормотать, кушать – есть, заплакать – зарыдать, врезаться – влюбиться, кончаться – умирать, играть (на ролях) – аккомпанировать, молиться – давать обет;

• антонимов: “Попрыгунья” – *жить – умереть, забыть – вспомнить, молчать – кричать, смеяться – плакать, плача – улыбаясь, жизнь – смерть, начало – конец, плачущий – улыбающийся, искать – находить, уходить – приходить, приходившие – уходившие, ложиться – вставать, забыть – вспомнить; “Смерть чиновника” – забыть – припомнить, думать – не думать, прийти – выйти, говорить – молчать; “Анна на шее” – встать – сесть, уволить – взять (на работу), выпить – не пить, уходить – оставаться, давать – брать, снять (2) – надеть, бояться – не бояться, работать – гулять.*

Дистантная связь осуществляется через несколько предложений или абзацев также с помощью лексических повторов и синонимов, например, в “Смерти чиновника”: *сконфузиться (3), глядеть – поглядеть – поглядывая, глядя – видя, чихать (3) – чихнуть (1) – чихая – чиханье, извиниться (1), извиняться (3), простить (1), извинить (3), подумать (8), беспокоить (2) – беспокойство, бормотать – пробормотать – забормотать, чувствовать (2), обрызгать (4), забыть (2); в “Анне на шее”: дрожать – дрожащий (3), движение (2), венчание (3), жениться – выводить (замуж) (2), провозжать (2), пить – пьяный (2), полустанок (2), служба (2) – сослуживцы – служившие, жить – жизнь – живший, блеск – блестящий, смеяться – смеющийся – смеясь – рассмеяться, очарованье – очарованный, волнение (2) – заволноваться, вспомнить – вспоминать – воспоминание, бояться (7), улыбаться (4), играть (5), гулять (1), выпить (8), пить (3), поехать – пойти – походить; в “Попрыгунье”: знакомый – знакомиться, умереть – умерший – смерть, болеть – заболеть – болезнь – больной – больница, писать – писатель – письмо – написать, спальня (13), бред (2), любовь – любить (8) – ненависть – ненавидеть, восторг (2), заразиться (4) – заражение, глядя – оглядывая, участие (3), петь – пение, вздрогнув (2), ревновать – ревность (2), сердиться (2), бояться (3), заразиться (5), просить (3), плакать (7), вспоминать (5), плакать – заплакать – проплакать – зарыдать – рыдать.*

Частое употребление глагола *извиниться* в новелле “Смерть чиновника”, *плакать* в “Попрыгунье”, *бояться* в “Анне на шее” реализуют ключевые для понимания авторского замысла семы вины, слез, страха соответственно.

Не всегда улавливаемая, ассоциативная когезия в новеллах А.П. Чехова “Смерть чиновника”, “Анна на шее”, “Попрыгунья” определяет связи между описываемыми явлениями, требуя некоего творческого переосмысления связей между ними. Особенность этого вида когезии заключается в том, что автор связывает не предметы или явления действительности, а образы, которыми эти предметы – явления изображаются. В чисто лингвистическом плане образность – это языковое средство воплощения какого-то абстрактного понятия в конкретных предметах, явлениях, процессах действительности. Этим достигается двойное восприятие сообщения. Так, например, образ Червякова потому и является образом, что он в конкретном воплощении (герое новеллы) выделяет некий абстрактный тип мелкого чиновника начала XIX в. Абстрактное и конкретное сосуществуют в образе.

Таким образом, отдельные части текста, порой отстоящие друг от друга на значительном расстоянии, оказываются в той или иной степени связанными, причем средства связи не всегда совпадают с традиционными. Но даже тогда, когда для связи отдельных отрезков произведения используются уже известные средства, глаголы (особенно ЛСГ глаголов речемыслительной деятельности, эмоционального и физического состояния, деятельности, перемещения в пространстве), отглагольные существительные, отглагольные прилагательные, причастия и деепричастия приобретают некоторые особенности, порожденные масштабно-стью объекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Halliday M.A.K. The Place of F.S.P. Prague, 1974.
2. Гальперин И.П. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
3. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста в лексико-грамматическом аспекте. Л., 1989.
4. Лингвистические единицы разных уровней и их функциональные характеристики: Сб. науч. тр. Краснодар, 1981.
5. Реферовская Е.А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983.
6. Лингвистика текста: Межвуз. сб. науч. тр. Пятигорск, 1993.
7. Горелов И.Н. Энантосемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопросы языкознания. 1986, № 4. С. 83 – 88.
8. Текстобразующие свойства слова и предложения: Сб. науч. тр. Грозный, 1982.

МОДЕЛЬ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ N_1^{Adm} V_f^{Voc} N_4^{Adr} o N_6^{Del}

О.В. Сокурова
(Новосибирск)

Типовая ситуация коммуникации включает в себя следующие компоненты:

- 1) адресант;
- 2) адресат;
- 3) передаваемая информация.

Такая типовая ситуация лежит в основе изосемической модели передачи информации N_1^{Adm} V_f^{Voc} N_4^{Del} N_3^{Adr} (“кто-то сказал что-то кому-то”), в которой адресат выражается формой дательного падежа, а передаваемая информация – делибератив – формой предложного.

Мы предлагаем рассмотреть неизосемическую модель передачи информации, особенностью которой является выражение адресата формой винительного падежа, а делибератива – формой предложного падежа. Использование такой модели связано с коммуникативной задачей говорящего, а именно – с целью сделать акцент на предмете сообщения.

Типовая семантика данной модели – “передача идеального объекта – информации”.

В состав данной модели входят следующие компоненты:

N_1^{Adm} – субъект передачи информации – адресант;

V_f^{Voc} – глаголы речи;

N_4^{Adr} – получатель информации – адресат;

o N_6^{Del} – объект умственных или психических действий – делибератив.

Позицию делибератива занимает имя с пропозитивной семантикой, которое является результатом сворачивания событийных и, реже, логических пропозиций (ср.: *Компьютер оповестил жителей о землетрясении* > *Будет землетрясение. Компьютер оповестил жителей об этом; Я предупредила сына об опасности* > *Что-то опасно. Я предупредила об этом сына*).

Эту модель формируют глаголы оперирования информацией типа “информировать”, представленные следующими группами:

а) глаголы передачи информации: *известить, информировать, нотифицировать, оповестить, осведомить, предупредить, проинформировать, уведомить*;

б) глаголы требования информации: *вопросить, порасспросить, расспросить, спросить*;

в) глаголы просьбы: *молить, попросить, просить, умолять*.

Самый полный список глаголов, которые могут употребляться в этой модели, дает в своей работе Ю. В. Фоменко [1, с. 235]. Он включил в эту группу 27 единиц, но лишь перечисленные выше формируют заданную модель.

Таблица показывает, насколько характерно для описанных в работе Ю. В. Фоменко глаголов управление предложным падежом и формирование заданной модели. Глаголы расположены в порядке убывания частотности управления предложным падежом.

Данные по частотности употребления глаголов

Глагол	Предложный падеж	Предикативная единица	Отсутствие актанга	Всего употреблений
проинформировать	13	2	1	16
просить	13	-	7	20
спросить	12	3	-	15
оповестить	11	2	-	13
информировать	10	1	-	11
попросить	10	1	10	21
предупредить	9	7	-	16
умолять	9	4	6	19
известить	9	1	1	11
осведомить	9	-	6	15
уведомить	5	1	1	7
расспросить	4	2	7	13
порасспросить	3	2	12	17
молить	3	-	10	13
вопросить	2	2	22	26
нотифицировать	1	-	9	10
допытать	-	10	13	23
переспросить	-	5	9	14
предуведомить	-	2	12	14
запросить	-	-	20	20
допросить	-	-	19	19
предварить	-	-	15	15
упредить	-	-	11	11
упрашивать	-	-	10	10
попытать	-	-	-	-
поспросить	-	-	-	-
поспрашивать	-	-	-	-

Приведем примеры со всеми перечисленными предикатами.

Думский наблюдатель Александр Салий известил правоохранительные органы о возможности массовых вбросов фальшивых бюллетеней; Ежеквартальный бюллетень информирует экологическое сообщество о доступных ресурсах; Хотмайл был нотифицирован о данной напасти; Компьютер оповестит калифорнийцев о землетрясении; Немецкие спецслужбы были осведомлены о подготовке теракта у си-нагоги в Тунисе; Председатель облизбиркома предупредил о возможных провокациях в день выборов депутатов Тюменской областной Думы; Франк в ходе встречи с президентом России Владимиром Путиным в среду проинформировал главу государства о развитии дорожного строительства; Не забывайте, что Вы должны уведомлять налоговые органы не только о факте создания предприятия, но и о некоторых других событиях; Представители власти вопрошают (Бога) о благословении, прощении, восстановлении, единстве и милости для всего народа США; Мы его и порасспросить-то толком о технике не успели, как мгновенно возник оборотистый инвестор и сманил талантище; Жена начинает расспрашивать его о впечатлениях; На Западе не принято спрашивать о зарплате и прочих выгодах; Пастор из Украины молит Бога об окончании войны в Ираке; Именно она открыла супругу злой замысел его советника Амана и попросила о милости к еврейскому народу; Кузбассэнерго просит (РЭК) о повышении тарифов в связи с ростом цен на уголь; Умоляю о срочной помощи.

Исследователи объясняют причины появления модели передачи информации с предложным падежом по-разному. А. В. Величко пишет, что названная структура свободно реализуется, если тему речи называют слова с отвлеченным абстрактным значением (*приезд, переговоры, результаты* и т.п.) или слова с ослабленной семантикой (*что-то, это, то* и др.). Если же тему речи именуют слова со значением лица или существительные с конкретным значением, такая структура, как правило, невозможна [2, с. 17].

В работе Г. П. Стуколовой представлена противоположная точка зрения. Она пишет, что глаголы типа *информировать* не содержат в своем значении указания на объем информации, поэтому для таких глаголов предпочтительно сочетание с конкретными именами [3, с. 15].

Мы считаем, что появление такой структуры связано с коммуникативной задачей говорящего сделать акцент на теме сообщения. В таких предложениях делибератив почти всегда занимает позицию ремы.

Например, предложение *Ежеквартальный бюллетень информирует экологическое сообщество ^{T/R} о доступных ресурсах* отвечает на

вопрос “О чем информирует бюллетень?”, делибератив занимает позицию ремы.

Контекст: *ВЫШЕЛ В СВЕТ ПЕРВЫЙ НОМЕР БЮЛЛЕТЕНЯ МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИСАР. Бюллетень информирует экологическое сообщество о доступных и потенциальных ресурсах для работы НПО, содействует развитию сотрудничества между экологическими организациями различных регионов и распространению опыта их работы.*

В данной модели грамматикализуется релативная позиция объекта информации: он выражается именно предложным, а не винительным падежом, как в изосемической модели. Такая мена падежей связана с необходимостью однозначно поставить в позицию ремы именно объект. Кроме того, само лексическое значение глаголов, образующих такую модель, предполагает актуализацию именно содержания информации.

Описываемая модель способна **варьировать**. Компонент “делибератив” может замещаться предикативной единицей. В этом случае свернутая пропозиция получает эксплицитное выражение и образуется структурный вариант исходной модели $N_1^{A_{dmi}} V_f N_2^{A_{dr}}$ (о том), (что) $[PE]^{Del}$.

Предикативная единица может вводиться при помощи союза или бессоюзно.

ЗПЕ вводится союзно: *Очередной чиновник Минфина предупреждает Парижский клуб, что готовность России <...>.*

Союзная связь с Т-местоимением в ГПЕ: *В начале апреля компания предупредила инвесторов и аналитиков о том, что она не выйдет на уровень прогнозов, составлявший в то время \$2,19 на акцию.*

Бессоюзное предложение: *Описание страданий никотинового наркомана предупреждает – капля никотина страшнее виселицы.*

На примере модели передачи информации с предложным падежом мы видим, как коммуникативные задачи получают выражение в структуре предложения и фиксируются на уровне моделей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоменко Ю.В. Семантические классы многоместных глаголов в современном русском языке: Дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 1984.
2. Величко А.В. Структура предложений с глаголами речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
3. Стуколова Г.П. Структурно-смысловое устройство предложений с глаголами говорения: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1997.

«ЯЗЫКОВАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ» С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ КОНЦЕПЦИИ Л.С. ВЫГОТСКОГО

О.В. Стрыгина
(*Кемерово*)

Теория категоризации является краеугольным камнем когнитивных исследований и нацелена на изучение оснований формирования «естественных категорий», объяснение их устройства, выяснение связи процессов категоризации и концептуализации, объяснение роли языка в процессе классифицирующей деятельности сознания и т.п. Модернизация представлений о сущности категорий как «познавательных форм мышления человека, позволяющих обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [1, с. 43], основывается на оппозиционировании традиционному представлению о категории, бытующему (в априорной форме) в философии и логике.

Критика традиционного представления о категориях с позиций современных исследований категорий и категоризации касается прежде всего условий выделения категорий, а также принципа приписывания членства в них – принципа необходимых и достаточных условий, который, помимо всего прочего, предполагает равноправие членства в категории и жесткость границ последней. И если философско-логическое учение о категориях занимается поиском универсальных категорий, «которые могли бы опосредовать многообразие субстанций и единство бытия» [2, с. 99] (ср. их определение как «философского упорядочения») и строится с определенной целью как объяснительный философский конструкт на рационально-логических основаниях (ср. категории Канта, Гегеля), то когнитивная теория рассматривает категоризацию как когнитивный механизм, базовое свойство сознания, и относит к организации повседневного опыта, т.е. исследует формирование естественных категорий. Ср.: «нет ничего более основополагающего для мыслительной и предметно-познавательной деятельности человека, чем его способность к категоризации, т.е. к процессу образования категорий как отражающих самые общие итоги своеобразной сортировки всей доступной человеку информации и сведения ее разнообразия и многообразия к определенным классам, разрядам и рубрикам» [3, с 7].

Представление когниции через описание процессов категоризации и концептуализации вскрывает сущность языка как когнитивного механизма. Направления исследования «языковой когниции» включают изучение: 1) собственно феномена категоризации, т.к. язык отражает ее

результаты; 2) языковой категоризации, т.к. язык направляет процессы категоризации и 3) собственно категорий языка.

Тесная взаимосвязь категоризации как функции мышления / сознания и языка отражена в работах Л.С. Выготского, посвященных формированию понятий в онтогенезе. Процесс образования понятий у детей проходит несколько ступеней, распадающихся на ряд фаз: 1) стадия образования синкретов, когда значением слова выступает «неоформленное синкретическое сцепление отдельных предметов, так или иначе связавшихся друг с другом в представлении и восприятии ребенка в один слитный образ» [2, с. 127] (в данном случае перед нами «доинтеллектуальная» категоризация, ситуативная и случайная, которая тут же распадается, т.к. не поддержана наличием объединяющего представления); 2) стадия комплексного мышления, завершающаяся формированием псевдопонятий (характерно, что при описании стадии мышления в комплексах Л.С. Выготский привлекает в качестве объяснительных конструкций фаз категоризации (т.к. она лежит в основе становления понятия) метафоры «фамильного имени», «естественных комплексов-коллекций», «цепных комплексов» и т.п., которые в самом чистом виде представляют собой детальное описание процессов категоризации, предложенное полвека спустя специальными исследованиями по когнитивной психологии). Именно фазы этой стадии представляют собой становление категоризирующих механизмов мышления, которое, как это наглядно демонстрирует эксперимент, представляет собой становление понятий в виде языковых значений слов. Формирование понятия (которое есть и результат категоризации и само по себе категория, т.к. значение языкового символа – обобщение множества референтов и их признаков) в этой связи заканчивается осознанием и усвоением детским мышлением «конвенционального» (социального, общепринятого) значения слова, когда открытием для сознания становится понимание значения как категории, т.е. сигнификата.

По Выготскому, огромный «качественный скачок» в категоризирующем и понимающем мышлении происходит именно через усвоение значения слова как обобщения и отвлечения от конкретных обозначаемых объектов и явлений, как «понимания» объектов, т.е. превращение слова из «голосовой метки» в средство оперирования предметами и явлениями в мысли и, более того, образования предметов в мысли. С развитием в мышлении механизмов абстрагирования, обобщения, категоризации оно получает возможность формировать различные сигнификаты, а те, в свою очередь, указывают своим качеством на путь, пройденный категоризирующим сознанием, и т.д. Именно законы «детского» мышления в комплексах демонстрирует языковое – «наивное» – мышление, а потому

психологические аспекты такого мышления раскрывают собственно психологию языка: «с точки зрения диалектической логики понятия, как они встречаются в нашей житейской речи, не являются понятиями в собственном смысле этого слова. Они являются, скорее, общими представлениями о вещах» [4, с. 157].

Так, согласно Выготскому, «жизнь языка» представляет собой постоянную диалектическую «борьбу» между «детской психологией» своего образования (категоризации именуемого), запечатлеваемой в форме, и «взрослой психологией» своей дальнейшей судьбы, своего употребления – развитием значения. Эта двойственность проявляется во всем и является законом языкового устройства, т.к. служит необходимым условием «интеллектуального роста» и интеллектуальной «лабильности» в языке, обеспечиваемой и поддерживаемой языковой формой, языковой системой. Основной момент этой двойственности в слове – различение денотата и сигнификата, т.е. названия и значения. Соотношения названия и означивания позволяют проследживать пути наивной категоризации: «если мы проследим историю ... слов, мы узнаем, что в основе их лежит не логическая необходимость и даже не связи, устанавливаемые в понятиях, а чисто образные конкретные комплексы, связи совершенно того же характера, какие мы имели возможность изучать в мышлении ребенка. Выделяется какой-нибудь конкретный признак, по которому предмет получает свое название» [4, с. 154]. Непреложной истиной возникновения знаков языка является то, что «название никогда не бывает в начале своего возникновения понятием. Поэтому с логической точки зрения название, с одной стороны, оказывается недостаточным, так как оно оказывается слишком узким, а с другой – является слишком широким» [4].

Называние и означивание, таким образом, являются взаимосвязанными этапами одного процесса, а следовательно, каждое из них выполняет свою функцию и подчиняется собственным законам, имеет свою «психологию». Психология номинации заключается в эксплицировании ассоциативных опор категоризации, т.е. в указании на то, что сознание именно так категоризовало предмет («категоризация как процесс носит субъективный характер, и можно утверждать, что она контекстно-зависима» [3, с. 9]). Номинативный признак приближен, таким образом, к денотативной сфере. Дальнейший путь в формировании, осуществляемый с помощью языковых средств слова как знака смысла, целиком и полностью подчинен именно выражению комплексного мыслительного представления именуемого, а потому все этапы системной категоризации направляют выбор языковых средств своего воплощения. Тем самым оформление языкового символа как обобщения, как знака опре-

деленного смысла подчиняется принципу иконизма – подобия / соответствия внешней формы форме внутренней. Безусловно, «сигнификативный» статус мотивировки может быть различным, но тем не менее факт различия двух этих «психологий» слова, их различных целей для сознания не может игнорироваться, точно так же, как он не должен гипостазироваться (ср. сходные выводы о психологии слова у А.А. Потебни, формулируемые при описании роли и механизма действия слова для апперцепирующего сознания, в обосновании подобия принципа организации слова и «художественного произведения» [5]).

Тем самым осознание закономерностей представляемых в слове этапов естественной номинативной категоризации, направляемой, в свою очередь, логикой языковой системной категоризации, предостерегает от рассмотрения взаимодействия этих диалектических моментов психологии слова как аргументации стремления языкового символа к произвольности, а также от попыток объяснения законов оформления слова как знака смысла, как члена языковой системы через законы номинации как этапа первичной категоризации, проводимого по схеме «комплексного мышления».

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
2. Пирс Ч.С. О новом списке категорий // Избранные произведения. М., 2000.
3. Кубрякова Е.С. О двоякой сущности категорий и новых проблемах в их изучении // Общие проблемы строения и организации языковых категорий (грамматические, словообразовательные, лексические и текстовые категории). М., 1998.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 2001.
5. Потебня А.А. Мысль и язык. М., 1999.

· СИНТАКСИЧЕСКИЙ ДЕРИВАТ ПАРАМЕТРИЧЕСКОГО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО: СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СУБСТАНТИВНОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ

М.Б. Ташлыкова

(Иркутск)

Синтаксические дериваты неоднократно привлекали к себе внимание исследователей. Обнаружив способность некоторых типов производных слов, сохраняя лексическое значение производящего, транспонировать его в другую частеречную форму, лингвисты сосредоточились исключительно на описании функциональных характеристик таких производных (см., например, [1]). В результате целый ряд вопросов, связанных с феноменом синтаксической деривации, не получил до сих пор исчерпывающего разрешения [2]. «Следствием чисто функционального подхода к синтаксическим дериватам стал тот факт, что они практически не рассматривались «изнутри» – не исследовалась их семантика как таковая» [3, с. 25].

Многочисленность имён со значением отвлеченного признака в русском языке создаёт определённые сложности для анализа, поэтому исследование семантических особенностей *poen qualitatis* удобно проводить в рамках компактной группы единиц, обладающих некоторыми общими признаками. Предметом анализа в данной работе является группа имен типа *высота, широта, тяжесть, легкость* и т.п. – дериваты параметрических прилагательных.

«Параметрическими прилагательными называют прилагательные, образующие антонимические пары типа *большой – маленький, высокий – низкий, широкий – узкий, частый – редкий, глубокий – мелкий, сильный – слабый, тяжелый – легкий* и т.п., различие между которыми может быть возведено к противопоставлению ‘больше нормы’ – ‘меньше нормы’. Для таких прилагательных нормой является средняя степень проявления названного признака у представителей данного класса объектов» [4, с. 138]: «величина приписывается предмету не независимо, а по отношению к величине данного подкласса» [5, с. 36].

Подавляющее большинство параметрических прилагательных образует отвлечённое имя. Однако семантические отношения в паре прилагательное – существительное оказываются достаточно своеобразными. Укажем на некоторые важные особенности.

Практически все прилагательные этой группы многозначны, причем параметрический компонент часто присутствует не только в прямом значении. Так, *Тяжелый1* – ‘имеющий большой вес’ (*тяжелый мешок*),

*Тяжелый*5 – ‘требующий большого труда, усилий, напряжения для осуществления, понимания, преодоления’ (*тяжелый поход*); *Высокий*1 – ‘имеющий большое протяжение снизу вверх’ (*высокий дом*); *Высокий*2 – ‘большой, значительный по количеству’ (*высокая производительность*); *Широкий*1 – ‘имеющий большую протяженность в поперечнике’; *Широкий*5 – ‘отличающийся большим размахом в проявлении чего-либо, ничем не стесненный’ (*широкое гостеприимство*) и т.д.

Судьба параметрического компонента в семантической структуре *poten qualitatis* может быть различной.

Он может последовательно отражаться в семантике производного. Покажем это на примере нескольких семем существительного *Тяжесть*, которые называют ‘свойство по прилагательному *тяжелый*’ в том или ином значении.

В семантической структуре *Тяжесть*1 параметрическая составляющая наиболее последовательно представлена тогда, когда *poten qualitatis* управляет генитивом со значением носитель ‘признака’. В роли последнего выступают имена предметов, вес которых действительно может превышать некоторую интуитивно ощущаемую норму, ср.: *тяжесть рюкзаков, вериг, амуниции, ноши, мешка, ведра, креста, гирь, папок, туши огромного животного, узлов, станины, гроба, чемодана, ранца, машины*¹ и т.п. Следует отметить, что значительную часть этих существительных легко подвести под родовое понятие *ноша*, а для ноши количественная составляющая веса как раз очень важна.

Все генитивные обороты такого типа легко претерпевают обратную трансформацию: *сгибаясь под тяжестью ноши* ← *под тяжелой ношей*; *согнулся под тяжестью мешка с мукой* ← *под тяжелым мешком с мукой*; *перекосившись под тяжестью огромного черного футляра* ← *под огромным черным футляром, скрюченный от тяжести ранца* ← *от тяжелого ранца* и т.д.

В исходных словосочетаниях прилагательное, бесспорно, имеет параметрическое значение, которое наследует деадъектив в рассматриваемых предложениях.

Актуальность идеи превышения нормы в большинстве случаев поддерживается и другими элементами контекста, среди которых особое значение имеют следующие:

1. Определения при генитиве: *под тяжестью преогромных мешков, под тяжестью туши огромного животного, под тяжестью больших гирь, под тяжестью объемистых (пухлых) папок.*

¹ Все приведенные в статье примеры контекстного употребления отвлеченных имен извлечены из Уппсальского корпуса.

2. Управляющие глаголы. Они в этом типе употребления играют совершенно особую роль и отличаются удивительным единообразием, группируясь вокруг нескольких центральных понятий.

С большим отрывом лидирует *гнуть*, к которому примыкают *согнуть*, *прогнуть*, *сгибаться* (12 употреблений из 58, зафиксированных только в творительном падеже). Семантически близкими оказываются *крениться*, *перекоситься*, *скрючиться* и даже *ножки тряслись*: они также описывают изменение позы человека (конфигурации человеческого тела) под воздействием *тяжести*. Характеристику физического состояния человека дают глаголы *утомиться*, *изнемогать*; и, наконец, возможный – отрицательный – результат взаимодействия с *тяжестью* обозначается глаголами *осесть*, *упасть*, *рухнуть*, *гибнуть*, *сломиться*, *обрываться*. В сфере действия названных глаголов оказывается как раз параметрический компонент значения существительного; более того, именно он каузирует как деформацию (отклонение человеческого тела от естественной – нормальной – вертикальной оси), так и нарушение целостности объекта или его естественного положения в пространстве.

3. Предложно-падежные конструкции.

При анализе материала бросается в глаза, что «наиболее удобной» грамматической формой для реализации параметрической составляющей лексемы *тяжесть* оказывается творительный падеж с предлогом *под* (24 употребления из 35). Рассмотрим более детально некоторые примеры с *под*.

Почти во всех случаях предложение сохраняет смысл и в отсутствие анализируемого существительного, ср.: *сгибаясь под ношей*; *крыша, прогнувшаяся под тушей огромного животного*; *мужик согнулся под мешком с мукой*; *выя командора сгибалась под архиерейским наперсным крестом*; *согнувшись под преогромными мешками* и т.д. И в этом виде данные высказывания будут однозначно поняты как высказывания о *тяжелых* предметах: об этом сигнализируют и предикаты, и определения, о которых шла речь выше, и это подсказывает простое знание о весе больших гирь, мешков с мукой, ведер с водой и тому подобных вещах.

Тем не менее говорящий счёл нужным эксплицитно представить параметр, причем ввести его в текст не как атрибут (*сгибаясь под тяжелой ношей*, *под тяжелым мешком с мукой*, *под тяжелыми книгами*, *под тяжелым крестом* и т.д.), а как *отвечённое* имя, служащее средством свертывания пропозиции. Хотя предлог *под* устанавливает или обнажает причинно-следственные отношения между предикатами двух пропозиций, первой, эксплицитной (*Крыша лимузина прогнулась*, *стеллажи осели*, *старичок перекосялся набок* – следствие), и второй, имплицитной

(туша огромного животного тяжела, книги тяжелы, огромный черный футляр тяжел – причина), говорящий выбирает в качестве формы языкового выражения этих отношений не сложноподчинённое предложение со специализированными союзами, а конструкцию *под тяжестью*.

При осмыслении этого факта уместно вспомнить мнение Б. Гаспарова о различии между атрибутированием и предикцированием признака, воплощаемом полной и краткой формой прилагательного соответственно. «В первом случае признак как бы растворяется в предмете как его неотъемлемая часть... С другой стороны, эффект предикцирования состоит в том, что мы активно приписываем данный признак данному предмету. То представление, которое мы в конечном счете получаем о предмете, выступает как результат мыслительной работы говорящего, мы ощущаем его волю, усилие его мысли в том, что данный признак включается в состав данного предмета... Различие смысловой перспективы, задаваемое двумя формами, проявляется также в том, что в случае с краткой формой в фокусе внимания оказывается признак, приписываемый предмету, тогда как в случае с полной формой внимание сосредоточено на самом предмете, несущем этот признак» [6].

Как кажется, в нашем случае наблюдается новый виток семантического развития: если в высказываниях с краткой формой мы «ощущаем волю говорящего, усилие его мысли», чтобы включить данный признак в состав данного предмета, то в высказываниях с отвлеченным именем «воля» и «усилие» сосредоточены на том, чтобы разять предмет и признак. В этом смысле отадъективное существительное, бесспорно, оказывается более сильным способом сфокусировать внимание на признаке, чему способствует также предлог.

Беспредложные употребления формы творительного падежа существительного *тяжесть* в значении, соотносимом с первой лексемой прилагательного, оказались совершенно однотипными: анализируемый субстантив входит в оборот, который, видимо, следует уже признать фразеологизированным, – *всей тяжестью (тела)*.

Управляющие глаголы представлены следующим списком: *налегать, обрушиться, привалиться, повалиться, упираться, вдавливать (всей тяжестью тела)*. Компонент *тело*, как правило, присутствует в предложении или – значительно реже – выводится из предшествующего контекста.

Объект, на который *наваливаются / упираются* и т.п., как правило, представляет собой опору (*дерево, палка, костыль*), препятствие (*дверь*) или какой-либо инструмент с заостренным концом или концами, который должен быть вдавлен в землю (*вилы, сошники*).

Во всех без исключения примерах возможна замена *всей тяжестью тела на всем телом* (Ср.: *Бой поднялся на дыбы, всем телом обрушился на дверь; Турбин всем телом налег на палку; она всем телом налегла на вилы*), что, как нам кажется, демонстрирует безразличие параметра «больше нормы по весу» для этого типа употреблений: все они сосредоточены на выражении чрезвычайности предпринимаемого усилия². Субъект действия максимально расходует силы, черпая их во всем своем теле, независимо от его реального веса. Именно поэтому, по нашему мнению, возможно *навалиться всей тяжестью своего тщедушного тельца, навалиться всем своим хрупким телом* и т.д. Таким образом, здесь *тяжесть* не определяет «весовой» параметр тела человек или животного, о котором идет речь, – в данных случаях субстантив выступает как интенсификатор глагольного действия и в некотором смысле реализует элативное значение, если под ним понимать высшую степень интенсивности признака у объекта (в нашем случае – у действия), отмечаемую вне сравнения с другими объектами.

Прежде чем описывать характер параметрической составляющей в семантике лексем *Тяжесть* 5-6, рассмотрим, как она реализуется в производящем прилагательном.

Анализ осложняется недостаточно внятной лексикографической интерпретацией слова *Тяжелый* в употреблениях типа а) *Тяжелая работа, дорога, поход, книга*; б) *условия, обязанности, налоги, холод*.

Словарь С.И. Ожегова – Н.Ю. Шведовой подводит употребления такого рода под значение ‘трудный, требующий большого труда, больших усилий’. МАС предлагает для а) дефиницию ‘требующий большого труда, усилий, напряжения для осуществления, понимания, преодоления’ с оттенком ‘производимый с трудом, затрудненный’; для б) – ‘выдерживаемый, переносимый с трудом, затруднительный, обременительный’. Как представляется, словарь стремится разграничить случаи с активным и пассивным субъектом.

Действительно, в примерах первой группы имеет место объект или ситуация, которые требуют активных действий со стороны субъекта. Другими словами, имеет место ситуация освоения некоторого фрагмента действительности, причем характер такого освоения задается харак-

² На эту же идею работает семантика местоимения *весь*, которое связано с полем интенсификации, например, «при отвлеченных существительных указывает на высшую степень проявления обозначаемого существительным состояния, признака, качества (*Сосредоточить все внимание; отдать всю жизнь детям*); с рядом существительных с предлогами образует наречные сочетания, указывающие на полноту, интенсивность, силу проявления, протекания какого-либо действия (*Во всем блеске, во весь дух, со всего размаху*)».

тером данного фрагмента. Так, задачу решают, книгу читают, работу выполняют, по дороге идут и т.п. Прилагательное *тяжелый* во всех этих случаях определяет «количественный аспект» действия, характеризуя его как протекающее с приложением усилий, превосходящим норму для действий такого рода.

С другой стороны, условия, налоги, холод в большей степени задают внешнюю сторону существования субъекта, который вовлекается в ситуацию не по своей воле и вынужден прилагать усилия для того, чтобы эту ситуацию «вытерпеть». Однако и здесь прилагательное *тяжелый* характеризует количественную составляющую этих усилий как превосходящую норму. Таким образом, поведение субъекта, его «активность» и / или «пассивность» выражаются скорее элементами контекста, а не адъективной лексемой.

Это в еще большей степени проявляется в тех случаях, когда параметр «большие усилия» выражается помен *qualitatis*.

В некоторых употреблении зависимый компонент словосочетания провоцирует представление об «активном» субъекте, потому что называет такой вид деятельности (или объект, связанный с таким видом деятельности), который требует от субъекта высокой «исполнительской» активности, значительной траты сил, физических или интеллектуальных: *тяжесть дороги, тяжесть похода, тяжесть труда, тяжесть работы, тяжесть борьбы с пожарами, тяжесть штурма, тяжесть благотворительности, тяжесть планирования, тяжесть кредитования, тяжесть операций*. Сюда же, вероятно, следует отнести *тяжесть проблем* и *тяжесть решений*. Во всех отмеченных случаях субъект должен приложить существенные усилия, чтобы: *идти, трудиться, работать, бороться с пожарами, штурмовать, планировать, оказывать благотворительность, давать кредиты, проводить операции, решать проблемы и принимать решения*.

В других употреблении (их меньше) зависимый компонент ориентирует скорее на представление об экспериенцере: *тяжесть налогового бремени, тяжесть свершившегося, тяжесть подчиниться необходимости, тяжесть кризисного удара, тяжесть социального кризиса*.

В этих случаях субъект должен «вытерпеть» то, что выпало на его долю, прилагая скорее не физические или интеллектуальные усилия, а обращаясь к ресурсам собственной психики.

Эта характеристика будет, однако, неполной без учета семантики тех предикатов, которые управляют именными группами с *тяжесть*, ср.: 1) *Но вместе с тем он чувствовал, заодно с солдатами, всю тяжесть этого, неслыханного по быстроте и времени года, похода* (Толстой). 2) *Он испытывал всю тяжесть труда, и ряд выходил дурен*

(Толстой). 3) Основную *тяжесть* борьбы с пожарами берет на себя добровольная пожарная охрана (“Огонек”). 4) Во многом всю *тяжесть* кредитования сельского хозяйства впервые в нашей истории возьмет на себя частная финансовая корпорация (“Огонек”). 5) Наш город первым на территории Ямала *взял на себя* всю *тяжесть* кризисного удара (“Огонек”). 6) Майкл Дуглас в ответной речи призвал мужчин не *перекладывать на хрупкие женские плечи* всю *тяжесть* благотворительности, а заниматься этим богоугодным делом, крепко взявши жен за руки (“Огонек”). 7) Снова надежда на ужесточение налоговых поборов и те реформы, которые *переложат* основную *тяжесть* социальных *затрат* на плечи населения (“Огонек”).

Как отмечалось, *тяжесть труда*, *тяжесть похода* вне контекста читаются скорее как характеристики «активного» субъекта, прилагающего усилия для осуществления деятельности, названной зависимым компонентом именной группы. Однако это значение в существенной мере подавляется предикатом восприятия *чувствовать*, *испытывать*, ориентированного на актуализацию испытываемого субъектом состояния, то есть не на акциональный, а на экспериенциальный компонент смысла. Оказывается далее, что семантически близкие предикаты сочетаются с именными группами, которые вне контекста представляются как ориентированные на разные типы субъекта. Так, в 3 и 4 *брать на себя* и *взять на себя* относится к активному субъекту, а в 5 – к пассивному; в 6 *перекладывать на плечи* – к активному, в 7 *переложить на плечи* – к пассивному. Практически невозможно разграничить тип субъекта в тех случаях, когда опорным именем при существительном *тяжесть* является слово *обязанность* или *ответственность*.

Представляется поэтому, что различие, определяемое лексикографом как различие значений прилагательного *Тяжёлый* 5, б и – соответственно – существительного *Тяжесть*, отражает в действительности семантическую специфику определяемого слова. Параметрическое имя во всех приведенных употреблениях сохраняет параметрический характер, изменяя, однако, сферу приложения: с ‘превышающий норму веса для предметов такого рода’ (*Тяжесть*1) в ‘превышающий среднюю норму усилий, связанных с деятельностью такого рода или с существованием в такой ситуации’.

Важно отметить значимость существительного *тяжесть* для выражения данного смысла: с помощью *poen qualitatis* оказывается возможным выражение названного параметра при именах, неспособных образовывать атрибутивные словосочетания типа: **тяжёлая благотворительность*; **тяжёлое планирование*; **тяжёлое свершившееся*;

*тяжёлое кредитование и т.п. Таким образом, отвлеченное имя заполняет лакуны в выражении названного параметра.

Во многих случаях существительное утрачивает параметрическую составляющую «больше / меньше нормы», причем достаточно часто это касается главным образом прямого значения производящего прилагательного. Например, существительные *Высота1*, *Вышина1*, в отличие от производящего прилагательного, обозначают не большой размер, а шкалу соответствующего размера (ср. словарные дефиниции: *Высота1* – ‘расстояние, измеряемое по вертикальной линии’, ‘величина, протяженность чего-нибудь от нижней точки до верхней’)³. На отсутствие параметрической составляющей указывает свобода сочетаемости данных существительных с именами объектов, принципиально различающимися в названном отношении. С одной стороны, это, например, *высота зала, храма, стадиона, башни, восьмиметровой высоты потолка*, с другой – *высота каблучков, трамвайной подножки, хрустального бокала*.

Как и прилагательное *Высокий*, *Широкий* дает несколько производных отвлеченной семантики: *Широта*, *Ширина*, *Ширь*. Ни одна лексема названных существительных не выражает значения ‘больше нормы’, указывая, как и в других случаях, только на шкалу соответствующего размера. Ср. *Широкий1* ‘имеющий большую протяженность в поперечнике’ – *Ширина1* ‘Протяжение чего-либо в поперечнике’; *Широта2*, *Ширь1* ‘То же, что *Ширина1*’: *ширина дома составляет шесть метров, ширина шляпки [гриба] шестьдесят сантиметров, ширина верхней палубы [достигнет] почти километра, ширина таких лучей – порядка двадцати метров* и т.д.

Таким образом, в ряде случаев происходит преобразование параметрического имени, призванного обозначать отклонение от нормы в ту или иную сторону, в имя шкалы соответствующего параметра.

Важно отметить, что преобразование такого рода касается главным образом имен, называющих «положительные величины»: *высота*, *ширина*, *глубина* и т.п. Имена «отрицательных величин» в роли названия шкалы не употребляются, зато легко воспроизводят переносные, в том числе оценочные значения исходных прилагательных (ср.: *низость нравственных устоев, низость ее тщеславия и малодушия, низость этой проделки; узость мышления, узость интересов* и т.п.).

Итак, производство отвлеченных имен на базе параметрических прилагательных далеко не всегда являет собой простую субстантивную

³ *Вышина1*, по данным словарей, является точным синонимом: в толковании обоих слов выделяется общая часть ‘протяженность по вертикали снизу вверх’ и взаимные отсылки: *Высота* толкуется через *Вышину* и наоборот.

транспозицию – оно может сопровождаться определенными семантическими эффектами: от разного рода модификаций параметрического компонента (интенсификация признака предмета – интенсификация выполняемого предметом действия – квантификация меры) вплоть до полной его нейтрализации.

Все вышеизложенное демонстрирует настоятельную необходимость изучения синтаксической деривации в семантическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартошевич А.* Суффиксальное словообразование в русском языке новейшей эпохи (на материале новообразований после 1940 г.). Poznan, 1970.
2. *Ташлыкова М.Б.* О качествах и свойствах имен качеств и свойств // *Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. статей.* Иркутск, 2003. Вып. 2
3. *Урысон Е.В.* Синтаксическая деривация и «наивная» картина мира // *Вопросы языкознания.* 1996. № 4.
4. *Князев Ю.П.* Степени сравнения и точки отсчета // *Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность.* М., 1996.
5. *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
6. *Гаспаров Б.* Употребление кратких и полных форм прилагательного (к вопросу о природе грамматических значений) // *Труды по русской и славянской филологии: Лингвистика. Новая серия.* I. Тарту, 1997. С. 47–49.
7. *Комри Б.* Номинализации в русском языке: словарно задаваемые группы или трансформированные предложения? // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1985.
8. *Космарская И.В.* Наблюдения над приглагольным deverbativom // *Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Сб. статей, посвященный юбилею Г.А. Золотовой.* М.: Эдиториал УРСС, 2002.
9. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений: Семантика производного слова. М., 1981.

АНАЛИЗ УСЛОВИЙ АКТУАЛИЗАЦИИ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТИ ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ В ТЕКСТЕ

Ю.В. Трубникова
(Барнаул)

Деривационный подход позволяет рассматривать любую единицу языка-речи, во-первых, как неотъемлемый компонент конкретного текста, во-вторых, как функционирующую единицу, в-третьих, как детерминированную единицу, являющуюся продолжением другой текстовой единицы. Деривация любого элемента текста может рассматриваться как специфический, положительный или отрицательный, результат функционирования другого, уже известного элемента. Опора на данное создает детерминированность, или текстовую мотивированность, языковой единицы в качестве компонента текста, а также является основой формирования деривационной структуры текста.

Определяющая роль лексико-деривационной структуры текста в процессе его восприятия и интерпретации обусловлена внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. Во-первых, с деривационной точки зрения любой элемент текста, больший, чем слово, есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждая единица как бы вырастает из всего предшествующего текста и конкретно из предыдущей единицы. В силу этого между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения. Связи и отношения разного рода (альтернатива, градация, конкретизация, обусловленность, тождество) возникают, таким образом, и между членами любого лексического ряда. Информационное наполнение («событийный материал») каждой части текста независимо от ее размера является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, как источник информации о внутренних процессах, о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений «второго плана», то есть как контекстуальный фактор отношения.

Представляется, что детерминированность как признак формально-семантического взаимодействия напрямую связана с механизмом деривации текста и с реализацией в контексте определенных семантико-синтаксических отношений. С целью проверки этого был проведен кон-

текстный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось заполнить лакуну в контекстах с разрушенными формально-семантическими связями.

Сравнивая процентное соотношение формально-семантических реакций и общего их числа для каждого контекста мы установили, что наибольшее количество формально-семантических ассоциаций дают контексты, реализующие отношения пояснения и конкретизации (не меньше 20%). Наименьшее (0–1%) – контексты с градацией. Кроме того, на степень актуализации формально-семантического взаимодействия внутри контекста влияет выраженность синтаксических отношений, формальная или пресуппозитивная. Однако анализ результатов эксперимента показывает, что реакции испытуемых зависят еще и от типа денотативных ситуаций и деривационных процессов внутри контекста. Основными типами синтаксической деривации являются контаминация, компрессия и конверсия. Контаминация занимает центральное место среди названных типов и может быть перекрестной и параллельной. Рассмотрим, например, следующий контекст: «Каждое толкование – это скорее попытка оживить, сделать более ощутимым для читателя творчество известного, но и столь же... (неизвестного) прозаика». Его фрагмент, содержащий лакуну, образуется путем перекрестной контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций, обозначающих две денотативные ситуации, различающиеся только характеристикой объекта. Установленные между данными ситуациями и предложениями противительные отношения (квалификатор отношения и оператор деривации – союз но и) устанавливаются по сути между двумя определениями. Пропуск определения в данном контексте практически не разрушает денотативную ситуацию. Результатом этого является то, что большинство испытуемых, заполняя пробел, используют прилагательные с отрицательной семантикой. Это объясняет и высокий процент формально-семантических ассоциаций ("неизвестный" – антоним к опорному компоненту контекста).

Сходный с данным контекстом результат контаминации и синтагматической компрессии двух синтаксических конструкций, но с альтернативными отношениями между ними, представляет собой контекст: «*Армянские писатели бедствуют, они не могут издать или... (переиздать) свои книги*». Однако альтернативные отношения в данном случае устанавливаются между частями предикатной группы, поэтому пропуск лексемы в этом контексте разрушает денотативную ситуацию в гораздо большей степени. Поэтому испытуемые, восстанавливая предикатную группу в целом, ориентируются прежде всего на семантику контекста. И все-таки полученное в ходе эксперимента количество ФС ассоциаций,

на наш взгляд, не соответствует типу контекста. Количество отказов (17,2%) и ассоциаций, названных нами семантическими, но по сути являющихся асемантическими (реакции типа "опубликовать", "выпустить", "напечатать", дублируя семантику предыдущего глагола, разрушают смысл всего предложения), заставляет нас говорить о слабости пресуппозиции, а не об "ущербности" контекста в формально-семантическом плане.

Достаточно высокий процент формально-семантических ассоциаций (46,2%) дает контекст, реализующий противительные отношения, фрагмент которого, содержащий лауну, параллельно контаминирует с предыдущей синтаксической конструкцией: «Борька всегда рыл землю, если находил: для этого подходящее место, а если находил... (неподходящее), тоже рыл». Несмотря на различие типов контаминации (перекрестная и параллельная), этот контекст сходен с контекстом 1: в том и в другой синтаксические конструкции различаются семантикой только одной синтаксической позиции (в данном случае объекта). Однако в последнем контексте объект в первой синтаксической конструкции представлен расчлененно, а во второй – нет (в исходном контексте это парадигматически компрессированное прилагательное). Это создает определенные трудности для испытуемых, многие из которых, заполняя позицию объекта, используют стандартную для выражения этого синтаксического значения часть речи – существительное, тем самым разрушая семантику контекста.

Контекст *«Дети появляются время от времени, но это какие-то... (недетские) дети»* отличается от предыдущего тем, что параллельной контаминации подвергаются разноструктурные синтаксические единицы, объединяемые компонентом "дети". За счет этого противительные отношения между синтаксическими конструкциями становятся отношениями внутри одной из них. Кроме того, особенностью контекста является его заданная оценочность, поддержанная местоимением "какие-то". Результаты эксперимента показали, что большинство испытуемых понимают особенности семантико-синтаксических отношений в этом контексте и оценивают существительное "дети" как положительно окрашенное, поэтому, заполняя пропуск, используют прилагательные с отрицательной семантикой. Заданная контекстом оценочность объясняет и отсутствие формально-семантических реакций, поскольку исходное "недетский" не несет оценки в системе языка и не может быть воспроизведено испытуемыми, оно же, точнее его устойчивая семантика, препятствует образованию подобного прилагательного как казуального оценочного неологизма.

Только путем параллельной контаминации создаются контексты, реализующие отношения пояснения и конкретизации, например: «*Окштейну все еще снились Черновцы, и ... (сны) его отражались в картинах*». В данном случае мы имеем классический пример контаминации, когда предыдущая синтаксическая конструкция занимает позицию объекта-подлежащего в последующей. Установить отношения СК1 с СК2 и СК1 с парадигматически компрессированной ее формой в СК2 испытуемым тем легче, что объект во второй конструкции представлен в расчлененном виде: местоимение соотносится с субъектом-дополнением первой конструкции, соответственно, пропущенный член должен соотноситься с предикативной основой. Легкость установления отношений определяет высокий процент (72,6%) формально-семантических ассоциаций в ходе эксперимента.

Противоположный процесс мы наблюдаем в контексте «*Там убили супрефекта, и ... (убийство) связывают с этим конфликтом*», тип деривации которого идентичен предыдущему контексту. Разница состоит в том, что объект во второй конструкции представлен нерасчлененно. Кроме того, установление синтаксических отношений затрудняет присутствие в этой конструкции местоименно осложненного объекта "с этим конфликтом". Это объясняют небольшой для данной группы контекстов процент формально-семантических ассоциаций (23,1%) и появление семантических реакций типа "меня", "неприятности", "беспорядки" и тому подобных.

Таким образом, анализируя по результатам контекстного ассоциативного эксперимента условия детерминированного деривационного функционирования лексических единиц в различных контекстах, можно сделать два основных вывода.

Во-первых, эксперимент подтвердил гипотезу о том, что детерминированность формы и значения слова в тексте зависит от типа семантико-синтаксических отношений его частей и степени их выраженности.

Во-вторых, актуализация формально-семантического уровня текста зависит от особенностей протекания в нем деривационных процессов: контекст тем сильнее, чем больше накладываются друг на друга семантические конструкции при перекрестной контаминации и чем более расчленено базовое предложение в составе результирующего при параллельной контаминации.

АНЕКДОТ НА ГАЗЕТНОЙ ПОЛОСЕ

О.В Фокина

(Москва)

В последнее десятилетие XX в. активизировались интертекстуальные связи анекдотов. Жанр устного анекдота, чрезвычайно популярный в советское время, получил широкое распространение в средствах массовой информации. Обращение к анекдоту в печатных изданиях тесно связано с развитием иронического отношения людей к окружающей действительности, что является эффективным средством психологической защиты личности в условиях политической и экономической нестабильности. Сложность употребления анекдота в газете связана с тем, что восприятие печатного варианта анекдота в значительной степени отличается от восприятия анекдота в живом общении, так как на письме сложно имитировать национальные и индивидуальные особенности речи персонажей, а также их жесты и мимику. Эти экстралингвистические особенности, как и условия, при которых рассказывается анекдот, влияют на его восприятие и понимание. Существует значительное количество анекдотов, передать которые на письме практически невозможно, поскольку в их содержании доминирует жестовая составляющая или интонация.

До настоящего времени основными функциями анекдотов в печатных средствах массовой информации остаются рекламная и развлекательная. Многие газеты имеют постоянные рубрики, выходящие в конце недели: "Анекдоты в номер" ("Комсомольская правда"), "Анекдоты" ("День"), "Горячая пятерка анекдотов МК" ("Московский комсомолец") и т.д. Анекдоты, входящие в подобные рубрики, не связаны с окружающим текстом и не могут рассматриваться в качестве реализации интертекстуальных связей.

В последние годы анекдоты все чаще включаются в публицистические тексты различными способами, начинают выполнять текстообразующую функцию. Наименее распространено использование анекдотов в качестве газетных заголовков, хотя такое использование анекдотов имеет достаточно высокий потенциал, поскольку является мощным средством выражения иронии. Примерами подобных заголовков могут служить: *"Бросить все и уехать из Урюпинска"* (Московский комсомолец. 2002. 25 окт.), *"Белые и пушистые"* (Известия. 2002. 25 нояб.).

Использование логико-синтаксической модели анекдота в качестве основы для построения публицистического текста настраивает читателя на ироническое отношение к изложенному в статье и служит четким показателем авторской оценки происходящего.

Фрагмент статьи А. Минкина "Семь заказных убийств" (Московский комсомолец. 2002. 10 дек.) строится на основе логико-синтаксической модели анекдота, входящего в серию "еврейских анекдотов": "...если А, то без вариантов, если Б, то 2 варианта: Б1 и Б2; если Б1, то без вариантов, если Б2, то 2 варианта и т.д.":

"Как случилось, что его избрали?"

Одно из двух: Либо Шутов выиграл честно, либо Шутов выиграл нечестно.

Если он выиграл честно, значит, граждане России умом и сердцем голосуют за гангстеров.

Если он выиграл нечестно – тогда одно из двух: либо Шутов выиграл в результате подкупа и запугивания избирателей, либо Шутов выиграл в результате наглой подтасовки при подсчете голосов.

Если он выиграл в результате подкупа и запугивания – почему ЦИК и пр. государственные органы согласны признать результат законным?

Если он выиграл в результате жульничества при подсчете – значит..."

Подобное использование анекдотов встречается крайне редко.

В различных газетах существует рубрика "Анекдот в тему" ("Аргументы и факты", "Комсомольская правда", "Твоя вертикаль" и т.д.). Аналитические статьи, информационные заметки, интервью, обзоры и даже кроссворды сопровождаются анекдотами, тематически связанными с основным содержанием статьи. Степень соответствия содержанию различна, часто выбор анекдота обусловлен ассоциативными связями. Например, ответ редакции газеты "Аргументы и факты" на вопрос читателя о судьбе популярной телепередачи "Что? Где? Когда?" завершается анекдотом: "Передача "Что? Где? Когда?". Ведущий:

– Вопрос прислал Вован из поселка Солнечное, внимание на экран.

Вован:

– Уважаемые, в натуре, знатоки, в прошлом году Колян одолжил у меня, типа, 80 штук баксов и до сих пор не отдает. А теперь, внимание, вопрос: кто в черном ящике?" (Аргументы и факты. 2002. № 48). Или интервью Г. Зотова с Анджелой Дэвис, знаменитой в 70 – 80-е годы XX в., сопровождается "Анекдотом в тему": "И пошел Иван Царевич искать свою невесту. И нашел ее на третий день в гробу хрустальном, что на цепях качается. Подошел к ней, поцеловал – та ожила и отвечает ему нечеловеческим голосом: "Ну что, батенька, коммунизм уже

построили?" (Аргументы и факты. 2002. № 45). Выбор анекдота в этой рубрике часто случаен и не всегда удачен.

Рубрика "Анекдот в тему" может сопровождать не только текстовый материал, но и фоторепортаж. В номере "Комсомольской правды" от 11 ноября 2002 г. подборка фотографий А. Бойко и А. Жданова с мероприятий, посвященных Дню примирения и согласия, в качестве своеобразного иронического комментария содержит анекдот: *"Для проведения митинга коммунистическо-патриотических сил срочно требуются бешеные бабки. 200 – 300 человек."*

Одним из самых популярных способов использования анекдотов в газетном тексте (как и в других средствах массовой информации) является беседа о любимом анекдоте интервьюируемого. Это может дать читателю представление об интеллекте, чувстве юмора, вкусе и других особенностях личности героя публикации. Этот прием используется как в интервью с известными политиками и государственными деятелями, так и беседах с актерами и людьми других профессий: интервью с председателем ГТК РФ Михаилом Ваниным (Московский комсомолец. 2002. 25 нояб.) заканчивается просьбой рассказать свежий анекдот о таможенниках.

Расскажу – про украинских.

В сторону Москвы с Украины движется железнодорожный состав. Украинский таможенник на пограничной станции проверяет документ и спрашивает у сопровождающего груз:

– Ты чего москалям мясо везешь? Ты кого кормить собираешься?

– Так это не мясо, а обрезки от сала.

Или интервью с актером Сергеем Рубеко, известным по съемкам в телерекламе (Амелькина А. Комсомольская правда. 2002. 11 – 17 нояб. 2002):

– Про вас... то есть про вашего героя уже анекдоты сочиняют.

– И это здорово! Я и сам вам анекдот на эту тему расскажу: "Ленин звонит Дзержинскому:

– Феликс Эдмундович! Годовщина Октября. Надо бы отметить!

Повесьте, пожалуйста, человек 600 – 700 белогвардейских сволочей.

– Владимир Ильич! Говорите точно: СКОКА надо вешать!"

Подобное обращение к актеру или писателю с просьбой рассказать анекдот от имени своего героя встречается достаточно часто. В частности, в газете "Антенна" № 38 за 2002 г. предлагается "Анекдот от Чебурашки", рассказанный его "отцом" – писателем Эдуардом Успенским. В русских анекдотах есть циклы, героями которых стали персонажи теле-, кино- и мультфильмов (Штирлиц, Ржевский, Шерлок Холмс и доктор Ватсон, Чапаев, Винни Пух и Пятачок, Золушка и т.д.). Каждый из этих героев обладает особым характером. В данном случае приводится детский анекдот, который может быть рассказан Чебурашкой:

Неграмотная женщина работает уборщицей, расписывается крестиком. Однажды приходит и расписывается ноликом. У нее спрашивают: "А почему вы расписались ноликом?" – "А я замуж вышла, фамилию сменила".

Обращение к анекдоту как к цитате-аргументу используется для подтверждения того или иного положения, для иллюстрации авторской мысли. В газете "Моя судьба" (2002. № 9) в статье "Доктор Юмор: "Вылечу стресс и всякие болезни" (Е. Филонова) анекдоты используются для подтверждения мысли о благотворном влиянии смеха на различные стороны человеческой жизни. Каждое положение иллюстрируется одним из известных анекдотов и примером из психотерапевтической практики. Поиску способов решения психологических проблем посвящена статья Е. Кравцовой "Как бороться со стрессами" в газете "Твоя вертикаль" (2002. № 10). Автор удачно вводит анекдот в текст, применяя типичный для разговорной речи жанр напоминания анекдота с использованием косвенной ссылки: *"Конечно, посидев часок в теплой ванне с пеной, вы не решите своих проблем, но почувствуете себя лучше, отдохнете и снова поверите в свои силы, как тот мужик из анекдота, который решил свести счеты с жизнью от тоски и безысходности, приготовил веревку, стал ее прилаживать и вдруг заметил недопитую бутылку пива. Дай, думает, выпью напоследок. Выпил. Огляделся еще раз, а рядом валяется целая сигарета. Сидит, курит и думает: "А жизнь-то стала налаживаться".*

Анекдоты широко используются как средство диалогизации текста. *"Вот вы всегда думали, что "гроб с кондиционером" – это из анекдота про того нового русского, что разбился на шестисотом "Мерседесе". Ан нет, есть и такая "опция". Когда родные и близкие сказали своему усопшему последнее "прости", крышка гроба закрывается и давит капсулы со специальным реагентом. Его пары поддерживают определенные химические условия внутри, и труп практически не разлагается".* (Семенова Е. Аргументы и факты. 2002. № 38). Или в статье О. Бакушинской "Что за эпидемия – отцовство нации" (Комсомольская правда. 2002. 30 нояб.) общеизвестная фраза из анекдота сочетается с обращением: *"Почему-то все, кто желает стать папой миллионов, имеют вид, который не может привлечь одну, но конкретную женщину. Смотришь на этих "симпанусек" и думаешь: "Бабы, мы столько не выпьем!" То пузатый карлик, то карлик с изрытым оспой лицом, то эпилептик, то косноязычный мужлан..."*

Анекдот может выполнять функцию зачина в аналитической статье. Положение, которое постулируется в привлекательной форме анекдота, в дальнейшем доказывается или опровергается. Часто шутивная тема –

начало серьезного размышления. Статья О. Романовой "Гудбай, Америка" (Ведомости. 2002. 26 авг.), посвященная вопросам международной политики, привлекает внимание читателя именно таким образом: *"Был такой очень старый и очень детский анекдот. Встречаются в океане две подлодки, наша и американская. Американская делегация отправляется с дружественным визитом на нашу подлодку, а у наших шум, суета, крики, мат-перемат: "Кто бросил валенок на рычаг?" Американцы стоят в сторонке и вежливо говорят: "А вот у нас в Америке такого нету". "Да нету больше вашей Америки... Кто бросил валенок на рычаг?" Кажется, кто-то опять бросил валенок немного не туда. А с другой стороны, чего стесняться-то? Наш валенок, куда хотим, туда и кидаем. И нечего пугать нас заявлениями. Джордж Буш посредством пресс-секретаря Ари Флейшера заявил в субботу, что Кремль пытается замолчать факт бомбардировок российской авиацией нескольких сел в Панкиси..."*

Часто в публицистических текстах используются небольшие фрагменты из малоизвестных анекдотов, которые не всегда воспринимаются рядовыми носителями языка как прецедентные высказывания (тексты). При этом использование незнакомых читателю анекдотов может привести к коммуникативной неудаче, так как не возникает диалога читателя с автором, в некоторых случаях ответная реакция может быть резко отрицательной. *"Никто, правда, не задумывается над вопросом – а зачем США, Германии, Франции и прочим атлантистам, у которых своих проблем хватает, лезть в наши полудикие азиатские просторы? Не для того же, чтобы, как в том анекдоте, кормить 143-миллионное население?"* (Цепляев В. Аргументы и факты. 2002. № 48).

В целом анекдот все чаще используется в современных газетных текстах: обычно он выполняет вспомогательные функции, служит средством привлечения внимания читателей к периодическому изданию, повышения интереса аудитории к публикации. Внутри публицистического текста анекдот чаще всего воспринимается как инородное включение в текст, хотя в последнее время анекдот начинает выполнять текстообразующую функцию, служит средством диалогизации текста и используется в качестве:

- заголовка;
- логико-синтаксической модели;
- «анекдота в тему»;
- цитаты-аргумента;
- зачина в аналитической статье;
- одного из приемов ведения интервью.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ТИПОВ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВ ПРЕДМЕТНО-БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКОВ

Н.А. Чижик

(Томск)

Специфика сопоставительного исследования типов мотивированности слов при рассмотрении двух и более языков состоит в неоднородности языкового материала в плане его мотивированности: мотивированной единице одного языка может соответствовать немотивированная единица другого языка. Сопоставление типов мотивированности в нескольких языках следует проводить, таким образом, не на уровне соотнесения пар слов рассматриваемых языков, а на уровне исследования мотивированной лексики определенной тематической группы каждого языка. Результаты проведенного анализа, представленные в виде процентных данных, позволят сделать вывод о преобладании определенного типа мотивированности слов в том или ином языке.

Вслед за О.И. Блиновой [1, 2] в существующих исследованиях явления мотивации типы мотивированности слова принято выделять в зависимости от способа мотивировки слова и от средства его мотивировки. Способ мотивировки определяется соотносительностью слова с языковой или внеязыковой действительностью, обуславливая соответственно относительный и абсолютный типы мотивированности слов. Средствами создания мотивированности могут выступать следующие единицы языковой системы: фонемы (фонетический тип мотивированности), морфемы (морфологический тип мотивированности) и слова (семантический тип мотивированности). И.Е. Козлова выделяет как разновидность относительного типа мотивированности морфосемантический тип мотивированности, который «занимает промежуточное положение между морфологическим и семантическим типами мотивированности. Отличительной особенностью этого типа мотивированности является то, что мотивировочные признаки таких наименований преломляются языковым сознанием через синтаксическую систему языка, где они отождествляются с единицами синтаксического уровня – словосочетаниями» [3, с. 107].

В результате исследования корпуса наименований предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков (на данный момент его составили названия кухонной утвари, бытовых приборов, одежды и обуви) в объеме 120 лексических единиц русского языка и 140 лексических единиц немецкого языка, зафиксированных в примерно 1500 пока-

заниях носителей обоих языков, нами выявлены следующие соотношения типов мотивированности слов.

Лексические единицы с абсолютным типом мотивированности, при котором мотивированность слова создается за счет соотнесения его с внеязыковой действительностью, отсутствуют как в русском, так и в немецком языке. Данный факт свидетельствует о том, что при именовании предметов, используемых в быту, человек опирается не на собственное восприятие шумовых эффектов, производимых приборами и вещами, а на качественные характеристики предмета. При передаче такого рода характеристик посредством языкового сознания носителя языка проводится связь одной лексической единицы с уже имеющейся в его сознании другой единицей. Иными словами, одна единица соотносится с какой-либо другой, определяя мотивированность первой опосредованно, через значения других лексических единиц. В таком случае имеет место относительный тип мотивированности слов. Именно данный тип характерен для всех мотивированных наименований предметов быта русского и немецкого языков.

Приведем ряд примеров мотивированных единиц обоих языков с относительным типом мотивированности слов. В русском языке данным типом мотивированности обладают такие слова, как масленка (связь со словами масло, солонка), вентилятор (связь со словами вентиль, вентилировать, эпилятор). В немецком языке это такие единицы, как Tonbandgerät – магнитофон (связь со словами Ton – звук, Band – пленка, Gerät – прибор), Bügeleisen – утюг (связь со словами bügeln – гладить, Eisen – железо).

Анализ типов мотивированности слов в зависимости от средств создания мотивированности позволяет увидеть специфику явления мотивации каждого языка, обнаруживая при этом больше различий, чем сходств.

Поскольку единицы с абсолютным типом мотивированности, который, как уже было сказано выше, определяет соотнесение лексической единицы с внеязыковой действительностью, отсутствуют в обоих рассматриваемых языках, следовательно, в данной тематической группе нет и единиц с фонетическим (или звуковым) типом мотивированности. И в русском, и в немецком языке следует говорить только о единицах с морфологическим, семантическим и морфосемантическим типами мотивированности, свойственных словам с относительным типом мотивированности.

В рассматриваемых языках доминирует морфологический тип мотивированности, выявляемый на основе соотнесения носителем языка предъявленной единицы с мотивирующей ее единицей морфологиче-

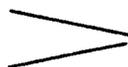
скими средствами языка. Языковое сознание вычленяет в слове структурные элементы – морфемы, позволяющие, с одной стороны, увидеть формальную структуру данной единицы и, с другой стороны, осознать ее значение через значения составляющих компонентов. Например: ЧАЙ/НИК ‘сосуд для чая’, ПЛИТ/КА ‘маленькая плита’, HEIZ/ER ‘отопительный прибор’ (от heizen – отапливать), SCHLAF/ANZUG ‘костюм, в котором спят’ (от schlafen – спать и Anzug – костюм). В русском языке мотивированные единицы с этим типом составляют 98% исследуемых единиц, в немецком – 96%.

Семантический тип мотивированности слов, выражаемый лексико-семантическими средствами языка, не характерен для наименований предметов быта. Так, в русском языке обнаружены две лексические единицы с данным типом мотивированности: БАБОЧКА ‘как предмет мужского туалета’; КОМБИНАЦИЯ ‘как женская одежда’; а в немецком языке только одна: FLIEGE (бабочка, дословно – муха) ‘как предмет мужского туалета’.

Морфосемантический тип мотивированности слов, выражаемый одновременно морфологическими и семантическими средствами языка, не обнаружен у мотивированных обозначений предметов быта русского языка. В немецком языке всего 3 единицы с данным типом: FLEISCH/WOLF (мясорубка) сегментируется на Fleisch – мясо и Wolf – волк ‘словно волк, пережевывающий мясо’; HAND/SCHUH (перчатка) разлагается на Hand – рука и Schuh – ботинок ‘словно обувь для рук’; KAFFEE/MÜHLE (кофемолка) образовано Kaffee – кофе и Mühle – мельница ‘перемалывает как на мельнице’.

В зависимости от вида выраженного в слове признака – мотивировочного или классификационного – следует различать соответственно лексическую и структурную мотивированность. Лексические единицы, в которых реализована лексическая мотивированность (на основе соотнесения с однокорневыми единицами) и структурная мотивированность (на основе соотнесения с одноструктурными наименованиями), а также лексические единицы, в которых вся звуковая оболочка слова осознается значимой, обладают полной мотивированностью. В случае, когда носителем языка в слове вычленяются лишь сегменты, выражающие мотивировочный, либо классификационный признаки обозначаемого, слово является полумотивированным. Ср., в русском языке:

САХАР/НИЦА ← сахар, хлебница
 ДУБЛЕН/КА ← дубленый, куртка
 ПЕЧЬ ← печат

полная
 мотивированность

HAUS/KLEID – халат
SALZ/FASS – солонка
KÜHL/SCHRANK –
холодильник

связь со словами

Haus – дом и Kleid – платье
Salz – соль и Faß – бочонок
kühl! – прохладный и
Schrank – шкаф

Вторую большую группу в немецком языке образуют полностью мотивированные слова, состоящие из *одного* сегмента, выражающего мотивировочный признак, и одного сегмента, выражающего классификационный признак. Например:

HEIZ/ER – обогреватель
BEHÄLT/ER – емкость
WÄSCH/E – белье

связь
со словами

Heizen – топить и Wärmer – грелка
Behalten – сохранять и Becher – бокал
Waschen – стирать и Socke – носок

Большие расхождения наблюдаются при сопоставлении частично (или неполно) мотивированных единиц обоих языков. Если носителями русского языка в таком случае осознается, прежде всего, мотивировочный признак, то носители немецкого языкового сознания значимым видят выраженность классификационного признака. Ср.:

БОКал
БРИТва
ПЕРина
HosE – брюки
DosE – банка
Gabel – вилка

связь со словами

связь со словами

бок
брить
перо
Mütze – шапка, Jacke – куртка
Büchse – жестянка,
Flasche – бутылка
Löffel – ложка, Schüssel – блюдо

Данная тенденция вряд ли объяснима только лингвистически, поскольку оба языка являются языками синтетическими и, следовательно, обнаруживают некие общие закономерности формо- и словообразования. Она должна рассматриваться в контексте национально-культурных особенностей народов-носителей данных языков.

Результаты проведенного исследования можно отразить в следующей схеме (на основе схемы, данной О.И. Блиновой [1, с. 33]):

Типы мотивированности слов

	<u>Русский язык</u>		<u>Немецкий язык</u>	
По способу мотивировки	Абсолютный 0%	Относительный 100%	Абсолютный 0%	Относительный 100%
По средству мотивировки	морфологический 98%	семантический 2%	морфологический 96%	семантический 1%
	морфосемантический ↓ 0%		морфосемантический ↓ 3%	
По степени мотивировки	полный 48%	частичный 52%	полный 71%	частичный 29%
По признаку мотивировки	лексический 34%	структурный 18%	лексический 0%	структурный 29%

Таким образом, в ходе исследования типов мотивированности наименований предметов быта русского и немецкого языков выявились как общие, так и специфические особенности мотивированной лексики данных языков, которые свидетельствуют, с одной стороны, о сходстве восприятия бытовой действительности представителями разных национальных коллективов и, с другой стороны, о выборе различных признаков при передаче сходного экстралингвистического содержания носителями русского и немецкого языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Блинова О.И.* Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учебное пос. Томск, 1984.
- Блинова О.И.* Русская мотивология: Учебно-метод. пос. Томск, 2000.
- Козлова И.Е.* Специфика явления мотивации слов в русском языке (в сопоставлении с французским): Дис... канд. филол. наук. Томск, 1999.

СИСТЕМА ЯЗЫКОВЫХ УПРАЖНЕНИЙ ПРИ ОСВОЕНИИ СИНОНИМОВ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

К.К. Шамигожина, С.Ж. Нурушева
(Кокшетау, Казахстан)

Освоение лексических синонимов является одним из аспектов системы обучения польскому языку. Поэтому в основе предлагаемой учебной модели лежат общеобразовательные принципы дидактики: систематичность, связи теории с практикой.

В состав разработанной учебной модели освоения лексической синонимии входят: комплекс упражнений с примерным набором заданий, текстовый минимум, дидактический материал.

В систему практических упражнений с синонимами можно включить: обнаружение синонимов в текстах, подбор синонимов, специальные упражнения с синонимами, активизация синонимов, использование их в связной речи, исправление речевых ошибок. Работа с лексическими синонимами на занятиях польского языка должна быть обеспечена системой специальных упражнений в пособиях, составленной на основе данных современной науки.

Методической основой построения такой системы является решение ряда задач по развитию речи, а именно: обогащение словаря студентов, обучение их нормам польского литературного языка, формирование умений и навыков связной речи.

Систематическая работа над синонимией способствует формированию у студентов речевого навыка, который поможет им приводить в действие весь запас языкового материала в зависимости от требований речевой ситуации.

Предлагаемая система упражнений, построенная на основе учёта многоаспектности языковой коммуникации, включает языковые, условно-речевые и речевые упражнения.

Комплекс языковых упражнений направлен на практическое освоение новых синонимических микросистем, выявление смысловых отношений между словами синонимического ряда, особенностей их лексической сочетаемости.

Система языковых упражнений включает:

а) аналитические задания опознавательного характера, предназначенные для развития студентов навыка выявления и нахождения лексических синонимов;

б) аналитические задания классификационного характера, предполагающие сформировать у обучаемых навыки в разграничении компонентов синонимической микросистемы;

в) конструктивные задания, предусматривающие действия по частичному изменению готовых высказываний некоммуникативного плана (вставка, замена, подбор, завершение текста).

I. Аналитические задания опознавательного характера

Спишите, подчеркните синонимы (близкие по значению слова).

II. Аналитические задания классификационного характера

1. Соедините слова с подходящими по смыслу названиями предметов.

2. Запомните синонимы. Какие из них обозначают сильный ветер, какие сильный ветер со снегом:

3. Выпишите близкие по смыслу:

а) глаголы; б) существительные; в) прилагательные.

4. С какими из синонимов-прилагательных могут сочетаться данные ниже существительные? Согласовать прилагательное в роде и числе.

5. Какой из этих синонимов обозначает наиболее быстрое движение? Придумать с этими словами предложения.

6. Расположить синонимы по возрастающей или убывающей степени. Подобрать к этим прилагательным подходящие по смыслу существительные.

7. Какой из двух синонимов употребляется в речи чаще?

III. Конструктивные задания

1. Заменить прилагательные в словосочетаниях близкими по смыслу и составить предложения:

2. Заменить слово "золотые" другим, близким по значению.

3. Выбрать подходящее по смыслу прилагательное.

4. Вставить подходящий по смыслу синоним:

5. Каким из слов, данных в скобках, можно заменить выделенное?

6. Составить предложения с данными синонимами.

Комплекс условно-речевых и речевых упражнений ориентирован на формирование умений и навыков использования синонимов в спонтанной речи в различных коммуникативных ситуациях.

Практика показывает, что наиболее эффективной является такая последовательность в системе упражнений с синонимами:

1) наблюдение над синонимическими рядами слов;

2) выделение (нахождение) синонимов в читаемых текстах, объяснения различия оттенков в их значении;

3) подбор синонимов, которые могут служить заменой данному слову и выявлении различий в их употреблении (сочетаемости);

4) активизация синонимов, то есть использование их в связной речи;

5) исправление речевых ошибок (замена неудачно употреблённого слова другим, синонимичным ему и более уместным в данном контексте)

Освоение лексической синонимии в учебном курсе польского языка является важной предпосылкой успешного овладения польской лексикой, обогащения словарного запаса, представления о лексико-семантической системе изучаемого языка, совершенствования навыков осмысленного и правильного словоупотребления.

Изучение лингвистической и методической литературы, анализ действующей системы обучения польскому языку показали практическую необходимость лингводидактического обоснования методики работы над лексическими синонимами.

Важность синонимической лексики в овладении польским языком, значимость знания законов безошибочного выбора синонима в зависимости от речевой ситуации обуславливают целенаправленность практической работы на занятиях польского языка.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ БЛОК ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЭКЗИСТЕНЦИИ В ТЕКСТЕ РОМАНА ДЖ. ГОЛСУОРСИ «СОВРЕМЕННАЯ КОМЕДИЯ» И ЕГО ОРИГИНАЛА J. GALSWORDY "A MODERN COMEDY"

И.А. Широких
(Барнаул)

Репрезентация бытийных смыслов в различных языках становилась объектом изучения лингвистов [1, 2]. В данной работе, рассматривая реализацию бытийной конструкции в тексте, мы предлагаем использовать функциональный блок предложений экзистенции (далее ФБПЭ). Представление экзистенции в тексте романа Дж. Голсуорси «Современная комедия» и его оригинале "A Modern Comedy", как нам известно, не попадало в поле зрения ученых. Необходимо заметить, что текст, который стал объектом исследования, – трилогия «Современная комедия» Дж. Голсуорси (произведение включает три романа: «Белая обезьяна», «Серебряная ложка», «Лебединая песня») – является вторичным, переводным. Данный фактор во многом обуславливает как использование бытийного предложения в тексте перевода, так и наличие (или опущение) его структурных компонентов (локализатор – бытийный глагол – имя бытующего объекта). Поэтому в процессе анализа функционирования экзистенциальной конструкции в русском варианте романа мы учитываем структуру английского предложения, которому соответствует бытийное высказывание во вторичном тексте, а также условия реализации предложений экзистенции, т.е. компоненты ФПБЭ.

В функциональный блок предложений экзистенции включаются следующие элементы:

1. *Ситуация.* «Текст дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, т.е. о некотором фрагменте мира, который мы именуем ситуацией» [3, с. 33]. Выделяются случаи, когда ситуация обеспечивает актуализацию значений языковых единиц – слова и предложения – актуализирующая роль ситуации. Референционная функция ситуации проявляется, когда ситуация выступает в качестве средства конкретной референции значения слова, предложения, в нашем случае предложения экзистенции. Ситуация может выступать в качестве средства создания и снятия имплицитности высказывая, реализуя свою пресуппозиционную роль.

2. *Контекст.* Контекст в данном случае вторичного, переводного текста зачастую не только способствует полному пониманию сложив-

шейся ситуации, но и предопределяет перевод бытийного высказывания.

3. *Композиционно-речевые и коммуникативные формы, в которых реализуется ФБПЭ.* Контекстно-вариативное членение текста в первую очередь разграничивает в нем два речевых потока – речь автора и речь персонажа. «Сигналами концепта» автора являются классические композиционно-речевые формы: описание, повествование и рассуждение. Правомерным кажется предположение, что бытийные предложения используются в большинстве случаев при описании. Это прежде всего описание макромира, которое зачастую сопряжено с дискрипцией микромира человека. Глаголы бытия являются универсальным признаком описания.

Чужая речь – основной конструктивный компонент структуры образа персонажа. К настоящему времени при исследовании голоса персонажей принято прежде всего разграничивать внешнюю и внутреннюю речь, а также собственно речевые формы их воплощения. В зависимости от способов включения в текст различают следующие конструктивные разновидности внешней речи: полилог, диалог, монолог, конструкции с прямой речью, конструкции с косвенной речью, несобственно-прямая речь. Предложения экзистенции являются одним из самых распространенных типов предложений. Есть основания полагать, что бытийные высказывания встречаются во всех разновидностях речевой партии персонажей и выполняют функцию их речевой характеристики.

Наряду с внешней, речевую партию персонажа составляет и его внутренняя речь. В.А. Кухаренко предлагает следующую типологию этого типа речи: поток сознания, внутренний монолог, аутодиалог, малые вкрапления внутренней речи [4]. Внутренняя речь зачастую используется для описания интеллектуального и эмоционального мира персонажей. Потрясение, неустойчивость, туманность перспективы, чувство разьединенности и сознание горестного итога как Англии, так и клана Форсайтов – «общества в миниатюре», – вот мотив и тон зачина «Современной комедии». Дисгармония внутреннего мира свойственна большинству персонажей трилогии, что находит выражение в их многочисленных внутренних монологах, где имеют место и бытийные предложения.

4. *Говорящий и слушающий.* Данный компонент функционального блока бытийных высказываний является факультативным, т. к. участие слушающего предопределено композиционно-речевой и коммуникативной формами, в которых реализуется ФБПЭ.

5. Коммуникативные регистры функционального блока предложений экзистенции.

Г.А. Золотова предложила текстовую категорию коммуникативных регистров, которая определяется типом репрезентируемой в тексте информации, грамматически и функционально [5]. Были предложены следующие коммуникативные регистры: репродуктивный (изобразительный), информативный, генеративный, волонтеративный и реактивный. Коммуникативная функция регистра связана с коммуникативной интенцией говорящего: дать описание чего-либо, повествовать о событиях, подвергнуть осмыслению или обобщению информацию, побудить к действию, выразить оценку. Можно предположить следующее: так как бытийные высказывания преобладают в описании и рассуждении, коммуникативными регистрами их реализации являются репродуктивный и генеративный.

Как упоминалось выше, русский вариант трилогии «Современная трагедия» является вторичным (переводным). Соответственно необходимо рассмотреть наиболее общие закономерности передачи экзистенции в русском тексте в сравнении с оригиналом. В английском языке сообщения о мире и его частях, взятых в плане их предметного содержания, создаются по бытийному типу, представленному вводно-бытийной конструкцией *there is*, а микромир человека изображен в виде его владений, т.е. используется глагол *to have*. Имеет место противопоставление принципов бытия и обладания. Использование экзистенциальных предложений для описания «большого» и «малого» миров составляет особенность переводного текста. Это различие оказывается закономерным в силу того, что русский язык представляет «быть-ориентированные» языки (*esse*-языки). Английский же язык является *habere*-языком. Если в *habere*-языках бытийный глагол занимает столь же важное положение в грамматической системе, что и посессивный, то в *esse*-языках глагол с семантикой *иметь* отодвигается на периферию (его синтаксическую нишу занимает глагол *быть*). Однако правило, определяющее употребление вводно-бытийной конструкции *there (be)* и посессивного глагола (*to have*) для передачи макро- и микромиров, соответственно имеет множество исключений. Последние, в свою очередь, можно определенным образом сгруппировать:

1) «обратная» передача макро-/ микромиров (микромир – *there (be)*, макромир (*to have*);

2) предложения с именным сказуемым (Subject – be – Noun/ Adjective/ Participle II, etc.), которые на русский язык переводятся бытийными высказываниями;

3) синтаксическая конструкция с эллизией вводного компонента *there*;

4) предложения с вводяще-бытийной конструкцией *there (be)*, которым в русском тексте соответствуют бытийные высказывания с лексикализованными и делексикализованными бытийными глаголами.

В данной работе, рассматривая реализацию бытийных предложений в переводном тексте с учетом компонентов ФБПЭ, мы подвергнем анализу те экзистенциальные высказывания, которым в оригинале соответствуют предложения с именным сказуемым. Именной частью могут выступать не только самостоятельные части речи, но и служебные (предлоги как часть идиомы). Именно эта группа предложений представляет наибольшую сложность, так как синтаксические модели предложений в английском и русском языках абсолютно разные.

"Dancing was graceful in those days; now it's all throwing your legs about. The faster you can move your legs, the more you think you are dancing" (Galsworthy J., *Swan Song*, p. 28).

– *В то время в танцах было изящество: это теперь вы только и знаете, что ногами дрыгать. Вы думаете, чем быстрее вы можете передвигать ноги, тем лучше вы танцуете.* (Голсуорси Дж. Лебединая песня, с. 23).

Употребление предложений экзистенции во вторичном тексте обусловлено различиями грамматического строя английского и русского языков. В английском языке наблюдается тенденция к номинализации, т.е. предпочтительнее именное сказуемое там, где в русском языке имеет место глагольное. Подтверждением этому служат и предложения, именным сказуемым которых являются идиомы.

"I know you're hard up? Grandfather; but I'd rather not have a Colliery, thanks. They are so expensive. Just give me your blessing" (Galsworthy J., *The Silver Spoon*, p. 186).

– *Я знаю, что у вас материальные затруднения, дедушка, но, право же, шахта мне не нужна; это требует больших расходов. Дайте мне ваше благословение, вот и все* (Голсуорси Дж. Серебряная ложка, с. 363).

Как известно, фразеологические сочетания в большей степени присущи разговорной речи. Приведенный выше пример – это диалог представителей аристократии, разговор Марджори Феррар с маркизом Феррар. Перевод идиоматического выражения *be hard up* «быть на мели» [6]. Но даже Марджори не может позволить себе столь «свободное» выражение, поэтому предложенный перевод с бытийным предложением более уместен.

Следующее бытийное высказывание включено во внутренний монолог Майкла Монта о назначении его поколения. В тексте оригинала используется идиома *be after smth.* – *What is he after?* – Что ему нужно?

We've chucked religion, tradition, property, pity; and in their place we put – what? Beauty? Gosh! And yet – we must be after something! Better world? Doesn't look like it (Galsworthy J., *The White Monkey*, p. 207).

Мы отрицаем религию, традицию, собственность, жалость; а что мы ставим на их место? Красоту? Ерунда! И все же какая-то цель у нас должна быть. Творить лучшую жизнь? Что-то непохоже (Голсуорси Дж. Белая обезьяна, с. 157).

В русском тексте трилогии употребление бытийного предложения *И все же какая-то цель у нас должна быть* объясняется контекстом. Сравнивая своего отца и «старого Форсайта» с современной молодежью, Майкл приходит к выводу, что первые все же имеют какую-то опору. Но что-то неладно у его современников. Жизнь бесцельна?

Редко использование предложений экзистенции во вторичном тексте объясняется невозможностью сделать дословный русский перевод английского именного сказуемого. Нельзя сказать *Ты темперамент для Куэ; Это фруктоворастающая страна* (приведенные ниже примеры).

"You know" Annette went on, "you are just the temperament for Coue, Soames" (Galsworthy J. *The White Monkey*, p. 226).

– *Ты знаешь, продолжала Аннет, у тебя идеальный темперамент для Куэ* (Голсуорси Дж. Белая обезьяна, с. 174).

Следующее употребление вопросительного предложения предопределено не только неприемлемостью дословного перевода *Что было английским типом среди этих бесконечных вариантов безобразия?* и последующим высказыванием, которое является ответом (на вопрос *где?*), но и самой конституацией. Молодой баронет Майкл Монт является фигурой, важной для понимания совершившихся и отмеченных в «Современной комедии» перемен. С него слетела сословная слесь, и он обеспокоен судьбой обездоленной Англии. Проходя по Ковент Гарден и рассматривая людей, он задается вопросом, можно ли найти в этой толпе истинного англичанина. «Его просто не существует» – пессимистический ответ Майкла.

And – Golly! – how their faces jutted, sloped, sagged and swelled, in every kind of featural disharmony. What was the English type amongst all this infinite variety of disproportion? There just wasn't one (Galsworthy J. *The White Monkey*, p. 128).

И какие у них лица – опухшие, унылые, искаженные, кривые; уродство в самых разнообразных вариантах безобразия? Его просто не существует (Голсуорси Дж. Белая обезьяна, с. 92).

Одной из особенностей функционирования бытийного высказывания во вторичном тексте романа является то, что зачастую локализатор (пространственный или личностный) определяется контекстом. Он вычитывается либо из последующих предложений, либо из предшествующих. Это объясняется тем, что бытийные предложения являются одним из грамматических средств формирования текстового пространства. Сама структура предложений экзистенций специализирована для пространственных отношений, ибо локализатор является ее обязательным компонентом.

He went out rueful, puzzled, lonelier even than when he went in. He was guidless, with no one to "put him wise". No directness and simplicity in this town (Galsworthy J. *The Silver Spoon*, p. 62).

Грустный, недоумевающий, он вышел, еще острее чувствуя свое одиночество. Не было в этом городе никого, кто бы ему помог. Все здесь запутано и сложно (Голсуорси Дж. *Серебряная ложка*, с. 265).

Таким образом, проводя анализ представления экзистенции в романе Дж. Голсуорси «Современная комедия» на материале оригинала и перевода, мы учитывали компоненты функционального блока предложений экзистенции. Зачастую контекст обуславливает употребление бытийных высказываний в переводном тексте, если в оригинале используется другая конструкция. Нередко предложения экзистенции являются частью диктемы рассуждения, внутренних переживаний героя. Различные типы бытийной конструкции используются в предложениях с несобственно-прямой речью. И тогда ситуация изображается изнутри, с позиции лица, ее непосредственно переживающего, а ее языковое выражение представляет собой слав речи персонажа и речи автора. Употребление переводных экзистенциальных высказываний в диалогах может определяться социальным статусом собеседников. В целом бытийные предложения доминируют в описаниях и рассуждениях, в результате чего есть основание говорить о сочетании репродуктивного и генеративного регистров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: бытийный тип. М., 1983. 198 с.
2. Воркунова И. И. Вводяще-бытийная конструкция в современном английском языке и ее роль в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 26 с.
3. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 215 с.
4. Кухаренко В. А. Интерпретация текста. М., 1988. 356 с.
5. Золотова Г. А. К вопросу о конститутивных единицах текста // Русский язык: функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1884. 382 с.
6. А. В. Кунин. Англо-русский фразеологический словарь. М., 1984.

РЕАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ФУНКЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫМИ РОССИЙСКИМИ СМИ НА РУБЕЖЕ 80–90-х ГОДОВ XX ВЕКА

Л.А. Южанинова

(Омск)

Среди основных функций журналистики исследователи выделяют коммуникативную, понимая ее как «одновременное восприятие огромной аудиторией сообщений СМИ, создание некой информационной общности, что облегчает установление контакта с незнакомыми людьми и закрепление связей со знакомыми» [1]. При этом с усложнением структуры внешнего мира, ускорением проходящих в нем процессов человек все больше зависит от информации, которая практически превращается для него в своего рода «вторую реальность» [2].

Являясь по сути коммуникативной площадкой, журналисты СМИ задают темы и стиль общения. При этом настоящий журналист-профессионал твердо знает ответы на три вопроса: что, как и зачем? То есть «о чем говорить», «как говорить» и «зачем говорить»? «Что» – это тематический план, «как» – инструментарий журналиста, а «зачем» – его мировоззрение. Рассмотрим с этой точки зрения реализацию коммуникативной функции региональных печатных СМИ Западной Сибири в 1989–1991 гг. Данный период выбран для изучения не случайно, поскольку именно в эти годы принципиально меняется многое – от статуса изданий до главных тем и способов их подачи.

За короткий период региональная пресса, вслед за общесоюзной (общероссийской), заняла диаметрально противоположные позиции по многим важным историческим, политическим, мировоззренческим и культурным вопросам. Проанализируем эти изменения с трех точек зрения.

1. Тематический план. Одна из главных установок, которая при содействии СМИ успешно внедрялась в массовое сознание, такова: многое, о чем говорилось вчера, – неправда, а то, что говорится и печатается сегодня, – правда, которую до сих пор скрывали.

Безусловно, необходимо признать, что в этом мнении есть доля справедливости. При существовании печати как «коллективного пропагандиста, агитатора и организатора» единственной коммунистической партии, часть фактов и тем вообще не появлялась на страницах печати, попросту замалчивалась или всегда подавалась под определенным углом. Так, в советской прессе периода 1980-х практически не обсуждалась тема репрессий в годы правления И.В. Сталина. Именно эта тема

стала ведущей в СМИ периода 1987–1989 гг., причем подавалась она исключительно односторонне. Большая часть информации, которую подавали региональные СМИ, представляли происходившее в Советском Союзе в 30–50-х годах как исключительно негативное, как время необоснованных репрессий, от которых пострадали достойные и невинные люди. Материалов, трактующих события 30–50-х гг. иначе, на газетной полосе просто не встретишь. Такой подход оценивается как, безусловно, односторонний. Публикации на тему «восстановления исторической правды и справедливости» занимали солидные газетные площади в самых многотиражных СМИ Западной Сибири. Как, к примеру, освещалась эта тема в газете «Алтайская правда» на протяжении месяца, показывает табл. 1.

Таблица 1

№	Дата	Газетная полоса	Название	Суть
23	28.01.89	1	В комиссии Политбюро ЦК КПСС	О рассмотрении дел «Еврейского антифашистского комитета» и реабилитации его участников
26	1.02.89	3	Дело врачей	Рассказ о барнаульских жертвах репрессий, медиках
28	03.02.89	3	Былое не зачеркнуть	Воспоминания ветерана КПСС и о его негативном отношении к Сталину
30	08.02.89	3	Закон: суров? Милосерден? Справедлив?	О работе комиссий по реабилитации жертв репрессий
38	16.02.89	3	Я выполнила свой долг...	Интервью-зарисовка о жене «врага народа» Доре Кузьминой

Такая частотность типична для региональных изданий Западной Сибири. Как подавала тему «сталинских репрессий» томская областная партийная газета «Красная знамя» в 1990 г., представлено в табл. 2.

При этом в указанный период ни в первом, ни во втором издании партийные идеологи ни разу не выступили с материалами, которые бы утверждали иную точку зрения.

«Новая правда» о прошлом подавалась на фоне растущего числа публикаций, которые активно расшатывали – существовавшие стереотипные представления о «достойном советском образе жизни» и «тяжелом существовании в мире, где правит капитал».

С этого момента фактически начинается активное формирование новых стереотипов в массовом сознании. Об одном из таких стереотипов – «капитализм как светлое будущее» – говорит В. П. Пугачев в статье «Средства массовой коммуникации в современном политическом

процессе»¹ Тон газетных материалов о США, ФРГ, других развитых капиталистических странах традиционно публикуемых в рубриках «Планета», «По материалам ТАСС и АПН», меняется с резко критического на нейтральный, а затем восторженно-позитивный.

Таблица 2

№	Дата	Газ. полоса	Название	Суть
41–42	17–18.02.90	10	Невольные томичи	Публикация списка реабилитированных граждан
64–65	17–18.03.90	11	Борьба с «кулачеством»	Публикация списка реабилитированных граждан
87–88	14–15.04.90	10	Судебные записки журналиста, Купчая из семейной шкатулки	О трагедии раскулачивания в селах Томского района
97	26.04.90	3	Трагедия школы баллистики	Безвинные жертвы сталинских репрессий в ученой среде
104–105	06.05.90	10	Расстреляны по разнарядке	О существовании «планов по репрессированным»
115–116	19–20.05.90	8	Не вставший на колени	Очерк о М. Рютине, создателе антисталинского союза «марксистов-ленинцев»

Вот примеры заголовков небольших корреспонденций, опубликованных в краевой газете «Алтайская правда» в рубрике «Планета».

1987 г. – прямо выраженная жесткая негативная оценка: «С клеймом сделано в Пентагоне»², «ФРГ: рвутся к ядерному оружию»³, «Прибыли американские наемники»⁴, «За фасадом «свободного мира» – чудовищное преступление ЦРУ»⁵.

1989 год – нейтральные темы, нейтральная, информационная подача: «Что едят американцы»⁶, «Контроль легко осуществим»⁷, «Население стареет»⁸.

¹ Вестник МГУ. 1995. Сер. 12. Политические науки. № 5.

² Алтайская правда. 1987. № 34. 10 февр.

³ Алтайская правда. 1987. № 35. 11 февр.

⁴ Алтайская правда. 1987. № 52. 3 марта.

⁵ Алтайская правда. 1987. № 53. 4 марта.

⁶ Алтайская правда. 1989. № 11. 13 янв.

⁷ Алтайская правда. 1989. № 15. 18 янв.

⁸ Алтайская правда. 1989. № 34. 10 февр.

В 1990 г. постепенно увеличивается количество публикаций, которые представляют мир крупнейших западных стран в исключительно положительном ключе.

Газета «Томская правда», 1990 г. (табл. 3).

Таблица 3

№	Дата	Газ. полоса	Название	Суть
20	24.01.90	3	Никто нас не засекречивал	Успешная работа центра американистики в Томском университете
22	26.01.90	1	Зимний автобан, или Почему зимник никак не может им стать	О плохом качестве временных зимних дорог и высоком качестве автомобильных дорог в Германии
35–36	10–11.02.90	7	Как учат студентов в США	О рациональном подходе к образованию в США, о возможности свободного выбора для студентов
118	23.05.90	3	Каникулы по-американски	Мальчику из Томска посчастливилось провести каникулы в США, восторженная оценка

Увеличение количества положительных публикаций о странах Запада идет одновременно с увеличением количества негативных публикаций о своей стране, регионе, людях. Все меньше материалов о достойных людях – рабочих, учителях, доярках, чудаках-изобретателях и так далее. Читателю перестали рассказывать на конкретных примерах о том, что мы – талантливый, изобретательный, добрый и открытый народ. Зато все чаще публикуются материалы о бомжах, проститутках, убийцах и так далее.

1991 г., «Алтайская правда»:

- «Волчья стая», очерк о женщинах-убийцах (№ 69–70, от 06 апр.);
- «Меня кольнуло в сердце», ночной криминальный репортаж (№ 208–209 от 19 окт.).

Другим крупным направлением «новых тем» стали публикации об НЛО, астрологии, парапсихологии и других любопытных вещах. Не оспаривая права на подобные публикации, отметим, что, на наш взгляд, место этих материалов на страницах журналов «Чудеса и приключения» и других подобных. В изучаемый нами период солидное количество публикаций появилось в областных, еще партийных газетах, к которым читатель сохранил доверие, которые выходили самыми большими в регионах тиражами.

Темы, которые «открыла» для своих читателей областная газета «Красное знамя» (Томск), представлены в табл. 4.

Таблица 4

№	Дата	Газ. полоса	Название	Суть
47–48	24–25.02.90	10	Русский космизм и НЛЮ	О философской и научной традиции в оценке НЛЮ
93–94	21.04.90	12	Кто-кто в теремочке живет	Полтергейст, домовые
146	13.07.91	1	Астрологи были правы	О предсказаниях астрологов
203	15.10.91	3	Доктор Цзян обещает бессмертие	О нетрадиционных способах лечения
211	26–27.10.91	7	Шиаци – японская терапия надавливания пальцем	О нетрадиционных способах лечения

Одновременно в некоторых изданиях тема возвращения исторической правды о «сталинщине» связывается с утверждением новых популярных тем. Так, в газете «Омская правда» публикуется материал, посвященный астрологии, – «Какова ты, звездная карта России?» В материале утверждается мысль о том, что репрессии Сталина коснулись и отечественной астрологии: «В 1929 году в Ялте проходила астрологическая конференция. После ее окончания Сталин пригласил всех астрологов на обед, а после него ученые исчезли бесследно»⁹. Очевидно, подчеркивая значимость подобной публикации, редакция опубликовала ее на 1-й странице.

2. Форма подачи материала. В анализируемый период заметно меняется язык, стилистика и формы подачи материала. От строгих, четких, превращающихся в штампы оборотов – «активизировать работу парторганизаций», «под постоянным контролем обкома», «поступательное развитие народного хозяйства» – журналисты переходят к ерническому стилю в заголовках, широкому использованию инвективной лексики, неуважительному или даже пренебрежительному отношению к собеседнику. Вот, к примеру, как подаются материалы в одном из августовских номеров «Независимой газеты» в 1991 г.:

- «плохому танцору всегда что-то мешает»;
- «и рыбку съест, и в КПЗ не сесть»;
- «говно».

Региональные издания не «отстают» от своих столичных коллег. Вот цитаты из сентябрьского номера областной газеты «Омская правда» в 1991 г.:

⁹ Омская правда. 1991. № 189. 1 с.

– «по галереям и палатам бродила необразованная деревенщина и матросня, беспечно бывшая дорогой фарфор и ломавшая мебель на дрова»;

– «у тех всякий раз отваливалась челюсть»;

– «заботливый ЦК, подобно классическому рабовладельцу оставлял рабам своим от пера ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы не умереть с голоду, прикрыть свою наготу и произвести себе подобных».

П. А. Лунев, исследовавший российскую прессу этого периода, так оценивает ситуацию: «...итак, однообразие вместо разнообразия, брань вместо мысли, разрушение вместо созидания»¹⁰. Причину этого он видит в «чрезмерной зависимости от внешней власти, которая не позволила перейти под власть собственной совести, собственных нравственных принципов, обрести подлинную свободу»¹¹. На наш взгляд, такая оценка вполне справедлива. Отсутствие собственных, внутренних четких жизненных установок у большинства российских журналистов стало одной из причин того, что, пройдя сквозь романтическую эпоху гласности, «российские СМИ дрейфовали к привычным функциям агитпропа»¹².

Обозначившиеся тенденции развития российских СМИ на рубеже 90-х привели к тому, что значительная часть изданий оказалась неэффективной коммуникативной площадкой. Многие региональные СМИ в середине 90-х вынуждены были сократить свои тиражи. По данным многих исследователей, сейчас рейтинг доверия к сообщениям российских СМИ заметно снизился. Последовавший вслед за этим период либерализации цен, другие экономические реформы окончательно решили судьбу многих российских изданий. Большинство СМИ сегодня в России попали в экономическую зависимость не от потребителя своего продукта – читателя, а от нового владельца. Именно новые владельцы российских СМИ теперь определяют правила на коммуникативном пространстве России и ее регионов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И. М. Российские СМИ в избирательной кампании: уроки эффективности. М., 1996.

2. Шерковин Ю. А. Психологические процессы массовых информационных процессов. М., 1973.

¹⁰ П. А. Лунев. От свободы хамства – к свободе слова // Журналист. 1992. № 1.

¹¹ Там же.

¹² Реснянская Л. Л. Топология СМИ в политическом пространстве постсоветской России // Вестник МГУ. 2002. Сер. 10. № 1.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ОРТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Л.И. Ярица
(Томск)

Цель статьи – рассмотреть возможности изучения ортологии как динамической системы.

Смена лингвистической парадигмы, связанная с переходом от структурной модели языка к коммуникативно-функциональной, усиление антропоцентрической направленности современной лингвистики, перенос акцентов с языковой системы на коммуникативный процесс, бурное развитие целого ряда речеведческих дисциплин обуславливают необходимость переосмысления концептуальных основ и таких традиционных отраслей знания, как культура речи.

Современная языковая ситуация в России характеризуется дестабилизацией литературных норм, усилением влияния на литературный язык субстандартов, снижением тональности общения, либерализацией нормативных требований в речи (что особенно заметно в средствах массовой информации и устной публичной речи). Возникает необходимость обратиться к таким основополагающим понятиям, как культура речи, нормированность, правильность речи [3, с. 28].

Культура общения – это культура мышления, психологическая культура общения, этика общения.

Мы рассматриваем культуру речи как центральную дисциплину прикладной филологии.

Культура речи – это:

1) владение нормами литературного языка в его устной и письменной форме, при котором осуществляется выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных задач коммуникации;

2) область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, разрабатывающая рекомендации по умелому пользованию языком.

Культура речи содержит в себе, таким образом, три составляющих компонента: нормативный, этический и коммуникативный.

Культура речи прежде всего требует безупречного владения литературной нормой. Выделяются орфоэпические, морфологические, синтаксические, словообразовательные и лексические нормы.

Человек является творцом языка. Этика общения, или речевой этикет, требует в определенных ситуациях соблюдения некоторых правил языкового поведения. Этический компонент культуры речи проявляет себя главным образом в речевых актах – целенаправленных речевых действиях, таких, как выражения просьбы, вопроса, благодарности, приветливости, поздравления и т.п. Речевой акт осуществляется по особым, принятым в данном обществе, в данное время правилам, которые определяются многими внелингвистическими факторами: возрастом участников речевого акта, официальными или неофициальными отношениями между ними и т.п.

В определении культуры речи существенную роль играет коммуникативный компонент. Он играет решающую роль в достижении целей общения. Культура речи в коммуникативном аспекте требует учитывать функциональную дифференциацию языка и прагматические условия общения. Каждая функциональная разновидность речи имеет свои особенности. Умение свободно, в соответствии с задачами общения, переходить с одной функциональной разновидности языка на другую – важный показатель культуры речи.

Если общепринятые нормы литературного языка обязательны для говорящего или пишущего, то коммуникативные правила организации текста достаточно гибки и всегда оставляют место для творчества, для проявления авторской индивидуальности.

С прагматической точки зрения речевой этикет представляет собой речевое действие (речевой акт): произнесение выражения равно совершению конкретного действия. Совокупность коммуникативно-семантических групп речевого этикета образует класс речевых актов-контактивов. Речевой этикет отвечает прагматическим принципам общения – принципу сотрудничества и принципу вежливости [6, с. 416].

С социологической точки зрения единицы речевого этикета отражают постоянные социальные признаки участников общения: их возраст, степень образованности и воспитанности, место рождения, воспитания и жительства, пол, а также переменные социальные роли (товарищ, пациент, милиционер и др.).

Стилистические свойства единиц речевого этикета тесно связаны с социолингвистическими факторами, поэтому выделяют социостилистические характеристики единиц речевого этикета: *Позвольте откланяться!* – стилистически высокое, свойственное интеллигентам старшего поколения; *Приветствую вас от имени...* – стилистически высокое, свойственное публичному общению; *Пока!* – стилистически сниженное, при общении с равным партнером, и др. Речевой этикет играет роль

социально-стилистического маркирования и регулирования отношений партнеров по общению.

Культурологический аспект речевого этикета связан с тем, что речевой этикет – неотъемлемый элемент культуры народа, его фоновых знаний, важная часть культуры поведения и общения, это продукт культурной деятельности человека и инструмент такой деятельности. В речевом этикете отразилась не только национальная специфика культуры, но и исторический опыт народа. В выявлении национальной специфики речевого этикета важен сопоставительный аспект, особенно при обучении иностранному языку или русскому как иностранному.

И культура речи, и речевой этикет являются составной частью ортологии.

Ортология – раздел языкознания, объектом которого является теория правильной литературной речи. Как динамическая система ортология изучена недостаточно. Понятие «ортология» связано с овладением нормами устного и письменного литературного языка – правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др. Современная ортология является частью учения о правильности речи, соблюдении норм русского литературного языка и тесно связана с проблемами нормализации языка на основе научного анализа закономерностей языкового развития. Термин «ортология» применительно к работам нормативного и нормализующего характера был введен О.С. Ахмановой, Ю.А. Бельчиковым, В.Ф. Беляевым, В.В. Веселитским и закрепился в отечественной лингвистической литературе в 60-х годах XX в. [6, с. 300].

Под термином «ортология» в современной лингвистике понимают разные дисциплины. В Большом энциклопедическом словаре (раздел «Языкознание») термин «ортология» отсутствует. Ортологию рассматривают как относительно самостоятельную дисциплину в рамках дисциплины «культура речи», поэтому в дальнейшем в нашей работе будем использовать по отношению к нормативному аспекту КР термин «ортологический аспект».

Культура речи тесно связана с понятием языковой нормы. Языковая норма – совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых в процессе языковой коммуникации. Норма как совокупность стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом, является специфическим признаком литературного языка. В более широкой трактовке норма трактуется как неотъемлемый атрибут языка на всех этапах его развития.

Нормативность проявляется в языке в двояком плане: 1) норма как совокупность реально используемых в языке лексем, словоформ, языковых конструкций; 2) норма как совокупность тенденций отбора и правил использования языковых средств. В понятие стабильности нормы входят следующие признаки: историческая устойчивость, традиционность нормы; некоторое ограничение возможных колебаний и вариантов, в разной степени реализуемое для разных сторон языка; относительное территориальное единообразие норм.

Однако литературная норма – это не только стабильный и унифицированный, но и значительно дифференцированный комплекс языковых средств, предполагающий сохранение целого ряда вариантов. Вариативность языковых средств обеспечивает функционально-стилистическую дифференциацию литературных языков.

Между литературной нормой и реальным употреблением языка всегда имеются расхождения, степень которых зависит от исторического этапа развития общества, его социальной структуры и от особенностей языковой ситуации. Система норм русского языка – неоднородные объединения, которые по-разному функционируют в обществе.

Ортология – наука, содержащая нормы, известные всем, и нормы, известные избранным; нормы «легкие» и «трудные»; нормы, обязательные для ряда стилей и для одного стиля. Систему норм необходимо дифференцировать по тому, как эти нормы воспринимаются носителями языка. В последние годы, когда человек рассматривается как центр функционирования языка, меняется отношение к нормам как к обязательному. Норма языка – категория социально-историческая по своей природе и динамическая по характеру функционирования и развития. Она стабильна и системна (поскольку прямо связана со структурой языка) и вместе с тем изменчива и подвижна. В ее реализации и закреплении (кодификации) большую роль играет стремление говорящих и пишущих к сознательному сохранению традиций в использовании языковых средств, в выборе вариантов и т.п.

Норма различается по степени устойчивости в разных уровнях языка и в различных условиях общения. В области орфоэпии система целиком определяет норму. В области лексики система не находится в таком тождественном отношении к норме. Содержательный план здесь господствует над планом выражения. Возникает проблема правильности, смысловой точности и стилистической уместности слова в высказывании. В области грамматики отношения системы и нормы строятся иначе: на первый план выступают модели и образцы (парадигмы) и критерий соответствия им речевых реализаций. В стилистике норма регулирует применение стилистически и экспрессивно окрашенных или ней-

тральных языковых средств в соответствии с содержанием и целью речи, условиями общения, тональностью высказывания, требованиями жанра и т.п.

По степени обязательности различаются нормы императивные (строго обязательные) и диспозитивные (восполнительные, не строго обязательные).

Нормы современного русского языка находятся в постоянном развитии. Норма языка – категория социально-историческая по своей природе и динамическая по характеру функционирования и развития. Она стабильна и системна (поскольку прямо связана со структурой языка) и вместе с тем изменчива и подвижна. В ее реализации и закреплении (кодификации) большую роль играет стремление говорящих и пишущих к сознательному сохранению традиций в использовании языковых средств, в выборе вариантов и т.п.

Объективные колебания литературной нормы обычно связаны с развитием языка, когда варианты являются переходными ступенями от устаревшей нормы к новой, служат средством унификации или, напротив, стилистической дифференциации языковых элементов. В тех случаях, когда варианты ничего не приносят в смысловом, стилистическом и других отношениях, говорят обычно о дублетах. Литературная норма стремится к освобождению от простых дублетов.

Развитие литературного языка есть, в сущности, становление, развитие и совершенствование его нормы в соответствии с потребностями общества и в силу внутренних закономерностей языковой эволюции. В понятие языковой нормы каждая историческая эпоха вносит свое содержание. Социальная основа литературной нормы зависит от того, какие социальные слои принадлежат к носителям образования в период наиболее активных процессов складывания литературной нормы; например, речь образованных его слоев – в противоположность неграмотной, искаженной речи необразованных людей. В период существования развитых национальных языков литературный язык как высший тип общенародного языка постепенно вытесняет диалекты и становится выразителем общенациональной нормы. При этом литературная норма претерпевает известные качественные изменения в сторону демократизации, принятия традиционно нелитературных средств (с полной или частичной их нейтрализацией).

Для ортологии «первостепенное значение имеет не только проникновение в основные законы бытия и функционирования языка, но и изучение характера и объема сознательного воздействия на его функционирование и развитие со стороны пользующихся им людей» [1, с. 96]. Принципиально важным представляется замечание о необходимости

поиска объективных критериев нормативности / ненормативности языкового факта, преодоления так называемого ортологического дидактизма (термин О.С. Ахмановой и др.) как причины появления научно не обоснованных, субъективных оценок и рекомендаций [2, с. 90].

Как видим, ортология генетически восходит к практической стилистике. Этим объясняется тот факт, что авторы рассматриваемой концепции, исходя из буквального значения термина (наука о правильной речи), называли в качестве предмета ортологии нормы речи, а не нормы языка. Понятие нормы речи наряду с понятием нормы языка встречается в литературе часто, иногда они употребляются как синонимы, иногда явно различаются. Анализ соответствующей литературы показывает, что под нормами речи могут пониматься: 1) стилистические нормы (Ю.А. Бельчиков); 2) коммуникативные качества речи (Б.П. Головин); 3) вообще нормы употребления языковых средств, понимаемые как ситуативно обусловленные, варьирующиеся от случая к случаю (А.А. Леонтьев, В.Г. Костомаров). Предпринимаются попытки вообще исключить понятие «нормы языка», заменив их понятием «речевые нормы». Такой подход вряд ли правомерен. Замена понятия «языковые нормы» понятием «речевые нормы» перечеркивает системную обусловленность нормы языка, выводит норму в сферу речи, что противоречит современной теории нормы [5, с. 336].

Развитие ортологических идей в 60–80-х годах продолжалось в русле культуры речи. Разрабатываемая в рамках данной дисциплины *теория языковой нормы* трактует норму как лингвистическую, социально и исторически обусловленную категорию. Теоретическое обоснование языковой нормы в сочетании с функциональным ее осмыслением формирует фундаментальные основы ортологических исследований и открывает перед ортологией действительно научную перспективу. Развитие социологических исследований также дало новый толчок к развитию данной дисциплины. В настоящее время ортологические изыскания составляют необходимый компонент нормализаторской деятельности. В ведении ортологии находится целый комплекс вопросов, связанных с теорией языковой нормы, нормализацией и кодификацией языка в разных сферах, с изучением «слабых участков» языковой нормы и «серых зон», речевых оценок и вкусов, с анализом отношения разных групп носителей языка к норме и кодификации. Данная область принимает во внимание не только функциональные, но и социальные, географические и другие факторы, существенные для нормативной оценки языковых явлений.

В практическом плане концепция ортологии нашла свое выражение в создании особого жанра словарей русского языка – нормативных сло-

варей и справочников, за которыми прочно закрепился термин “ортологические”. Под ортологическими словарями понимают словари, «служащие задачам совершенствования языка и речи, упрочению действующих норм литературного языка» [3, с. 257].

Создание словарей такого рода имеет большое значение для укрепления и распространения современных норм литературного языка. Ортологический словарь понимается как особый жанр нормативного пособия, обращенного к широкому кругу носителей языка.

Несомненно, предметом отдельного исследования должна стать проблема освоения норм речи отдельными носителями языка. Нормы на сегодняшний день отражают стихийные процессы изучения языка.

Итак, ортология как область лингвистического знания сформировалась на стыке стилистики (прежде всего стилистики ресурсов и функциональной стилистики) и культуры речи. Очевидно, что вопросы, связанные с языковой нормой и нормативной оценкой языковых фактов, имеют самое непосредственное отношение именно к области интересов культуры речи как дисциплины с мелиоративной направленностью.

В работах по культуре речи 60–70-х годов термин «ортология» употребляется не слишком часто. Однако в 80–90-е годы, когда становится очевидным, что проблемы языковой нормы не исчерпывают содержания науки о культуре речи, этот термин все более активно включается в научный обиход, причем соотносится он именно с проблемами языковой нормы.

Известны следующие трактовки понятия ортологии: 1) ортология – часть теории правильной речи, наука, изучающая литературные нормы – нормы употребления языковых единиц; 2) ортология – относительно автономное направление в рамках культуры речи, объектом которого является языковая норма, дисциплина, изучающая тенденции в развитии нормы и ограничивающая нормативные явления от ненормативных; 3) ортология – наука, изучающая формальную вариативность языковых средств; 4) ортология – теория правильной, нормативной речи, изучающая нормы коммуникации в широком смысле (включая функционально-стилевые (текстовые) и коммуникативно-прагматические нормы); 5) ортология – нормативное описание языка в широком смысле, включающее системно-функциональное его описание.

Мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой ортология представляет собой коррелят нормативного (ортологического) аспекта культуры речи, лингвистическую дисциплину, объектом которой является языковая норма, а предметом – современные литературные структурно-языковые нормы. В задачи ортологии как компонента культуры речи (а значит, дисциплины с мелиоративной направленностью) входят:

1) изучение феномена языковой нормы, закономерностей ее развития и функционирования, влияния на нее общественных процессов, отношения к ней носителей языка;

2) выработка параметров нормативной оценки языковых явлений, учитывающих данные системных, функциональных и социолингвистических описаний языка;

3) «пластически выразительная» кодификация структурно-языковых норм, и – шире – формирование предписаний и рекомендаций по использованию языковых единиц в речи.

Выводы:

1) Представление об ортологии – сложное и не исчерпывает все возможности.

2) В последние годы усиливается внимание к человеку как к творцу языка, и одновременно он, человек, подчиняется законам языка. В аспекте отношения современного человека к нормам речи ортология изучена недостаточно. Ортология как наука находится в стадии установления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы речи: Сб. статей / Под ред. В.Г. Костомарова и Л.И. Скворцова. М.: Наука, 1970. 404 с.
2. Ахманова О.С., Беляев В.Д., Веселитский В.В. Об основных понятиях «нормы речи» (ортология) // НДВШ. Филологические науки. М., 1965. № 4. С. 88–98.
3. Граудина Л.К. Ортология // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.
4. Жукова А.Г. Ортология и стилистика: проблема соотношения дисциплин // Русский язык на рубеже тысячелетий: Матер. докладов и сообщений. Т. 3. СПб., 2001. С. 19–25.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 687 с.
6. Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Дрофа, 1980. 704 с.

К ВОПРОСУ О СВЯЗИ ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЛИРИКИ З. ГИППИУС С КЛЮЧЕВЫМ КОНЦЕПТОМ «МОЛЧАНИЕ»

Т. Е. Яцуга
(Томск)

Цель данной статьи – выявить связь между жанровым своеобразием лирики З. Гиппиус и ключевым концептом в картине мира поэта.

З. Гиппиус сама определила жанр своих произведений, назвав их молитвами, «естественной и необходимейшей потребностью человеческой природы» [5, с. 16]. «С исчезновением молитвы, порыва исчезнет, перестанет существовать человек», – писала она в своих дневниках. К жанру молитвы обращались А.С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф.И. Тютчев, К. Рылеев (подробнее о жанре молитвы в XIX в. см. [1]). В их творчестве данные тексты единичны и отражают «определенный этап духовного самосознания поэта, когда творческий дар, поэтическое искусство находят воплощение в универсальной модели мировидения» [1, с. 13]. У З. Гиппиус жанр молитвы становится основным в творчестве, молитва оказалась не только формой диалога с действительностью, но и своеобразным «духовным поединком» с пороками окружающего мира. З. Гиппиус, отдавая предпочтение религиозно-философской проблематике, уже в начале своего творчества в предисловии к первому сборнику стихов начинает «культивировать молитву – как очень емкую и перспективную литературную форму» [4, с. 645]. В то же время, избрав жанр молитвы («моей» молитвы, «обособленной», «своеструнной» и поэтому для других ненужной [5, с. 17]), усложнив свои тексты религиозно-мистическими концепциями, она предчувствовала отчуждение от массовой читательской аудитории и обреченность на одиночество и неуслышанность в XX в.

М. Шагинян в книге о лирике поэта, вышедшей в начале XX в., сделала следующие подсчеты: из 161 стихотворения «более пятидесяти являются выражением отношения автора к Богу, прямого или косвенного, ...причем одиннадцать из этих стихотворений ...суть прямые – по форме и содержанию (курсив мой. – Т. Я.) – молитвы, сознательно облеченные автором в стихотворную форму» [9].

Тематическое содержание молитвы представляет собой обращение к высшим силам с просьбой о помощи и заступничестве.

В качестве основных *композиционных элементов* молитвы (формы) можно выделить следующие: **обращения к божественным силам**, к «надресату» [1, с. 20] (*Учитель, Защитник, Неведомый, Обиженный и*

т.д.); повторы лексические, морфологические, семантические; синтаксический параллелизм как распространенный способ «организации лирического движения мысли» [1, с. 26]; императивы (традиционно «молитвенные» глаголы: *дай, помоги, отпусти, сжался, сохрани*), лексические единицы с общим семантическим компонентом слабости, беззащитности (*наги, слабы, устали* и т. д.).

3. Гиппиус придерживается композиционного образца молитвы, отступления от первичного речевого жанра проявляются в характере адресации и в отсутствии одного из традиционных его элементов. Отступление от канонического жанра молитвы наблюдается в отказе от такого завершающего структурного элемента, как «аминь» («Аминь» – истинно, воистину, подлинно, верно и крепко» [6, с. 14]). Во-первых, такой финал стихотворной молитвы «обнажает эстетическую направленность поэтического текста» [1, с. 27]. Во-вторых, данная особенность придает молитве определенную открытость, незавершенность и связана с появлением в стихотворной молитве внешнего адресата – читателя (в «естественной» молитве единственный адресат – Бог). В связи с этим жанр в некоторой степени утрачивает присущую ему сакральность. В текст вводится игровой элемент, связанный со спецификой стихотворной молитвы, которая находится на стыке искусства и религии.

В жанрах «на протяжении веков их жизни накаплиются формы видения и осмысления определенных сторон мира» [2, с. 332], и некоторые аспекты духовной жизни человека (человек – Бог, смирение – бунт, грех, проблема самоотречения человека), так или иначе являющиеся предметом рассмотрения в произведениях разной жанровой ориентации, идейной направленности, в молитве обретают особую остроту и конфликтность. Эта напряженность духовного поиска, нравственного выбора требует особой «атмосферы» стихотворения – молчания, тишины.

Молитвенному дискурсу созвучно *молчание* как следствие соприкосновения с трансцендентным, с Богом. «Вербальный способ молитвословия сосуществует в религиозной практике с невербальным»: на пути духовного совершенства «стоит неминуемо безмолвие», духовная молитва [1, с. 15]. С одной стороны, молчание – состояние субъекта молитвенного действия, с другой – в молитвенном дискурсе молчание является позицией, занимаемой сверхадресатом, находящимся во «вневербальной парадигме коммуникации», т. е. «с позиции языкового кода он нем» [1, с. 14]. В молитве как акте коммуникации заложено отсутствие реакции над адресата, «своеобразная неуслышанность» молящегося. Коммуникативная ситуация, обыгрываемая в стихотворной молитве, наделяет над адресата особым состоянием – безмолвия, отстраненности.

У молчания и молитвы можно выявить не только философскую и коммуникативную общность, но и установить этимологическое родство данных понятий. Слова *молчание* и *молитва* сближаются на основе общего семантического компонента в значении – «мягкий», «смягчение». Историко-этимологический словарь определяет у слова *молчать* индоевропейскую базу *melek* (*mlk*): *mlak* – «мягкий», «слабый», «вялый» [8, с. 541]. В церковно-славянском словаре слово *молитва* трактуется как «просьба, прошение», и акцентируется внимание на корне слова *молит* (лат. *mollire* – *умягчать*), указывающем на то, что «молитва есть средство к *умягчению* разгневанного неба» [7, с. 314]. В молитвенном дискурсе мягкость, слабость предстают как смирение перед высшими силами. Таким образом, молчание и молитву объединяет *состояние* слабости, «умягчения».

Жанровое своеобразие лирики З. Гиппиус не исчерпывается молитвенным дискурсом, основной и наиболее значимой жанровой формой, как и творчество любого художника, пытающегося отразить противоречивость бытийного существования человека. Значимыми для понимания религиозно-философских воззрений поэта и характеристики его идиостиля являются жанры наставления и заклинания, отличающиеся от жанра молитвы своей структурой и коммуникативной направленностью.

Жанр наставления имеет не менее богатую традицию в русской литературе, чем жанр молитвы (жанр поучения в древнерусской литературе). В жанре наставления меняется характер адресата – это человек, обладающий меньшим знанием, чем автор. В связи с этими изменениями данная жанровая форма приобретает назидательный тон, публицистичность, утрачивает камерность, исповедальность. В жанре наставления от адресата ожидается реакция в виде немедленного свершения действия, такая особенность жанровой формы вполне соответствует немного высокомерной натуре З. Гиппиус.

Основную коммуникативную нагрузку в жанрах молитвы и наставления несут видовые различия глагола. Если в молитве в основном присутствуют императивы совершенного вида (*сохрани, дай, сжался, помоги, утешь*), соответствующие назначению молитвы («умягчение разгневанного неба» [7]), то в жанре наставления преобладают глаголы повелительного наклонения несовершенного вида (*молчи, храни*), придающие данной жанровой форме категоричность (приказ): «Императив несовершенного вида более конкретен. В нем волевой акт прямее и непосредственнее направлен на самый процесс. Поэтому обычно повелительное наклонение несовершенного вида выражает волеизъявление в более прямой, фамильярной форме, чем императив совершенного вида» [3, с. 484].

Как мы видим, дуальность мироощущения З. Гиппиус, раздвоенность ее сознания нашла свое отражение не только в контрастных по мировосприятию лирических произведениях, но и в двух жанровых формах различной коммуникативной направленности. Человек слабый, мучающийся своим несовершенством, ищет спасение в молитве; человек богоравный, обладающий тайным знанием, реализует себя в жанре наставления (мотив знания и богоизбранности в лирике З. Гиппиус – своеобразное развитие темы поэта-пророка в русской литературе). Уверенность поэта в своей избранности и праве поучать мир – одна из причин использования императивов. В жанре наставления лексические репрезентанты концепта «молчание» имеют в основном форму повелительного наклонения.

Таким образом, жанры молитвы и наставления, отражающие особенности мировоззрения З. Гиппиус, связаны с доминирующим в ее творчестве концептом «молчание» на основе философской и лингвистической общности. Данные жанровые формы различаются коммуникативной направленностью и характером адресации (двойная адресация молитвы). Особенности коммуникативной ситуации, связанной с молитвенным дискурсом, обусловлены проецированием высказывания в эстетическую и онтологическую сферы. В дальнейшем представляется перспективным изучение концептуальной картины мира поэта с учетом жанровой специфики его произведений, а также исследование регулятивных возможностей лексических средств в текстах молитв и наставлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасьева Э.М.* Русская стихотворная «молитва» XIX века: Антология. Томск, 2000. 240 с.
2. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
3. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
4. *Гарин И.* Серебряный век: В 3 т. Т.1. М., 1999. 720 с.
5. *Гиппиус З.* Необходимое о стихах // Гиппиус З. Лирика. Минск, 1999. 416 с.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1. М., 1998. 699 с.
7. *Полный церковно-славянский словарь* / Сост. Г. Дьяченко. М., 1993. 1120 с.
8. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. Т. 1. М., 1998. 622 с.
9. *Шагинян М.О.* блаженстве имущего. Поэзия З. Н. Гиппиус. М., 1912. С. 11.

НАШИ АВТОРЫ

Аввакумова Евгения Александровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета

Анищенко Ольга Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова

Белая Елена Николаевна – ст. преподаватель кафедры французского языка Омского государственного университета

Бирюкова Елена Александровна – аспирант кафедры русского языка Московского государственного педагогического университета

Болотина Юлия Николаевна – аспирант Института филологии СО РАН

Бохонная Марина Евгеньевна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета

Васенко Ирина Сергеевна – аспирант кафедры общего и исторического языкознания Алтайского государственного университета

Ван Лян – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. Герцена

Владацкая Марина Витальевна – ст. преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета

Вычужанина Елена Владимировна – соискатель кафедры русского языка Томского государственного университета

Демидова Татьяна Александровна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Довгель Тамара Владимировна – соискатель кафедры русского языка Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Домбровская Мария Владимировна – аспирант кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета

Ефанова Лариса Георгиевна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета

Жакупова Айгуль Досжановна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего языкознания Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова

Жукова Арина Геннадьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общей филологии Новосибирского государственного технического университета

Жураковская Нелли Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Кузбасской государственной педагогической академии

Злыдённая Татьяна Александровна – ст. преподаватель кафедры русского языка Уральского государственного педагогического университета

Зуева Татьяна Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Уральского государственного педагогического университета

Игнатенко Светлана Александровна – ассистент кафедры исторического языкознания Омского государственного университета

Кадола Татьяна Александровна – аспирант, ассистент кафедры общего и русского языкознания Барнаульского государственного педагогического университета

Казакова Ольга Анатольевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета

Князькова Татьяна Викторовна – студентка Кемеровского государственного университета

Козина Ольга Михайловна – м.н.с. отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Козловская Татьяна Николаевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Кокшарова Наталья Геннадьевна – соискатель кафедры русского языка Томского государственного университета

Кочетунова Наталья Александровна – преподаватель кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета

Крупениникова Валерия Александровна – аспирант кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета

Кузнецова Елена Сергеевна – аспирант Института филологии СО РАН

Кунгушева Ирина Александровна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры русской филологии Амурского государственного университета

Курикова (Иванова) Наталья Владимировна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Леонова Ирина Борисовна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, преподаватель кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета

Лукиянова Нина Александровна – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Новосибирского государственного университета

Мальцева Марина Юрьевна – аспирант кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета

Мандрикова Галина Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры общей филологии Новосибирского государственного технического университета

Маркелова Елена Владимировна – аспирант, ст. преподаватель кафедры русского языка Новосибирского государственного технического университета

Медведева Татьяна Михайловна – аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета

Михайлова Ольга Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Михалёва Ольга Леонидовна – ст. преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета

Мороз Евгения Васильевна – соискатель кафедры русского языка Томского государственного университета

Никонова Марина Николаевна – ст. преподаватель кафедры философии и социальных коммуникаций Омского государственного технического университета

Нурушева Сайрангуль Жанабаевна – преподаватель Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова

Пак Ирина Яковлевна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Пономарёва Елена Николаевна – аспирант, ст. преподаватель кафедры русского языка и литературы Института языковой коммуникации Томского политехнического университета

Прибытова Лариса Валентиновна – аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета

Реморов Иван Александрович – канд. филол. наук, ассистент кафедры древних языков Новосибирского государственного университета

Рыбникова Елена Евгеньевна – канд. филол. наук, доцент кафедры исторического языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета

Рябинина Наталья Александровна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета

Сайкова Наталья Владимировна – канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры современного русского языка Алтайского государственного университета

Саржина Оксана Владимировна – ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета

Сидорович Зоя Зигмундовна – аспирант кафедры русского языка Гродненского государственного университета им. Я. Купалы

Сокорова Ольга Викторовна – аспирант Института СО РАН

Стрыгина Ольга Владимировна – аспирант кафедры стилистики и риторики Кемеровского государственного университета

Ташлыкова Марина Борисовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Иркутского государственного университета

Трубникова Юлия Витольдовна – канд. филол. наук, доцент кафедры современного русского языка Алтайского государственного университета

Фокина Ольга Владимировна – аспирант кафедры русского языка Московского государственного педагогического университета

Чирик Наталья Анатольевна – аспирант кафедры русского языка, ст. преподаватель кафедры романо-германской филологии Томского государственного университета

Шамигожина Кульзия Карымсаковна – ст. преподаватель Кокшетауского государственного университета им. Ш.Ш. Уалиханова

Широких Ирина Алексеевна – аспирант кафедры стилистики Алтайского государственного университета

Южанинова Лариса Александровна – ст. преподаватель кафедры информационных технологий в СМИ и PR Негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Омского гуманитарного института

Ярица Людмила Ивановна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета, ст. преподаватель кафедры русского языка как иностранного Института международных отношений Томского политехнического университета

Яцуга Татьяна Егоровна – аспирант, ассистент кафедры современного русского языка и стилистики Томского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лукьянова Н.А.</i> Похвальное слово томской диалектологической школе	3
<i>Авакумова Е.А.</i> Морфемно-derivационная деятельность как основа интуитивной орфографической деятельности (на материале эксперимента с детьми 6–7 лет).....	6
<i>Анищенко О.А.</i> Наименования игр, шуток и развлечений в школьных жаргонах XIX века (на материале мемуарно-художественных текстов).....	13
<i>Белая Е.Н.</i> Концепт «радость» в русской языковой картине мира (обзорно-иллюстративный очерк).....	20
<i>Бирюкова Е.А.</i> Использование сокращений в революционный период.....	28
<i>Болотина Ю.Н.</i> Двухактантная модель простого предложения со значением речевой деятельности.....	31
<i>Бохонная М.Е.</i> Специфика реализации семантики «защита» в лирической песне (на материале единиц, называющих предметы одежды).....	39
<i>Ван Лин. Л.Н.</i> Толстой и афоризм.....	46
<i>Влавацкая М.В.</i> Сочетаемость как потенциал синтагматики речи (лексикографический аспект).....	52
<i>Владимирова С.В.</i> Значение природных образов в семантическом пространстве «внутреннего» человека в поэзии С. Есенина.....	60
<i>Вычужанина Е.В.</i> О двух типах словарной дефиниции и отношениях лексической мотивации.....	68
<i>Демидова Т.А.</i> Образные единицы в речи героя (на материале произведения В. Астафьева «Царь-рыба»).....	74
<i>Довгел Т.В.</i> Словарь кинем художественной картины мира И.А. Бунина.....	77
<i>Ефанова Л.Г.</i> К вопросу о категориальном статусе нормы (на примере нормы безгрешности и нормы праведности).....	83
<i>Жакупова А.Д.</i> Особенности «номинативной триады» в польском и казахском языках (на материале наименований животных).....	90
<i>Жукова А.Г., Мандрикова Г.М.</i> Фразеологическая агнонимия (опыт экспериментального исследования).....	96
<i>Жураковская Н.В., Корнильцева Т.Н.</i> Опыт тематического словаря православных праздников.....	104
<i>Злыденная Т.А.</i> Диалектные глаголы с включёнными актантами (на материале среднеуральских говоров).....	114
<i>Зуева Т.А.</i> Пословицы о человеке как отражение системы нравственных ценностей русского народа.....	118
<i>Игнатенко С.А.</i> Некоторые особенности предупредительного вокализма тарского старожильческого говора (по результатам эксперимента).....	122
<i>Кадоло Т.А.</i> Конфликтная основа ситуативных ментальных глаголов.....	125
<i>Казакова О.А.</i> Изучение диалектной языковой личности: жанровый аспект.....	130
<i>Князькова Т.В.</i> Риторическая функция судительного нарратива (на материале речи А.Ф. Кони «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой её мужем»).....	138
<i>Козина О.М.</i> Межязыковое влияние на диалектном уровне (на материале лексики старообрядческих диалектов Забайкалья).....	145

<i>Козловская Т.Н.</i> Социальные модусные смыслы как объект изучения в лингвистике.....	151
<i>Кокшарова Н.Г.</i> Пропозиция чувства в языке диалектной личности.....	159
<i>Кочетунова Н.А.</i> Степень сохранения акциональности в отглагольных существительных и ее влияние на трансформационный потенциал конструкций с девербативами.....	163
<i>Крупениникова В.А.</i> Стативы. Грамматический аспект.....	171
<i>Кузнецова Е.С.</i> Модели простых предложений с каузативным значением.....	178
<i>Кунгушева И.А.</i> Утрата внутренней формы слова и её обусловленность лексическими преобразованиями в языковой системе.....	185
<i>Курикова (Иванова) Н.В.</i> Диалектная картина мира: отражение традиционных культурных ценностей.....	191
<i>Леонова И.Б.</i> Метафора в лексической структуре поэтических текстов Н. Гумилева.....	196
<i>Мальцева М.Ю.</i> Суггестивная значимость образа посредника при определении позиций говорящего и слушающего в текстах заговоров.....	203
<i>Маркелова Е.В.</i> Когнитивный аспект систематизации семантических субъектов (на материале пословиц о труде и лени).....	210
<i>Медведева Т.М.</i> Тематическая группа «наименования человека по профессии и роду занятий» в интерпретации носителей сибирского диалекта.....	217
<i>Михайлова О.С.</i> Роль мотивации в организации стихотворных текстов (на материале поэзии Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского, Е. Евтушенко).....	221
<i>Михалёва О.Л.</i> Языковые способы манипулирования сознанием в политическом дискурсе.....	225
<i>Мороз Е.В.</i> Процесс именования объектов в Томске в XVII веке.....	232
<i>Никонова М.Н.</i> О понятиях «техника», «технический фрагмент картины мира», «техносфера» и «технизм» (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира).....	239
<i>Павлова А.А.</i> Место концепта «Я» в концептосфере «История семьи».....	245
<i>Пак И.Я.</i> Образное семантическое поле дерево / растение.....	248
<i>Пономарёва Е.Н.</i> Клише научного стиля в зеркале ассоциативных связей.....	253
<i>Прибытова Л.В.</i> Метафорическое моделирование действительности в терминологии профессионального языка шахтёров.....	260
<i>Реморов И.А.</i> «Достоинство языка» как особенность Синодального перевода Нового Завета (на материале редакторской правки митрополита Московского Филарета).....	268
<i>Рыбникова Е.Е.</i> Категория совместности в истории русского языка и русской духовности.....	275
<i>Рябинина Н.А.</i> Восприятие образного основания фразеологизмов (по данным психолингвистического эксперимента).....	278
<i>Сайкова Н.В.</i> О факторах, обуславливающих деривационное функционирование слова в тексте.....	283
<i>Саржина О.В.</i> Инвектива в социокультурном контексте.....	292
<i>Сидорович З.З.</i> Роль глагольного слова и его производных в реализации когезии в новеллах А.П. Чехова.....	298
<i>Соколова О.В.</i> Модель передачи информации $N_i^{Adm} V_j^{Voc} N_A^{Adr} o N_o^{Del}$	306
<i>Стрыгина О.В.</i> «Языковая категоризация» с позиции когнитивно ориентированной концепции Л.С. Выготского.....	310
<i>Ташлыкова М.Б.</i> Синтаксический дериват параметрического прилагательного: семантические эффекты субстантивной транспозиции.....	314

<i>Трубникова Ю.В.</i> Анализ условий актуализации детерминированности формально-семантических связей в тексте.....	323
<i>Фокина О.В.</i> Анекдот на газетной полосе.....	327
<i>Чижик Н.А.</i> Сопоставительный аспект анализа типов мотивированности слов предметно-бытовой лексики русского и немецкого языков.....	332
<i>Шамигожина К.К., Нурушева С.Ж.</i> Система языковых упражнений при освоении синонимов польского языка.....	338
<i>Широких И.А.</i> Функциональный блок предложений экзистенции в тексте романа Дж. Голсуорси «Современная комедия» и его оригинала J. Galsworthy «A Modern Comedy».....	341
<i>Южанинова Л.А.</i> Реализация коммуникативной функции региональными российскими СМИ на рубеже 80–90-х годов XX века.....	347
<i>Ярица Л.И.</i> К вопросу о понятии ортологии в современной лингвистике.....	353
<i>Яцуга Т.Е.</i> К вопросу о связи жанрового своеобразия лирики З. Гиппиус с ключевым концептом «молчание».....	361
Наши авторы.....	365

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

Выпуск 2

Часть 2

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 85-летию томской диалектологической школы и 125-летию
Томского государственного университета
(Томск, 21–23 октября 2003 г.)

Редактор *В.Г. Лихачева*
Технический редактор *Р.М. Подгорбунская*
Компьютерная верстка *Г.П. Орлова*

Лицензия ИД № 04617 от 24.04.01 г. Подписано в печать 10.01.2004.
Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная №1. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл.печ. л. 21,62; уч.-изд. л. 22,44; печ.л. 23,25. Тираж 200 экз. Заказ № 65

ФГУП «Издательство ТГУ», 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Фёдоров», 634003, г. Томск, Октябрьский взвоз, 1

Томский госуниверситет 1878

Научная библиотека 00444079